

Сатиры и Юмора России

Сатиры и Юмора России XX века

Марк Розовский

Шк. 100
" Образ Баби-Яги - персонаж

План:

~~Первое Рук. I.~~ Вегет. История

~~Второе Рук. II.~~ Чл. табл.
представительский
Черты

1. Положи.

- а) сила, мощь,
- б) ~~еще раз сила~~
- в) ~~еще и еще раз~~

и 2.) вера в *

2. Отрицат.

- а) трусость
- б) ~~еще раз трусость~~
- в) пром. - несправ.
- и д) несправ. 2) К

~~Третье Рук. III.~~ Закл. Бабузм

Бабы крошечного
времени

xxx

Бабы в ТЕ ЕЩЕ раз.

Показ ~~того, что~~, Бабы-Яны-яркие
Тайных сил.

Бабы-Яны:

~~тоже~~ ~~просто~~ мудрости,

са связь с народом
~~будущее~~ будущее.

тупость

^{3м}остаяная нога!

и-Янизм в НАШИ дни. ~~и~~

Шк. 10

"Образ Бабы-Яги - перевод"

План:

~~Первое Рук. I. Вступ. Клет~~

~~Втор. Рук. II. За. 725б.~~
представительницей
Черты

1. Положиб.

- а) сила, мощь,
- б) ~~еще раз сила~~
- в) ~~еще и еще раз~~

и 2.) вера в

2. Отрицая.

- а) грусть
- б) ~~еще раз грусть~~
- в) прощанье - неспина
- и ~~и неспина~~ 2) К

~~Третье Рук. III. Закл. Бабы~~

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Ma P^{re} Robert R. -

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Марк Розовский

Москва «ЭКСМО» 2007

УДК 82-7
ББК 84(2 Рос-Рус)6-7
Р 65

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Марк Розовский

Серия основана в 2000 году

С июня 2003 г. за создание «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» издательство «Эксмо» — лауреат премии международного фестиваля «Золотой Остап»

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурлович

Главный редактор, автор проекта *Юрий Кушак*

Дизайн обложки *Ахмед Мусин*

Фотоматериалы — из личного архива автора

Розовский Марк

Р 65 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 51 /
Марк Розовский. — М.: Эксмо, 2007. — 624 с.: ил.

УДК 82-7
ББК 84(2 Рос-Рус)6-7

ISBN 978-5-699-19240-3 (Том 51)
ISBN 978-5-04-003950-6

© Марк Розовский, текст, 2007
© Ю. Н. Кушак, составление, 2007
© ООО «Издательство «Эксмо»,
оформление, 2007

Содержание

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА	9
Вместо автобиографии	15
Автобиография (в цифрах)	21
ВЕЩИЧКИ	23
Следы на виду	25
Школьное сочинение	30
Диспут	34
С кого вы пляшете балеты?	38
Вариация на тему «Красная Шапочка»	42
Доля секунды	45
Круглая цифра	50
Слава	54
Восстание Женской плоти	57
Дверь	61
Физиики	65
Симпозиум в Почесайске	69
Я сделал все, как просил редактор	78
Автоответчик	80
Уралец	85
Проба	90
На рынке	95
Жогло	101
Пока часы не пущены	107

Музыка будущего	114
Сладкая фамилия	118
Как г-н Жириновский в театр не пришел	122
Покупка трубы	130
Синдром Брежнева	140
Процесс выживания	146
Кто ху есть?	151
Инфляция	155
Остаточный принцип нашего бюджета	158
Фабрика генералов	160
Расстрел	165
Дегустация	169
Максимум и минимум	173
Прейскурант	177
Нострадамус-97	180
Кудыкина гора	186
Торг	189
Взрыв	193
Прощай, оружие	197
Аренда	203
Выбранные места из разговора	
Белинского с Гоголем	210
Посвящается Ю. Киму	215
Разговор со Станиславским	217
Призрак зюганизма	221
Росвооружение	226
Нефть	231
Новый срок	236
Поэма абсурда	239
Одесское	241
Догнать и перегнать	246
Слёха	250

Дискуссия о смертной казни	253
Заказ	256
Звон	259
Собеседование	264
Насморк	267
Фюрер	269
«Круглый стол» о Гитлере	275
Русское кино	281
Упподром	286
Охота на Рабиновичей	291
День смеха	296
ДВУШКИ	303
ПАРОДИЙКИ	373
ТОРМАШКИ	413
Про гвоздь	415
Коровья статистика	417
Он	419
Голубь	420
Любовь в XX веке	424
Афоризм	426
Шли двое по шоссе	428
Два палача	430
Про мальчика, который любил плевать с балкончика	435
Стройка	438
Хренотень	440
Вася, живи!	444
Тиран и его кошки	453

Старый осел	456
Кто-то кого-то кому-то	459
Про бабу	462
Тип	465
Дедушка и смерть	468
Последствия	471
Горемыки	473
Наша экология	477
Несымо в гозету «Зафтра»	479
Оазис	480
Летающие топоры	482
Ахромей	486
Мордобои	490
Про лекарство	493
Времена года	495
Две деревни	497
Будьте здоровы	498
Феминизм	501
Презентация шишки	503
Нам не дано	506
Новогодняя история	508
Мойша	511
Строим элитное жулье	514
Эксклюзив	516
Закон о языке	518
ШТУЧКИ	521
И по травке босиком...	621

Ванька-встанька

Так называл Марка Розовского наш общий учитель по классу драматургии Алексей Николаевич Арбузов. Он имел в виду театральную судьбу Марка, но это касается всей его линии жизни. На поверхности она может выглядеть ломаной, зигзагообразной, с причудливыми извивами и неожиданными поворотами. Но ее подземный, подводный, что ли, вид — абсолютная прямая. Выйдя из точки А Розовский непременно приходит в точку Б. Один чиновник, управляющий культурой, когда-то сказал о нем так: «С Розовским невозможно иметь дело, что-то ему пытаешься втолковать, он кивает, а потом делает все по-своему. Беспринципный человек!» По сути, Арбузов говорил то же самое, но — с восторгом: «Я восхищен ванькизмом-встанькизмом Марка!» В этом термине можно увидеть вообще судьбу скомороха (читай: сатирика) в России. Сколько бы толстый городской ни лупил Петрушку по голове, он снова и снова появляется над ширмой кукольного театра.

Студию «Наш Дом», которую Марк вместе с Аксельродом и Рутбергом основал, закрывают — бац! — удар... В журнале «Юность» публикуется пародия Розовского «С кого вы пляшете балеты?», тут же с трибуны съезда ее разносит «румяный комсомольский вождь» Павлов — бац! — нокдаун...

Розовский участвует в нонконформистском альманахе «Метрополь», вышедшем на Западе, — бац! — нокаут... Но каждый раз Марк поднимается и снова готов к бою. Наконец, выбившееся из сил начальство машет рукой — оставьте этого Розовского, ну его к бесам, пусть делает, что хочет. И по сей день он занят исключительно этим.

В юморе фигура Марка Розовского занимает особое место, он существует там в двух ипостасях: во-первых, как писатель, автор острых юмористических рассказов и злых сатир, во-вторых — как деятель жанра. В начале шестидесятых происходил знаменательный литературный процесс: в уголках сатиры и юмора, которые имели тогда почти все газеты и журналы, стали появляться новые молодые авторы, вышедшие из студенческих капустников. Как раз в это время Розовский, работая в уже тогда знаменитом журнале «Юность», собрал этих еще незначительных авторов вокруг себя и своего отдела сатиры и юмора с незамысловатым названием «Пылесос». Почти все нынешние классики жанра были в этой компании: Арканов, Горин, Хайт, Курляндский, Успенский... Сам Розовский к этому времени уже имел литературное имя и опыт публичных выступлений, кроме того, в этой когорте он единственный, кто имел гуманитарное образование, и бывшим технарям были полезны замечания и советы такого редактора.

В те золотые и жестокие времена юмористы одной сплоченной компанией шли на штурм цензурных барьеров. Предметом особого спорта тогда было автору написать, а редактору пробить произведение, в котором начальство видело лишь безобидную тему, а после публикации выяснялось,

что в подтексте скрыто нечто большее. Так произошло с пародией на школьное сочинение «Бабизм-ягизм в наши дни». На долгие годы она стала визитной карточкой Розовского, менялись поколения школьников, а смех в зале, когда он читал пародию, не утихал. Это произведение даже снискало академические лавры: в своей книге «Живой, как жизнь» маститый Корней Чуковский анализировал «Бабизм-ягизм» как яркий пример новояза. Усложнялись времена — усложнялся и юмор. Сохраняя внешние смеховые качества, он становился более глубоким. Марк был одним из первых, кто за отдельным смехотворным фактом пытался разглядеть систему со всем ее идиотизмом и опасностью для жизни. Это было уже серьезно. Есть у Розовского цикл рассказов «Тормашки», а в нем миниатюра «Про гвоздь», с нее, кажется, цикл и начался. Рассказик вроде бы на фельетонную тему — о воровстве. Начиная со стандартной и даже невинной для России ситуации: украли гвоздь, автор постепенно доводит ее до гротеска. И вот уже — украли завод, и ничего, страна живет дальше, потери не заметив... Тут уже гротеск переходит в «гротеск» — слово ругательное в устах редактора, от которого зависела публикация. Поэт Борис Слуцкий, которому рассказ понравился, подарил Марку большой гвоздь и сказал, что если он и впредь будет писать так, то тяжелая жизнь в искусстве ему гарантирована. Как в воду глядел... Однако в качестве постскриптума заметим, что по прошествии времени фраза «украли завод» потеряла привлекательность фантастики и перешла сегодня в рубрику скучных теленовостей. «Гротеск», еще в прошлом веке так смело подмеченный прозорливым автором, стал бытом. Примерно в эти времена «Литературная газета» учредила премию

«Золотой теленок» за лучший рассказ года, и дважды Розовский становился ее лауреатом.

Постепенно юмор и сатира переставали быть лишь наполнителями уголков в конце печатных изданий и все больше и больше обнаруживали в себе качества литературы.

Даже родился такой термин — «ироническая проза», который, сдается мне, был придуман Василием Аксеновым, во всяком случае, он был для нас эталоном.

Розовский написал несколько таких рассказов, но полнее всего новое литературное качество писателя проявилось в пьесе «Целый вечер как проклятые», где абсурдистский юмор и его спутник юмор черный, варьируясь и сгущаясь, превращали одноактовку в философскую притчу о механичности и пошлости нашего бытия. Это была первая советская (дело было аж в 1962 году) пьеса театра абсурда, написанная на современном отечественном материале. Абсурдистский театр у нас был побируем и искореняем, но как никакой другой годился для показа советского образа жизни. Муж и Жена приходили в гости к Супругу и Супруге, и начинался треп на любые темы: о сослуживцах, о телевидении, о продуктах, о деньгах... Стремительный диалог приобретал некий ритм, обесмысливался бесконечными повторами, идиотическими паузами, лихорадочными ускорениями. На глазах живые люди становились какими-то призраками, зловещими фантомами — без лица, без судеб, без чувств. Авторам, которые вслед за Розовским пробовали писать подобные пьесы, редакторы и завлиты возвращали их со словами: «Это Ионеско какое-то». Сравнение с королем теат-

ра абсурда для любого драматурга было бы почетным, у нас оно звучало приговором. Но в студии «Наш Дом» спектакль успешно шел в режиссуре автора, пьесу поставили в Польше, еще где-то за границей... Розовский стал известным драматургом.

Конечно, Марк — прежде всего человек театральный. Он основал несколько театров, его «История лошади» обошла полмира, игралась на самом Бродвее, «Амадей» с Табаковым уже двадцать пять лет идет во МХАТе... Но это мы побережем для «Театральной антологии». Розовский композитор и певец, дает сольные концерты, — что оставим для «Музыкальной энциклопедии»... Из всего этого нам важно одно: Марк — человек игровой, что отчетливо видно в его юмористических произведениях, коими, кроме рассказов, пародий, фельетонов, являются и две его знаменитые литературные мистификации: Галка Галкина в журнале «Юность» и Евгений Сазонов в «Литературной газете». Якобы наивная девочка с ядовитым язычком и надутый классик советской литературы, по одной «самовитой» фразе, но в каждом номере газеты печатающий свой безразмерный роман «Бурный поток». Живые персонажи со своими характерами, лексикой, манерой поведения — хоть сейчас на сцену!.. Однажды Розовский написал для «Литературной газеты» фельетон о столетии изготовления стульев мастера Гамбса, которые, по утверждению Ильфа и Петрова, были изготовлены именно 1 апреля 18.. года. В связи с этим Марк предложил ввести в обиход День смеха. С тех пор Первое апреля стало всесоюзным праздником, а юмористы были приравнены к металлургам, строителям, рыбакам... «Юморина» тоже родилась из этого всенародно поддержанного почина.

Был у нас с Марком наш общий друг писатель Фридрих Горенштейн, который при каждой встрече вместо «здравствуй» говорил мне: «Ну, что Розовский?» Я думаю, задавал он этот вопрос, потому что за Марком трудно было уследить: не видишь его месяц, неделю, несколько дней, глядь — а он уже другой, затеял что-то совершенно новое... Горенштейн уехал в эмиграцию, мы не виделись лет десять, и, когда я наконец попал в Западный Берлин и позвонил ему по телефону, первое, что я услышал... Фридриха уже нет, видимся мы с Марком теперь реже, чем раньше, никогда, собственно, не расставались, и теперь, встречая наших друзей, уже я спрашиваю: «Ну, что Розовский?» И каждый раз ответ для меня является полной неожиданностью.

Виктор СЛАВКИН

Вместо автобиографии

Глаголом жги...

А.С.П.

Мне сказал редактор строго:
— О себе давай глаголь!
Благо, есть глаголов много,
В них вся жизнь моя... Изволь!
Долго прятали.
Родился.
Марк Розовский получился.
Встал.
Пошел.
Закончил.
Взял.
Получил и поступил.
Ну и сразу приступил...
Начал я писать и ставить,
Чтоб людей чуть позабавить.
Как Шекспир и как Мольер
(С той поры пятьсот премьер!).
Иногда я делал вид,
Будто я есть Еврипид.
Но мои трагедии
Были сплошь комедии.
Пьес моих штук сорок есть.
Я могу их дать прочесть.
Но, жалея очень вас,
Дам, конечно, не сейчас.
А пока прошу позволить
Мне вам о себе глаголить.

Спал.
Гулял.
Нашел.
Любил.
Много пел.
И много пил.
Рыл.
Орал.
Шептал.
Развелся.
Потерял.
И вдруг нашелся.
Жил.
Творил.
Громил.
Гремел.
Не скучал.
Скучал и тлел.
Иногда от счастья млел.
Мучил.
Мучился.
Молился.
Мчался.
Бился.
И бесился.
Перебился.
Мелочился.
Падал.
Дрался.
Колбасился.
Подымался.
Спотыкался.
Снова падал и вставал.
Рвал.
Рыдал.
Соединял.

Вновь развелся.
Вновь женился.
Странно, что не надорвался.
Странно, что не покосился.
Не заткнулся, не продался.
Важно, что не перебдел.
Молодел.
Плыл.
Тонул.
Не затонул.
Разве только нахлебался.
Но остался... Жить остался.
Самолет летел — разбился.
Я же в нем не оказался!
Раз в больнице очутился.
Выписался. Стал здоров,
Словно бык для тех коров.
Ах, не сыпьте соль на раны,
Трех детей от разных жен
Я рожал, вооружен
Мирным средством без охраны,
И с желанием одним:
«Ты любима — я любим».
А когда не мог любить —
Надо же такому быть! —
Я дурел.
Себя жалел.
Снова пил.
И снова пел.
Снова чуть не околел.
Врал.
Шутил.
Пилил.
Колол.
Оказался бос и гол.
Но опять чуток поднялся.

Испугался.
И опять
Пал.
Пропал.
Пытался встать.
Сбился.
Сдулся.
Заблуждался.
Заблудился.
В зеркало любил смотреть
В первую от жизни треть.
Дальше — хуже: этот лик
В фильмах ужасов возник.
Не курю. Не тру косметик.
Все пороки, кроме этих.
Не храплю. Но это вот
Скоро и ко мне придет.
Я могуч. Могу расти
Вплоть до самой старости.
В молодости был ограблен,
Кто ограбил, тот на грабли
Эти сам же наступил.
Я стерпел. Но я не мстил.
Сказано: накажет Бог.
Он и сделал.
Как он мог.
Я же песенку пою
День за днем...
И лишь свою!
В хоре я не пел ни разу.
И перстней не выношу.
Не кидал окурков в вазу.
И грибов я не сушу.
Да, всегда я что-то делал.
Может, честно. Может, смело.
Но заметьте, господа,

Я нигде и никогда
С подлецами не братался.
С суками не целовался.
Не лизал.
Не гладил их.
Получал за то в поддых.
Я мало верил коммунизму.
И швец, и на дуде игрец,
Свою ему я ставил клизму,
Чтоб он обделался вконец.
Я их парткомы ненавидел,
Я их ЦК не уважал.
Однажды я их так обидел,
Что целый год потом дрожал.
Но я не предал.
Не продал.
Я душу рвал. Я раздавал.
Я бился в стену головой,
Чтобы пробить ценой любой.
И что же? Голова цела.
Ну а стена...
Какой была,
Уже не будет.
Во дела!
Ах, жизнь!.. Зачем ты мне дана?!
Другой не будет ни хрена!
Я, конечно, много прыгал.
Дрыгал.
Бегал.
Стрекотал.
Жрал.
Толстел.
Худел.
Резвился.
Вновь развелся.
Вновь женился.

Вновь толстел
И вновь худел.
Ах, как много я галдел.
Много дел.
Но я горел.
Ах, как много я горел...
Сколько раз я был на грани,
Рядом смерть в кровавой бане —
Прочь, паскуда!.. Ей наживы
Я не дам. Да будем живы!
Да, я много помотался.
В громе славы и оваций
Я, оглохший, не зазнался.
Но, признаться,
Слишком много я крутился,
Я вертелся. Горячился.
Вроде многого добился.
Я сегодня вроде в ранге.
Полысел и чисто брит.
Может, в чем-то я и ангел.
Ну, а в чем-то и бандит
Ничему не научился?
Никому не поклонился?
Кто я? Что я? И зачем?
Что я пел? К чему стремился?
И во что я превратился?..
Может, дураком остался?
Почему я так смеялся?
Почему я плакал так?
Да, конечно, я дурак.
Все бы было хорошо,
Если б вовремя ушел.
Что ж, в каком-нибудь году
Обещаю — я уйду.

Автобиография (в цифрах)

3.04.1937.

0,5 — еврей.

0,25 — русский.

0,25 — грек.

83 человека — коммуналка, полуподвал.

10 классов. Школа № 170.

2 диплома (МГУ, факультет журналистики.

1955—1960. Высшие сценарные курсы. 1963—1964).

Однокомнатная квартира.

Потолок 2.70.

Бутылка 3.62.

Колбаса 2.20.

120 театральных постановок.

40 пьес и инсценировок.

7 сценариев кинофильмов.

Двухкомнатная.

500 публикаций в прессе (статьи, рассказы, фельетоны, пародии, интервью).

Одна пьеса на Бродвее.

Еще одна на офф-Бродвее.

«ВАЗ-2103».

7 книг о театре.

«ВАЗ-2105».

Пару раз везло.

Трижды оперирован.

Семь раз отмерено, один раз отрезано.

16 пороков. 2 добродетели.

4 синдрома. 17 комплексов (интеллекта — 0, чувства юмора — 0; зато амбиций — с три короба).

За один год — в среднем — 30 удалений, 1500 приглашений, 8000 выступлений. Из них за гоно-
рар — 2.

85 кг.

Плюс-минус — 2,5.

1 м 67 см.

Трое детей. Двое внуков.

4 жены. Миллион друзей.

Первые 50 лет жизни — невыездной. Вторые
езжу.

Четырехкомнатная. С тещей. «Мерседес С-180». Без тещи. Работа в 5 местах 25 часов в сутки. Лю-
бимая цифра — «9». Нелюбимая — «666».

12 изобретений (День смеха в нашей стране — 1 апреля, «Галка Галкина» в «Юности», «Евгений Сазонов» в «Литературной газете» и др.).

ИТОГО: Марк Розовский (100%).

Вещички

— Собирай «Вещички»! — сказал мне редактор этой книги.
Я и собрал...

Следы на виду

(Избранные главы)

Пародия на детектив

Глава I

Был поздний час. Черный блестящий

остроносый лимузин, похожий на отлакированно-го постельного клопа, бесшумно подкатил к подъезду серого каменного дома и остановился, словно ошпаренный. Две тени в плащах вышли из машины и, растворившись в тумане, вошли в дом.

— Хэлло, ребята! — поднялся им навстречу толстый человек в подтяжках и с сигарой в зубах.

— Хэлло, шеф! — ответили ему двое. — Зачем ты нас вызвал?

— Конечно, не для того, чтобы сыграть с вами партию в бридж! Завтра вы улетаете в Россию. Нам срочно нужны чертежи новой русской мясорубки конструкции профессора Молодцова. Он работает сейчас на даче в деревне Ватрушкино Московской области. План действия таков: один из вас случайно знакомится с профессором, втирается ему в очки и, наконец, выбрав момент, фотографирует чертежи мясорубки. Другой, переодевшись в обыкновенную рыжую корову, нахально бродит вблизи участка дачи и щиплет траву. Его задача — помочь первому скрыться, когда черте-

жи мясорубки будут сфотографированы. Как помочь? Над этим вопросом не задумывайтесь, потому что скрыться вам все равно не удастся. Вам все ясно? В таком случае, как говорят русские, с вами бог и семеро козлят.

Глава VIII

У майора Дружинина страшно болела голова. Конечно, и раньше ему приходилось работать по 25 часов в сутки, но никогда его голова не болела так сильно, как сейчас. Он курил, бродил по кабинету и рассуждал вслух, чтобы не заснуть:

— ...Так. Будем рассуждать логично. Следы коровы и человека говорят нам, что мы имеем дело с коровой и человеком. Но не могла же корова спуститься к нам на парашюте?! Здесь что-то не то! Но что? Нам нужно немедленно установить личность коровы, тогда мы будем иметь последний узелок в этом деле. Сержант Пупкин!

— Я!

— Машину! Домой! Спать!

— Правильно, товарищ майор, — сказал всегда подтянутый бравый сержант и отличник службы Пупкин, — машину — и домой спать, а то ведь вы вон как устали!

Над городом поднимался, занимался и вынимался из-за горизонта рассвет.

Глава XIX

Майор Дружинин вместе с всегда подтянутым бравым сержантом и отличником службы Пупкиным сидели в кустах у реки и внимательно наблю-

дали за общественной группой коров, которая беззаботно паслась на ярко озаренном пастбище, где колосилась высокая трава. Все коровы имели такие надутые вымена, что майор Дружинин сразу установил: внутри их немало качественного и количественного кефира, молока, масла, сыра, ацидофилина. Только одна корова рыжей масти выделялась из общей толпы.

— Она! — безошибочно определил Дружинин. — Но проверить все-таки надо. Сержант Пупкин!

— Я!

— Наблюдение за коровой не прекращать, куда она — туда и вы!

— Слушаюсь!

Над деревней поднимался, занимался и вынимался из-за горизонта закат.

Глава XX

Фрэд Вильсон, неоднократно стрелянный американский шпион, осторожно выломал дверь в кабинет профессора Молодцова и стал судорожно фотографировать чертежи мясорубки. Вдруг где-то рядом послышались шаги. От волнения и в целях безопасности Фрэд Вильсон проглотил фотоаппарат.

«О'кей, — подумал он, когда шаги утихли, — пленка в аппарате, аппарат в животе. В любое время я могу извлечь его оттуда! Дело сделано. Шеф будет доволен! А пока надо убираться отсюда! Но где же скотина Джон?.. Ага, вот он ковыляет сюда... Узнаю Джона — даже став коровой, он не перестает быть пунктуальным! Но что это? Почему

Джон шарахнулся в сторону? Ему грозит опасность? Боже, к нему приближается бык! Беги, Джон! Так. Быстрее! Он тебя не догонит!»

Однако бык в два прыжка догнал корову и начал ее бодать. Откуда было знать жалким агентам империализма, что это был наш колхозный сознательный бык Петрушка, который еще в стаде всеми фибрами и ребрами своей души как-то почувствовал шпионскую сущность рыжей коровы и решил во что бы то ни стало помешать ей в осуществлении ее грязных замыслов, вымыслов и помыслов. Это стоило ему жизни — скотина Джон, видимо, не желая быть тореадором, выстрелил Петрушке в лоб.

— Стой! Руки вверх! — раздался голос всегда подтянутого бравого сержанта и отличника службы Пупкина, выскочившего из кустов.

— Му-у-у-у! — промычал бедный Джон, видимо, еще на что-то надеясь.

— Чья бы корова мычала, — с убийственной иронией сказал всегда подтянутый brave сержант и отличник службы Пупкин, — а твоя бы... Ку-да?!

Но было уже поздно. Рыжая корова — Джон коварно укусила себя за хвост, в котором была спрятана маленькая ампула с ядом.

Фрэд Вильсон, наблюдавший за этой сценой из окна профессорского кабинета, выхватил револьвер, но в ту же секунду на него неожиданно откуда-то сверху навалился майор Дружинин. Драка была очень интересной, потому что Фрэд Вильсон использовал в ней приемы борьбы джиу-джитсу, ну а майор Дружинин — приемы борьбы самбо.

Нет нужды говорить, что ровно через минуту по московскому времени Фрэд Вильсон оказался связанным по рукам, ногам, зубам и ушам.

Глава XXI

самая последняя, или эпилог

В тот же день генерал Добрынин поблагодарил майора Дружинина за удачно проведенную операцию по спасению мясорубки. По просьбе жителей деревня Ватрушкино была переименована в деревню Петрушкино.

1957

Школьное сочинение

Все мы учились в школе

и писали там школьные сочинения. Ну, как мы их писали?.. Мы писали их по планам, которые нам от сих до сих давали учителя, мы использовали в этих сочинениях одни и те же цитаты, одни и те же слова — отсюда и родилась эта пародия на типичное, обычное школьное сочинение, тема которого была весьма обычная:

**«Образ Бабы-яги — передовой бабы
прошедшего времени».**

План:

I. Вступление. Историческая обстановка в те еще годы.

II. Главная часть. Показ Бабы-яги — яркой представительницы темных сил.

Черты Бабы-яги:

1. Положительные:

- а) смелость;**
- б) мудрость;**
- в) связь с народом;**
- г) вера в будущее.**

2. Отрицательные:

- а) трусость;
- б) тупость;
- в) эгоизм;
- в) пессимизм;
- г) костяная нога.

III. Заключение. Бабизм-ягизм в наши дни.

Замечательное произведение нашей замечательной литературы — сказка о Бабе-яге — является замечательным образцом нашей замечательной литературы.

Тяжелое положение крестьянства в мрачную, беспросветную, страшную, беспощадную эпоху, которая характеризовалась беспощадным, страшным, мрачным, беспросветным угнетением, было невыносимо беспросветно, мрачно, страшно и беспощадно.

«Товарищ, верь! Взойдет она!» — писал на обломках самовластья великий русский поэт Пушкин.

И в это время особенно звонко прозвучал светлый голос неизвестного автора сказки о Бабе-яге, которая навсегда вошла в сокровищницу литературы, в которой всегда были произведения замечательного жанра, который всегда был любим народом, которого никогда не остановить на пути, по которому он всегда идет навстречу будущему, которое всегда приходит на смену прошлому, которое никогда не смогло задуть его голос, который всегда был светлый и звонкий.

«Кому на Руси жить хорошо?» — спрашивал знаменитый русский поэт Некрасов и сам же отвечал:

Кто до смерти работает,
До полусмерти пьет.

В образе Бабы-яги — типичной представительницы загнивающего старшего поколения — воплощены лучшие черты отрицательного героя в начале первой половины конца ...надцатого века. Бабе-яге противопоставлен светлый образ Иванушки-дурачка, в котором сделана яркая попытка показа нового, молодого в борьбе со старым, отжившим, одряхлевшим. Нет, Иванушка-дурачок — это не Евгений Онегин. Он не лишний человек! Он любит труд и родную землю. Если присмотреться, он совсем не дурачок, а умный.

«В человеке все должно быть, — сказал известный русский писатель Чехов, — прекрасно!» Задолго до него эти слова повторил способный английский поэт Шекспир. Создавая незабываемый образ злодея Яго в одноименной трагедии «Отелло», он, несомненно, испытал благотворное влияние со стороны неизвестного автора сказки о Бабе-яге. Иванушка-дурачок только строит из себя дурачка. На самом деле оказывается в дурачках не он, а Баба-яга.

«Чуден Днепр при тихой погоде», — писала сквозь смех и слезы гордость нашей литературы Гоголь.

В галерее светлых женских образов Баба-яга занимает особое место. Вспомним хотя бы Сонечку Мармеладову, войдя в дом которой моральный урод своего времени Свидригайлов зажег свечу и увидел на стенах ее комнаты страшные морды клопов. Вспомним несчастную женщину того же Некрасова, которая, как известно, все успеет: коня на скаку остановит, в горящую избу вместо своего мужика войдет, помоем посуду, стирает и купает детей народит. В царской России на женщин

никто не обращал внимания. Вспомним хотя бы Анну Каренину.

«Все смешалось в доме Облонских», — писало «зеркало русской революции» Лев Толстой. Он родился с 1827 по 1910 год на Ясной Поляне. А когда он умер, дети очень любили слушать сказки, которые он им рассказывал.

Язык Бабы-яги — простой, чистый, короткий, понятный, могучий, не шершавый.

В наше время бабизм-ягизм играет большое значение и имеет большую роль. Сказка стала былью, Иванушка-дурачок — нарицательным, а Баба-яга безвозвратно ушла в далекое-предалекое прошлое.

О диспутах не надо дискутировать.

Диспуты — это прекрасно.

Тут не может быть разных мнений.

Но вот недавно я присутствовал на одном диспуте, где оратор, врач по профессии, выступал так:

— Товарищи! Еще Горький, сказавший «С кем вы, мастера культуры» и «Море — смеялось», подчеркивал, что «разумное существо, относящееся к типу хордовых, подтипу позвоночных, классу млекопитающих, отряду приматов, семейству гоминид, это звучит гордо!..».

Побывал я и на других диспутах и... В общем, выяснилось, что не все диспуты — это прекрасно. Отсюда и родилась эта пародия на некий диспут:

«СКОЛЬКО БУДЕТ ДВАЖДЫ ДВА?»

...Сначала все молчали. Никому не хотелось начинать. Потом на сцену вышел Трепаченков из 10-го «А» и стал говорить так быстро, что если бы он говорил медленно, то это было бы вдвое быстрее, чем то, когда мы говорим с вами в шестнадцать раз быстрее обычного. Он сказал:

— Товарищи! Я, собственно, не хотел выступать, но тут товарищи так долго не хотели выступать, что я невольно захотел выступить, хотя выступать не хотел.

Я, товарищи, много говорить не буду, потому что если я буду говорить много, то другим после меня просто нечего будет говорить, поэтому я лучше скажу мало. Но сказать мало — это все равно что ничего не сказать, а мне много есть чего сказать, ведь если нечего сказать, то лучше не говорить, но не говорить — это все равно что молчать, а молчать в наше время нельзя, потому что наконец-то можно говорить о том и о сем, о чем раньше можно было и не говорить.

Вот, собственно, и все, товарищи, что я вам хотел высказать, хотя говорить не хотел...

Потом на трибуне появился Самокопаев, ученик 11-го «В», парень с лицом не то слишком задумчивым, не то с умным. Но слишком. Он говорил медленно и в нос, словно боксер после нокаута!

— Бывало, придешь с улицы домой, пообедаешь, приляжешь на диван... И думаешь, думаешь, думаешь...

О чем?

А так, ни о чем...

О себе то есть.

Ду-уу-умаешь, ду-уу-умаешь, ду-уу-умаешь...

Сколько будет дважды два?

Три... Пять... Семь... часов дуууумаешь, дууумаешь, дууумаешь... И вдруг откуда-то из темноты возникает чудовищный вопрос: ну кто я такой? Кто? Ничтожество? Да. Подлец? Подлец. Хам? Не без этого. Дурак? Не без того.

И от этой мысли вдруг становится так сразу светло-светло в комнате!.. Так весело и радостно на душе, что хочется петь, плясать, играть, танцевать... и всю жизнь лежать на диване!..

Среди выступавших была девчонка по фамилии Джульеткина, которая, несмотря на то что была без очков, говорила очень серьезные вещи.

— Мы, школьники, очень любим всякие диспуты, потому что у нас очень много неразрешенных вопросов. Например: может ли девочка потерять гордость и полюбить мальчика первая или она всегда должна не терять гордости и любить вторая?

Этот вопрос у нас неразрешенный. Его в нашей школе не разрешают.

А чего тут разрешать?.. Очень просто: если мальчик старше 16 лет, а девочка еще не доросла — он может полюбить, а ей стыдно. А если наоборот: девочка доросла, а мальчик еще не дорос, то тут с его стороны никакой такой любви быть не может, а с ее стороны может быть только дружба.

Что касается вопроса «Сколько будет дважды два?», то я этого не знаю, мы про это в школе еще не проходили. Что? Зачем тогда пришла на диспут?.. А нам учительница сказала: «Кто сегодня на диспут придет, того завтра спрашивать не будут!»

И наконец на диспуте выступил старшеклассник Сократко — не то второгодник, имевший вид отличника, не то отличник, имевший вид второгодника. Он провозгласил:

— Друзья мои! Дорогие друзья! Мы живем в эпоху покорения космического пространства, атома и счетно-электронных машин, поэтому вопрос о том, сколько будет дважды два, — это один из самых острых, самых жгучих, самых волнующих во-

просов. Вот лично я недавно спросил одного знакомого академика: сколько будет дважды два? И он тут же дал мне точный, ясный, абсолютно недвусмысленный ответ: «Не знаю».

Или, например, взять хотя бы нашу замечательную молодежь, вернее, некоторых ее представителей. Все они чего-то там подсчитывают, делят, умножают, логарифмируют, извлекают корни...

А зачем? Мне лично все ясно, все понятно. Как дважды два.

Волга впадает в Каспийское море, лошади едят овес, Земля имеет форму шара, куда ни пойдешь — всюду счастье найдешь. Слышите? Всюду! Так зачем мудрить, чего-то искать, мыслить, дергаться, мельтешиться, когда все готово, все прекрасно и назубок знаешь таблицу умножения, с которой не страшны никакие трудности?!

Вот так. А вообще диспуты — это прекрасно. Тут не может быть разных мнений.

1963

С кого вы пляшете балеты?

«Дорогая Галка Галкина!

Забываясь о своем культурном росте, мы, знатные птицеводы и птичники колхоза имени Чайковского Завихрайского района, наметили ряд мер, направленных к расширению нашего кругозора. Памятуя слова Максима Горького: «Всему лучшему, что есть во мне, я обязан книгам», — мы уже несколько раз побывали в Москве в Большом театре, где подробно изучили замечательные произведения великого поэта Пушкина «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Руслан и Людмила»... А недавно мы посетили балетный спектакль «Лебединое озеро». Нас привлекло то, что этот балет, судя по названию, рассказывает о жизни в одном из естественных водоемов. Посмотрели мы балет и, признаемся, испытали глубокое огорчение.

В центре спектакля — частная история безыдейной любви некоего принца Зигфрида к водоплавающей птице из породы лебедей по имени Одетта. Есть в спектакле подлинные находки — например, счастливый финал. Но, к сожалению, он один на весь спектакль, а зрителю хотелось бы, чтобы счастливый финал был и в начале, и в середине, и даже, если это можно, в антракте...

Интересно также поставлен знаменитый танец маленьких лебедей. Однако с точки зрения жизненной правды было бы куда верней, если бы лебеди, вышедшие на сцену в этом танце, выглядели не такими уж маленькими, беспомощными, инфантильными... «Взвейтесь, лебеди, орлами!» — кажется, так писал один нам известный поэт. И хочется верить, что театр, забывший эти слова и проповедующий своих маленьких героев, еще вспомнит о своем названии — Большой! — и введет в балет «Лебединое озеро», скажем, танец дяди Степы. Конечно, это будет из другой оперы, но зато в спектакле сразу появится необходимая ему мужественная нота, и потом (кто же этого не знает!) присутствие на всякой сцене милиционера в «красивой фуражке» всегда желательно, ибо во всех случаях оно производит на зрителя приятное впечатление.

Конечно, мы понимаем: создатели пьес и спектаклей свободны в выборе тех или иных персонажей (один делает своим героем Лебеда, другой — Рака, третий — Шуку), однако, сосредоточивая внимание на силах зла, на злом колдуне и волшебнике, балетмейстер пляшет здесь явно под чужую дудку.

Посмотрите, как получилось: всему злу, заключенному в собирательном образе Злого Гения, противостоит только Зигфрид, который, между прочим, весь вечер ходит по сцене в таких узких брюках, что ему даже не хочется подражать.

Говорят, у деятелей искусства есть такие книжки, в которые они заносят свои наблюдения и факты. Товарищ балетмейстер, если не поленитесь, запишите: в нашем коллективе ежегодно растет

яйценоскость, а три наших лучших петуха пять лет назад ездили в Москву, на часовой завод, где по ним круглые сутки ставили стрелки и проверяли время.

Нет, конечно, в наших сказках еще встречаются кое-где злые гении, но ведь в жизни добрых гениев у нас значительно больше!.. Вот, например, самоотверженный поступок шофера нашей птицефермы Владимира Григорьева, который, не смотря на нелетную погоду и обеденный перерыв, открыл дверцу своей кабины для простой беременной женщины Татьяны Федотовой, которая тут же по дороге родила от счастья восьмерых детей. Спрашивается: смогла бы она это сделать, если бы не помощь, не участие нашего замечательного шофера Григорьева, который, между прочим, еще в прошлом году поступил в заочный литературный институт? А разве не было случая, когда в зобе гуся мы нашли печать нашего колхоза и тотчас же вернули ее председателю?

Вот о ком надо петь и плясать!.. Но почему-то до сих пор наши деятели балетного искусства в своих произведениях показывают разных там Одетт и Злых Гениев и обходятся без таких замечательных шоферов, не говоря уже о том, что у нас пока еще не создано ни одного балета, где была бы показана на сцене хоть одна беременная женщина.

В этом смысле, надо признать, все балеты Большого театра похожи друг на друга: и в «Лебедином озере», и в «Щелкунчике», и в «Спящей красавице» актеры повторяют одни и те же движения и приемы: поднимаются на носок, стучат ножкой об ножку и ни разу не танцуют вприсядку... Что делают герои ваших спектаклей?.. Они ничего не

делают. Только танцуют. Конечно, мы не против того, чтобы наша молодежь танцевала (проблема досуга — очень важная проблема), но разве танец — это главное содержание нашей сегодняшней жизни?..

Честно нужно сказать, что выстрел Зигфрида из лука оказался холостым...

С неизменным уважением к классическому балету, от имени и по поручению всех тружеников бассейнов, рек, прудов и водоемов —

Вовка ВОВКИН (знатный птичник);

*Верка ВЕРКИНА и Любка ЛЮБКИНА
(знатные птичницы);*

*Петька ПЕТЬКИН (знатный шофер
птицефермы);*

*Василий Васильевич ВАСЬКИН
(знатный пенсионер)*

и др. — всего 18 746 подписей.

По поручению «Пылесоса» письмо написал и подписи организовал Марк РОЗОВСКИЙ (скромный сатирик).

1964

Вариация на тему «Красная Шапочка»

Пародия на роман, написанный
в ультрасовременном стиле

Глава I. Одиночество

*(Внутренний монолог Серого Волка, сильно
страдающего от комплекса неполноценности)*

«Кто я? И зачем живу в этом глухом, никому не
нужном лесу?

Я — серый.

Я — никто.

Я — не человек.

Я волк среди волков, и мне так надоела эта со-
бачья жизнь.

Выпить бы.

Чего-нибудь.

Съесть бы.

Кого-нибудь.

Поденок я.

Такой-сякой.

Красная Шапочка говорит, что у меня духов-
ный стриптиз. Я послал ее к бабушке.

Все меня воспитывают. Все!.. Говорят: выйди в
люди. Стань пастухом. Купи овечью шкуру. Зуба-
ми не щелкай. В лес не смотри. Будь человек чело-
веку товарищ волк. Эх, тоска!.. Уехать бы куда-ни-

будь к свиньям. В «Три поросенка» то есть. Там все же музыка есть, пляшут, поют... А может, в Сибирь на ударную стройку податься... Прошу: дайте мне волчий билет, ну, дайте!

Не дают.

Ладно. Сам уеду.

Зайцем.

Мир рушится. Лес — валится. Я заблудился в трех соснах. Что делать?

Выть или не выть?»

Глава с пятой на десятую. Наивность

(Внутренний монолог Красной Шапочки, слепо идущей по темному лесу навстречу неизвестности)

«Я так счастлива! Он такой хороший! Из всех волков, которых я знаю, — этот самый серый, самый интеллектуальный!

Так хорошо ко мне относится. Однажды даже меня покусал. Бабушка надвое сказала:

— Раз кусает — значит, любит!

Как-то я спросила его:

— Почему у тебя такие уши?

— Чтобы, — говорит, — лучше слышать тебя!

— А почему у тебя такие глаза?

— Чтобы, — говорит, — лучше видеть тебя!

А сегодня... Сегодня при встрече я обязательно спрошу его:

— Милый! Почему у тебя такие зубы?

Интересно, что он скажет на это. Он такой остроумный. Никогда не знаешь, что он может тебе сказать.

Когда мы только познакомились, я сказала ему: «Убери лапы!» А теперь... Теперь мы поженимся. У меня городская прописка. Все удобства! Лес рядом. Щепки летят. По утрам я буду ходить на рынок и приносить ему землянику. Не жизнь — малина! А Бабушка свяжет нам один свитер на троих!

Бедный. Всегда голодный. Всегда облезлый. Несчастный. Друзей нет. Отбился от стаи. Я одна могу ему помочь! Поддержать в трудную минуту! Накормить!

Ешь меня. Бери меня. На меня. Вместе с Бабушкой».

1965

Доля секунды

На легкоатлетических соревнованиях,

проводившихся далеко за пределами нашей страны, советский бегун Василий Карпуха занял первое место. Он пробежал дистанцию в рекордно короткое время.

— Как вам удалось достичь столь блестящего результата? — обратился к Василию корреспондент одной из наших газет, когда Василий в тот же день прилетел домой.

— Ну что я могу сказать? Сначала... значит... побежал... а потом...

— А потом?

— А потом... прибежал!..

— И это что, все? — тоскливо спросил корреспондент.

— А чего ж еще? — простодушно ответил спортсмен.

А на следующее утро в газете был напечатан очерк-отчет о рекордном забеге. Вот он, этот очерк:

«Когда Василий Карпуха вышел на беговую дорожку стадиона Трубадуно, все ему почему-то показалось здесь каким-то чужим, не родным, не близким. Например, зрители, которые оглушительно свистели на трибунах и на чистом зарубежном

языке кричали: «Фончер-банчер-тунчер-кло!», «Фончер-банчер-тунчер-кло!», что в переводе на русский означало: «Судью на мыло!»

Василий огляделся: слева от него по второй дорожке должен был бежать Вальтер Кишке — длинноногий и белобрысый парень с умным и решительным лицом студента, восьмой раз идущего пересдавать экзамен. Справа — Джеральдино Лососино — маленький, но резвый итальянец, по профессии не то бухгалтер, не то безработный, и дальше — Джек Макферсон — негр, основной соперник по прозвищу Гага, что в переводе на русский означало: «Черепаша, которая обгоняет на рассвете собаку, в полдень — лошадь, вечером — сайгака, а ночью — молнию».

«Да, борьба будет трудной, — подумал Василий. — А тут еще и ветер, как назло, в спину не дует! И жары тоже нет!..»

Да, в совершенно непривычных, чрезвычайно тяжелых условиях Василию Карпухе предстояло бороться и обязательно легко победить.

И вот выстрел стартера. Бегуны дружно устремляются вперед. Макферсон возглавляет бег, но уже сейчас всем ясно, что Василий Карпуха, бегущий предпоследним, будет на финише первым.

Зрители на трибунах неистовствуют, пока еще молча наблюдая за ходом схватки. Но напряжение нарастает, бегуны пошли на последний круг. И вот, когда Макферсону оставалась до финиша какая-то доля секунды, произошло нечто такое, что до сих пор не происходило и вообще произойти не может.

Что такое Василий Карпуха? Это простой, рядовой человек. А что такое простой, рядовой человек?.. Это тот, кто всегда и везде впереди. И в тру-

де, и в отдыхе, и дома, и на работе, и в учебе, и в спорте. Именно поэтому Василий Карпуха собрал все свои силы, все свое мужество, всю волю, и когда, казалось бы, Макферсон, а вслед за ним Вальтер Кишке и Джеральдино Лососино должны были разорвать ленточку, он в самую последнюю долю секунды напрягся и вспомнил... Что же он вспомнил в самую последнюю долю секунды, наш славный парень Василий Карпуха, там, один, далеко, на никому не известном стадионе Трубадуно?!

А вспомнил он свое детство. Счастливое, поруганное войной детство простого, рядового человека.

И вспомнил он свое родное село, хату, голубое небо над головой и корову Маньку, которая всегда, в самую трудную минуту жизни, заменяла ему и товарища, и брата, и сестру...

Вот он подросток. Вместе с дедом Матвеем они ходили в ночь на рыбалку, ловили ерша на мормышку, варили уху на косогоре, а дед Матвей все рассказывал, рассказывал, рассказывал — про себя, про свое проклятое дореволюционное прошлое и повторял, повторял, повторял:

— Ай да Васютка!.. Ну и бегать же ты горазд дюже, кубыть тебя раскубыть!..

А Васютка улыбался в темноте своей белозубой улыбкой и смотрел на звезды, мечтая побыстрее кончить школу и поступить в Институт физкультуры на отделение «Шахматы». Он не знал еще тогда, в чем его истинное, настоящее призвание!

Вспомнил Василий Карпуха и свою старую учительницу Марфу Ивановну, которая много сделала, чтобы Василий мог бегать не просто, а грамотным, образованным человеком. И вот пронеслись годы, Василий Карпуха — студент. Конечно,

трудно было жить на стипендию, сдавать экзамены, но если бы не упорные тренировки по восемь раз в неделю, учеба и наука не давались бы ему так легко и просто.

И вот тут-то как раз и пришла к Василию любовь. Пришла неожиданно-негаданно, в тот самый момент, когда ему в раздевалке кто-то нежно наступил шиповкой на ногу. Василий поднял глаза и сразу решил:

«Вот она, дорогая, любимая моя подруга жизни, с которой я буду бегать нога в ногу до самой смерти, пока не надоеет».

Пожились. Дети пошли. Побежали дети. Все в отца. Василий вспомнил лицо жены, заботливое, доброе, честное... Как там она сейчас?.. Волнуется, небось? Думает, наверное, что я тут без нее в ночное кабаре пошел?.. Нет, дорогая: верь! Пусть мой голос летит через тысячи километров. Ты слышишь, я люблю тебя!.. И я, твой Василий, не в ночном кабаре сейчас, а...

«Ой!.. Где я?.. — подумал Василий. — Где я? Ой!..»

И вспомнил Василий... И вспомнил тут Василий Карпуха, что бежать надо!.. Что если он сейчас, в самую последнюю долю секунды, не обгонит своих соперников, — не быть ему победителем, не стоять ему на пьедестале, не возвращаться ему домой подбру-поздорову...

И когда Макферсон уже почти коснулся грудью ленточки, а Кишке и Лососино приближались к финишу вслед за ним, спортсмен в красной майке вдруг рванулся вперед и — мгновение! — первым разорвал ленточку на мелкие кусочки!

— Кар-пу-ха!.. Кар-пу-ха! — на чистом зарубежном языке кричали зрители.

В связи с этим хочется в заключение добавить, что Международная лига бегунов снова, в который раз, приняла глубоко неправильное, неразумное решение о проведении в следующем году марафонских состязаний вне пределов стадиона. Гораздо удобнее было бы, если бы сорокадвухкилометровую с лишним дистанцию бегуны преодолевали бы на 100-метровой дорожке стадиона, двигаясь туда и обратно, туда и обратно... Пусть сокращаются большие расстояния!»

1962 г.

Круглая цифра

Э то было года два назад.

В обеденный перерыв вызывает меня к себе Иван Иванович и, плотно прикрыв дверь, говорит:

— Решили мы тебя, Сидоров, выдвинуть сто-
тысячным посетителем общегородской выставки
служебного собаководства. Не возражаешь?..

— Спасибо, — говорю. — Но только у меня уже
есть общественная нагрузка: я цветы у Доски по-
чета поливаю и в прошлом месяце бумагу для
стенгазеты купил!

— Знаю, — проникновенно говорит Иван Ива-
нович, — знаю, что трудно тебе!.. А кому сейчас
легко?.. Читал, что в Конго творится?

— Ладно, — говорю, — уговорили. Постараюсь
оправдать.

...Выставка располагалась на территории Пар-
ка культуры и отдыха. Над входом висело огром-
ное полотнище: «Четвероногий друг лучше двуно-
гих двух».

Я хмыкнул и сразу направился в дирекцию —
фанерный с колоннами домик в конце аллеи.
Главный администратор выставки встретил меня
вопросами:

— Ваша профессия?

— Токарь.

— Неплохо!.. Есть ли родственники за границей?

— Нет.

— Хорошо!.. А кто ваши родители?

— Отец погиб на войне...

— Очень хоро... то есть плохо, конечно!.. Но вы пока подходите по всем пунктам...

Через пять минут мне торжественно выдали билет № 100 000.

...В тот же день, вечером, в назначенное время, я вторично явился на выставку — в своем черном праздничном костюме и галстук бабочкой. Перед входом меня остановил человек с нервным, как у хорошего убийцы, лицом. Это был Режиссер телепередачи.

— Зачем вы так хорошо оделись?.. Это же явная липа! — свирепо зашептал он мне на ухо. — Вы же наш простой, незаметный рабочий... Глядя на вас, телезрители должны понять, что таких, как вы, сотысячных посетителей, — у нас миллионы!

Он хлопнул в ладоши, какие-то люди тотчас набросились на меня, оттащили в сторону, в темноту, к деревьям, и через мгновение я оказался в сером замасленном комбинезоне, надетом поверх моего черного костюма.

— Ваш билет? — лукаво спросил меня контролер.

Освещенный прожекторами, я растерянно рылся в проклятом комбинезоне, прекрасно зная, что билет лежит далеко, во внутреннем кармане пиджака.

— Дома оставил... — сказал я вдруг.

— Ну, ничего, ничего... — сказал контролер поспешно. — Мы вам верим!...

И с ласковым рычаньем пропустил меня так.

— Уважаемый товарищ! — встал передо мной Главный администратор. — Вы наш стотысячный посетитель! Разрешите преподнести вам скромный памятный подарок — альбом с портретами наших лучших легавых!

В тот же миг оркестр заиграл «Собачий вальс». Группа собаководов повела меня по выставке. Ходили мы долго, и я так устал, что в конце мне захотелось самому встать на четвереньки.

Когда осмотр кончился, меня окружили корреспонденты. Защелкали фотоаппараты, вопросы посыпались со всех сторон.

— Ну, что я могу сказать?.. Выставка мне понравилась! — сказал я и почувствовал, как у меня начинает кружиться голова. — Каждая собака имела здесь все возможности, чтобы показать свой талант, свое искусство, — будь то последняя дворовая шавка, не имеющая имени, или знаменитая, с высотой в холке до 120 сантиметров, пси-на из породы саблезубых волков!

И действительно, на выставке были представлены псы самых разных пород. Из Англии, Франции, Италии... Была там также кошка из слабо-развитых стран.

Главный администратор чуть не плакал от счастья. Но тут, видно, я дал промашку. Я похвалил одну болонку — и увидел, как Главный администратор побледнел. Желая исправить ошибку, я для вида тут же обругал какую-то борзую.

— Боже, что он несет! — вдруг схватился за голову Главный администратор. — Ведь у этой суки

15 медалей, а болонка даже зайца удушить не может!

Передо мной все поплыло, ноги подкашивались в коленях.

— Кэк вы от нос ит из к кошкам? — спросил меня корреспондент иностранного агентства, сразу оказавшийся тут как тут.

— Ай лав Мурка! — бодро сказал я. — Но «У па была собака» ай лав еще больше!

— Он сошел с ума! — завопил Главный администратор. Тотчас погасли прожектора, телепередача прекратилась. Откуда только возникли силы — воспользовавшись темнотой, я скрылся в неизвестном направлении, потеряв по дороге альбом с легавыми.

...Сейчас я в полной безопасности. Живу хорошо. Работаю. Правда, иногда мною овладевают странные желания. Куда бы я ни пошел, где бы ни был, всюду мне хочется быть десятым, сотым, тысячным, стотысячным... Это доставляет мне странное удовлетворение. Например, в троллейбус я теперь ни за что не войду, пока не отсчитаю в очереди перед собой девять человек.

А недавно я случайно узнал, в Бисеровом озере, что под Москвой, за последние пять сезонов утонуло ровно 99 человек.

Каждое воскресенье меня так и тянет туда.

1966

Слава приходит неожиданно

Утром зазвонил телефон, я услышал в трубке приятный голос:

— Алло! Это с вами говорят из Юго-Западного пароходства...

— Здравствуйте, товарищи моряки! — сказал я в трубку. — Чем могу служить?

— Видите ли... Мы вообще-то очень вас любим... и тут подумали и решили... если, конечно, вы не возражаете... если вы, конечно, в общем... хорошо к этому отнесетесь...

— Говорите, не тяните, — сказал я. — Что именно вы решили?

— Мы решили... мы решили... назвать вашим именем новый, только что спущенный на воду корабль.

— Ах вот оно что? — неуверенно промямлил я. — А не рано ли?

— Нет-нет. Самое время. Путина еще не началась. И Пережогин в Африке.

— А кто такой Пережогин? — спросил я. — Он что, был бы против?

— Нет-нет... Товарища Пережогина мы бы всегда переубедили... Но без него нам как-то лучше. А капитан Севастьянов будет «за».

«Н-да, — подумал я. — Действительно... Когда еще у меня будет такой момент?..» Однако здравый смысл все же заставил меня ответить:

— Благодарю, конечно, но... Мне кажется, я еще слишком мало проявил себя... Я не заслуживаю... не сделал в жизни еще ничего такого, чтобы...

— Как же не сделали! Как же не сделали! — завопил голос. — Нам лучше судить... потом... Вы просто скромный человек... И как объяснить матросам, почему вы отказались!

— Честно говоря, я немного растерян...

— Да соглашайтесь, и баста. Не корову же продаете. — Голос стал понастойчивее и поглубже. — Скорее только, мы из автомата говорим!

— Право, как-то это все для меня неожиданно... А водоизмещение какое? — поинтересовался я вдруг.

— Триста тонн. Лайнер.

«Н-да, — подумал я. — Не часто мне такие звонки. И Пережогин в Африке. Редкий случай».

— А ход?

— 20 узлов. Двигатели дизельные.

«Ишь, черти, не могли электрические поставить. Я тут вкалываю, света божьего, можно сказать, не вижу... Для кого? Для себя, что ли?.. А они дизельные мне подсовывают, паразиты!»

— Для вас у нас всегда, между прочим, каюта будет свободная. Избороздим с вами десятки морей!

«Нет, нельзя мне от этого отказываться. В кои-то веки такая возможность избороздить. Нескромно, правда... Но ведь не я сам лезу... Мне предлагают!.. Чего ж я, дурак, буду идиотом?»

— Первый рейс намечен в Сан-Себастьян!.. В субботу уходим. И вы с нами тоже можете.

«Ну, вот, а сегодня какой день?.. Понедельник.

Успею. Хватит выпендриваться, жизнь проходит, а я все еще не бессмертен. Но если соглашусь — одна беда: друзья ведь этого не поймут. Засмеют ведь меня друзья».

— А вообще-то куда захотите... и когда понадобится... в любой момент без предупреждения... в кругосветку всей семьей. А?

«Ага, — думаю, — кругосветка — это хорошо. Жене моей это понравится. Жена моя любит кругосветки. И я к Сан-Себастьяну тоже хорошо отношусь».

— Ну, так что?.. Будете бороздить или нет?.. Решайте, и дело с концом.

— Видите ли... я все-таки должен подумать, посоветоваться кое с кем... Я не могу вот так сразу... Это очень серьезный вопрос... Это большая ответственность... И опасность утонуть...

— Ну, как хотите... Мы — что?.. Наше дело — предложить!.. Мы можем и кому-нибудь другому... Товарищ Бурмистров может вместо вас... Он не хуже вас гений.

— Нет!.. Нет!.. — закричал я, испугавшись, что на том конце повесят трубку. — Я согласен!.. Если вы так настаиваете и капитан Севастьянов тоже «за» — я согласен!.. Будь что будет... Лайнер так лайнер!.. Лишь бы не баржа!.. Пусть весь мир узнает Марка Розовского!

— Какого Розульского? — услышал я вдруг. — Это разве не квартира товарища...

— Да... то есть нет!

— Ах, простите, мы не туда попали!..

Слава уходит тоже неожиданно. Но теперь я точно знаю звук ее шагов — короткие насмешливые гудки в телефонной трубке.

Восстание Женской плоти

Когда совсем уже стало неважно

и тайному терпению чувств пришел конец, восстала Женская плоть, задрожало-запрыгало естество, с жаром-пылом потерлись друг о друга живые тела, грянула Песнь песней и даже в клетках зачирикали птички.

На подавление восстания были брошены силы — проверенные, пронумерованные и проштампованные. Они глушили выстрелами звуки тихих поцелуев на бульварах и косою резали лозу, растущую в садах Аполлона.

В будуарах установили энергосистемы, а спальни переоборудовали в медеплавильные комбинаты.

В магазинах стали продавать «дамские усы», «кривые ноги», «рты без губ», «глаза без ресниц»... А также была как-то в продаже одна «спина без низа».

Журнал мод объявили порнографическим и стали издавать без картинок. Вместо них стали печатать портреты знатных и старейших девиц-учительниц.

Комитет по выжиганию муравейников потребовал от пчел индивидуального самоотчета по поводу их деятельности среди пестиков и тычинок.

Неизвестные энтузиасты из общества «Корни» выкорчевали в парке двести пар обнявшихся ветвями деревьев.

Для девочек старше пятнадцати лет был объявлен Закон о всеобщей и обязательной грудной плоскости. Особой популярностью стали пользоваться регулярно проводимые Конкурсы красоты для климактеричек.

Фрейда обвинили во фрейдизме. Но при этом основоположником фрейдизма провозгласили нашего Гаврилку — крестьянского сына, который участвовал в героических битвах, попал в плен, участвовал в половецких плясках, но остался верен своей возлюбленной Матрене Рязанской, о чем в летописях, найденных в архивах, свидетельствуют вырванные и навсегда потерянные страницы. Большое и тщательное изучение этих белых пятен нашей истории привело к выводу о том, кто был истинным прототипом великой пушкинской поэмы «Гавриилиада», которую, впрочем, решено было не печатать из-за скрытых в ней явно непутешинских комплексов. Вообще все наклонности рекомендовалось понизить до линии горизонта, видеть который можно было только через спецбинокль для проверки внутренностей человека. Поступило предложение отказаться от лозунга 20-х годов «Даешь!» ввиду его неблагозвучности. Заодно по обвинению в наркоманстве повесили тридцать наркомов, из которых двадцать семь под пытками признались, что они проститутки. Остальные трое, согласившись с этой формулировкой в принципе, потребовали добавить, что они — политические. Поправку не приняли. Пришлось вешать без поправки.

Импотенция поощрялась. Особенно в творческой среде, работникам которой в отличие от всех разрешили работать в ночную смену. Однако некоторые воспользовались этим доверием и начали спать по ночам, да еще и смотреть всякие сны. Пришлось применить крайние меры: изъять сновидения из обращения, усилив контроль за их хранением в специальных библиотеках.

Для содержания секс-бомб были построены бомбоубежища, на вход в которые допускались лишь члены партии, доказавшие свое членство во времена подполья.

В целях дальнейшего развития сельского хозяйства семенной фонд отдали в промышленность, а промышленности запретили иметь семенной фонд. Излишества разрешили только архитектуре, о которой было сказано, что это «застывшая музыка». Самой же музыке оставили одну ноту для «гармоничного развития личности».

Наконец, был издан государственный Указ об отмене Природы как таковой.

Вдруг выяснилось: где-то как-то почему-то в одном незаметном кабаке сохранился один едва заметный стриптиз. Проглядели подлеца. Долго думали, что делать. Решили: чтобы интеллигенция не обиделась, оставить все же эту единственную в своем женском роде пошлость. Но с одним условием: при входе в кабак пусть стоит швейцар и вилкой выкалывает посетителям глаза.

Не выдержала все это Женская плоть, сорвала с себя одежды и вышла на площадь — нате, говорит, меня, берите! хватайте! только больше Природу не трогайте!..

И взяли, и схватили. И начали судить вместе с

Природой прямо тут же на площади... Приговорили: Женскую плоть — растерзать, а Природе задать публичную порку при большом стечении народа. Но так как народ стекался неохотно, постановили привлечь людей бесплатной раздачей сперматозоидов — каждому по банке. Вскоре, однако, выяснилось, что это обман, банок в стране нет, а сперматозоидов множество.

Тогда учинили порку Природе по-тихому, без свидетелей.

Но когда очередь дошла до Женской плоти, вострепенулась она, горячая, вспыхнула вся и, подхваченная уличным ветром, вырвалась на волнующую сердце свободу и, нагая, исчезла куда-то в один святой миг.

Ахнули все, да уж поздно... Где же она теперь, где?.. Говорят, спряталась в темных углах и грешит, ох как грешит в подъездах и на панели.

Однако ходят слухи: так будет недолго, что-то где-то опять копится и готовится, скоро снова где-нибудь да восстанет Женская плоть.

И опять грянет Песнь песней. И зачирикают птички. Даже в клетках.

Для международной выставки

в Брулифасте (Антарктида) мы с Мишей должны были сделать дверь.

— Наша дверь должна быть самой лучшей, самой необычной, самой оригинальной! — сказал нам Главный Конструктор. — Нужно сделать такую дверь, какую Антарктида еще не видела. Чтобы Антарктида ахнула, понятно?

— Сделаем, — сказал Миша. — Ахнет.

Через пару дней мы принесли Главному Конструктору чертежи и расчеты первого варианта двери.

— Не годится, — сказал Главный Конструктор. — Прежде всего наша дверь должна быть удобной. А вы что сделали?.. На ней даже нельзя спать! Попробуйте поспите на этой ручке!

— Ручку мы уберем! — сказал Миша.

— Правильно, — сказал Главный Конструктор. — И хорошо бы к двери подвести душ — это будет очень ново. А еще лучше — ванну, чтобы в нашей двери можно было купаться!

Через месяц мы с Мишей создали новый вариант двери, у которой были все удобства, включая телефон. Теперь, если в нашей двери раздавался звонок, это означало отнюдь не то, что пришел ка-

кой-то гость. Надо было быстро подходить к двери, нагибаться и говорить в замочную скважину:

— Алло! Я вас слушаю!.. Кого вам нужно?

— Позовите к двери Таню, — слышался из замка голос Миши, когда мы пробовали дверь в лабораторных условиях.

— Здесь нет таких, — отвечал я. — Здесь такая не проживает!.. Вы ошиблись!

Главный Конструктор похвалил нас, но наша дверь его не удовлетворила.

— Это ужасно!.. — сказал он. — Она у вас пищит!

— Дверь и должна пищать! — попробовал разбить я. — И потом, если на ней спят, если по ней разговаривают по телефону, если в ней уже купаются, — то, уверяю вас, от всего этого вполне можно запищать!..

— Ни в коем случае, — сказал Главный Конструктор. — Звуковые сигналы давно запрещены во всем цивилизованном мире. В том числе и в Антарктиде.

— Но это на транспорте, а не на дверях! — сказал я очень смело.

— Кстати, — сказал Главный Конструктор, — а почему бы нам не подумать о том, чтобы наша дверь могла бы исполнять функции троллейбуса!.. А?! По-моему, это не помешает.

— Я уже продумал этот вопрос, — сказал Миша. — Правда, троллейбус не получается, получается автобус. Но это тоже неплохо: многоместная, междугородняя дверь, работающая на авиационном бензине.

— Кстати, — сказал Главный Конструктор, — а почему она у вас не летает?

Через полгода дверь умела летать.

— Вы знаете, мне кажется, мы немного перемудрили, — сказал Главный Конструктор. — Мне хочется от нашей двери какой-то локальности, простоты... человечности какой-то, а?

— Да, — сказал Миша. — Есть предложение сделать ей ноги.

— Зачем двери — ноги? — удивился я.

— На выставке ожидается большой банкет. Было бы хорошо, если бы наша дверь на нем станцевала.

— Правильная мысль, — сказал Главный Конструктор. — Но пусть танцует без ног. С ногами танцевать — это каждый умеет!

Через год наша дверь умела танцевать. Уже пора было готовить ее к отправлению на выставку. Времени оставалось мало.

— Как вы думаете, мы ничего не забыли? — спросил Главный Конструктор.

И тут я решился на очень важное заявление. Я выставил грудь вперед, расправил плечи и героическим голосом сказал:

— Мы забыли крючок.

— Правильно! Крючок! — обрадовался Главный Конструктор. — Очень хорошо, что напомнили. Дверь должна... дверь должна... ну, что должна дверь?..

— Уметь удить рыбу, — устало сказал я.

— Сделаем, — сказал Миша. — Антарктида охнет и ухнет.

Когда мы за оставшиеся три дня и три ночи сделали и это, дверь была закончена. Я был уверен, что сделанная нами огромная работа окажется бесполезной, но, к моему удивлению, очень скоро мы узнали, что наша дверь получила на выставке в Брулифасте Гран-при.

— Ладно, — сказал я примирительно Главному Конструктору, когда мы немного навеселе возвращались из ресторана, где обмывали нашего Золотого Пингвина. — Но все-таки не можете ли вы мне объяснить, почему все это случилось?.. Ведь я знаю абсолютно точно, что наша дверь умеет все, кроме одного, — она не может открываться и за-
пираться!.. Я-то знаю!

Главный Конструктор расхохотался мне в лицо.

— Неужели ты не понимаешь, что к изделиям, выполненным специально для выставки, предъявляются совсем другие требования, нежели к тем, которые изготавливаются для всеобщего потребления. Кому нужна на выставке дверь, которая умеет только открываться?! Это качество комиссию и не интересует — кому придет в голову проверять дверь на открывание?.. Теперь ты понимаешь?

Теперь я понимаю. Сейчас мы с Мишей делаем лопату, предназначенную для одной строительной выставки.

Получается очень оригинальная штучка. Очень современная — вся из стекла и бетона. А также — широкоэкранный, водонепроницаемый и самовозгорающийся. Мы уже вделали в нее телевизор, а сейчас вот уже восьмой месяц бьемся над тем, чтобы научить нашу лопату говорить на трех языках. По-французски, по-английски и по-итальянски. Это, конечно, безумно трудно, но мы знаем, что говорящая лопата, лопата-полиглот, определенно обеспечит нам на выставке какой-то успех.

Работаем. Стараемся.

Не ленимся. Копаемся.

Есть у меня друзья,

студенты-физики, отличные парни. Живут они втроем в одной комнате общежития и, кажется, не брезгают мною, «жалким гуманитарием», любят, когда я приезжаю к ним в гости.

Мы сидим обычно за бутылкой сухого вина и весь вечер разговариваем о том о сем, о пятом-десятом... В последний раз мы виделись совсем недавно, разговор наш сначала зашел о девочках и проблемах женитьбы, затем я рассказал пару веселеньких анекдотов и вдруг, ни с того ни с сего, как, впрочем, это всегда бывает в подобных беседах, тема круто двинула в сторону: мы заговорили о литературе и искусстве... И тут мои друзья проявили себя не лучшим образом. Дело, конечно, не в том, что кто-то из них спутал Чапека с Гашеком, а Джиоконду с анакондой... Меня поразила сама причина невежества: оказывается, еще на первом курсе ребята дали друг другу слово — читать только те книги, в которых есть математические формулы.

— Ну, и как?.. Получается? — спросил я с иронией.

— Вот уже скоро три года, как мы держимся. Ни одного нарушения.

Мне стало жаль моих друзей: неужели они на всю жизнь останутся без Толстого и Гоголя, без Блока и Экзюпери... Нет, этого нельзя допустить!

Придя домой, я решил помочь своим друзьям-физикам: чтобы как-то заинтересовать их в чтении художественной литературы, в ту же ночь я взялся за перевод всего мирового наследия на язык математики и вообще науки.

Начал с элементарного. Со всем известной сказки «Репка». И вот что у меня получилось:

«Однажды независимые переменные дедка, бабка, внучка и, конечно, Жучка тащили некоторую постоянную обтекаемую репку. Возьмем любую задом наперед заданную функцию и представим себе репку как тело вращения усилий дедки, бабки, внучки и, конечно, Жучки. Продифференцируем репку по дедке, дедку по бабке, бабу по внучке и внучку, конечно, по Жучке и в результате суммирования дельта-дедка, дельта-бабки, дельта-внучки и дельта-конечно-Жучки получим определенный интеграл с постоянным верхним пределом репки и постоянным нижним пределом — конечно, Жучка. Кроме того, заметим, что дедка стремится к бабке по любому закону (ну, или без закона!), а внучка стремится к Жучке до бесконечности!..»

Надеюсь, в этом виде сказка заинтересует друзей-физиков, и они прочтут ее с удовольствием. Далее, переписал кое-что из Пушкина:

«Я помню чудное мгновенье, равное примерно 0,5 секунды, Передо мной на расстоянии 6 дециметров и под углом в 45 градусов к плоскости земли, явилась ты...

Как мимолетное, со скоростью 300 км/час, виденье,
Как гений чистой, освобожденной от примесей калыция,
хлора, серы, натрия и селитры, красоты...

Нет сомнения, что теперь мои друзья-физики зачитают Пушкина до дыр. То же самое, вероятно, они сделают и с повестью Хемингуэя «Старик и море», которую я тоже подготовил им для чтения. В самый напряженный момент, когда рыба вот-вот должна перевернуть лодку со стариком, я незаметненько между строчек вставил закон Архимеда, гласящий, что «на тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, направленная вверх и равная весу вытесненной им жидкости».

Что касается современной литературы, то с ней мне особенно возиться не пришлось. Очень легко удалось перевести на схему несколько десятков романов наших известных и неизвестных писателей и вычертить график творчества одного молодого поэта, постоянные взлеты которого отразились в виде волнообразной кривой. Потом я следующим образом пересказал содержание одного из последних замечательных произведений детективного жанра:

«Из пункта А в пункт Б отправился шпион С. Ровно через пять минут ему навстречу в неизвестном направлении выехал лейтенант госбезопасности Д. Определить время и точку их встречи, если известно, что шпион С. летит самолетом, а лейтенант Д. движется на велосипеде».

Убежден, что моими усилиями друзья-физики в скором времени станут вполне начитанными высококультурными людьми. Кто-нибудь скажет: «А сам-то кто?..» Ну, что ж, признаюсь... гумани-

тарная узость моего мышления давно меня раздражает. Но читать книги, набитые цифрами, у меня нет никаких сил. Поэтому в ближайшее время я попрошу у своих друзей-физиков ответной помощи.

В самом деле, не согласится ли кто-нибудь из них лично для меня изложить известный задачник Цубербиллера в жанре трагедии, а из теории относительности сделать парочку частушек?..

1964

Симпозиум в Почесайске

Сколько ни ищите, а городишко

под названием Почесайск вы никогда не найдете. Ибо — какую бы карту вы ни взяли, он по чистой случайности всегда попадает на ее сгиб и уже протерся там до такой степени, что и не понять: есть ли, нет ли его на белом свете. Дыра, сушая дыра...

И вот — надо же такому! — стукнуло в чью-то чересчур умную голову провести очередной научный Симпозиум по вопросам гальванизации альфа-бета-лучей именно в Почесайске.

— На пленэре и думы лучше думаются, и доклады докладываются, — сказал профессор Кошечкин из головного Института гальванизации и загадочно добавил: — Там закуска вкусней.

Поначалу Почесайск никак не отреагировал на свое избрание. По-прежнему, как и в былые годы, при въезде в город, около Чайной, под могучим деревом на траве лежал в тяжком сне, раскинув по-богатырски руки, тракторист из соседнего колхоза «Рассвет» Федька Шишов, и гулявшие рядом с его нетрезвым видом четыре болезненные курицы исподтишка выклевывали семечки из карманов его штанов. По-прежнему районная промысловая артель «Почесайская корзина» имени Шаляпина

плела свою продукцию сверх плана, тайно мечтая перейти в будущем пятилетии на ведерное производство. Как всегда, в парке четыре раза в неделю происходили танцы — в субботу и воскресенье под бывший духовой оркестр, а ныне вокально-инструментальный ансамбль шпульно-катушечной фабрики «Бравы ребятушки», а по вторникам и четвергам — под радиолу «Ригонда» (пластинки общие, кто что принесет)... Неизменно во рву около крепости плескались в глиняной луже ребятишки и лягушки, а на базаре в граненых стаканах все так же и за те же цены белела с отливом в кофейный цвет густая смачная ряженка. И наконец, на центральной улице, привязанный стометровой веревкой к единственному в городе светофору, добродушно щипал газон козел гражданки Голутвиной. Этот козел был вечный: он тут давно пасся, когда еще самого Почесайска на этом месте не было... Жизнь текла ровно и покойно, как река на картине, что висела в почесайской гостинице на втором этаже, слева от дежурной, справа от туалета.

И вдруг... В Почесайске поставили второй светофор. Козла приказали убрать, и когда это, естественно, не было сделано, с гражданки Голутвиной содрали штраф за «нарушение порядка посредством козла в общественном месте».

Дальше — больше. В одну витрину совсем не продуктового магазина поставили сто пятьдесят шесть банок «Зеленый горошек», чтоб с улицы стало не особенно видать восьми тысяч галош и сапог, лежавших на полках с позапозапозапрошлого года. Промысловую артель «Почесайская корзина» перевели, правда, пока не на ведерное, а на корытное производство. Но всем было ясно, что это

временно, что это только этап — к переходу на верное.

Вот тут город Почесайск заволновался и притаился, не понимая, куда его ведет всемирная история. Возникла, откуда ни возмись, какая-то общая щекочущая лбы и затылки тревога. Все вокруг стало как бы совсем другим, несмотря на то что очевидно как бы вроде оставалось тем же самым. Про Симпозиум пока не было официально заявлено, но само словечко откуда-то залетело в городок и стало порхать от жителя к жителю.

— Это был когда-то на Руси такой дед... по имени Симпозий. И был он шибко умный, — объяснял происхождение незнакомого многим слова сторож конторы по заготовке брусники Михеич, большой знаток того, что было и чего не было в почесайской окрестности.

— Не-е-е... — спорил с Михеичем шабашник Володя из бригады маляров, работавшей у себя в СМУ только в ночную смену. — Это не от этого.

— Отчего же? — вопрошал Михеич, обиженно обдирая раскрытый гороховый стручок о свой единственный передний зуб.

— Симпозиум — это по-английскому.

— Фу-ты, ну-ты... А по-нашему, по-русскому-то как?

— А так, — говорил Володя. — Как слышишь.

И отходил в сторону с ученым видом.

Время, однако, шло. Переживания нарастали. И вот уже кое-кто, из самых нервных, стал плохо переносить ночи, видя во сне Симпозиум, который надвигался на Почесайск в виде самого страшного ужаса: то как нашествие мух на лошадей, то как громадный, на весь земной шар, оползень Ан-

тарктиды на Африку и Америку, а потом всех их вместе на Почесайск, то как скопление чугуна в «Гастрономе»... Все не к добру.

— Вчерась чертей видел... полосатых! — объявлял Михеич. — А нонче чтой-то ничего.

— Это какие ж они — полосатые?.. — подтрунивал с утречка бодренький Володя. — В морских тельняшках, что ль?

— Ага, вроде того... на симпозиум к нам пожаловали и давай кувыряться, весь Почесайск вверх дном перевернули и с колокольни потом побросались. Все за одним!.. Шеи себе изломали, брюха напоролы, кишки свои раскидали, один на кучу яиц угодил, весь размазался, другой, шустрый такой, под подол бабке Никифоровне — знаешь, снохи моей тетки четвертой сестры мать, — так он к ней, бес, залез и ну шуровать, ну шуровать... Еле отбилася! Хочу щас к ей в Чудинку съездить, узнать, не случилось ли и вправду чего.

— Ты, Михеич, спи больше! — сказал Володя весело. — Проживешь дольше!

— Да мне уж и не шибко надо... Вот только до симпозиума этой дожить, краешком ока взглянуть, и уж можно с копыт да прямо в гроб да в белых тапочках!

После опубликования в местной газете материалов о подготовке к будущему событию чуток успокоились, но тут же снова заахали.

— Ну, почему... Почему именно мы? — был единственный вопрос, который и задавать-то друг другу никто не осмеливался.

С другой стороны, вздыхали удовлетворенно:

— Раз нам доверили, то уж мы, значит, на примете... Помнят про нас. Вот, стало быть, конечно,

и нам надо со всей важностью серьезности, видимо, хорошенько, так сказать, безо всякого Якова, чтобы чин по чину во всех деталях подработать по-приципиальному и как положено. И все чтоб довольны остались и... с другой стороны, сами понимаете, чтоб никакой комар нашего с вами носу под нас же самих не подточил. Ясны задачи?

— Ясны, конечно. Знамо, ужо теперича у нас не у Проньки! Ужо мы теперича нас с вами не подкачаем! Ждиттт-тя!

Наконец, ожидание кончилось, колокол ударил, пора пришла.

Прежде всего из Почесайской гостиницы вывели всех приезжих по другим, несимпозиумным, делам. Картину с нарисованной рекой заменили на гравюру художника Фрико «Обнаженная с флейтой». И повесили не справа от туалета, а слева, и дежурную передвинули в угол на место фикуса, а фикус отнесли к директору на место телевизора, а телевизор поставили в туалете на место унитаза, а из туалета сделали холл, и унитаз поставили в лифт, а лифт выложили кафелем... Одна вышла сложность — с открыванием автоматических дверей. Сама мысль отказаться от лифта, устроив в нем туалет, заставила менять систему кнопок на замковое устройство. И отверстие в полу понадобилось пробивать — иначе некуда было сливать воду.

«Почесайск — навстречу Симпозиуму!» — под этой рубрикой местная газета каждый день сообщала о новых событиях в городе, которому суждено было в самое ближайшее время стать центром мировой научной мысли.

Танцплощадку поставили под навес. Радиолу

«Ригонда» заменили стереосистемой фирмы «Грюндиг», «Бравым ребятушкам» разрешили отрастить волосы до локтей и переименовали в ансамбль «Нейтрино», подключив к нему по прямой подаче всю энергию Верхнепочесайской ГЭС.

«До Симпозиума осталось пять дней...»

На лотках и прилавках Почесайска появились цитрусовые.

«Три дня...»

Автобусный маршрут № 2 продлили до остановки «Баня», где все было переустроено на финский манер, то есть с шашлыками и самоваром в самой парилке.

«Два дня...»

Бульдозером оттащили от Чайной Федьку Шишова, посадили его на трактор, залили авиационным бензином баки и включили мотор, — чтоб шел в направлении горизонта, пока не иссякнет горючее.

Говорят, курицы бежали за ним два километра, сойдя, видно, с ума от непонимания, что же это такое происходит. Недаром говорят: «куриные мозги...»

В последний день, за полтора часа до открытия Симпозиума силами стоявшей неподалеку армейской дивизии было закончено асфальтирование оврага, который испокон веков пересекал город. По новому генплану архитекторов Почесайска здесь в недалеком будущем можно было бы проложить рельс, навести крышу и пустить метро. Надо сказать, мысль о почесайском метро нашла как своих сторонников, так и противников, но привлекала всех своей инженерной смелостью и оригинальным решением. Ведь тут использовались ес-

тественные природные богатства края! И тем самым резко удешевлялось строительство, экономия капиталовложений происходила как бы сама собой.

— Что здесь было до Симпозиума? Овраг! Свалка! Отхожее место! А теперь бьют фонтаны, поют птички, резвятся дети!

Так оценили асфальтирование оврага местные краеведы, выступившие с инициативой посадить здесь во время Симпозиума банановую рощу. Видно, чрезмерное обилие цитрусовых в Почесайске навело их на эту мысль: а мы чем хуже?.. Пусть теперь Африка догоняет Почесайск! Будем есть фрукты круглый год!

Один Михеич что-то сидел грустный и молча курил сигарету «Союз—Аполлон», специально выданную ему по случаю надвигающегося праздника. Наконец, произнес:

— Ох, Володичка... ох, дорогой!

— Чего вздыхаешь, Михеич?.. Дожил ведь, старый, до Симпозиума — вот и радуйся, теперь спи спокойно и весело, дорогой товарищ!

— Не могу спать!.. Вот то-то и оно!

— А что? Почему те не спится?

— Думу думаю. Серьезную думу.

— Ишь ты... Ну, и как-то так думу ты придумал, старый хрен?

Михеич загадочно посмотрел на Володю и приплюнул горящий кончик сигаретки:

— Я думаю, дадут нам скоро по одному месту! И вся недолга!

— А я думаю обратно — поцелуют! — хохотнул Володя.

— Не-ее! — уверенно сказал Михеич. — Мне сон

уже приснился. По нему точно выходит, что не поцелуют, а дадут... и сильно дадут!

И вот, наконец, долгожданный Симпозиум в Почесайске был открыт. Город наполнился многоголосыми и лысыми, усатыми и бородатыми учеными, среди которых нередко попадались и гениальные.

— Такой наплыв Эйнштейнов, — говорил директор Почесайской гостиницы, — что просто свободных мест нет!

Три дня и три ночи Почесайск гудел и вздрагивал, так как банкет в честь открытия Симпозиума затянулся настолько, что научные заседания в целях экономии времени пришлось перенести в ресторанный зал. Проблемы гальванизации еще лучше решались в финской бане, откуда профессора Кошечкина вынесли на четвертые сутки не только без штанов, но и без памяти. По дороге в гостиницу он вырвался из рук младших научных сотрудников, побежал в голом виде по центральной улице и ударился о первый светофор, погнув его до земли.

В только что посаженной банановой роще видели одного Референта. Он стоял на коленях перед козлом гражданки Голутвиной и плакал, целуя его в бороду.

В заасфальтированном овраге веселились пятеро пьяных Консультантов, которые за час до этого подарили свои доклады ансамблю «Нейтрино» в виде сувениров. Потом все вместе пели песни Высоцкого голосом Армстронга. Некоторые интеллектуалы спорили: что лучше — опера «Иисус Христос — суперстар» или песня «Арлекино».

Через неделю банкет в честь открытия перманентно перешел в банкет в честь закрытия Симпо-

зиума, после чего ученые, как по команде, исчезли из города, скрывшись в неизвестном направлении.

В настоящее время городу Почесайску оказывается помощь из других городов нашей страны как потерпевшему стихийное бедствие. Ведутся большие работы по восстановлению его на всех географических картах нашей необъятной родины.

1975

Я сделал все,
как просил редактор

Я написал сатирический рассказ

о хулиганах и отнес его в журнал.

— Это смешно, — сказал редактор удивленно. — Вы — способный человек. Похоже на Ардова. Ваш герой, конечно, полное ничтожество... Но... но ведь у нас отнюдь не все такие, как этот... ваш... Васька-Жиган... Ведь у нас есть и другие, очень хорошие, просто восхитительные дети, не правда ли?

— Правда, — сказал я.

— Ну, так за чем же дело стало?.. Поправьте рассказ, напишите и о том, что есть у нас хорошего в жизни. Пусть будет не так смешно, зато акценты будут расставлены правильно...

Я сделал все, как просил редактор. Рассказ напечатали. Через месяц я написал сатирический рассказ о бюрократах-перестраховщиках и отнес его в журнал.

— Это очень смешно, — сказал редактор. — Вы талант. Похоже на Гоголя. Главный персонаж, конечно, законченный полудиот... Но... но ведь у нас отнюдь не все такие, как этот... ваш... редактор... Ведь у нас есть и другие, очень хорошие, просто замечательные редакторы журналов, вы со мной согласны?

— Согласен, — сказал я.

— Ну, так почему вы написали не о них?.. Скорее поправьте рассказ. Пусть будет не так смешно, зато акценты будут...

Я сделал все, как просил редактор. Рассказ напечатали.

Через неделю я написал сатирический рассказ о неумелой борьбе с пожарами.

— Это потрясающе, — сказал редактор. — Вы — классик. Это ни на что не похоже. То, что вы описали, конечно, отвратительно. Но. Но ведь у нас отнюдь не все такие, как этот... ваш... пожар на пожарной каланче... Ведь у нас есть и другие, очень хорошие, просто выдающиеся пожары на бензоколонках и киностудиях, например...

— Есть, — сказал я.

— Ну, так почему вы не написали о них?.. Ну-ка, перепишите рассказ заново. Пусть будет не так смешно, зато акценты...

Я сделал все, как просил редактор. Рассказ напечатали.

И вот на днях я написал сатирический рассказ, который вы, дорогой читатель, сейчас читаете. Он, конечно, дрянь, дикая халтура и макулатура... Но... но ведь у меня есть и другие, очень хорошие, просто гениальные рассказы!.. Но их пока не напечатали.

Долго я дозванивался

до своего сына, но все попадал на автоответчик. И вот, наконец, повезло...

— Алё, Славик... С Новым годом тебя, сынок. С новым счастьем!

В ту же секунду в трубке раздались гудки. Я перезвонил.

— Славик, алё... Это папа. Не вешай трубку. С Новым годом тебя...

— Я понял. Я это уже слышал. — И снова — повешенная трубка.

— Славик... — набрал я номер в третий раз.

— Папа, ты меня терроризируешь. Зачем тебе это нужно?

— Н-не понял.

— Папа, ты меня провоцируешь.

— Я?..

— Ты!.. Ты!.. Ты меня подставляешь!

— Слава, дорогой мой, о чем ты?

— Папа! — в голосе сына я услышал волнение и жесткость. — Если ты мне отец, зачем ты так часто мне звонишь?

Честно говоря, меня удивил этот тон, хотя в последнее время меня ничто не удивляет. Я попробовал объяснить:

— Хочу тебя, сыночка, с Новым годом поздравить. А где Вера? — Тотчас — гудки. Да что он, с ума сошел, что ли?.. Конечно, неприятно, когда тебе хамят. Но когда тебе начинают хамить собственные дети, то понимаешь, что выражение «грядущий хам» — вовсе не метафора.

Я еще раз набрал номер сына. Долго никто не брал трубку, но я упорный, дождался.

— Вера ушла в магазин, — сказал Славик, но не своим, а каким-то деланым стариковским голосом.

— Перестань притворяться, Слава... Славочка... Я тебя все равно узнал... В чем дело?.. Зачем ты меняешь голос?..

Возникла пауза, потом какое-то шебуршение в трубке, вздохи, а затем...

— Ты меня достал, папа, своими поздравлениями. Мне и без них страшно.

— Родной мой, я ничего не понимаю.

— А чего тут понимать? — Голос Славы зазвучал как-то обреченно. — Неужели ты не знаешь, что сейчас все телефоны прослушиваются.

Так вот оно что!.. Действительно, я что-то слышал об этом. Вот почему нынче только с автоответчиком и можно поговорить свободно. Но и с ним в наше время нужно держать ухо востро.

— А что я тебе такого сказал?.. Я только сказал: «С Новым годом, Слава!»

— Перестань называть мое имя! — прошипел мой сын. — Они могут подумать, что ты специально это делаешь, чтобы запутать следы.

— Следы?.. Какие следы?

— Они знают какие. А если не знают, я не хочу, чтобы меня в чем-то подозревали.

— Слава, скажи честно, ты во что-то вляпался?

— Ты вызываешь меня на чистосердечное признание. А еще отец?! Даже если бы я во что-то вляпался, я бы никогда ни за что не сказал им об этом честно!

— Кому «им»?.. Кто эти «они»?

— Ты меня подставляешь!.. Отец, называется!.. Ты зачем мне это сказал?

— Что «это»?

— Ты сам не помнишь, что говоришь. Они же все слышали! И сейчас нас слушают!

— Что «все», сынок?

— Ты сказал «С новым счастьем!».

— Ну?

— Что «ну»?! Теперь меня арестуют, а ты будешь делать вид, что ни при чем. Это же компромат на меня. Если мне желают НОВОГО счастья, значит, старого счастья мне уже мало. А если я несчастлив, значит, я недоволен. Значит, я против.

— Чепуха! — сказал я. — Я знаю миллионы людей, которых арестовывали, но при этом они чувствовали себя очень счастливыми и были не против.

Ах, зачем я это сказал?.. Славик тут же грохнул трубку. Опять. Я стиснул зубы и снова набрал номер сына. К телефону подошла Вера.

— Марина, — неуверенно сказала она. — Подруга Веры.

— А где Вера?

— Ты ведь уже спрашивал! — выхватил трубку нервный Слава. — И я был вынужден ответить тебе: она в магазине.

— Да, да... ты так ответил.

— Но я не хотел отвечать! — воскликнул сын. — Ты просто заставил меня говорить неправду!

— А в чем правда? — поинтересовался я.

— Она находилась не в магазине, а в ванне.

— И что с того?

— У нее алиби!.. К тому же кристально чистый человек. Я могу доказать. Она же в ванне была совершенно голая!

— Кто?.. Марина? — не понял я.

— Какая Марина?.. Никакой Марины у меня в помине не было и нет. Всю жизнь одна Вера.

— Понимаю, — сказал я. — Это компромат на нее.

— И в результате мы разъедемся. Так будет спокойнее. Поздно жить, как раньше. Будем жить, как сейчас. То есть как никогда.

Я охнул:

— Но почему?.. Ведь вы жили душа в душу столько лет!

— Мы потеряли бдительность. Вера стала пропадать. То в ванне, то в туалете. А где гарантия, что ее не сфотографировали во время твоего звонка в обнаженном виде?.. У нас в ванне орудовал недавно слесарь — где гарантия, что он не полковник?

— Нет никакой гарантии, — согласился я.

— Значит, завтра в московской молодежной газете обязательно появится снимок «Нагая Вера в ожидании кавалера»!.. Это — конец. Останется застрелиться.

— Прости, сынок. Я не хотел...

— Но я отвергаю все обвинения в свой адрес! — смело заявил мой сын. — Мы с Мариной абсолютно законопослушны перед Верой, мной и тобой!..

— Слава!.. Сыночек мой!.. — вскричал я. — Ты запутался!.. Тебя надо вытаскивать из этой трясины!.. Перестань трусить, перестань бояться!.. Об одном тебя прошу, сынок: в случае чего только виновным себя не признавай!.. Даже под пытками!.. Держись, сынок!.. Они не сломают тебя!..

— Я-то все выдержу! — внезапно заявил Слава. — А вот ты... Меня непросто расколоть, а ты это сделал. Зачем? Ты мне больше не отец!.. Из-за тебя все!.. Предатель!

Последнее слово мне как-то не понравилось.

— Слушай, Слава!.. От тебя я такой подлости не ожидал!.. За это оскорбление я ведь на тебя и в суд подам!

— А я на тебя.

— За что? — возмутился я. — И почему?

— А не надо было меня с Новым годом поздравлять. Кто тебя за язык тянул?

И повесил трубку. И правильно, между прочим, сделал. Потому что сын за отца в наше время не автоответчик.

Уралец

Н / едавно встречаю старого товарища.

Он и спрашивает:

— Филимонов, хочешь, возьму тебя в уральскую группу?

Никогда я не был на Урале, поэтому тут же согласился.

— Тогда приходи вечером в баню — мы там собираемся на тренировочный курс.

— А почему в баню?

— В бане акустика не та, что в танке, — загадочно сказал товарищ. — Приходи. Заодно и помоемся.

Вечером я пришел в баню, Зал был украшен многочисленными лозунгами и транспарантами, Несколько голых человек старательно переписывали их в тетрадки. Затем, закинув головы, с остолбенелым видом шевелили губами.

— Да здравствует... это... ну, как его... тьфу ты... забыл, что же все же да здравствует... — обратился ко мне один парень. — Не можешь подсказать?

— Не-а, я новенький, — сказал я, — Еще не учил.

В центре зала другая группа голых людей отработывала упражнение на одновременное вскакивание. При этом один поскользнулся и шмякнулся о кафельный пол. Я заметил, что вся грудь его, а также задница были в татуировке какого-то нескончаемого лозунга, прочесть который, конечно, можно, если бы воздух в бане не был такой мутный. У двери в парилку стояли на коленях человек десять. Перед каждым — тазик. Все были заняты полосканием горла какой-то рыжей жидкостью, отчего в гулком банном помещении из всех углов слышалось многоголосое урчание. Вдруг дверь парилки отворилась и из нее вышел президиум — несколько завернутых в простыни типов.

Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Все повскакивали со своих скамеек и что-то заорали. Главный величественным жестом поднял руку, все замолчали. Я тут особенно заволновался, потому что узнал в главном своего товарища.

— А-а, Филимонов. Ну, давай смелее, не стесняйся, Рявкни-ка нам что-нибудь.

— Не понял, — признался я. — Зачем мне на вас рявкать?

— Да не на нас. Это не нам, а тебе нужно, если хочешь быть уральцем.

Я крикнул:

— Ма-а-а-ма!

— Ничего. Только в нижнем регистре хрипы.

Теперь рявкни со смыслом, но какой-нибудь бред.

Я поднатужился и заорал прямо в ухо товарищу:

— Ве-е-е-ерка! Брось ключи-и-и!.. Ты меня слышишь?

— Слышу, — отпрянул от меня товарищ, схватившись за ухо. — Какая я тебе Верка?!

— Верка — моя соседка с девятого этажа. Когда я ключи забываю, она мне их во двор выбрасывает.

— А умнее ты ничего не мог придумать?

— Ты же сам глупость просил.

— Ну, ты дурак, — сказал товарищ. — Подходишь нам по всем параметрам. Записываю тебя в уральскую группу номер пять.

— А что я там должен делать?

— Как что? «Ура» кричать. Больше ничего от тебя не требуется.

— Как это кричать «ура»? Я что — сумасшедший?

— Ты комсомолец. И мы взяли тебя в уральскую группу, которая участвует во всех конференциях, слетах, отчетно-перевыборных собраниях и даже съездах. И везде делает одно и то же: в нужном месте, в определенный момент вскакивает с мест и кричит хором: «Ура-а-а!»

— И что, всё? — спросил я. — А на Урал, значит, не поедем?

— Почему не поедем? Поедем обязательно. Осенью там как раз выездная сессия.

С того дня я начал заниматься в уральской группе регулярно. И, надо сказать, не жалею. Голос у меня прекрасный. Как гаркну — стены дрожат. В том числе и кремлевские. Это когда мы во Дворце съездов кричим. Правда, однажды меня оттуда чуть было не выгнали.

Промочил я перед мартовским пленумом ноги. И голос мой от простуды пропал. Чего я только ночью с собой не делал: и молоко кипяченое с содой употреблял, и ингаляции, и таблетки «Мэйд ин Ав-

стралия» (не знаю от чего, на позапрошлом торжественном заседании у одной делегатки из номера гостиницы стащил — им мешками давали) проглотил двенадцать штук, авось, думаю, поможет... Не помогло, Нет голоса, хоть ты тресни. Нет его, подлого, хоть кричи не кричи, А кричать надо. Попробуй приди на работу и не закричи. Это что же будет? Все закричат, а я только рот раскрываю? Нет, тут не скроешься. Я наших чертей знаю. У них это дело не пройдет. И куда я потом? Прощай, пыжики да дубленки. Пропал, Филимонов, твой кормилец-голос. Не участвую я теперь в нашем всеобщем дружном голосовании.

С этими мыслями проворочался я в постели остаток ночи. Наутро явился к старшому с повинной.

— Так и так, — шепчу ему, — что хотите со мной делайте, а только сегодня кричать «ура» не могу.

— Ладно, — сказал старшой, — на первый раз тебе прощается. К тому же сегодня на пленум вызвана хоровая капелла из филармонии. «Интернационал» петь. У меня там знакомый бас. Попрошу, чтобы он вместо тебя крикнул.

Ох и волновался я в тот раз. Сажу среди делегатов на своем обычном месте, жду. После доклада рассеянные по всему залу хористы запели «Интернационал». Я тоже встал, рот раскрываю. Сейчас последний аккорд, и мне надо вступать. Ну?

— Уррр-а-а! — как закричит кто-то рядом. У меня сразу отлегло. Все, думаю, не уволят теперь меня с любимой работы. Спасибо старшому — выручил.

В антракте я подошел к нему и решил отблагодарить.

— Возьми, — говорю, — в подарок таблетки «Мэйд ин Австралия». Может, пригодятся.

Он сгреб их все — полный карман.

— Знаю я эти таблетки, — говорит. — Известное противозачаточное средство. Конечно, пригодятся.

И крепко так, по-партийному, от души пожал мне руку.

1972

Проба

(Рассказ актрисы)

Я всегда знала, что искусство

требует жертв, но никогда не думала, что до такой степени.

Пригласили меня тут как-то на пробу в одну картину. Позвонили утром, в семь часов, и говорят:

— Приходите, Лиля, сегодня в девять на грим. К пяти вечера наверняка освободитесь.

— А кто режиссер? — спрашиваю спросонок. Это всегда мой первый вопрос, его надо задавать прежде, чем «А о чем картина?».

— Коля Черняев. Это его дебют. Так придете?

— А о чем картина?

— Исторический сюжет. Любовная история. И у вас главная роль.

После таких слов важно не упасть в обморок. Важно выстоять.

«А что за роль?» — спрашиваю. Мысленно. А вслух другое:

— А кто мой партнер?

Тут вся надежда на Смоктуновского. Хорошо бы эту фамилию услышать. Однако почему-то в моей практике обычно следует иной ответ. Вот и на этот раз:

— Коля Черняев сам вам подыграет. Нам сегодня важно именно в вас убедиться, вас утвердить.

Объявляю о своем согласии, вскакиваю с постели и лечу на киностудию, толком даже не позавтракав.

Прилетев, сажусь на грим. Два часа из меня делают писаную русскую красавицу. Прикрепляют к затылку косу до пят, рядят в сарафан и, наконец, ведут под белы рученьки в павильон.

А там уже стоит нервный Коля Черняев.

— Привет, Лиля. Значит, так... Будем сегодня тебя пробовать.

— Пробуй, Коля, убеждайся. Только объясни сначала, что я должна делать?

— Твоя задача простая и вместе с тем сложная, — говорит Коля (хоть и дебютирует, а уже владеет «режиссерским» языком). — Ты — Груня, обыкновенная крестьянская девушка... А я беглый крепостной Алешка... Мы по сценарию любим друг друга, встречаемся тайно вот здесь, в сарае... Внезапно сюда вбегают люди нашего барина, князя Ахтырского, хватают меня и начинают сечь...

— А я что делаю?

— А ты смотришь.

— И все?

— И все.

— А слова какие-нибудь говорю?

— Никаких слов. Молча смотришь. Ты своего возлюбленного выдать боишься, потому и молчишь.

«Понятно. Главная роль без слов. Всю жизнь мечтала о такой», — говорю я. Мысленно. А вслух...

— Давайте, — говорю, — репетировать.

— Никаких репетиций, — строго так мне Коля отвечает. — Я сам бывший артист и знаю, что значит в кино непосредственность. В кино чувства долж-

ны быть естественные. Никакой клюквы. Кровь — только настоящая. Чтобы говорить правду, не надо врать. Ничего искусственного — это мой принцип. Репетиции мешают актеру, кино — это не театр, где тысячу раз повторяют одно и то же. Здесь важнее всего первоощущение. Фиксация первоощущений — это мой метод. Скажи, Лиля, ты сейчас что-нибудь первоощущаешь?

— Н-нет... — неуверенно сказала я, — пока не первоощущаю н-ничего.

— Правильно, — сказал Коля. — А почему?.. Потому что мы еще не начали снимать. А как начнем, так у тебя сразу появятся первоощущения, которые мы тут же и зафиксируем.

— А вдруг не появятся? — на всякий случай спросила я.

— Не может этого быть, потому что не может этого быть никогда, — уверил меня Коля и хлопнул в ладоши. — Начали!

Вспыхнули юпитеры, на меня навели камеру.

В ту же секунду в сарай, который был выстроен в павильоне, вбежали какие-то люди из массовки и схватили Колю с разных сторон. При этом один из вбежавших, самый большой верзила, со всего размаху дал Коле по зубам.

Коля дернулся, пытаясь вырваться из державших его рук, но получил сзади сильнейший удар оглоблей по голове.

Я ахнула от удивления, когда увидела, как оглушенный Коля зашатался и заорал, как оглашенный:

— Бей меня, ребята!.. Бей — не жалей!.. Лу-пи-иии-иаоуэээааа!

Орава диких парней, изображавших, по всей

видимости, людей нашего барина, князя Ахтырского, тотчас навалилась на Колю и стала вовсю мордовать его в кровь, чем попало, куда попало, со страшной силой дубасить-колошматить, пока он не упал и не прокричал сквозь некоторые оставшиеся после ударов зубы:

— Ну, а теперь вяжите меня!.. Вяжите!.. Так... Таааааак, хорошо!.. И секите!.. Ну!.. Секите же!.. Секите, я вам говорю!

Дюжие молодцы выхватили хворостины, задрали моему партнеру рубаху и — хрясь! хрясь! хрясь! — начали жестоко полосовать его по голой спине и ниже, потому что штаны Коли к этому моменту оказались приспущены.

Я увидела жуткие вспухающие у меня на глазах алые рубцы и подтеки.

Я не выдержала и закричала что-то, не помню что.

Тотчас погасли юпитеры. Я поняла, что съемка пробы закончилась.

Приехавшая через полчаса «Скорая помощь» увезла моего режиссера, который после перевязки в павильоне так и не пришел в себя, лежал в углу сарая, оставаясь без сознания.

Нести носилки к машине помогала вся группа, в том числе дюжие ребята из массовки.

Я ушла домой в большом потрясении.

На следующий день мне позвонили с киностудии:

— К сожалению, вынуждены вас огорчить. Режиссеру ваша проба не понравилась. На роль Груни вы не подошли.

Вот те на. Не подошла. Здорово. Я не подошла. Оч-чень интересно. Моя проба, видите ли, не по-

нравилась. Плохая из меня Груня. Зато Алешка хорош.

— Понимаю, — сказала я хриловатым от волнения голосом. — Я не выполнила режиссерского указания, я не должна была кричать. Груня должна была смотреть на все это молча. Но... не скажете ли вы мне, как здоровье режиссера?.. Я ночь сегодня не спала!

— Нормально, — ответили мне, — сегодня вышел на работу.

— Да? — удивилась я. — И... что же он делает?

— Как что?.. Снимает пробы.

Я положила трубку и заплакала, не в силах побороть свое естественное первоощущение.

1973

На рынке

Знатный алкоголик района

Володька Бубнов, частично беззубый человек 48 лет, с лицом шершавым и углистым, как асфальт, и тонкой, морщинистой шеей, похожей на грязное, перекрученное полотенце, сидел на рынке в ряду «Овощи-фрукты» и продавал щенка неизвестной породы.

Была глухая осень. Дождь накрапывал слегка, но тяжелыми редкими каплями. Они ударяли по непокрытой лысине Володьки и отзывались в его несвежей голове мрачным колокольным звоном.

«Сичас выпить ба!» — сладко думалось Володьке, но сукин сын щенок не продавался уже четвертый час, отчего голубая мечта оставалась того же цвета. Денег на выпивку у Володьки не было ни шиша. От пустого ожидания Володька ерзал, сидя на каком-то драном рыночном ящике, и мотал глазами в разные стороны в надежде усмотреть возможного случайного покупателя.

— Ты чё нервичаешь? — спросила Володьку бабка с мужским именем Парфен, продававшая рядом огурцы, семечки, репу и газеты за февраль 1949 года — на заvertку. — Не нервичай! Продавай сурьезно,

— Не покупают! — пожаловался Володька бабке. — Не идет товар.

— Купють, — уверенно сказала бабка Парфен. — Жди!

И действительно, не успел Володька еще раз оглянуться, как около него остановилась женщина-покупательница.

— Почем будет собака? — строго спросила она Володьку.

Но Володька, который сразу почувствовал, что ему везет, решил не сразу объявить цену.

— Полтора месяца, — сказал он. — Чудо, а не кобелек.

— Значит, еще пысается! — Женщина дружелюбно потрогала щенка за ушами.

— Трешник, — торопливо объявил Володька, обидевшись за щенка, — а с утра за пятерку отдавал!

— Почему же сбавил? — с прежней строгостью спросила женщина.

— Щенок — старше, цена — дешевле! — объяснил Володька, но женщина не улыбнулась, не купила щенка, отошла.

Примерно через полтора часа, когда Володька совсем продрог и грелся своим ледяным, тоскливым до пойла животом о горячее тело щенка, подошел следующий покупатель — мужчина вредного интеллигентного вида.

— Сколько? — спросил он.

— Рупь, — быстро отвечал Володька. — С утра трешник просил.

— Хорошо, — сказал интеллигент и полез в карман за бумажником. — Это какая порода?

— Доберман-сеттер, — не моргнув, ляпнул Во-

лодка и тут же понял, что продешевил. За такую породу можно было бы взять и подороже!

— Что-то я не слышал такой породы. Родословная у него есть?

— Чего? — не понял Володька.

— Ну, родители кто?.. Папа с мамой?

— Я его родитель, — сказал Володька просто-душно. — Я ему и папа и мама!

— Понятно, — сказал интеллигент, оставляя рубль в бумажнике. — Ну, а бабушка с дедушкой тогда у него кто?

— Бабушка у него из Австралии, а дедушка проживает в Балашихе, с Курского вокзала. Между прочим, медалисты. Оба-два!

— Непонятно, — сказал интеллигент. — Почему ж они на таком расстоянии друг от друга живут? Почему в такой разлуке?

— Жизнь раскидала! — беспечно ответил Володька.

— Нет, пожалуй, я не возьму... Передумал... Мне нужен породистый пес.

— Ах, ты... — Володька хотел было выругаться, но не сумел: щенок вдруг заскулил и посмотрел на него грустными своими пуговичными глазами.

Мужчина ушел, унося с собой через ворота рынка в бесконечность желанный рубль.

Бабка Парфен убрала с прилавка свою репу с семечками и огурцами, причесалась, на вырученные от продажи газет деньги выпила газировки из автомата и походкой царицы ушла с рынка. Дождь перестал накрапывать, понимая, видно, что рабочий день рынка кончается. Володька сидел понуро, без всяких надежд.

Вдруг на уже почти пустом рынке стремитель-

но появилась юная влюбленная парочка. Парень шел браво, в распахнутом настежь пальто, под которым сверкал дорогой, сшитый по моде костюм-тройка и галстук-киска, шел молодцевато, нагло, словно хозяин всей этой рыночной кутерьмы, а девчонка, крошка-канашка, еле поспевала за ним...

— Мужик, продаешь бобика? — спросил парень, показывая Володьке стальные зубы.

— А ты не видишь? — огрызнулся Володька.

— Марина, хочешь бобика?.. Давай купим, а?.. В квартиру нашу новую?

— Зачем?

— Для мебели.

— Не сходи с ума, Гена. Мы же за грушами пришли! — Марина потянула своего Гену за рукав.

— Груш нет. Есть бобик. Он к нашим обоям по цвету подходит. И забава тебе будет не хуже телевизора.

— Не хочу я бобика. Я груш хочу.

— Груш я тебе еще сто кило куплю. Я тебя грушами закидаю. А вот этого бобика...

— Сначала купи груш, а насчет бобика поговорим в следующий раз! — твердо сказала Марина.

— Марина! Ты моя жена второй месяц, а уже командуешь.

— Гена! Ты второй месяц как мой муж, я все это время прошу тебя как человека: купи мне груш, купи мне груш, а ты мне суешь какого-то бобика.

— Муж-муж! — сказал Гена с горечью. — Обьелся груш!

— В том-то и дело, что не объелся! — поправила Марина не без ехидства.

— Мужик! — снова обратился парень к Володьке. — Так мы у тебя этого бобика купим.

— Покупай скорей, — мирно попросил Володька. — Мне еще до семи надо успеть.

— Успеешь. Сначала цену назови.

— Десять рублей, — ляпнул Володька, но что-то изнутри ему подсказывало: какую бы цену он сейчас ни назвал, дело будет сделано.

Марина ахнула, Гена на нее цыкнул.

— А это мальчик или девочка? — поинтересовался Гена.

— А вам кого больше хочется? — спросил игриво Володька, желая, в общем-то, потрафить покупателей и не ожидая вовсе, к чему приведет эта его шутка.

— Ему вообще детей не хочется, — вмешалась Марина. — Он в этом не понимает ничего.

— Ты много в детях понимаешь! — крикнул Гена довольно громко, так, что воробьи слетели с прилавка. — Когда я до свадьбы до нашей просил тебя не делать ЭТОГО, а ты сделала, — ответь, ну, ответь сейчас, зачем ты ЭТО сделала?!

— Нашел, урод, где отношения выяснять — на базаре, при мужике постороннем и при каком-то бобике!

— Кто урод? Я урод? — Гена рассвирепел окончательно. — Да ты на себя посмотри!.. У меня таких баб, как ты, месяц назад было навалом! Вагон и маленькая тележка!

— Вот и отправляйся к своим бабам! А я тебя больше знать не желаю и видеть не хочу! — Марина зарыдала в руку.

— Чего же ты хочешь? — крикнул Гена. — Дура!

— Я груш хочу! — Марина повернулась. — Дурак! — и убежала с рынка.

Володька и Гена ошалело смотрели ей вслед.

— Так... Ну, мужик, сколько же стоит твой бобик, говоришь? — Гена сейчас шумно дышал через нос и криво улыбался Володьке. Вид у него был теперь совсем не бравый, побитый у него был какой-то вид.

— С утра... пятнадцать просил!.. — неуверенно объявил цену Володька. Он был сейчас почему-то сильно испуган. Ему казалось сейчас, что вот-вот появится на рынке милиционер и заберет их всех вместе с бобиком и Генкой.

— Возьми четвертной. Сдачи не надо! — хмуро, сквозь зубы сказал Гена и расплатился. — Мне этот... эта...

— Кобель, — подсказал Володька, еще не веря в то, что произошло.

— ...дороже жизни! — договорил парень и, прижав щенка к груди, медленно и неуверенно пошел прочь.

1974

А. С. Г. 1974

1974

Марина! Ты можешь... — Гена... —
— Я груш хочу! — Марина повернулась. — Дурак! — и убежала с рынка.
Володька и Гена ошалело смотрели ей вслед.
— Так... Ну, мужик, сколько же стоит твой бобик, говоришь? — Гена сейчас шумно дышал через нос и криво улыбался Володьке. Вид у него был теперь совсем не бравый, побитый у него был какой-то вид.
— С утра... пятнадцать просил!.. — неуверенно объявил цену Володька. Он был сейчас почему-то сильно испуган. Ему казалось сейчас, что вот-вот появится на рынке милиционер и заберет их всех вместе с бобиком и Генкой.
— Возьми четвертной. Сдачи не надо! — хмуро, сквозь зубы сказал Гена и расплатился. — Мне этот... эта...
— Кобель, — подсказал Володька, еще не веря в то, что произошло.
— ...дороже жизни! — договорил парень и, прижав щенка к груди, медленно и неуверенно пошел прочь.

И пригласили меня

в одно солидное учреждение.

— Сделайте, — говорят, — нам то-то и то-то. Мы слышали, что вы в этом деле специалист, каких мало.

— Пожалуйста, — говорю. — Рад помочь... Но как вы мне мою работу будете оплачивать?.. Я ведь у вас не в штате...

— А пусть, — говорят, — это вас сейчас не волнует. Мы — организация серьезная, не лавочка какая-нибудь... У нас в истории еще не было случая, чтобы кто-то в нашу кассу пришел и без ничего вышел. Одно только важно: лишь бы вы были не рвач.

— Да нет, — говорю, — я просто деньги за свою работу люблю получать.

— Это вы сейчас не один такой. Сейчас многие этим страдают. Но мы торговаться не привыкли. Верьте, за нами не заржавеет. Приступайте!

Я и приступил. Сделал все, что требовалось, в лучшем виде. Пришло время расплачиваться за содеянное. Меня спрашивают:

— Сколько у вас фамилий?

— Одна, — говорю. — Как и у всех.

— У всех много фамилий. Одна — по паспорту, другая — по матери, третья — по месту жительства...

— Как это, — спрашиваю, — может быть фамилия — по месту жительства... Я что-то не понимаю...

— А очень просто, — говорят. — Допустим, по паспорту ваша фамилия Пупкин. По матери — Остолопов. А живете вы... ну, скажем, в Мерзляковском переулке. Вот мы тогда берем и заключаем с вами три договора: один с Пупкиным, другой с Остолоповым, третий с Мерзляковским. Вы к нам приходите и три раза расписываетесь в трех ведомостях. Понятно?

— Понятно, — говорю. — Записывайте... Значит так: по паспорту я — Коршунов, по матери... этот... как меня?.. Персиянинов!.. А по месту жительства, извините, я — Лев Толстой, Живу, простите, на его улице.

— Так, — мне говорят, — очень прекрасно. Два договора, считайте, мы с вами уже оформили. А вот с Львом Толстым, конечно, ничего не выйдет. Разговоры начнутся, подозрения всякие... «Что за Лев?.. Да не тот ли самый?.. Да что ему от нас нужно?.. И почему мы его на работу приняли?.. И вообще, зачем нам нужны такие — с бородой и длинноволосые?» Нет, вы его лучше замените, Толстого вашего.

— Кем?

— Да мало ли... Назовите себя Бескудниковым, Кузьминкиным, Медведковым, Дегуниным, Беляевым, на худой конец, Богородским...

— Нет-нет, — говорю, — это далеко от центра... А я хочу поближе что-нибудь.

— Поближе, — говорят, — у нас уже все занято. Вы не один у нас деньги хотите получить!..

— Ладно, — говорю. — Пишите: Елисейевский. В честь одноименного гастронома. Это хоть и не мое место жительства, но зато и в центре, и всегда продукты свежие...

Через пару дней прихожу в кассу. Называю подряд три фамилии. Кассир говорит:

— Вам не выписано.

— Кому «вам»? — спрашиваю. — Мне одному или мне троим?

— Всем.

— Кому «всем»?.. Тем, которые я, или нам, которые они?

— Им, — говорит кассир. — И вам... Никому.

— Кому «никому»? — спрашиваю. — Я один у вас за троих работал! Вы мне должны заплатить!

— Вам, может быть, и заплатим, когда выпишем, а им — нет, потому что они у нас не работали!

— Да поймите... они — это я!.. А я — это они!

— Ничего не знаю, — говорит кассир. — Если вы не вы, то идите наверх и выясняйте, кто вы. Я не вам не могу вам платить!

Пошел я наверх. Выясняю. Мне говорят:

— Видите ли... В настоящее время мы вам на троих выписать не можем. У нас ревизия на носу. Поэтому мы решили вас все же оформить на одну фамилию. А те фамилии вы пока забудьте. Помните только то, что по матери.

— То, что по матери, — я говорю, — это я никогда не забываю!..

— Вот и отлично, — говорят. — А сколько у вас жен?

— Ни одной, — отвечаю.

— Точно «ни одной» или все же имеется?.. Не спешите. Подумайте.

— Да точно, — говорю. — Что я, сумасшедший?..

— Вы — нормальный, но могли забыть, как все нормальные люди забывают. Ну... хотя бы бывшая. С которой вы развелись.

— Да нету у меня никакой. Поэтому я еще не разводился. А зачем вам?

— Нужно. В ваших же интересах. Иначе придется вас самого в декрет отправлять?

— Меня?.. В декрет?! Я — мужчина!

— Это неважно. А вместо жены вы бы не могли нам кого-нибудь привести?

— Кого???

— А все равно. Мы бы ее тут в темпе оформили. Но не как вашу жену, а жену какого-нибудь нашего человека. Потом быстренько отправляем ее в декретный отпуск, а наш человек приносит нам документ о разводе, мы от него через суд требуем выплаты алиментов, ваша жена их от него получает и передает вам. Сумма та же самая, но все по закону. Идет?

— Идет, — говорю. — Есть у меня одна... такая... но она на это сама вряд ли согласится.

— На что?.. На то, чтобы мы ее оформили как вашу жену?

— Нет, — говорю, — на передачу мне этих денег!

— Тогда, — вздыхают, — надо искать другие законные пути по борьбе с нашими законами.

— Ищите, — вздыхаю и я. — А когда найдете, позовите.

Через неделю зовут!

— Жогло! — кричат. — Жогло!.. Вы — Жогло!.. Это ваша новая фамилия.

Ладно, думаю. Жогло так Жогло. А почему я Жогло, даже и не спрашиваю.

Иду к кассиру.

— Посмотрите, — говорю, — на «Жогло»!.. Там должно быть выписано.

— А вы на какую букву, — спрашивает кассир, — на «мэ» или на «жэ»?

Я говорю:

— Я Жогло на букву «жэ». Разве не ясно?

— Я не о том. Я спрашиваю: вы — мужчина или женщина?

— Откуда мне знать? — говорю. — Да и вам какая разница?

— Большая, — говорит кассир. — У меня на мужчин и женщин — разные ведомости. Если вы мужчина — это одно. А на женщин у меня совсем другие деньги. Женские.

— Давайте мне любые, — говорю. — Ни от каких не откажусь!.. И вообще, если вы мне сейчас ничего не выдадите, я вам тут такое Жогло устрою!.. Я вам тут все сейчас переоформлю! В декрет вас всех отправлю, в штат, в лимит, в оплату ко Льву Толстому по матеря!..

Кассир говорит:

— Зря нервничаете, голубчик. У меня, между прочим, кнопка охраны под левой пяткой. Сейчас вот ее нажму, и отведут вас по коридору на новое место жительства.

— Кого отведут?! — кричу. — Кто я?.. Мужчина или женщина?.. Жогло или Мерзляковский?.. Если я мужчина, то почему я в женской ведомости, а если я женщина, то почему я — гастроном?!

Кассир говорит:

— Ведите себя поприличней, голубчик. Тут все же касса, а не баня. Мужчина вы или женщина — мне лично все равно. Мне важно знать, кто Жогло? Идите наверх и выясняйте.

Пошел я наверх. Там говорят:

— Только что у нас была ревизия. Нас разоблачили, а вас не оформили. Это конец. До свиданья.

— Здравствуйте! — говорю. — Значит, я не получу своих денег?

— Не знаем, — мне говорят. — Мы вас не знаем. Кто вы?

— Вам не скажу, — говорю. — А деньги все равно от вас вырву.

И пошел вниз к кассиру. Говорю:

— Узнаете?.. Я Жогло — женщина, среднего рода, специалист, каких мало, в декрете, на лимите, вне подозрений... и за мной не заржавело!

— А-аааа, — сказал кассир. — Так бы сразу и сказали... Распишитесь!

И выдал мне деньги.

Пока часы не пущены...

Пародия

Заметки нашего шахматного обозревателя

Знаменательно, что

в фамилии нынешнего чемпиона мира по шахматам — К-а-р-п-о-в — шесть букв, а в имени Т-о-л-я — четыре. Если эти цифры поставить рядом, то получится... 64! Количество клеток на шахматной доске!

Над таким совпадением стоит призадуматься Бобби Фишеру, счет букв фамилии которого — 55 — заметно отстает от признанного во всем мире, существующего с древних времен шахматного символа.

Другая шахматная особенность — наличие белых и черных фигур и пешек.

К сожалению, невозможно подсчитать, сколько раз за всю историю шахматной игры белые начинали и выигрывали. Зато я совершенно достоверно знаю, что черные не начинали никогда. И в этом тоже есть свой скрытый философский смысл! Ведь борьба света и тьмы проходит через всю человеческую жизнь испокон веков!

Был, правда, один случай, когда в шахматы играли желтые и голубые. Но это произошло во времена Нерона, когда глупый и самодовольный им-

ператор от скуки организовал турнир на звание чемпиона среди дальтоников. Между прочим, уже тогда стоял вопрос о включении шахмат в программу Олимпийских игр в Греции, но Олимпийский комитет, вплоть до сегодняшнего времени, затягивает решение этого важного вопроса.

Александр Македонский также увлекался шахматами. Очевидцы легенд рассказывают, что он неоднократно играл в походной палатке перед особо ответственными сражениями со своим любимым конем Буцефалом, предпочитая его как партнера своим тупым военачальникам.

Есть также неподтвержденные сведения об Иване Грозном, игравшем с князем Курбским по переписке. Этот матч закончился с интересным результатом: 26 бояр было утоплено живьем в проруби реки Яузы, 49 девок провели со взбесившимся от проигрыша Иваном 49 ночей, после чего на Руси началась опричнина.

Да, шахматы всегда влияли на историю бурно развивающихся народов. Достаточно вспомнить пытки средневековой инквизиции, когда слепые от ненависти к разуму и мудрости, свойственным этой игре, инквизиторы прищемляли шахматной доской слабозащищенные места тогдашних мастеров-шахматистов, впихивали им в рот пешки со свинцом. И все-таки, несмотря ни на что, игра и игроки выжили, преодолели в дальнейшем соперничество «домино» и карточных увлечений. В наше время наблюдается подлинный расцвет шахмат — этой «игры миллионов». Зайдите в любой обеденный перерыв в любое учреждение, и вы увидите склонившиеся над шахматной доской голы! Спросите у них, давно ли они играют. И вам

ответят: с утра до вечера! Следовательно, шахматы способны подчинять само время — обеденный перерыв оказывается благодаря этой замечательной игре равным целому рабочему дню. Это ли не прекрасно?

Шахматный взрыв наметился еще в прошлом веке, когда въехавший в Версаль на коне Бисмарк встретился там с вологодским купчиной из мужиков Гаврилой Ферапонтычем Лыковым: оба столкнулись нос к носу в одном из парижских будуаров, где честные мужики могли быть только по амурным делам. Лыков сразу узнал в Бисмарке того, кем он был, и, чтобы не смущать государственное лицо, пребывавшее в тот момент в некотором неглиже, предложил ему вместо дуэли коротенький блиц. Бисмарк продул Лыкову семнадцать партий подряд, хотя играл он примерно в силу нашего второго юношеского разряда. Лыков же всю жизнь был самоучкой, и шахматы ему подарили на Астраханской ярмарке проезжавшие по Волге на пироге ловцы жемчуга с Канарских островов, где, кстати, в будущем году состоится один из самых представительных турниров. Видимо, благодаря своим заморским друзьям Лыков в совершенстве овладел староиндийской защитой, а Бисмарк... Бисмарк сдался и в сердцах продал Англии все земли Нижней Саксонии, потом пошел домой и стал вынашивать идеи блицкрига, приведшие в конечном счете к Первой мировой войне. Таковы серьезные последствия одной неудачной шахматной серии.

Но в наше время такого уже не бывает и быть не может, хотя мне известны многие никому не известные вещи и из современной шахматной жизни.

К примеру, заметно прибавил в игре и в весе на международной шахматной арене голландец Ван дер Хрюгге из г. Брюгге. Из-за тучной фигуры ему теперь приходится сидеть за шахматным столиком на двух стульях. Это нервирует его партнеров, у которых при виде Хрюгге двоится в глазах. Некоторые федерации некоторых стран подали протесты, мотивируя их тем, что в игре с Хрюгге противники находятся в неравном положении. Но в международных правилах пока нет пункта, запрещающего сидеть на двух стульях. Всемирный конгресс Шахматной ассамблеи соберется будущим летом в одном из курортных местечек Антарктиды и в течение сорока четырех дней будет рассматривать этот вопрос, чтобы потом в итальянском курорте Спирокантаре через год принять окончательное решение. И тогда Хрюгге из Брюгге придется или похудеть, или бросить шахматы. Впрочем, голландец, кажется, не собирается подстраиваться под кого бы то ни было. К сегодняшнему дню он выиграл девяносто шесть турниров подряд, и сам собой возникает вопрос: как его остановить?.. Тем временем, будучи одинаково жадең к шахматам и еде, Хрюгге приехал на свой очередной турнир в Нахаузен (ФРГ) в сопровождении 14 поваров и 6 официантов. На вопрос корреспондентов, что он испытывал, когда двенадцатичасовая партия с румынским гроссмейстером Потаскану была отложена, голландец ответил:

— Голод. Мне хочется съесть проходную пешку Постакану на жэ-семь.

Кстати, на окончившемся только что турнире в Нью-дель-Бьянко было съедено 897 слонов и 398

коней, что говорит о возросших аппетитах гроссмейстеров. Сложные ладейные эндшпили применялись в этом же турнире 62,3 раза, что вдвое меньше, чем на таком же турнире в Бар-дель-Пьянко.

Между прочим, количество патов сейчас заметно увеличилось, но нет сомнения, что на смену этой «патологии» придет мат, и мы смело назовем этот период в развитии шахмат матриархатом. Шахматы тем и хороши, что не знаешь, что в них чем назвать!

Четыре цугцванга в одной партии, к примеру, можно было наблюдать недавно в одной игре испанца Ториньо. Это на два цугцванга больше, чем у эквадорца Мариньо. Если эти два мастера сыграют между собой (а матч между ними уже запланирован, ибо оба они вышли в одну восемнадцатую полуфинала), то, может быть, мы увидим шесть цугцвангов в одной партии. Не верится, но — возможно! Ведь и Ториньо, и Мариньо сейчас в отличной форме. Соперники прекрасно знают друг друга, хотя никогда не встречались. Ни разу в жизни Ториньо не сделал ни одной рокировки в длинную сторону! Об этом, конечно, отлично осведомлен Мариньо. С другой стороны, у Мариньо не все благополучно с цугцвангами в личной жизни, и об этом Ториньо тоже не может не знать!

Что ж! Пусть эти бойцы схлестнутся в рукопашной шахматной схватке, а мастер Пощечин из Нижнеутробинска подождет, пока в этом матче не выяснится его будущий противник.

Он уже в одной восемнадцатой полуфинала и потому пребывает в большом волнении: ведь ему

все равно, что Ториньо, что Мариньо, а без победы ему в Верхнеутробинск не перебраться! Без победы ему там новой квартиры не дадут.

Впрочем, у Пощечина сейчас много и других забот. В последнее время мастер почему-то стал попадать в жуткий цейтнот. При проверке выяснилось, что в его шахматные часы был случайно вделан новый токсический счетчик. Дорого обошлась Пощечину игра на высоких скоростях!

Для любителей шахматной статистики сообщая интимные анкетные данные мастера Пощечина: женат, но детей почему-то нет, любит Достоевского и Аллу Пугачеву... в шахматы играет с пеленок. Еще мама заметила: молоком его не корми, дай только что-нибудь клетчатое. В двухлетнем возрасте Пощечин добивается первого чемпионского звания: в яслях ему не было равных — как по части дебютов, так и по другой части. После каждой проигранной партии приходилось менять горшок. В три года Пощечин начинает давать сеансы одноименной игры в своем детском саду. Теперь уже не он, а его соперники из научно-исследовательских институтов и разных ведомств сидят на горшках и часами обдумывают сложные комбинации. С пяти лет Пощечин начинает побеждать всех шестилетних. В шесть — всех семилетних. В семь — всех восьмилетних... И так до сих пор. Следует учесть, что в настоящий момент Пощечину девятнадцать, а Мариньо и Ториньо — двадцатилетние. Нет ли тут чего-то такого, что говорит само за себя? Но не будем прогнозировать. Земной шар круглый, а доска квадратная. И потому шансы и гонорары у противников равны (по-

сколько Пощечин будет в случае выигрыша получать поздравления от ЦК профсоюза, а его соперники в случае проигрыша получают по «Мерседесу»).

Так или иначе, шахматные часы вот-вот будут пущены, и мы опять в который раз прочитаем эти или им подобные заметки нашего уважаемого шахматного обозревателя.

1977

Музыка будущего

Интервью из Италии

В городе Сопрано (Италия)

только что закончился международный фестиваль-симпозиум по проблемам «Музыка будущего». В течение недели десятки композиторов и сотни исполнителей выступали перед тысячами слушателей. Звучали мелодии всех континентов Земли. В заключение корреспондент газеты «Вечернее Сопрано» встретился с представителем советской музыкальной культуры композитором Краковским и попросил его ответить на несколько вопросов:

— Как вы оцениваете итоги состоявшегося симпозиума?

— Симпозиум прошел удачно, — ответил гость из Советского Союза. — Я везу на Родину четыре килограмма колбасы.

— А что вы думаете о музыке будущего?

— Вспоминаются мудрые слова поэта: «Лежит в витрине ветчина и прочая антисоветчина». Я думаю, что музыка будущего станет у нас очень популярна, если в магазинах наших сел и городов появится, наконец, что-то по-настоящему антисоветское. Например, сосиски.

— Интересная мысль. А как вы считаете, эта музыка будет мелодична или дисгармонична?.. Сегодня многие специалисты спорят на эту тему...

— Если колбасы будет достаточно, музыка будущего, конечно, будет звучать чрезвычайно мелодично. Если же колбасы не будет, возможны диссонансы.

— Иными словами, вы — противник додекафонии?

— Я сторонник интуитивно-подсознательных подходов к прилавку в свободном творческом самовыражении, коммуникативная связь которого с тем, что мы по ошибке еще называем жизнью, иррационально и репрезентативно программируется в легитимном монизме моего «я» в формах телеологического абсолюта и гносеологии универсума, в просторечии именуемого колбасой варено-копченой. Можно рубленой. Пожалуйста, хоть сто граммов. Желательно порезать.

— Понятно. А как вы работаете?.. Предпочитаете электронные инструменты или традиционный состав оркестра?

— Обычно я пишу дома на холодильнике. Поскольку он пуст, меня ничто не отвлекает. Любовь к большому составу мне не мешает, ибо мой вкус — всеядность.

— Значит ли это, что вы создаете свою великую музыку по слуху?

— Не по слуху, а по нюху. Лучше всего мне работает на рояле, куда моя жена иногда ставит специально для меня несколько кусочков сервелата.

— Испытываете ли вы в этот момент какие-либо видения, и если да, то какие?

— В процессе сочинения порядка и ритма нот я переживаю поистине моцартианские чувства. Сначала мне является «Докторская», затем «Отдельная» за ту же цену... Это — Бетховен... Нечело-

веческая музыка! Жизнь представляется мне триумфальным праздником со звуками реквиема в финале. Я заканчиваю работать в момент, когда с неба ко мне по-вагнеровски — музыка сфер! — спускается что-то копченое. Тут уже не до творчества. Не до большого искусства. Тут Пахмутова, Добрынин, Кобзон с Легкоступовой... Тут хочется не столько жить, сколько петь.

— А какова вообще ваша художественная программа?.. Какие принципы в искусстве вы отстаиваете?

— Вообще я реалист. Пусть у меня в доме и в доме моих соотечественников всегда будет ливерная. Черт с вами, можно не резать.

— То есть вы начисто отрицаете духовную пищу?

— Если пищу положить в духовку, она непременно сделается духовной. Но колбасу можно есть и вареную. И сырую. В этом смысле для нас особенно интересен опыт Пуччини, создавшего гениальную «Тоску». За обеденным столом.

— Ваши старые симфонии не устарели, а новые оратории звучат по-новому... В чем секрет вашего неувядающего искусства, вашего поистине удивительного мастерства?

— Я делаю только то, что нужно людям. В прошлом году в Московской консерватории прозвучал мой Концерт для балалайки с оркестром, посвященный очередному съезду. Я добился, чтобы в перерыве буфет торговал бутербродами с колбасой. Мое произведение имело бешеный успех. Многие, кто в тот вечер не попал в консерваторию, просят его повторить.

— И в заключение пара вопросов, не имеющих отношения к музыке. Как вы относитесь к Михаи-

лу Горбачеву?.. Останется ли он у власти в ближайшие пять-десять лет?

— Безусловно. Но при одном условии: если в магазине появится хотя бы один сорт популярного мясопродукта. Пусть конская. Пусть какая-никакая. Не режьте. Возьму куском.

— А если случится чудо и появятся два сорта?

— В этом случае он будет править страной в течение двадцати, а может быть, и тридцати-сорока лет. Но для этого нужно, чтобы Буш дал нам фарш, а Коль — зельц.

— Так что у перестройки есть перспективы?

— Есть!.. Есть!.. И еще раз есть!.. — на такой веселой, оптимистической ноте закончил разговор известный советский композитор. — Хотя бы два раза в день!

Кстати, в интимной беседе с корреспондентом «Вечернего Сопрано» он признался, что, прилетев домой, будет настаивать, чтобы его жена, носящая фамилию мужа, отныне делала ударение на первом слоге.

В этом случае композитор Краковский из Советского Союза надеется испытать дополнительный прилив вдохновения.

Сладкая фамилия

Номните рассказ Антона Павловича

Чехова «Лошадиная фамилия»?.. Аналогичный случай произошел в школе КГБ города Тамбова. Давно уж это было, во времена оные...

Это сейчас имя академика Сахарова знают все. А тогда оно еще оставалось засекреченным. Но академик уже успел проявить себя как будущий диссидент.

И вот о нем впервые рассказывает молодым курсантам какой-то полковник, приехавший из Москвы.

— Это, — говорит, — сейчас самый опасный человек для нашей госбезопасности. И такой он, и сякой, особенно неприятно, что он Герой Соцтруда и притворяется мировой величиной в науке... От него сейчас как от физика пойдет, можно сказать, атомная реакция. Мы, — говорит, — все скоро погибнем от его свободолюбивой энергии. Его, — говорит, — нам в ближайшее время придется обуздать, чтобы сохранить мир во всем мире.

— А как фамилия этого нашего предателя? — спрашивают курсанты докладчика. И не столько из любопытства, сколько из профессионального

желания знать, с кем им предстоит бороться. Кого сажать, за кем следить.

А докладчик как раз на этом месте запнулся, то ли склероз ему в голову вдарил неожиданно, то ли вчера в поезде принял на грудь больше, чем нужно, а вспомнить фамилию этого мерзкого академика не может. Экает, бэкает с трибуны, а нужное слово из его тугодумной башки не выскакивает.

— Помню, — говорит, — у него фамилия... эта... какая-то сладкая!..

Тут тамбовские курсанты — ребята молодые, палец в рот не клади — откусят! — начинают из зала подсказывать полковнику. Происходит нечто почти по Чехову, хотя большинство Чехова читало и могло приезжего полковника не ставить в неловкое положение.

— Сластин? — кричат желающие получить в школе КГБ хорошее образование. — Академик Сластин?

— Нет, не Сластин. Но что-то похожее.

— Тогда, может, Сладунькин?.. Или Сладунько?.. Или Сластенко?

Полковник улыбается смущенно, трет вспотевшую шею, а шея у него во какая — сосна в три обхвата! — но вспомнить фамилию не может.

— И не Сластенко, и тем более не Сладунько. Извините.

— Может, Конфеткин?.. Или Шоколадкин? — это уже издевается кто-то из задних рядов. — Или, на худой конец, Медовой?..

— Кондитерский! — предлагают.

— Тортов!

— Пирожных!

— Крембрюлевич!

Всё мимо. Полковник тупо качает головой.

— Может, Бисквитов?.. Или Соси-Леденцов?.. Или, наконец, даже Ромов-Бабов?!

Юные голоса будущих бойцов невидимого фронта становятся все более по-петушиному звонкими, а бедный полковник прямо на глазах скисает и никнет.

«Что-то с памятью моей стало!» — хочет он спеть на известную мелодию, но и она сейчас забыта, не вспоминается и подавно.

— Сладкоруков!.. Сладконогов!.. Сладкоежкин!.. Сладконожкин!.. Сладкоухов!.. Сладкобрюхов!.. Сладконосов!.. Сладкозубов!.. Сладкоглазов!.. Сладкохренов!..

Один курсант вообще обнаглел и прокричал всем уж отвратительную фамилию:

— Рахат-Лукумов!..

Полковник на это взбеленился.

— Прошу, — говорит, — меня впредь не оскорблять такими фамилиями и сохранять мое офицерское достоинство.

Тут в тишине возьми и раздайся чей-то разумный голос:

— Цукерман.

Полковник хлопает себя по лбу и говорит:

— Вот это уже ближе. Кто сказал «Цукерман» — встать и три шага вперед!..

С первого ряда встает курсант-отличник и делает все, как приказал товарищ полковник. Встает и три шага вперед. Замерли все, только занавесочки у форточки недисциплинированно трясутся.

— Сахаров его фамилия!.. Сахаров! — выпаливает полковник под бурные, долго не смолкающие,

чисто съездовские аплодисменты. — А вам, курсант, объявляю благодарность за находчивость в трудную минуту.

— Служу Советскому Союзу!

...Говорят, тот полковник давно уже стал генералом, а бывший отличник-курсант совсем на днях получил звание **полковника**.

История

Говорят

Говорят

Говорят

Говорят

Говорят

Говорят

Говорят

Говорят

Говорят

Говорят

Говорят

Говорят

Говорят

Как г-н Жириновский в театр не пришел

Нужно ли полемизировать с фашистами?

Этот вопрос недавно вылез

для меня из чернот истории и потребовал незамедлительного ответа.

Началось с того, что в Театр у Никитских ворот позвонила милая женщина с телевидения и спросила, не буду ли я против, если на наш спектакль «Майн кампф». Фарс» придет г-н Жириновский.

Честно говоря, я стал заикаться по телефону, сразу представив себе эту душераздирающую картину: лидер ЛДП сидит в моем зале и смотрит обожающими глазами на лицедействующего фюрера.

А потом мы беседуем, и г-н Жириновский рассказывает нам свои впечатления: мол, тут вы хорошо показали, а вот это недотянули... Я, конечно, ссылаюсь на автора — австрийского драматурга Джорджа Табори, друга Брехта, писателя с мировым именем, который еще в 33-м бежал от Гитлера в Лондон; мол, извините, г-н Жириновский, вы, конечно, эту тему лучше знаете, вам виднее... Ну это все равно, как бы, если бы, скажем, Хлестаков пришел смотреть «Ревизора» и стал пенять Гоголю на ошибки в изображении главного героя.

Вспомнился также и тов. Сталин, который, кажется, 22 раза ходил во МХАТ на спектакль «Дни Турбиных», чтобы садистски удовлетворить свое наслаждение разгромом Белой гвардии и утвердиться в своей ненависти к Булгакову. Вероятно, он и не расстрелял-то его только потому, что уж очень хотелось продлить свои театральные удовольствия!..

Так что я милой телевизионной даме решительно отказываю. Говорю:

— Знаете, если это произойдет, будет скандал. Господина Жириновского придется выкидывать в окно, ведь он человек непредсказуемый...

— А нам это как раз и нужно, — говорит дама. — Мы этот скандал как раз и хотим заснять на пленку.

— Нет, — говорю я. — Снимать не дам.

— Но почему?

— Потому что это будет моральный ущерб нашему театру. Само присутствие господина Жириновского осквернит священные для нас стены и может вывести из равновесия как наших актеров, так и зрителей.

— Но ведь г-н Жириновский может прийти к вам как частное лицо...

— Может! — кричу я в трубку. — Он еще и не то может!.. Но для этого пусть он в кассе купит билет, как все нормальные люди, и только тогда приходит!

— Так я об этом и говорю! — не унимается дама. — Пусть он придет, а мы его у вас снимем.

Я опять свое:

— Нет. Пусть приходит, это его личное дело.

А снимать подражателя и эпигона нацизма на нашей территории я не разрешаю.

Тогда дама, видя мое упрямство на той стороне трубки, вдруг шепчет зловещим шепотом:

— Марк Григорьевич, я с вами принципиально согласна... Мы делаем о господине Жириновским разоблачительный фильм. И я как режиссер этого фильма должна сказать, что с большим трудом уговорила Владимира Вольфовича посетить ваш театр... По моему замыслу, в антракте к нему наверняка подойдет какой-нибудь зритель и спросит: «Что вы думаете о Гитлере?»... Наверняка Владимир Вольфович ответит, поскольку у него есть своя точка зрения... Тут можете и вы подойти. . Завяжется, конечно, спор... Полемика...

— Драка, — вставляю я.

— Ну, зачем же?.. Мы же цивилизованные люди... Совсем необязательно.

— Но желательно, не так ли?..

— Если честно, — говорит дама, — нас, конечно, интересует, как будут реагировать зрители на то, что скажет Владимир Вольфович.

— Ах, вот как?.. А вот меня как раз именно это совсем не интересует, как, впрочем, и то, что нам сообщит о Гитлере ваш Владимир Вольфович!

— Он не наш!.. Не наш! — заверещала дама. — Вы не понимаете всей важности борьбы с Жириновским!.. За ним уже пошли миллионы людей! На Западе есть очень серьезные ученые-социологи, которые прогнозируют его приход к власти. Весь мир его боится!.. Вот и вы испугались!..

Да, я очень испугался. Просто дрожу перед господином Жириновским. Так дрожу, что в гробу его видел вместе со всеми его телохранителями из Ли-

берально-демократической партии. И потому, поборов дрожь, заявляю:

— Считаю ниже своего достоинства вступать в какие-либо взаимоотношения с дьяволом.

— Но надо показать людям дьявола! Надо, чтобы они увидели его рога и хвост!

— В том-то и дело, что не надо!.. Жириновскому как раз и нужен скандал!.. Он пришел в театр, к нему пристали с вопросами. Кто-то не выдержал, в порядке плюрализма плюнул ему в огнедышащее лицо — вот он уже и жертва!.. В очередной раз может на демократов в суд подать!.. Вот и будем с ним цацкаться и содействовать его саморекламе!.. А может быть, лучше поклонников Гитлера в нашей стране, которые сами, кстати, и не скрывают своего низкопоклонства, не снимать в кино и ТВ, не брать у них интервью? Не разговаривать с подлецом — в конце концов, право порядочного человека. Все-таки тридцать с лишним миллионов наших людей убил этот изверг рода человеческого...

— Ладно, — вдруг миролюбиво сказала теледама. — Я к вам завтра в театр для разговора приеду. Давайте еще раз обсудим это дело.

И повесила трубку.

Я задумался. Во-первых, то, что было по телефону, — это разве не разговор?.. Во-вторых, что еще обсуждать, когда нечего обсуждать. Остаток рабочего дня я провел в беспокойстве.

В самом деле, думал я, может, она права и следует бороться с ними со всеми... Вот, к примеру, в газете «День» недавно прочитал про себя та-а-а-кое, что чуть не стошнило. Что? Отвечать?.. Хорошо раньше: можно было вызвать обидчика на

дуэль и свести счеты в честном поединке... Теперь терпи. Он тебя будет оскорблять, клеветать на тебя, а ты — человек чести, ты должен быть выше этого хамства, кожа у тебя дубленая, не обращай внимания, вот он и злится, что так и не вывел тебя из себя, выстрел его не достиг цели, холостой выстрел-то... Впрочем, старый совет для негодяев — «клеветайте, клеветайте, что-нибудь да останется!» — иной раз и срабатывает, — нужно иметь ледяную выдержку, чтобы смолчать на провокацию.

Это ведь, между прочим, гораздо труднее, чем «полемизировать».

Помнится, Дин Рид, царствие ему небесное, в свое время написал открытое письмо Александру Исаевичу Солженицыну — то ли по своей левацкой воле, то ли с подачи КГБ. Встречаю в каком-то коридоре Мишу Жванецкого, спрашиваю:

— Читал?

— Читал.

— Ну, как?

— Это все равно что Кобзон — Эйнштейну!

Посмеялись. Кстати, г-н Жириновский сам по себе смешон, его после Хазанова и высмеивать-то не стоит. Когда я увидел его в афганской военизированной форме провожающим юнцов к Саддаму Хусейну, сделалось грустно от этой трагикомической оперетты. Вот точно так же и Геббельс, бывало, провожал детей на убой, и тоже на Восток.

Еще мне нравится генерал Стерлигов. Этот барон фон дер Пшик, но не из гестапо, а из КГБ, прямо к богу обратился. Христианин. Новый спаситель России.

Но вот какая неувязка: если ты такой спаса-

тель, то спасай сначала свою душу. Ведь служил в самой бесчеловечной, самой преступной за всю мировую историю организации... Так будь честен: или застрелись, как истинно русский офицер, совершивший грех, или если так уж в бога уверовал, приходи к покаянию, уйди в монастырь, в отшельники, в скит упрячь свою душу и тело — тогда только я тебе поверю, что ты христианин в поиске, готов муку за других — за убиенных, оскорбленных и униженных не без твоего участия — принять... Ан нет, снял погоны, нацепил крестик и давай Россию спасать! Оппозиция в прямом эфире. Уймись, грешник!.. Окстись, палач!.. Что ты себя и нас напрасно заводишь?! О чем болтаешь?.. Что нам с тобой выяснять, когда нам с тобой и так все ясно!.. А он будто не слышит, сидит, не краснея, и, видите ли, излагает нам свою злобную программу. Это не мы с ним, это он с нами полемизирует.

Он рвется к власти. Он опять в президиуме. И вещает с трибуны — это о таких «патриотах» Лев Николаевич Толстой говорил, утверждал, повторяя другого писателя: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев».

Пока прекраснодушный либерализм созидает условия для свободы слова, этой самой свободой, как уличной девкой, пользуются штурмовики и боевики из красно-коричневой армады. Доколе?..

А до той поры, когда свобода не будет ими же вздернута на фонарях и поставлена к стенке.

Вот тогда-то не до полемики. Серый Волк, неся историческую вину перед съеденной Бабушкой, без рассуждений сожрет и Красную Шапочку.

Так нужно ли беседовать с орденоносцами, получавшими свои регалии и награды отнюдь не за невинные, а подчас кровавые акты и акции?

Нужно ли выслушивать новую демагогию старых гэкачепистов, которых я вижу сегодня на экране чаще и крупнее, чем Хрющу и Степашку? Так ли уж и нужно демократии самоутверждение всех и всяческих бесов и мракобесов?

Нет. Александр Исаевич не отвечал Дину Риду в газете, и если полемизировал с коммунизмом, то не для самой полемики, а чтобы повалить чудовище «Архипелагом ГУЛАГ». И Антон Павлович не вступал в прямой контакт с полицейской системой, он просто сел в возок и уехал на Сахалин. Чтобы понять и спасти каторжников. Акт искусства самодостаточен. Сегодня, как никогда, нам нужны художники вне политики и еще больше политика вне художников.

И тут меня осенило. Пусть действительно Жириновский придет в кассу, купит билет и наравне со всеми смотрит «Майн кампф». Фарс», ловя кайф на своей схожести с великим негодяем.

Пусть его при этом снимают, но платят театру за эту двусмысленную затею, скажем, один миллион рублей.

Если в антракте г-н Жириновский откроет рот (а он, несомненно, это сделает), пусть наш театр в качестве компенсации за нанесенный ему изо рта г-на Жириновского моральный урон получит два миллиона.

Поскольку г-н Жириновский вряд ли остановится и продолжит митинговую пропаганду своих идей, попытавшись превратить фойе нашего те-

Это я с любимой собакой по имени ТИМ (в честь Театра имени Мейерхольда).

Дореволюционная фотография. Еврейская семья в г. Харькове. Дедушка, бабушка, их дети; мальчик справа — мой будущий папа, на которого я похож больше, чем на самого себя.

А этой мой папа после ареста в 1937 году.

А этой мой папа (слева во втором ряду) до ареста в 1937 году. Держит меня на руках. Мама — слева в первом ряду.

Папа и мама очень любили друг друга, а я — скромный результат этой великой любви.

Начало безотцовщины.

Счастливое детство.

«Дети войны» (после войны). С двоюродной сестричкой Мартой...

Тяга к клоунаде в раннем возрасте.

Эту мою фотографию отец пронес через все морозы и лесоповалы, держа в лагерьной телогрейке, у самого сердца.

Поступить в МГУ, учиться на факультете журналистики — огромная радость. Рядом мой ближайший друг Юра Клепиков, в будущем — классик нашей кинематографии.

По дороге на целину. Даю концерт на платформе, пародируя А. Райкина: «Я, товарищи, из Криворожья!..»

«Все выше, и выше, и
выше!..» Эту песню я мог
петь, только встав на
стульчик.

Пройдет всего лет 60, и этот «маменькин сынок» станет народным артистом России.

Возвращение в детство — единственная возможность
и сегодня побыть рядом с мамой.

атра в подобие мюнхенской пивной, — это должно обойтись им уже в пять миллионов.

Ну а если г-н Жириновский вскрикнет во время действия и своим поведением сорвет спектакль — этот «скандал» будет стоить посетителю вместе с бандой его новоэсэсовских телохранителей миллионов десять, не считая оторванных пуговиц и поцарапанных лиц.

Око за око. Мой дядя родной по имени Ньюма в 42-м году потерял глаз на войне с фашизмом. Ему было тогда 19 лет.

Все это я рассказал при встрече даме-режиссеру с телевидения, предложив подписать договор с означенными условиями.

К моему удивлению, дама не поняла моего юмора и записала на полном серьезе наш расчетный счет.

Теперь я уж и не знаю, чего жду в театре: то ли безумного г-на Жириновского, то ли шальных денег.

Что касается вопроса «нужно ли полемизировать с фашистами?», ответ один: да, нужно.

Только на Нюрнбергском процессе.

1989

Покупка трубы

Не кажется ли вам, дорогие

друзья, что наша огромная, прекрасная и такая удивительная жизнь пробюрокрачена настолько, что это уже никого не удивляет. Чтобы вы не думали, что я что-то преувеличиваю, могу привести тому тысячи примеров.

Вот один из них.

...Театру-студии у Никитских ворот для нового спектакля «Гамбринус» понадобилась труба. Казалось бы, чего проще — пойди в магазин музыкальных инструментов и купи то, что тебе нужно. При этом не забудь принести в свою бухгалтерию чек, по которому тебе вернут деньги из общей казны (тут следует сказать, что наш театр-студия — один из первых в истории советского театра коллективов, которые работают на полном хозрасчете).

Не тут-то было. Как говорится, закон требует, чтоб все было «как положено». А как положено?

Давайте все вместе пройдем во всех деталях этот удивительный путь, в конце которого нас ждет сверкающая золотом медная игрушка.

Для начала заведующий музыкальной частью театра-студии пишет мне, директору и одновременно художественному руководителю, а также по

совместительству режиссеру-постановщику, докладную записку о том, что спектаклю «Гамбринус» необходима труба.

Впрочем, уже это странно, потому что на вчерашней репетиции именно я, а не уважаемый мною завмуз, неосторожно сказал, что «здесь, вот в этом месте (имелся в виду момент начала Русско-японской войны) хорошо было бы зрителю слышать звук живой, настоящей трубы!...». Но не могу же я просить о покупке трубы сам себя. Поэтому я после репетиции сказал завмузу: «Напиши мне докладную записку, что нам с тобой нужна труба», — и он, как честный и ответственный человек, тут же это и сделал.

Итак, есть бумага, и ей надо дать ход. Беру ручку и в левом верхнем углу накладываю резолюцию: «Директору-распорядителю. Просьбу завмуза поддерживаю. Прошу обеспечить». И ставлю свою подпись.

Спрашивается, почему завмуз сразу не мог обратиться к директору-распорядителю. Потому что не он, а я, то есть директор, являюсь по закону «кредитораспорядителем» и «финансодержателем» (как вам нравятся эти слова?! Меня лично оторопь берет, когда я слышу о себе такое!).

Директор-распорядитель у нас человек деловой, он без всякой задержки (правда, проверив, есть ли моя подпись) пишет на той же бумаге вторую резолюцию: «Начальнику отдела снабжения. Прошу обеспечить». И делает свою подпись.

Начальник отдела снабжения, прекрасно понимая, что ему поручили как можно быстрее купить трубу, принимает серьезное решение — написать письмо на имя директора магазина музы-

кальных инструментов. Но одно дело — принять решение, а другое — выполнить. Машинистки у нас в штате нет, зато бланки и пишущая машинка имеются. Но бланки даются под расписку, а пишмашинка находится в данный момент у заведующего литературной частью. Несколько дней понадобилось, чтобы составить и отпечатать (начальник отдела снабжения, пыхтя, сделал это на бланке, полученном им под расписку, одним пальцем) соответствующее письмо: «Прошу выделить в продажу по безналичному расчету трубу». Но подпись свою он не поставил. Он пришел ко мне и сказал: «Лучше вы подпишите. Для солидности. Вам скорее не откажут».

Я подписал.

Тут, вероятно, надо объяснить, что производить покупки чего бы то ни было за наличные деньги (если сумма превышает пять рублей) нам, хозрасчетному коллективу, категорически запрещено.

Далее директор магазина в ответ на наше письменное заявление немедленно, без всяких проволочек устно заявляет, что лимиты выделения музыкальных инструментов по безналичному расчету различным организациям у него исчерпаны, но он может и даже очень будет рад выделить нам трубу за наличный расчет.

То есть, иными словами, он может то, что нам как раз нельзя.

Здесь происходит мой острый разговор с начальником отдела снабжения. Я говорю ему:

- Ты знал, что у него нет лимитов на нас?
- Конечно, знал.
- Зачем тогда мы писали письмо?..

— Чтобы он нам отказал.

— Зачем?

И тут следует мудрый, принципиально важный ответ:

— Чтобы мы могли его попросить еще раз в порядке исключения. Он не может в порядке исключения нам дать, если раньше не отказал. Сначала он должен отказать, чтобы потом мог разрешить.

Ах, вот оно что?! Понятно вам, как это делается? Тащим волокиту по новой. Каким образом?! А вот каким. Я говорю: «Пиши мне докладную!» И начальник отдела снабжения пишет докладную записку директору с просьбой «в порядке исключения решить вопрос о покупке трубы за наличный расчет».

Но в своей докладной он забыл указать причину этого действия, поэтому я хитрю и в резолюции своей как бы мимоходом даю официальное объяснение: «В связи с тем, что лимиты в магазине кончились и мы в безвыходном положении, прошу нашу бухгалтерию выделить под отчет такую-то сумму для срочной и немедленной покупки трубы».

Теперь ждем, что скажет бухгалтер.

А он — известно, что скажет.

Он скажет то, что должен сказать: «Не имею права».

— Марк Григорьевич, поговорите сами с бухгалтером...

А мне и говорить не надо. Но я говорю. Долго говорю. Час, два... Бухгалтер стоит на своем. Я — на своем. Мы — свои среди чужих. И он, надо это признать, прав. Ведь действительно существует инструкция, запрещающая госорганам де-

лать покупки в магазинах наличными. Предпоследний довод:

— Когда вы меня брали на работу, вы сами просили, чтоб никаких нарушений, чтоб все по закону.

Последний довод:

— Я из-за вас сидеть не буду. — Плачет.

Дело в тупике. Репетиции хотя и продолжают-ся, но — без трубы. Шутники-актеры в том самом месте, когда начинается Русско-японская война, по очереди кукарекают.

И тут директору-распорядителю приходит в голову спасительная идея.

— Надо написать письмо в Главное управление культуры! Ведь мы им подчиняемся?! Пусть они как вышестоящая организация дадут нам... то есть не нам, а только нашей бухгалтерии право купить трубу под отчет!

Поскольку в этом случае (это ясно всем!) никто из нас «сидеть» не будет, быстро пишем письмо в главк: так, мол, и так, разрешите... в порядке заключения.

Но тут вступаю многоопытный я:

— Письмо составлено неправильно. Надо в нем сказать, что спектакль «Гамбринус», для которого нужна труба, без трубы не выйдет. А он, между прочим, посвящен важнейшей теме интернационализма... и потому... вообще народы мира не простят... если мы не купим эту трубу!

Два дня литературная часть работает над текстом письма в главк.

После чего я читаю и прихожу в ужас. От того, что в период перестройки и гласности мы пишем вот такие письма в руководящие инстанции по

старому методу. Над нами же в главке будут все смеяться, когда получат это письмо... Давайте без демагогии, просто попросим... Дадут?..

— Дадут, а не дадут... тогда обратимся с этой же просьбой в Минкульт РСФСР, потом в Минкульт СССР... А если и там останутся глухи к нашим просьбам, пойдем к Ульянову в СТД РСФСР или к Шадрину в СТД СССР. Уж они-то помогут... У них даже в Уставе сказано, что они студиям должны помогать... А что?.. До Горбачева дойдем, до Рейгана, до ООН... Им же больше делать нечего, пусть все бросят и покупают нам трубу!..

Размечтались. Из главка пришла резолюция: «В связи с существующим положением вы должны были в начале года дать заявку на базу отдела снабжения ГУКа о выделении вам трубы по безналичному расчету».

Поскольку это не сделано, мол, пеняйте на себя. И намек: не умеете руководить, даже заявку вовремя не послали...

Нахожусь в тяжелом состоянии. Действительно, откуда я мог в январе знать, что в мае понадобится труба?! Но вот умные руководители других театров и студий сумели все заранее предусмотреть, а ты теперь сиди и молчи, раз остался с носом.

Теперь тебе во всех инстанциях первым вопросом будет:

— А вы к нам раньше разве обращались насчет трубы?.. Не обращались. Значит, вам эта труба особенно и не нужна.

Вот тебе и многоопытный! Так «облажаться»!

Нет, надо выходить из положения...

А артисты тем временем продолжают кукарекать.

Вздыхнув, начинаем сначала. Пишем письмо-заявку на имя начальника ГУКа с просьбой дать начальнику отдела снабжения ГУКа предусмотреть на будущий год выделение трубы театру при плановых закупках базой музыкальных инструментов. И в порядке исключения просим трубу, которая нам полагается в следующем году, приобрести в нынешнем году, поскольку в следующем году она нам уже не понадобится.

Подписав это письмо, я с содроганием думаю: а вдруг в следующем году мне таки она понадобится? Вдруг, черт меня дери, в каком-нибудь спектакле захочется, чтобы взвыли две сверкающие красавицы?!

Чур! Чур меня, господи!..

Но, к счастью, после такого чудовищного возбуждения приходит трогательное успокоение. Выясняется, что в данный момент на базе ГУКа труб нет. Их не будет и в следующем сезоне. Они будут только в следующем после следующего.

Приходит завмуз. Вид его печален.

— Сегодня кукарекавший артист сорвал голос. С сегодняшнего дня Русско-японская война начаться не может.

Возникает пауза. Дней на пять.

Потому что до премьеры — дня три.

Все срывается?

Как бы не так. Не на тех напали!

Директор, он же художественный руководитель, он же режиссер-постановщик спектакля «Гамбринус», он же — я (!), принимает решение, которое он давно готов был принять, да в последний месяц,

как назло, в театре-студии сидела ревизия, которая внимательнейшим образом смотрела каждую нашу бумажку, проверяла каждую нашу резолюцию, каждую подпись — и при таких сверлящих глазах совершенно недопустимо было давать такое вот последнее распоряжение:

«Выдать начальнику отдела снабжения на хозяйные нужды необходимую сумму и списать эти деньги любым способом, а именно — на перевозку реквизита, ремонт костюмов, на что угодно (можно даже сто чеков по пять рублей оформить, если на то пошло!)».

И, наконец, после всего этого труба была куплена.

Без всяких фанфар она заиграла на премьере и играет в «Гамбринусе» до сих пор.

Но... думаете, этим кончилось?

А тогда ответьте на такой вопрос: как мы оприходовали трубу?

А никак. Играет — и пусть себе играет — так мы решили.

И это была ошибка.

Новая ревизия установила, что труба приобретена на общестудийные деньги «незаконным образом».

— Но почему незаконным? — запищали мы. — Мы же свои деньги за нее заплатили!

— Ваши деньги вы можете тратить по другой статье, а на покупку трубы у нас для вас статьи нет.

— Но труба-то играет...

— Нет.

— Как нет?

— Поскольку вы ее не оприходовали, а ее и

нельзя оприходовать, ибо нет статьи, по которой вы ее купили, этой трубы, можно сказать, вообще в вашем хозяйстве нет.

Признаться, тут мы все рассмеялись. Действительно, сами посудите, придя к нам на «Гамбринус», — есть там труба или отсутствует?

Однако новая ревизия пишет акт ревизии, который направляется в главк. А там, как говорится, только этого и ждут.

— А мы вас предупреждали! — говорят нам этак соболезнующе, но и не без радостного оттенка. — Мы вам и раньше говорили, что этого делать было нельзя.

Не выдержав, я начинаю выяснять, «чего этого».

— А всего того, что вы сделали.

Вот коренной момент: если бы на каждое «нельзя» мы бы ничего не делали, мы бы действительно не сделали ничего из того, что можно и «невозможно». Мы бы давно погибли, успев только родиться.

— Это мы знаем не хуже вас, — говорит нам главк. — И потому у нас к вам лично очень хорошее отношение. Мы очень понимаем ваши трудности и потому вас строго не наказываем, а только объявляем вашему бухгалтеру выговор и директору начет. А так мы вас любим и желаем всего наилучшего в вашем очень нужном для всего советского театра эксперименте.

— Подождите, подождите! — кричим мы и кладем на стол им некое совершенно новое бумажное изделие нашего совместного производства.

Что это?

Это письмо завмуза.

А что пишет в нем наш замечательный, благородный завмуз?

Он пишет, что не понимает, почему такой сырбор из-за какой-то трубы. Что тут какое-то недо-разумение. Что это его личная труба и он дарит ее театру.

Таким образом, все мигом становится на свои места, и что самое приятное, все эти «места» теперь можно именовать «законными».

Итак, все хорошо, что хорошо кончается.

К тому ж последняя новость. Сегодня пришел ко мне завмуз и попросил флейту.

1990

Синдром Брежнева

Ордендай-ордендай-ордендай-ордендай.

Восточная скороговорка.

Раньше я, кажется, жил честно

и не имел никаких наград. Но вот наступила перестройка, и меня впервые наградили. За честность. Премия была небольшая, всего 10 рублей, но, согласитесь, дело не в деньгах, а в почете.

Жена сказала:

— А твоему другу Эдику дали двенадцать.

— Что с того?

— Значит, он на два рубля честнее тебя.

С Эдькой мы действительно много пережили в застойные времена. И я порадовался за своего коллегу. Ему сейчас деньги нужнее. Он нищий и такой же бесребреник, как я.

Только я об этом подумал, раздался звонок.

— Это из КГБ говорят. Зайдите, пожалуйста, к нам...

Голос был приятный, доброжелательный, но я вздрогнул, начал заикаться, как любой нормальный человек.

— А-а-а... ч-что, собственно, случилось?

— Да ничего страшного. Не волнуйтесь... По телефону не хочется вам говорить...

Ночь я не спал, готовился к разговору на Лубянке. Утром поцеловал жену на всякий случай, взял узелок и пошел.

Оказалось, ложная тревога. В кабинете на шестом этаже меня встретил милый интеллигентный мужчина.

— Мы решили выдать вам значок «Знатный враг народа». Мы очень благодарны вам за сопротивление нам. Если бы не вы, нас бы сейчас разогнали. Кстати, вам большой привет от Горбачева.

Когда я явился домой со значком на груди, жена сказала:

— А Эдика, между прочим, Горбачев принял сегодня в Кремле.

Вскоре перестройка кончилась, но жизнь продолжалась.

Я получил самую престижную после Букера премию Кукера, в то время как Эдька — всего лишь Дыкера, да и то лишь в семи номинациях, из которых в четырех он был вместе со мной, ибо выставлялся чуть позже, поскольку у меня уже было три Пукера и один Какер, что в элитарных кругах приравнивается шестнадцати Фукерам и пяти Накерам. Я даже не пошел на церемонию презентации этих номинаций, потому что жена сказала:

— Один твой Какер — это почти Оскар.

Но была не права, ибо кто в наше время не знает, что ни один Какер не идет ни в какое сравнение с Пукером.

Зато Эдика наградили Золотой Каской, и он съездил в круиз, получив премию Мафи и право первого удара по морде ногой на Всероссийском чемпионате по контактному карате.

Меня завалили подарками. С космодрома Бай-

конур прислали сервиз летающих тарелок. Какой-то донор захотел отдать мне свою кровь — я еле отбился, но он все же всучил мне кастрюлю с дымом и сказал, что это «дым Отечества» и я обязан теперь его хранить для будущих поколений. В школе, где я учился, мне решили поставить памятник. Когда я пришел туда, чтобы встретиться с детьми, то увидел, что это наскоро переделанный памятник Павлику Морозову. Конечно, не надо было его тащить из подвала, но все равно приятно...

Затем позвонили с телевидения:

— У нас к вам просьба. Не могли бы вы вручить...

— Кому? — нервно спросил я. — И что?

Они назвали фамилию Эдика.

— Конечно, конечно... — сказал я. — Он мой друг и единомышленник.

— «Серебряный фанфарон» вручается теперь ежегодно за общественную скромность.

Скажу честно, меня несколько покорило название, но я подумал: а почему все-таки эту премию дают Эдьке, а не мне?.. Ведь я, по-моему, ее не меньше заслужил. Если не больше. Однако не стал задавать лишних вопросов. Сдержался. Из скромности.

Только спросил:

— А почему такое название?

— Это юмор, — объяснили мне. — Нельзя же относиться к наградам всерьез.

Я хмыкнул и в тот же вечер вручил Эдьке «Серебряного фанфарона». На презентации после вручения ко мне подошла какая-то пухлогрудая очкастая дама в мини и сказала:

— Ждем вас завтра на банкете у нас! Хотим вас поприветствовать.

— А вы кто? — спросил я бестактно.

— Общество друзей животных.

Мне хотелось спросить: не считают ли они почетным животным меня, но я не успел ничего сказать, поскольку уже кивнул.

На следующий день я жрал икру, семгу и прочую нечеловеческую пищу и ждал, когда же меня наградят чем-нибудь. Наконец моя знакомая тетка выступила вперед и сказала, что меня здесь знает и любит каждая собака и по этой причине мне вручается золотая медаль с Выставки достижений служебного собаководства. Я выпил водки и внезапно почувствовал, что мне недостает звания чемпиона Олимпийских игр в каком-нибудь легком весе. Когда я с трудом добрался до дома, жена сообщила:

— Звонил твой Эдик. Сказал, что тебя выбрали в Международную академию канатоходцев. Вы летите на Филиппины в пятницу и будете там вместе показывать свое мастерство.

— Но я не умею ходить по канату.

— Не важно. Эдик сказал, что там очень любят русских и рассчитывают на вас.

— Мы шлепнемся. Обязательно шлепнемся.

— Эдик сказал, что от русских много и не ждут. За это вы оба получите приз — Хрустящую Манилу. Это по сорок тысяч долларов, между прочим.

Да, подумал я, за такие деньги можно пасть с любой высоты. Тем более на Филиппинах, где нас никто из своих не увидит.

Прилетев обратно с хрустящим призом, я обнаружил на столе очередное приглашение. В городе

Сочи, оказывается, этим летом проводится большой кинофестиваль «Всероссийская Халява». Меня звали в жюри. Причем с женой и детьми. Я позвонил в оргкомитет и спросил:

— А с любовницей можно?

— Нужно, — ответили мне. — Халява оплатит всех, кого вы назовете.

Это были прекрасные дни. И хотя я сам сидел в жюри и не снял в жизни ни одного фильма, на заключительном вечере, который показывали по телевидению на всю страну, моей жене дали премию как «Лучшей жене своего мужа», а любовнице присудили звание «Лучшей любовницы члена жюри». Детей, сволочи, обошли. Детям ничего не дали, поскольку Халява официально была только для взрослых, но в следующем году обещали устроить специальную детскую программу и за счет Госкино наградить всех участников. Ах, господа, сегодня только от настоящего безобразия можно получить истинное удовольствие.

Однако жена осталась недовольна:

— Пока мы тут в Сочи прохлаждались, твой Эдик «государку» получил. А тебе даже Гертруду до сих пор не дали!

— Какую Гертруду?

— Это сокращенно — Герой Труда, забыл, что ли, Брежнева?..

А я и в самом деле стал забывать... К этому времени я уже стал заслуженным шахматистом Калмыкии — это означало, что меня невозможно переиграть, и народным верблюдом Туркмении — это с намеком, что меня невозможно переплюнуть.

— Погоди, — самоуверенно сказал я. — Скоро я

новый главный орден получу. Буду первый Петух России.

— А это выше, чем бывший Герой?

— Конечно, выше. Во-первых, он двуглавый. Во-вторых, кукарекает, если завести, в общественных местах. В-третьих, у него гребешки бриллиантовые и хвост из уральских самоцветов!..

Жена ахнула. А я как в воду глядел... Буквально на прошлой неделе мне этот орден президент повесил на грудь. Я блеснул и кукарекнул под бурные, долго не смолкающие, чисто съездовские аплодисменты.

А в первом ряду при вручении сидел и грыз локоть от зависти дружок мой, коллега и единомышленник... Эдик мой, ныне лауреат Шнобелевской премии.

1993

Процесс выживания

Сажу на диване и думаю,

как выжить.

Время сейчас тяжелое — утро, то есть переходный период из эпохи спячки в трудный момент бурного подъема.

Раньше было легко и просто: встал, сходил в туалет, побрился, умылся, что-то проглотил вместо завтрака и поскакал на работу, униженный и оскорбленный. Теперь не то. Теперь нужно трижды подумать: а зачем мне все это нужно?.. Выгодно мне это или не выгодно? На хрена идти вкалывать за бесценок? И вообще — может, лучше остаться в лежащем положении?

Ну, хорошо, встану. А что, собственно, это мне даст?.. Какие дивиденды?

Вот я плетусь в туалет. А кто мне за это платит?..

Тогда зачем мне это действие?.. И какова его конечная цель?.. Что мне ТАМ светит?.. Или не светит ничего?.. Тогда к чему мне этот глупый поход?

Я понимаю, что хочется. Но сегодня нужно уметь регулировать свои желания, научиться отказывать себе в наслаждениях. Надо взвесить, насколько этот поход подготовлен. А то ведь только

сил поубавит, а радости никакой. Как в сексе без любви.

С другой стороны, сейчас надо решить: или ты встаешь и идешь в туалет, и тогда у тебя может начаться новая жизнь. Или ты спишь и заживо хоришь себя.

Сегодня надо уметь делать правильный выбор. Надо рисковать. Прояви волю. Где твоя энергия?.. Ты — марафонец. Стремглав, за полчаса преодолел страшное расстояние... Дошел. Зажег свет. Заперся. Теперь можно расслабиться, чутко отдохнуть... Не бзди.

Да, со стороны, может, кому-то покажется, что тебе полегчало. Но ты-то сам знаешь, что это не так. Как был по уши в дерьме, так и остался... Преждевременные итоги. Сосредоточься. Но не перенапрягайся. Зачем?.. Для чего?.. Только чтобы выбросить из себя все, что с таким трудом накопил?

Ясно, ты делаешь большое дело. А если так, то как ты мог пойти в туалет и не взять с собою спонсоров?.. Ты не можешь делать все только сам, в одиночку. Нужна поддержка. Но ведь спонсор тоже не будет делать твое дело без своего интереса. Чтобы хорошо вложиться, надо хорошо выложиться. Может, сдать спонсору этот гадкий туалет в аренду под офис?.. Лет на десять!.. Конечно, самому придется это время немного помучиться, бегать к соседям, унижаться... Но ведь правильно умные люди говорят: деньги не пахнут!

Может, начать торговать туалетной бумагой?.. У меня ее залежи еще с совковых времен... А ведь это хороший бизнес!.. Страна цивилизуется — значит, потребности в этом дешевом материале в XXI веке

увеличит. Особенно на местах. Думаю, с моим высшим образованием, кандидатским званием и тремя дипломами рационализатора это дело как раз по плечу. Справлюсь. То есть сначала справлюсь... Экономия на всем. Никаких лишних движений. Мой дядя, профессор астрофизики, сейчас перепродает жетоны в метро. У моего бизнеса рейтинг будет гораздо выше, чем его маркетинг. Я уже не говорю о клиринге. Но и мне нельзя успокаиваться. Можно век прокуковать сидя здесь. Запершись! Отгородившись от целого мира!

Надо открыть двери. Никаких секретов ни от кого. Пусть все видят, что я не пропал. Я на виду и делаю свое дело честно и по-большому... Могу мир оглушить!..

С другой стороны, нельзя сегодня делать абсолютно то же самое, что вчера и позавчера. Частые запоры не содействуют оптимизму, генеральский геморрой привел к общей депрессии. Жить не хочется, но надо. Все. Финиш. Как говорится, спустай воду.

Теперь, окрыленный успехом, могу приступить к умыванию.

Не спеши. Для начала подумай, а зачем тебе выглядеть чистым?.. Прежде чем отвернуть кран, не горячись, подумай, какую ты хочешь струйку. Сильный напор приводит к ненужному разбрызгиванию. А это не что иное, как разбазаривание отдельных капель, и как результат — неэффективная работа половой тряпки, не поставленной на домашний компьютер. В связи с этим ожидаются дополнительные трудности с приглашенной по контракту для вытирания пола уборщицей.

Держи мыло крепче. Помни: выпустил что-то из рук, тебя все перестают уважать. Но неудача не должна тебя огорчать.

Изловчись, поймай на лету!.. Хватай!

Трезвый расчет. Стиснутые зубы. Стрельба только на поражение.

Кстати, вместо умывания можно принять душ. Или ванну. Это конкурирующие между собой направления, и ты должен, просто обязан выбрать. Душ в любой момент может сломаться, и тогда ты, намыленный, окажешься в положении банкрота. Ванна более надежна как партнер, но надо следить, чтобы вода не перелилась. Все-таки она женского рода, и ей доверия меньше. Хотя удовольствие может доставить больше.

Но в этом случае есть серьезная опасность: в ванне можно заснуть. Если это сделать с дамой, ваши акции не возрастут. Но если попробовать осуществить с ней, с дамой, небольшой консалтинг, сведя риск партнерства к минимуму, вся прибыль от совместной деятельности делится пополам.

Теперь бритье. Непростая игра с опасным лезвием. Возникает шанс стать киллером по отношению к самому себе.

Максимум осторожности. Иначе — прольется кровь. Много крови. Запятнаешь себя, головорез. Утрешься и с поцарапанной мордой к столу. Пожалуйте на завтрак. Не тут-то было: проси дотацию на глазунью, объясняй, что не можешь жить впроголодь и жрать кашу и макароны по-флотски.

Наше государство бедное, поэтому дотации дает всем. Ну, не всем, а всем, кто просит. А просят у нас, как известно, все.

Примерно через год дотация обязательно придет, и ты позавтракаешь.

Пора идти на работу. Но не торопись. Ведь сегодня неизвестно, что лучше: работать на трех работах или на одной, но за троих.

Сложный процесс выживания, трудное время... А выжить в нем все-таки можно. Даже лежа на диване.

1993

Кто ху есть?

— Кто этот грубый мордатый

человек с блатной челкой, закрывающей лоб?

— Писатель. Властелин наших дум.

— А кто вон тот... справа... лысый очкарик?

— Известно кто. Руководитель нашего комсомола.

— Бывший?

— Почему бывший?.. Будущий.

— А кто эти люди, что пришли в консерваторию в черных рубашках и со свастикой на рукаве?

— Обыкновенные любители музыки.

— Любопытно, они сели в первые ряды. Это чтобы лучше слышать?

— Нет. Это чтобы на них смотрели.

— А вот этот, на которого никто не смотрит...

Сидит на углу, читает Мандельштама, играет на скрипке?..

— Бомж.

— Тогда кто вот этот... который двух слов связать не может, кроме мата...

— Министр.

— А эта будка?

— Философ.

— А это личико?

— Тенор.

— Может быть, вы назовете профессию вон того мужика, который пьет пиво и заедает его бананом?

— Козел.

— Ну а этот скот, который схватил женщину за волосы?

— Депутат Государственной думы, кто ж еще?

— Этот толстяк, наверное, банкир?

— Обманутый вкладчик.

— А этот худющий... кожа да кости?..

— Наш миллионер.

— А кто этот старый еврей?

— «Новый русский».

— А этот педик?

— Он еще и критик.

— Интересно бы знать, кто вон та дамочка, что так хорошо улыбается нам с экрана?

— Это прямой эфир из тюрьмы. Дамочка — мафиози.

— А кто тогда этот мрачный дяденька рядом с ней?

— Следователь, который ведет ее дело.

— Ой, смотрите... кто-то летит на воздушном шарике?..

— Уже не летит.

— Ой, смотрите... кто-то кому-то бьет по морде...

— Уже не бьет. Уже стреляет.

— Это киллер?

— Это триллер.

— А кто это лежит в подъезде в луже крови?

— Наш чемпион по неконтактному карате.

— А этот... который выходит из подъезда?

— Чемпион по контактному.

— А такой красивый, похожий на льва, с художественной гривой?

- Директор рынка.
- А такой интеллигентный... с бородкой, в пенсне... на доктора Айболита похож?
- Сотрудник госбезопасности.
- Бывший?
- Бывших сотрудников госбезопасности не бывает.
- А вон тот... как денди лондонский одет?
- Вор.
- Ну а вот этот... смотрите, на мотоцикле гонит... Длинноволосый... Рокер, что ли?
- Какой, к черту, рокер?.. Священник.
- А который с Евангелием?
- Секретарь обкома.
- Бывший?
- Затрудняюсь сейчас ответить.
- Понятно. А кто тогда эта упакованная парочка — он в кимоно, она в бриллиантах?
- Хозяева ларька.
- А в прошлом?
- Колхозники. Свинарка и пастух.
- А эти... с молотком — он, она — с серпом?
- Иностранцы.
- Тогда кто же эта милая, тихая женщина в строгом английском костюме?
- Валютная проститутка.
- Ну а эта древняя бабулька кто?.. Небось председательница секции вышивания?
- Никак нет. Герой-ветеран. Первый командир женской танковой дивизии.
- Расскажите про дедульку рядом с бабушкой... Тоже пенсионер?
- Да что вы!.. Этому человеку двадцать пять лет. Из них три года он работает в шахте.

- А это кто?
- Да никто.
- А этот господин?
- Товарищ по партии Зюганова. Видный коммерсант.
- А этот товарищ?
- Господин из Франции. Знатный диссидент.
- А вон тот... Ну и рожа... Кирпича просит...
- Угадали. Известный строитель.
- А вот эта пьянь... тоже известный человек?
- Очень. Наш великий художник — постимпрессионист. Основоположник вербального квазимодернизма.
- А тот... влетающий в «Вольво»?
- Бармен в казино.
- А этот... вылетающий из «Мерседеса»?
- Банщик в сауне.
- А в потертом пиджаке и кедах на босу ногу?
- Академик.
- А кто этот высокорослый человек с ракеткой?
- Президент страны.
- А с ним рядом... в трусах с лампасами?
- Его охранник. Генерал армии.
- И последний вопрос: а кто этот идиот, которому кажется, будто он знает, «кто есть ху»?
- Я.
- Бывший?..

Инфляция

Вчера сел в трамвай № 17 969

(ранее № 3), проехал свои 224 остановки, но до работы не доехал. Встретил приятеля, он как раз зарплату получил — 14 миллионов (раньше 120 рублей), купили на нее пару чашек кофе и бутерброд на двоих... Неплохо посидели, поговорили о том о сем, в том числе об инфляции.

Приятель говорит, что инфляция лично его пока не коснулась, но попросил у меня взаймы. Десять миллионов.

У меня в кармане оказалось всего девять, но приятель сказал, что ему до следующей зарплаты хватит, а миллион я ему буду должен.

А что делать?.. Надо помогать друг другу. Инфляция.

Из кафе хотел позвонить начальнику: мол, не ждите меня сегодня, заболел, грипп страшный, да телефон подзабыл. То ли 369-27-43-11-82-16, то ли 369-27-11-43-82-16... Память стала подводить в последнее время. Да и номера телефонные все разрастаются.

Сегодня проснулся утром, стал надевать ботинок — не лезет... Раньше у меня был 41-й размер, нога как нога, не маленькая, не большая. Теперь

нога та же, но размер вырос — 41 328-й. С трудом, но натянул.

Пошел на кухню, стал разогревать чай. Вода не кипит. Раньше, глупая, кипела при ста градусах.

Теперь ей надо порядка тридцати пяти тысяч. А где их взять?.. Газ не работает, а счетчик крутится. Пришлось пить холодный.

Включил телевизор. Там четыреста шестьдесят восьмая серия какого-то очередного мыльного пузыря. Раньше я ходил в кино примерно раз в месяц, теперь «движущиеся картинки» круглый год и никуда ходить не надо. Интереса — ноль.

Решил почитать. Лег на диван с книгой, которую недавно купил. На обложке — Достоевский. Думал, роман, открываю, а там афоризм: «Красота спасет мир». И голые фотомодели на каждой странице. Понять можно... Инфляция.

Постучал сосед. Я решил не открывать. Вдруг, думаю, киллер?.. Хотя знаю, что сосед. С другой стороны, почему сосед не может быть киллером?.. Или почему соседом киллера не могу быть именно я?..

В дырочку своей металлической двери вижу — сосед. Он еще раз постучал. Значит, думаю, два киллера. Хотя точно знаю, что один сосед. Но инфляция, кто его знает.

Тут он в третий раз стучит. Я спрашиваю:

— Это кто?

— Сосед, — говорит сосед.

Я собрался с духом и открыл дверь. Все же что-то человеческое и во мне осталось, дал ему соли, хотя инфляция.

Тут сосед, хитрый, улыбается и говорит:

— Спасибо.

И, конечно, вынимает бутылку.

Я спрашиваю соседа:

— Это что же, за какую-то щепотку соли ты мне бутылку ставишь?

Он мне:

— Инфляция, — объясняет. — Очень выпить хочется, а не с кем.

— Ну, давай тогда выпьем с горя, — предложил я.

Сосед принял мое предложение, и потом мы приняли оба.

Благо, водка осталась сорокаградусная.

Это значит, есть еще надежда. Последняя надежда победить инфляцию.

Остаточный принцип нашего бюджета

Проблем не в том, что у нас

не хватает денег, проблема в том, как то, чего не, разделить на всех.

Берем бюджет. Делим. Режем. Обрезаем. То, что оста, идет на культуру. Секвестрируем обрезки и получаем подъём и прогресс.

Поскольку ты ничего не получил, они ничего не получили (полностью), а многие получили лишь частично, культура имеет то, что имеет.

Сейчас у нас кризис. Многого не хватает. Но мы стараемся, чтобы у всех было все. Или хотя бы что-то. Раньше у нас было всё, но не у всех. Теперь у всех ничего, а у кого всё, те — не все.

Культура мы, конечно, обеспечена. У нас и в новом бюджете на культуру выделено достаточно средств.

Мы понимаем, что без культуры наше общество не будет нормально развиваться. Мы чтим великие традиции Пушкина и Гоголя, Тургенева и Достоевского, Чехова и Алексея Максимовича Горького. Мы за свободу творчества от цензуры, ибо считаем: никакого давления на художника. Каждый художник абсолютно свободен.

И пусть идет куда хочет.

Но многие сегодня недовольны. Нас часто спрашивают: почему в нашей экономической политике в отношении культуры мы применяем так называемый остаточный принцип? Мы отвечаем так: сей-

час всем тяжё. Везде чего-то не хвата. Всюду недостатки, переходящие в недостачи. Те, кто ворует, имеют все. А те, у кого воруют, должны тоже воровать, чтобы жить, как все. Нужна стабиль. Целостность — вот что глав. Без целостности России не бу великой ржавой.

В этих усло культур сам должна уметь себя финансир.

Дене у государства не. Как быт?

Надо сами уметь доставать де. Но де?

Вот, к примеру, танк. То, что от него оста после нашего обрезания, може пойти на культур. Опыт, правда, показал, что после нашего танка ничего не остае.

Наш пози: культур надо подде. Но чем? Как найти недостаю средств?

Очень про. Казалось бы.

Надо взять деньги, предназначенные на танк, и перебросить их на культур. Поменять танк и культур местами. Поставить культур впереди танка.

К сожале, это сегодня невозмо. Танкисты считают, что на танк им сегодня тоже не хвата. И это правд. Раньше на танк у нас хватало всегда. И у нас была очень высокая культур танка. Танк стрелял.

А сейчас он еляет. Теперь секвестр всем.

Одна пушк. Сорок процентов гусениц. Прорезей нет совсем. Анк не оеспособный. Оевать на ём лъзя. А хочется.

Поэтому у меня предложе: давайте все, что у нас есть, опять отдадим этому танку. И тогда у нас вообще не бу культур, а значит, и остаточного принципа.

Кто «за», прошу поднять ру.

Опустили. И протянули но.

Фабрика генералов

Зеленые ворота распахнулись,

и мы въехали на территорию секретного объекта.

— Секрета нету, — сказал нам директор фабрики, когда мы зашли к нему в кабинет. — Мы производим генералов для нашей армии. Раньше работали по госзаказу, теперь стараемся перейти на рыночные отношения.

— Что вы имеете в виду? — удивились мы.

— Дело в том, что наших генералов никто не берет. Они никому не нужны. Качество не отвечает международным стандартам. Но сегодня мы перешли на новые технологии и надеемся сбыть нашу устаревшую продукцию.

— Куда?

— В Чечню, например. Там на наших генералов пока есть спрос. Там они еще котируются.

— Чем вы это объясняете?

— Видите ли, наши генералы хороши тем, что совершенно не умеют воевать. Зато умеют продавать и говорить.

— Что?

— Говорить — о том, о чем надо молчать. Продавать друг друга. Они профессионалы в этом деле.

— Скажите, пожалуйста, а сколько, по-вашему, генералов необходимо такой мирной стране, как Россия?

— Взвод.

— Так мало?

— Необходимо сокращать Вооруженные силы.

— Зачем же вы производите так много генералов?

— Необходимо укреплять армию.

— Понятно. А как вы делаете своих генералов?.. Из каких материалов?.. Какие требования предъявляете к своей продукции?

— У нас конвейер. То есть штучное производство, поставленное на поток. Для начала нужна болванка. Затем ее обрабатываем, откармливаем и обшиваем. Генерал хорошего качества должен иметь зычный голос, внушительный вид и дачу.

— Последнее обязательно?

— Не называйте дачу этим словом. Дача для генерала никогда не является чем-то последним. Наш генерал, можно сказать, начинается с дачи.

— Это свидетельство его профессионализма?

— Несомненно. Ведь жить в полевых условиях, под открытым небом надо учиться.

— Кстати, об учениях. Как часто ваши генералы в них участвуют?

— Наши генералы все свои битвы рассматривают как учения. Наука побеждать требует большого опыта и умения проигрывать сражения. Тут нашим генералам нет равных. Ибо никто, как они, не умеет вовремя попасть в засаду, предъявить ультиматум, находиться в окружении и получить за это награды. Особенно прославился один наш генерал, который продал противнику четыре склада

оружия и на вырученные деньги купил своей армии немного пожрать.

— Настоящий герой. А как вы транспортируете свою готовую продукцию?

— Надо сказать, наши генералы хорошо упакованы. Мы их пачками отгружаем в любых направлениях на все четыре стороны.

— Случается ли в вашем производстве брак?

— А как же без брака-то... Генерал с отклонениями — норма. А не будь отклонений, такого генерала никто и слушаться не будет. Если он такой же, как все, — зачем он вообще?..

— Логично. И как вы поступаете с бракованными изделиями?.. Уничтожаете?

— Ни в коем случае. Наоборот, присваиваем им знак качества. И направляем в Генштаб, где бракованные генералы проявляют себя наилучшим образом.

— Это как?

— Например, каждый из них может начать войну со слабым противником.

— А закончить?

— Наши генералы созданы не для этого. Ибо неожиданно выясняется, что на войне слабых нет.

— Однако в интересах Отечества надобно уметь заканчивать войны!.. — воскликнули мы. — Хотя бы иногда!..

Директор фабрики нахмурился и произнес историческую фразу:

— Если интересы Отечества не совпадают с интересами генералов, Отечество — в опасности, его надо спасать.

— Вы хотите сказать, что, производя свой товар, вы спасаете Россию?

— Постоянно!.. Кабы у нас не было генералов, Россия стала бы Швейцарией. А мы великая страна. Величие страны измеряется генералитетом.

— Разве?.. А мы-то думали — его отсутствием... Ну, да ладно... Говорят, недавно в одной солдатской бане видели голого мужика с золотыми погонами. Он приклеил их пластырем к плечам. Это ваша придумка?

— Конечно. Должны же как-то генералы отличаться от всех остальных. Некоторым во время купания мы заряжаем в плавки снаряды и пушечные ядра.

— Можно ли такого генерала похлопать по плечу?

— Да, конечно, если только от сотрясения он при этом не выстрелит.

— Верят ли генералы в Бога?

— Сразу в трех. В бога войны — артиллерию. В бога небесного — авиацию. И в бога пехоты — Калашникова.

— Хотелось бы знать: из какого вещества состоят мозги генералов?

— Из серого, естественно. В бою оно принимает камуфляжную раскраску.

— Но мы отметили несколько случаев, когда генералы переодеваются в штатское. Не перестают ли они в этот момент быть генералами?

— В Госдуме перестают. И это печально, потому что Госдума — не баня, где все равны и никто никому не подчиняется.

— Еще вопрос: есть ли среди генералов «дедовщина»?

— Обязательно. Старые генералы издеваются над молодыми.

— Как?

— Как хотят. Это предусмотрено Уставом.

— ... ?

— Есть такой неписанный военный устав, где первым параграфом значится: уважай старших. А не уважаешь — получай.

— Но ведь это первый признак морального разложения войск!.. Это чудовищное, позорное явление!..

— Не понимаю, о чем вы говорите. Слово «мораль» для военных — самое позорное, самое чудовищное. Наша профессия — убивать. И наши генералы должны быть лучшими в этой профессии.

— Спасибо за честное признание. Могут ли в этой связи наши генералы считаться киллерами?

— Никак нет. Киллеры работают в подъездах. А генералам нужен весь мир.

— Значит, есть шанс получить генерала даже там, где он совершенно не требуется?

— Именно так. Наша фабрика всегда к вашим услугам. Ведь тысячи людей в цехах трудятся для того, чтобы наша Родина была в государственной безопасности. Мы не дадим нашему стратегическому противнику права первого удара. Мы нанесем его себе сами. Для этого и работаем.

С этими словами любезный директор фабрики подарил нам парочку генералов в качестве образцов своей продукции.

Мы выехали за зеленые ворота и тотчас выбросили эти сувениры из машины.

И тем самым рассекретили еще один опасный объект.

Расстрел

За пять минут до расстрела

я твердо решил уехать в Израиль.

— Собирайтесь, — сказал мне вертухай. — Прощайтесь с жизнью.

Я подумал: «Все-таки приятно, что теперь они обращаются к нам на «вы». Это, безусловно, наша заслуга. Мы добились этого еще в годы перестройки».

Мы вышли из камеры, и он повел меня по очень темному коридору.

«Дорога к свету, — подумал я, — и должна быть нелегкой».

Коридор тянулся с загибом вправо, затем налево и снова прямо...

«Наш путь извилист, — подумал я, — но в конце концов именно он приведет нас к избавлению».

Вертухай толкнул меня прикладом в спину. Я подумал: «А все-таки Лубянку надо было снести или в крайнем случае передать «Детскому миру».

Вертухай приставил мне к затылку холодный ствол.

«Эх, сейчас бы мороженого и кофе эспresso!»

Надо сказать, я очень люблю эспresso в итальянском исполнении. Когда я был в Риме лет пять назад, мне очень понравилось сидеть в кафешках

на свежем воздухе и бодрить себя рассматриванием элегантных итальянок, летающих мимо с распущенными волосами на мотороллерах... В эти минуты эспрессо особенно приятен.

— Встать к стенке. Руки за голову.

Оказывается, мы уже были во дворе знаменитой на весь мир тюрьмы. Я с удовольствием вдохнул свежего воздуха.

«Жаль, Гайдар с Явлинским так и не объединились. Ведь если бы Гриша был не такой самовлюбленный...»

— Повернитесь спиной! — раздался чей-то голос.

«...всего этого могло бы и не быть!..»

Я повиновался команде. А что можно еще сделать в моей ситуации?! Визу?!

Нет, визу они мне, конечно, уже не дадут. А если дадут, то другую. В иной мир.

Мне было приятно думать о себе хорошо. Все-таки они не сломили меня, суки, не сломили...

— Именем Союза Советских Социалистических Республик...

Это тот же голос начал зачитывать приговор. Значит, у меня еще есть минутка.

Я вспомнил маму, своего школьного учителя по прозвищу Ганнибал, друга Альку, с которым вместе когда-то плавали на теплоходе по Волге, и почему-то целину, которую я зачем-то поднимал вместе со всеми в студенческие годы.

— ...к высшей мере наказания.

Хотя чтение приговора закончилось, я попросил, чтобы мне дали все же сказать последнее слово.

— Ну, скажи, ладно, скажи, — вяло согласился мой палач.

— Видите ли... — начал я издалека. — Будучи на протяжении всей своей жизни горячим противником смертной казни, я обращаюсь сейчас к Организации Объединенных Наций, Нобелевскому комитету, Совету Европы и другим гуманистическим сообществам во всем мире со страстным призывом приложить все усилия, чтобы покончить...

— А мы что делаем? — мрачно улыбнулся палач. — Мы это и делаем...

— Нет! — воскликнул я. — Вы дадите мне договорить!..

— Да договаривай, ну, договаривай... только быстрее!..

— ...чтобы покончить с этой вашей мерзкой практикой уничтожения людей.

Они вскинули ружья.

Мне захотелось плюнуть им в лицо, но я сдержался. Воспитанный мужик, каковым я себя считаю, все-таки должен уметь вести себя с достоинством в любых, даже экстремальных ситуациях.

Поэтому я, как истинно интеллигентный человек, ограничился всего лишь одним матерным словом, да и то про себя.

— Конечно, мы, демократы, сделали большую ошибку на тех выборах... Нам надо было голосовать за Анпилова... «Ведь тогда бы он наверняка не прошел... — подумал я. — С другой стороны, в случае его победы над Ельциным электорат Жириновского перешел бы в аппарат Эюганова, а аппарат президента вообще стал бы электоратом...»

Они милостиво ждали, пока я окончательно приготавлиюсь. Я встал в героическую позу.

— Стреляйте, сволочи! — крикнул я. — Всех не перестреляете!..

Раздался залп, но то ли патроны у них отсырели, то ли ружья были кривые и ржавые... Я стоял невредим.

«Все-таки коммунистическую партию надо было запретить, — подумал я. — Может быть, я не прав...»

Тут на середину двора с грохотом выехал танк и направил на меня свое милое моему сердцу жерло.

«А может, и прав», — посетила меня последняя мысль.

Танк выстрелил... и я проснулся.

1996

Дегустация

Вася Дмитриев, член общества

«Память» со дня его основания, был приглашен в дегустационный салон, где его угостили шикарным коктейлем под названием «Николай II».

— Как вы делаете столь замечательный напиток? — спросил любознательный Вася, залпом осушив бокал до дна. — Интересно знать его состав.

— Смотрите внимательно, — сказал бармен. — Для начала я беру два пустых стакана, воду и красное вино. Вода — немецкая кровь, вино — русская.

Бармен разлил вино и воду в стаканы ровно по половинке. Затем ловко слил два стакана в один.

— Что я сделал?.. Я женил Петра I на Екатерине II

— И что получилось?

— Не «что», а «кто»... Получилась Анна Петровна, их дочура, которая, как известно, вышла замуж за немецкого герцога Голштинского.

С этими словами бармен молниеносно вылил полстакана и дополнил остатки чистой водичкой из серебряного ведра, украшенного золоченой геральдикой какой-то баварской фирмы.

Далее он стал быстро манипулировать содержимым стаканов, то выливая и смешивая, то дополняя, и снова смешивая, и снова выливая... При этом бармен сыпал исторически достоверными фактами про брак Петра III с девушкой немецкого происхождения, которая вскоре стала далеко не девушкой императорского звания под именем Екатерины II, про женитьбу Павла I на немочке Марии Федоровне, про свадьбу царя-батюшки Николая I и другой Федоровны, Александры — также немецкой крови...

При этом бармен успевал нажимать на кнопчку своей электронной записной книжечки, считая всякие четверти и восьмушки, устанавливая пропорциональное соответствие воды и вина. Вася с ужасом наблюдал, как по мере увеличения фактографических сведений в одном из царских стаканов воды становилось все больше, а вина все меньше. Мир рушился. Вера падала. Маршировать расхотелось.

Вася, как зачарованный, следил за быстрыми руками бармена, которые вспархивали над стаканами, словно крылья птицы. Экскурс в историю царской семьи продолжался:

— Теперь мы что делаем?.. Мы женим Александра II на опять же немке Марии Александровне... И что получает Россия, несчастная мать-родина наша?

— Что? — стиснул зубы Вася Дмитриев и вперил свой взгляд в бледный стакан. Васе казалось, что ему делают обрезание.

— Россия получает Александра III, в котором, по самым точным нашим подсчетам, одна шесть-

десять четвертая часть крови была русская, шестьдесят три шестьдесят четвертых — немецкая.

— Значит? — спросил Вася, сверкнув бешеным глазом. Все внутри его сейчас пело «Боже, царя храни!», но мелодия выходила какая-то современная. Не наша какая-то мелодия. С ассонансами.

— Значит, в сыне его, императоре всея Руси Николае доброй памяти Александровиче, невинно убиенном большевиками, символе нашей народности, русской крови всего одна сто двадцать восьмая.

Вася сжал кулаки и бесстрашно посмотрел правде в глаза.

Но увидел всего лишь бармена, который долил воды в светлую и без того жидкость.

А Вася, между тем, жаждал крови, русской крови... Иными словами, ему жутко хотелось вина, побольше вина... А лучше водки.

Ему хотелось сейчас совершить что-то большое во имя России, какой-то подвиг... Например, сокрушить этот дегустационный зал. Зеркало разбить. Или просто ударить бармена бутылкой в лоб.

Однако тот мог ответить тяжеловесным баварским ведром, и Вася сник, подавленный своим позорным бессилием.

— Если бы сын великого самодержца нашего, божьей милостью царя Николая II, последовал примеру отца своего в выборе супруги, — продолжал свое издевательство бармен, — мы бы имели наследника нашего престола — прошу не забывать! — с одной двести пятьдесят шестой русской крови. Вот такой коктейль!.. Будете пробовать?..

— Молчи, жид! — прохрипел Вася Дмитриев. —
Слышать тебя не могу!

Через час он пришел с дегустации домой и повесился на форменном ремне, которым всегда раньше подпоясывал свою черную рубашку поверх галифе.

1996

М максимум и минимум

Мы пришли к генералу,

чтобы задать ему несколько вопросов по поводу двух его программ — программы-минимум и программы-максимум.

Старый генерал радушно встретил нас, выйдя в халате.

— Это минимум, — сразу пустился он в объяснения. — А когда я надеваю полную форму, все ордена — это максимум. Понимаете?

Мы кивнули.

— Хотите чаю? — спросил генерал. Мы догадались, что это минимум. — Или будем ужинать?

Естественно, мы отказались от этого максимума, чтобы лишний раз не объедать хозяина.

— Когда мы придем к власти, — продолжал генерал, — это будет минимум. А максимум в том, что, придя к власти, мы из нее никогда не уйдем.

Мы хотели кивнуть. Но не успели. Разговорчивый генерал поведал нам некоторые тайны.

— Как минимум мы гарантируем нашему народу карточки. Как максимум — карточки и талоны.

— А товары? — неосторожно спросили мы. — Вернее, продукты и товары?

Генерал засмеялся в ответ.

— Пустые полки как минимум. Как максимум сырок. Один на весь магазин. И главное, — тут генерал сощурился, — максимально снижать минимальные цены.

Мы кивнули. Наконец-то опять цены начнут снижаться, а как максимум — падать.

— Большое значение также мы придаем возрождению духовных ценностей. — Генерал весь светился, как Красноярская ГЭС — минимум. Как лампочка Ильича — максимум. — Так, на месте нынешнего храма Христа Спасителя как минимум будет бассейн, а как максимум — Дворец Советов. Город Пермь будет переименован в город Молотов, а Эстония станет Белоруссией. Но это, как вы понимаете, лишь жалкий минимум. Максимум — повтор венгерских событий в Чехословакии и победоносной финской войны за остров Даманский с Китаем.

— Что вы думаете о нашей экономике? — задали мы невинный вопрос.

Внезапно генерала будто затрясло. Его лицо исказил страшный гнев, хрусталь в шкафу зазвенел, люстра на потолке закачалась.

— Гай...дар! — только и услышали мы, больше ничего. — Рр-rrr-r!

Он стукнул кулаком по столу, стол превратился в груды обломков. Когда припадок ненависти у генерала закончился, мы продолжили беседу.

— Придя к власти, — уже совершенно спокойно заявил генерал, — мы будем следовать принципу «никто не забыт, ничто не забыто» и как минимум отменим историю.

— А что вы сделаете с географией? — поинтересовались мы.

— Волго-Донский канал прорежем к пустыне Аральского моря, а всю тайгу пересадим в торфоперегнойные горшочки.

— Хорошая идея! — воскликнули мы. — Старая, но перспективная.

— Во всем надо иметь научный подход. Особенно к науке. Академик Сахаров будет работать в команде академика Лысенко. А академик Иоффе будет снова послан на картошку вместе с академиком Раушенбахом.

— Это минимум или максимум?

— Не важно, — честно признался генерал и мечтательно добавил ни к селу ни к городу: — Важно, чтобы пятилетки выполнялись за четыре года, а семилетка за пятилетку. Особенно в средней школе.

— Вы считаете, что наш народ готов сегодня к восприятию ваших программ?

— Наш народ как минимум идиот. Нет сомнения, он примет нашу программу-максимум.

— А если не примет?

— Как минимум придется расстрелять две-три сотни демократов. Для этого потребуется максимум рота солдат.

Мы кивнули. Генерал тем временем расфилософствовался:

— Нашему народу как минимум нужен Сталин.

— А может быть, Гитлер? — наивно спросили мы.

— Гитлер — это максимум. Но мне, как патриоту и участнику войны, хотелось бы, чтобы все было наоборот: минимум Гитлера, максимум Сталина.

— Что для этого нужно?

— Прийти к власти, я же сказал.

— Вам кто-то мешает сделать это сегодня?

— Как минимум — вы, журналисты. Как максимум — ваши читатели.

Нам понравилась генеральская откровенность. И нам захотелось сфотографироваться с генералом — минимум на память.

Максимум — на вечную память.

1996

В связи с ростом цен

в стране в честь приближающихся выборов многие стали путать, что чего стоит. Бывает, утром идешь — одна цена, днем — другая, а вечером — третья. А случается, третья уже с утра, и тогда вечером она, выходит, уже девятая, а часам к двенадцати ночи уже, глядишь, четырнадцатая.

Идешь по улице, тихий, спокойный, никого не задеваешь, а они перед тобой так и скачут. Дразнят. Прыгают, как сумасшедшие. Что с ними делать? Только одно: вязать их надо, вязать...

В общем, хочется протестовать. Идти на выборы. Или не идти. Но это, говорят, сегодня тоже делают не бесплатно.

Вот в моих руках пре́йскурант новых цен на протестные действия электората, одобренный съездом блока «За левую победу»:

ВЫХОД НА ДЕМОНСТРАЦИЮ 50 р. за каждый
С КАСТРЮЛЯМИ И ПАЛКАМИ: километр шествия

ВЫХОД НА ДЕМОНСТРАЦИЮ 51 р. плюс бутылка на
В ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ: троих без закуси

**ВЫХОД НА ДЕМОНСТРАЦИЮ
В ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ СО
СВОЕЙ БУТЫЛКОЙ:**

орден «Знак Почета»
плюс закуска «Завтрак
туриста» и кусок колба-
сы за 2 р. 20 коп. (без
права передачи)

**ВЫХОД НА ДЕМОНСТРАЦИЮ
В МЕТРО:**

проездной билет плюс
книга воспоминаний
наркома Когановича

**ВЫХОД НА ДЕМОНСТРАЦИЮ
С ПОРТРЕТОМ ЛЕНИНА:**

100 р. и цэковский паек
1921 года

**ВЫХОД НА ДЕМОНСТРАЦИЮ
С ПОРТРЕТОМ СТАЛИНА:**

200 р. и цэковский паек
1952 года

**ВЫХОД НА ДЕМОНСТРАЦИЮ
С ПОРТРЕТОМ ЗЮГАНОВА:**

5000 р. и цэковский па-
ек 1985 года

**ЗА УДАР ПОРТРЕТОМ КОГО-
НИБУДЬ ПО БАШКЕ СЗАДИ:**

значок ГТО («Готов
к труду и обороне»)

**ЗА УДАР ПОРТРЕТОМ КОГО-
НИБУДЬ ПО БАШКЕ СЗАДИ**

значок БГТО («Будь го-
тов к труду и обороне»)

(в случае промаха):

**ЗА УДАР ЭТИМ ЖЕ ПОРТРЕТОМ НЕ КОГО-НИБУДЬ,
А СТОРОННИКА ДРУГОГО БЛОКА:**

«Яблока»: бесплатная путевка
в санаторий «Звездоч-
ка» Минобороны
в г. Сочи

«Отечества — Вся Россия»: сауна с бывшим членом
Политбюро и прибавки
к надбавкам зарплат ми-
нистров времен застоя

ЛДПР: девочки. Досуг. Апарта-
мент круглосуточно.
Бесплатно все, пенсио-
нерам союзного значе-
ния — скидка (во всем)

«Союза правых сил»: оплата в баксах на месте произведения удара

по Гайдару: 1000 у.е.

по Чубайсу: 100 у.е. плюс участие в сожжении его чучела

по Немцову: 1000 у.е. плюс фотография Александра Невзорова с автографом на память

по Хакамаде: 1000 у.е. плюс тайский массаж

ЗА ГОЛОСОВЫЕ ВЫКРИКИ В АДРЕС ПРЕЗИДЕНТА, СОДЕРЖАЩИЕ

одно матерное слово: трешник

два: пятерка

«каскад»: цена договорная

Примечание. Обозвать Ельцина евреем — ничего не стоит, но «жидом» стоит — за это полагается семидневный круиз по Средиземному морю на теплоходе «Федор Достоевский» (трехразовое питание, культурная программа «Спасай Россию» и «Что для этого делать» — ответственный массовик генерал Макашов, для желающих открыта шоу-дискотека «Бабий Яр» и ночной бар «Освенцим». Принимаются заявки на коллективные посещения).

**Помните: чем ближе выборы —
тем выше ваши заработки!**

Однажды я посмотрел

на небо и промолвил:

— Будет дождь.

И был дождь.

Жена на другой день перед выходом на улицу спрашивает:

— Как ты думаешь, зонтик брать?

Я говорю, не думая:

— Не надо.

И была переменная облачность без осадков. Ветер слабый, умеренный. Температура ночью 8—9 градусов. Днем потепление. Солнце. В общем, все так, как было 27 июня 1557 года, когда французский еврей Моше Нострадамус отправил из Салона письмо королю Генриху II, в котором предсказывались октябрьская революция в России, Наполеон, Сталин и Гитлер...

Тут я почувствовал в себе силы небесные, способности неслыханные, а зарплаты за это — никакой.

Стали приходить незнакомые люди — сначала земляки, потом из других городов.

— Батюшка, — говорят, — скажи на милость:

рейс № 319 до Воркуты нынче полетит аль опять отложат?

— Отложат, — говорю. — Не полетит. Даже на звезды не гляжу. Рейс-то аэрофлотовский, никогда вовремя не выполняется, тут и гадать нечего.

— А 514-й в Сочи?

— А этим рейсом я вообще лететь не советую.

И точно. Самолет, летевший в Сочи, приземлился в Хабаровске. Один парень пристал:

— Дяденька!.. Скажи правду, одну только правду. И мне одному.

Я говорю:

— Ладно. Скажу. — А сам думаю: что же он, собака, спросит?

— Скажи, дяденька, доллар... сегодня на сколько прыгнет?

— На четыре пункта, сынок.

— Вот спасибо. А то я, дурак, хотел акции Транссибирского трубопровода или казино в нашем районе купить.

— И что же теперь купишь? — спрашиваю.

— Придется трубопровод. Казино дороже выйдет.

— Ну, с богом.

Одна невеста пришла, плачет.

— Жених, — говорит, — мне изменил.

Я говорю:

— Если он тебе изменил, дочка, ты ему уже не невеста. Не горюй.

Она в слезы еще больше:

— А может, он мне и не изменил... Может, это я ему еще раньше изменила.

— Тогда, — говорю, — дело совсем простое. Он тебе вовсе не жених.

Она:

— Да?.. А как же я тогда... от кого же из них рожать буду?

Я взглянул на Большую Медведицу. Вижу — скособочилась. Говорю:

— Ежели, дочка, ты сама этого не знаешь, отменяй свадьбу.

Она — бултых мне в ноги:

— Спасибо, батюшка... Драгоценный ты наш!

— За что «спасибо»?

— А за то, что спас меня, грешную. За то, что наставил на путь истинный.

И с этими словами отменила сей час свадьбу и сделала аборт.

Вскоре слава обо мне покатилась из уст в уста, по всей земле и ее окрестностям. Я предсказал три землетрясения (в горах), одно наводнение (в квартире) и выигрыш «Мерседеса» в «Поле чудес» за угадывание слова из трех букв. Мною были предложены в общей сложности и за короткий срок четыреста банков о нападении рэкетиров и два рэкетира о вызове на Петровку. Я объявил, что в 2000 году начнется третье тысячелетие, в котором главным событием будет проведение Олимпийских игр в Чернобыле среди спортсменов-сороконожек. Я также сказал, что в будущем всеми ожидаемый конфликт на финско-китайской границе не состоится из-за того, что проиранское правительство США его не допустит, послав свой 70-й флот со своей базы из Севастополя в район вооруженного противостояния армий двух дружественных стран.

А в других «горячих точках» планеты — в Чеч-

не, Биробиджане, Ливане, Азербайджане и на Брайтоне — будут продолжены мирные переговоры с боевиками и террористами, которым предложат сдаться без предварительных условий. В ответ боевики взорвут автобус с детьми и попросят коммунистическое правительство Англии выступить в качестве посредника на переговорах об освобождении заложников. И, между прочим, заложниц, которыми, кстати, станут всемирно известные фотомодели Синтия Меркури и Мантия Рэдфорд из украинского города Серпухова.

А что же Россия в третьем тысячелетии? Что будет с ней?

Столицей станет город Берия (бывший Магадан), в Жириновской губернии (бывшая Индия) люди по-прежнему будут испытывать голод. Однако благодаря рыжковским пятилеткам и гуманитарной помощи, которую нам окажет племя няу-няу с бывшего острова Борнео, наша Родина, несомненно, получит хороший шанс войти в четвертое тысячелетие хотя бы на том же уровне, на каком она находится сейчас. Это большой успех нашей страны, население которой после демографического взрыва и нынешних реформ будет насчитывать не более 10—20 миллионов человеческих единиц по переписи 2013 года.

Впрочем, Россия всегда была непредсказуемой, и вполне возможно, что эти прогнозы подтвердятся всего лишь на 90 процентов.

Однако большинство людей все же интересовало не отдаленное будущее, а то, что с нами случится в ближайшие дни.

Меня пригласили на телевидение в политическую передачу. Спрашивают:

— Кто победит на президентских выборах?

Я тотчас отвечаю. Как всегда, не подумав. И как всегда, точно:

— Выиграет Зюганов, а Ельцин останется президентом.

Там все попадали...

— Как так?.. Неужели такое возможно?

— А вот так, — говорю, — помяните мое слово.

На небо уже не смотрю. А чего смотреть, и без него все ясно. Тем более что Меркурий сдвинулся, Кассиопея тронулась, а на планете Рибок, как всегда, все бегает по кругу и играют в теннис баскетбольшим мячом.

А вчера ко мне подступили серьезные люди из разведки.

— Вы кто? — спрашивают.

— Я — Нострадамус, — отвечаю. — Меня весь мир знает и все прогрессивное человечество прислушивается.

— А по роже не хочешь? — говорит один.

А другой:

— Предъяви, сука, документы!

А мне и предъявить, если честно, нечего. Паспорт мой еще в прошлом году украли, когда я к тебе в Архангельскую область в вагоне СВ с женою ездил. Обчистили меня всего тогда. Трое мордатых в купе зашли, попросили закурить, а я их и спрогнозировать даже не успел...

— Нету, — говорю, — у меня паспорта. Вяжите, братцы!

И повязали.

Однако ничего страшного. Они ж не знают, что будет всеобщая амнистия, а я-то знаю.

Меня сейчас в тюрьме **часто** спрашивают **товарищи** по нарам: что за амнистия? У всех один вопрос... Отвечаю ответственно:

— Всех, кого еще не посадили, посадят. А всех, кого уже выпустили, больше никуда выпускать не будут.

Это я вам говорю, Нострадамус-97.

1997

— Это все еще не кончается. — Стелла сказала. —
А вот так. И так. А вот так. И так. А вот так. И так.
То есть так. То есть так. То есть так. То есть так.
— Повторяете? — сказала одна из пассажирок.
— Нет, нет, нет. — сказала Стелла. — Это все еще не кончается.
— Это все еще не кончается. — Стелла сказала. —
А вот так. И так. А вот так. И так. А вот так. И так.
То есть так. То есть так. То есть так. То есть так.

Кудыкина гора

Мы сели в самолет и полетели

на Кудыкину гору. Минут через десять стало кидать в разные стороны, серебристая громадина закачала крыльями, да так лихо, что земля накренилась. Небо провалилось, а сердце захолонуло... Стюардесса вышла в проход и вцепилась в спинку кресла:

— Господа пассажиры!.. Застегните привязные ремни! Командир корабля летчик Тютюкин просит у вас извинения за то, что он сейчас пьяный, передает вам привет и желает счастливого путешествия.

Затем она повторила все это по-английски.

Мне показалось, что я ослышался. Нет, воздушный корабль заскрежетал зубами, а потом затрясся всем телом. Значит, стюардесса не оговорила.

— Позвольте... — сказал один из пассажиров. — То есть как?..

— А вот так. В стельку.

— Но...

— Что вас еще интересует?.. — Стюардесса выкатила огромные свои голубые глаза с поволокой,

которые на земле, конечно, были не так заметны, как в воздухе.

— Но... мы падаем!..

— Вполне возможно. Однако наша аэрокомпания честно предупредила вас о некоторых чисто технических сложностях полета, который, между прочим, проходит в тяжелейших условиях. Мы входим в зону стабильности нашей турбулентности.

— Простите... — вмешался я, не выдержав. — Что вы там такое говорите?.. Ведь это же безобразие! Мы хотим жить, а не выживать.

— Да, — согласилась со мной стюардесса. — Но это наша данность.

— Какая, к черту, данность?.. Это преступление! Идти на грозу в пьяном виде!

— Совершенно верно, — улыбнулась стюардесса. — Хуже не придумаешь. Лучше околеешь. Могу предложить французскую парфюмерию по сниженным ценам.

В этот момент самолет ухнул в яму, мы все чуть не лишились дара речи. Многие в ужасе закричали.

— А ну, тихо!.. — строго сказала стюардесса. — Всем оставаться на своих местах до полного... полного...

Она не договорила. Наш самолет кувырнулся в воздухе и врезался в какое-то облако. Начался конец света, именуемый в просторечии разгерметизацией самолета.

— Господа! — закричал я. — Я требую...

— Поздно, — шепнул мне мой сосед.

— Я требую немедленного суда над этим Тютюкиным!

Стюардесса захохотала мне в ответ каким-то сатанинским смехом.

— Прекратите дергать команду, — зашипел мой сосед. — Все равно уже ничего не исправишь.

— В самом деле... Дайте господину Тютькину немного времени, чтобы он протрезвел и довел машину до намеченной цели. Не нервнируйте нашего командира! — раздался чей-то голос.

Тем временем самолет наш летел носом вниз — вот-вот мы должны были врезаться в землю.

— Все не так плохо, как вы нам рисуете! — сказал сосед. — Посмотрите в иллюминатор — видите, крылья еще не отвалились, мотор пока нормально дребезжит...

В следующий миг мы испытали удар страшной силы. За ним последовал взрыв, нет, серия взрывов.

Я открыл глаза — ноги стюардессы обнимали мои щеки.

— Где мы? — спросил я.

— На Кудыкиной горе, — ответила она. — Какие у вас претензии к аэрокомпанин?

— Этот Тютькин... сволочь... жив?

— Что вы его ругаете?.. У человека вчера был день рождения... надо же было как-то отметить... Уважительная причина...

На этой неделе лидер

оппозиции встретился с хозяином коррупции. Встреча происходила в теплой обстановке — при температуре 86 градусов — и на высшем уровне — где-то на верхней полке бани, в спецпарилке, в полном виде и с глазу на глаз.

— Поддай, — сказал лидер оппозиции.

Они поддали.

— Мне нужно...

— Возьми, — сказал хозяин коррупции.

Они взяли на грудь еще по стакану.

Затем перешли к делу. Для начала лидер оппозиции попросил поддержки на предстоящих выборах.

Хозяин коррупции сказал:

— На.

И взамен попросил смочить веничек. Лидер оппозиции тут же смочил.

— Хочу завтра к Хусейну в гости слетать. Хусейн — хороший человек. Добрый.

И слегка хлестнул хозяина коррупции. Хозяин коррупции сказал:

— Ой... Мне надо тут... один авианосец продать. Ты не знаешь, кому?

— Знаю. Продам.

— Тогда и танки возьми. У меня шестьдесят танков в наличии простаивают.

— Хорошо. Но кто мне тогда за это секретаря контрольного управления уберет?

— Договорились. Но ты тогда Мухамеда в покое оставь.

— Зачем тебе Мухамед? Он преступник, твой Мухамед. Мафиози.

— Ф-фу, не болтай слова, которые не понимаешь. Он дерзкий!.. Ну взял двадцать пять заложников, ну расстрелял одного... Двадцать четыре ведь целы остались.

— Мухамед — плохой человек. Недобрый.

— Добрее тебя. С ним же разговаривать надо. Вот я же с тобой разговариваю. Вы никто с ним не умеете разговаривать.

— Давай, я поговорю. Но сначала ты с ним поговори, чтобы он со мной поговорил.

— Я поговорю. А ты с Прохором поговори...

— Поговорю, поговорю... Но если ты мне дашь с Мухамедом поговорить.

— Я тебе дам Мухамеда, если ты мне дашь Прохора и Авдеича... А лучше Сигизмундыча... Мне очень нужен Сигизмундыч.

— Да Сигизмундыч ничего сейчас не решает. Решает Терентьич.

— Тогда Прохора не надо. Я лучше сразу на Билла выйду. Или на Ли Фуня.

— Ли Фунь — это правильно. Но Ли Фунь мне самому пока нужен. У Ли Фуня хорошие связи с Мчебришвили.

— Мчебришвили уже убили. Нету уже Мчебришвили.

— Как?.. А я и не знал. Жалко Автандила. Хороший был человек. Добрый.

Они помолчали. Скупая мужская слеза смешалась с потом. Так плакать в России могут только сильные мокрые мужчины...

— Ты это... — вздохнул хозяин коррупции. — Обещай мне сначала Тюмень не трогать.

— Перевернись! — ласково сказал лидер оппозиции. — А что у тебя в Тюмени этой самой?.. Нефть?

— Да нет... У меня там Валька живет. В детсаду работает. Очень опасно, говорит, стало. Дети какие-то неуправляемые... За последний месяц — четыре изнасилования. Повариху и трех воспитательниц...

— А я-то тут при чем?

— Дети подвержены всяким дурным влияниям. Ты своими речами всех возбуждаешь — и больших, и маленьких. Валька просила, чтоб ты в этом году в Тюмень не приезжал. Чтоб все там было тихо, понял?

— Ладно, — сказал лидер оппозиции. — За Тюмень ты мне будешь Ямал должен. И Архангельск.

— Архангельск не дам. А Ямал бери. Но учти: он не моя зона.

— Моя, твоя... Зона у нас общая. Вот приду к власти, — мечтательно произнес лидер оппозиции, — и зона у нас на всех будет одна.

— Размечтался. Лучше скажи: ты на чем сидишь? Ты на моем алюминии сидишь.

— А ты на своем алюминии сядешь.

— Если я сяду, ты уже не встанешь.

— Раздухарился. Если я не встану, ты вообще ляжешь.

— Ладно. Я тебе помогу, — сказал хозяин коррупции. — Но и ты мне... Нужно, чтобы твоя Дума сейчас приняла закон о всеобщем беззаконии.

— Сделаем. А ты мне помоги разобраться с этим... ну, как его...

— С министром финансов?

— Да нет. С другим... С этим... ну, с тем, который меня по телевизору недавно публично обозвал.

— Кем обозвал?

— Коммунистом.

— А кто ж ты есть?

— Не надо. Я есть лидер оппозиции. Да, я был коммунист. Был! Но теперь... И не надо меня обзывать, не надо! А то я обижусь... и тебя тоже могу оскорбить!.. Как говорится, ты — мне, я — тебе.

— Нет, — сказал хозяин коррупции. — Сначала ты — мне, а уж потом я — тебе!.. Перевернись!

И поддал жару, бросив полведра воды на раскаленные докрасна камни.

Взрыв

Я вообще-то не антисемит,

но очень уж евреев не люблю.

Утром встал, настроение хреновое, дождь, холодно. И все из-за жидов проклятых. Ну, я пошел, взорвал синагогу, сразу потеплело.

Меня, конечно, сразу поймали, спрашивают:

— Ты чего?

Я отвечаю по-еврейски, то есть вопросом на вопрос:

— А чего?

Мне говорят:

— А-ааа, ну тогда иди с богом, озорник.

Я говорю:

— Никуда я не пойду, и вы меня не посылайте.

Вы что, не видите разве, как я тут все разворотил?

Мне говорят:

— Ну разворотил и разворотил. А жертв же нет. Так что иди отсюда, и побыстрей.

Я говорю:

— Братцы! Обижаете! Вы должны меня арестовать и по телику семьдесят два раза показать. А ежели не покажете, значит, вы заодно с сионистами.

Мне говорят:

— По телевизору мы тебя покажем и даже сто сорок четыре раза, это не проблема, но в следую-

щий раз, а пока вали отсюда с богом к чертовой матери.

Я говорю:

— Видали таких? Я, между прочим, не хухры-мухры, а синагогу взорвал...

Меня перебивают:

— Ну взорвал и взорвал. А жертв нет, хулиган ты этакий!

Я говорю:

— Да вы соображаете? Ну вы хотя бы обыск у меня дома сделали!

Они говорят:

— Зачем? Мы и так знаем, что у вас в квартире полно взрывчатки!

— Теперь уже поменьше. Я ведь кое-что сегодня потратил.

Мне говорят:

— А вот в этом вопросе мы всегда можем вам помочь. Если вы, конечно, к нам обратитесь.

Я говорю:

— Хоть на этом спасибо. Но вы хоть подписку о невыезде с меня бы взяли. Жалко вам, что ли, хотя бы подписку!

Они строго так мне объясняют:

— Вы нам не указывайте и не учите! Мы сами знаем, что и как, грубиян вы наш дорогой!..

Я говорю:

— Нет, ребята, вы свою работу делаете плохо. Вы меня прямо оскорбляете. Вы будто честь мою хотите уронить. Вы мое достоинство топчете. Не хотите замечать то, что я сделал.

Мне говорят:

— Да поймите, мил человек, ваши действия не несут...

— То есть как не носят? Если жертв нет, то, значит, я уже и ничего не совершил?

— Ваши действия не подпадают.

— Как не подпадают? Ну, вы даете! Сидите тут и с утра до ночи сами небось мацу в три горла хрумкаете!

Они испуганно:

— Нет-нет, что вы! Мы никакой мацы сроду...

В общем, чуть в штаны не наделали. Я осмелел.

— Это кто ж вам поверит! — кричу. — Я ж вас, сионистов-гадов, насквозь вижу, какие вы тут все обрезанные!

Тут они в ужасе просто затряслись, забились:

— Это мы-то? Да вы что? Мы обрезанные? Да никто, никогда, ни за что и ни за чем!

В общем, вижу, начинают оправдываться. Я тогда:

— Хватит жидам потакать! А то, что нет жертв, так это еще поправимо! Эту вашу критику я учту, и мы еще вместе исправимся! Или я что-то не то говорю?

Они:

— То! То! Мы, если хотите, очень вас поддерживаем, несчастный вы наш! Но не в средствах. Ваши средства мы квалифицируем как непрофессиональные. Взять хотя бы ваши взрывающие устройства. Это же чистая самодеятельность! Хотите, мы вам на дом нашего консультанта пришлем. Хороший специалист, денег почти не берет. Ведь если сами взорветесь, это вам дороже обойдется, необразованный вы наш, бедолага-парень.

Я говорю:

— За помощь, конечно, спасибо. Но и оскорб-

лять не надо! А то «не носят», «не подпадает»! Вас ничем не проймешь! Ноль внимания!

Они говорят:

— Да вы не обижайтесь. И не расстраивайтесь. Просто мы устали от вас. У нас ведь много таких... Взрывают все подряд и с нами даже не консультируются.

Я говорю:

— Это, конечно, нехорошо. Но и вы поймите... Я старался. Готовился. Сделал все, что мог. А вам чихать! Подумаешь, нет жертв.

Они говорят:

— Да мы понимаем. Вы уж нас извините. Но и вы тоже нас должны как-то понять... Были бы жертвы, мы бы тогда бы...

Я говорю:

— Ладно, это вы меня должны извинить, если что не так... я же хотел как лучше.

Они даже прослезились, заплакали. Говорят:

— Вообще-то мы, конечно, не антисемиты, но тоже евреев не любим.

Ну, тут и я с ними заплакал.

1997

Прощай, оружие

Вечерком в пятницу ученики

третьего класса Гена Рыжиков и Костя Крамаренко вышли из подъезда дома, где они проживали вместе с родителями, и нашли на тротуаре чей-то поломанный игрушечный пистолетик. Как раз в этот момент по темному, пустынному переулку из школы шла их учительница Надежда Гавриловна.

— Руки вверх! — выскочили дети из засады, наставив на нее «пушку».

— Здравствуй, Крамаренко!.. Здравствуй, Рыжиков! Что вы хотите от меня?

Дети переглянулись, повалили, изнасиловали учительницу и сказали весело, по-доброму:

— Вы нас извините, Надежда Гавриловна, но это еще не все.

— Что еще, негодяи?

— Четверка в четверти по математике, — выставил скромное требование Рыжиков.

— И пятерка по поведению в году, — стесняясь, сказал Крамаренко.

— Хорошо. Только, ради бога, не стреляйте. И отпустите меня.

— Конечно, конечно, — сказал Гена.

— Вы, наверное, устали...

— Идите отдыхайте! — добавил Костик. — И помните: мы вас очень любим!..

Учительница заковыляла прочь. А дети, увидев вывеску «Пункт обмена валюты», вошли внутрь, обезвредили часового и забрали несколько тысяч долларов.

— Пойдем в «Макдоналдс» — обожремся! — предложил Костик. — Или лучше «Орбит», хватит до конца жизни.

— Не, — сказал Гена, — я хочу водки! «Смирнофф»!

— Зачем тебе водка?

— Лучшее средство от кариеса!

Пить им было рано. Всего десять вечера.

— Есть у тебя граната? — спросил Костик.

— Ща достанем! — крикнул Гена и напал на стоящего у палатки милиционера. — Ложись и носом в землю, мент поганый!

Милиционер был вынужден повиноваться бандитам. Ибо криминогенная атмосфера в городе постоянно росла, а денег на развитие милиции в государственном бюджете выделялось недостаточно.

— Обидно, — сказал Костик. — Никто не оказывает никакого сопротивления... Может, хоть эта! — Он увидел, как в темноте, от дома к дому, прижимаясь к стенам, ползла старушка. Тащила кошелку с десятком яиц.

— Эй, бабушка! — заржал Гена. — Давай побалуемся! Хочешь, от меня родишь?!

Старушка стала отстреливаться яйцами.

— Окружай ее!.. Заходи слева! — кричал Костик. — Врешь, не уйдешь!

Однако старушка бойко вскочила и вырвалась из окружения. Теперь она стала беженкой, а Гена получил первую боевую награду. От Костика.

В 12.00 дети перебежками заняли новые боевые позиции, чтобы к утру перейти к решающему наступлению.

Не тут-то было. На улицу выехал джип «Чероки», ребята тотчас остановили машину.

— Жвачка есть?

— Нету.

— Тогда вылезай!..

Костик убил водителя, снял с него скальп, отрезал уши, запечатал их в конверт, найденный тут же, на ближайшей помойке, и положил под дверь магазина «Овощи-фрукты». Затем Гена впервые сел за руль и погнал джип по городу куда глаза глядят и метров через двести врезался в столб. Но не сильно. Оба наших мальчика, слава богу, остались живы...

Гена спокойно вышел, достал из багажника запасную канистру с бензином, облил автомобиль и поджег.

Костик радовался огню, как ребенок. Дети прыгали вокруг костра и кричали в ночи:

— Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Город спал, но война продолжалась. Огонь перекинулся на здания, целые районы запылали синим пламенем под красным знаменем. Оказывается, многие дома были просто напичканы оружием и боевиками с боеголовками. Со страшной силой взорвался пивной бар на Партизанском проспекте, оказавшийся крупнейшим в мире складом боеприпасов. На улице Солнечная в кафе «Ромаш-

ка» засела группа террористов, объединившаяся плечом к плечу с группой заложников.

В час ночи дети приняли решение взять эту «Ромашку» штурмом.

— За что? — спросил их сторож, которому они дали по ногам в рукопашном бою.

— А за то, — плюнул ему в рожу Гена. — Сколько мы вас просили: сделайте нам ночное кафе-мороженое или хотя бы дискотеку, а вы ни в какую...

— Не любите вы детей! — бросил серьезное обвинение сторожу Костик и проткнул ему живот. — Ох, не любите!

Затем они поймали кошку, привязали к ее хвосту взрывпакет и пустили на мост. Таким образом левая сторона реки оказалась отрезана от правой. Отсюда туда можно было перебраться только на подводной лодке, но ее у ребят под рукой не оказалось. Пришлось переправляться вплавь. Ровно в три ноль-ноль мост был взорван. Разведка выполнила свою боевую задачу по восстановлению мира в этом регионе. Награду за этот подвиг получил Костик. От Гены.

— Ну что, командир, теперь, пожалуй, в казино двинем? — спросил Костик, зевнув. Ему, видно, надоела эта мясорубка. — Хочется отдохнуть!

— Гулять так гулять!.. — мечтательно отозвался Гена. — Полетели!

Казино не ожидало десантников. Спустившись на парашютах, наши ребята сразу уложили на пол охранников, прежде чем войти в полутемный роскошный зал.

Здесь какие-то лысые дядьки мирно играли в покер, длинноногие красавицы вели себя не по ус-

таву, армия крупье, совершенно разложившись, отсиживалась в своих блиндажах.

— Ишь, тыловые крысы! — злобно процедил Костик. — Они тут играют, а мы за них умирай на передовой...

Дети рванули к «одноруким бандитам», но по-настоящему оторвались, лишь когда из автоматов хлынул золотой дождь. Этот звук и послужил сигналом для начала...

— Всем оставаться на своих местах! — раздался звенящий голос Гены, выставившего оружие на поражение. — Все бабки сдавайте в эту вазочку.

И деньги полетели в огромную, величиной со свинью, фарфоровую посудину.

Внезапно раздался выстрел, полностью погас свет.

— Атаа!.. — завопил Костик. — ОМОН!

В завязавшейся схватке части Атаманской дивизии планомерно отступили, остальные сдались.

— Надо бы зачистку произвести! — сказал Гена и произвел зачистку.

— Да-а... — протянул Костик. — И перекурить...

И перекурил. К шести тридцати утра город был полностью освобожден. И только неубранные трупы и развалины повсеместно напоминали о том, что когда-то здесь был мир. Победа!.. На груди ребят весело позвякивали боевые ордена и медали. Костик развернул на пробу одну медаль, она оказалась шоколадкой... Угостил друга. Что ж, самое страшное позади, теперь можно и полакомиться всласть... Съев все свои награды, ребята обнялись

и на прощанье от души, по-фронтовому дали друг другу по морде... В знак старой дружбы!

Пела израненная земля. Над городом в клубах солдатского дыма три часа назад вставал рассвет. Пришла пора возвращаться с фронта домой. Прощай, оружие!.. Здравствуй, школа! Здравствуйте, милая, добрая, дорогая наша Надежда Гавриловна!

1998

Аренда

Кроме себя, у меня ничего нет.

Вот почему, когда мое финансовое положение пошатнулось, я принял решение сдать себя в аренду.

— Зачем? — спросила жена.

— Чтобы выжить.

Вскоре в популярной газете было опубликовано мое объявление:

«Сдаю мизинец левой ноги.

Контактный телефон 152-14...»

Жена хмыкнула:

— Это бесполезно. Никто не откликнется.

— Почему?

— Во-первых, он маленький. Во-вторых, кривой. — Мне польстило, что жена помнит мои подробности. — В-третьих, пока не поздно, состриги мозоли — Арендатору это может не понравиться...

На следующий день стало поздно. Утром позвонил Арендатор и буквально через пять минут приехал ко мне на своем «Вольво» для переговоров. Естественно, я не успел привести себя в товарный вид.

Дверь открыла жена.

— Входите, — сказала она с голливудской улыбкой и зачем-то включила свет. — Ждем.

— Ну, показывайте. — Арендатор, молодой человек в длиннополом черном пальто нараспашку и галстук от Версаче, был вежлив и холоден, как айсберг при встрече с «Титаником».

— Что? — глупо спросил я.

— То, что вы собираетесь сдавать.

Я стянул носок и показал будущему партнеру то, что было обещано в объявлении.

— Маловато, — сказал Арендатор, внимательно осмотрев палец, — и грязновато.

Жена тотчас погасила свет и сказала:

— Не знаю, не знаю... Я уже с ним живу сколько лет, и лично мне нравится.

— Вы привыкли, — бестактно произнес Арендатор. — Вы просто ничего другого не видели.

Что правда, то правда. Жена мне была верна всю жизнь, а этот молодой наглец... мне захотелось ему дать по морде, но вместо этого я почему-то предложил:

— Может, большой возьмете? Или указательный? — Арендатор вынул линейку и стал измерять мой большой палец.

— Какой же он большой?.. Такой же, как мизинец.

Это было уже прямое оскорбление, но я почему-то заискивающе улыбнулся:

— Я могу... Мы можем... сделать рентгеновский снимок... и вы убедитесь... мы вам докажем... В конце концов мы можем все помыть... и тогда...

— Это ваши проблемы, — сказал Арендатор. — Я смотрю, что вижу, и оцениваю то, что смотрю.

— Значит, вам не подходит?.. Жаль. — Я надел носок, на который, когда я нагнулся, незаметно упала моя слеза. Действительно, мое огромное горе

невозможно было передать словами. И тут вдруг Арендатор сломался, и наши переговоры пошли совсем по другому руслу.

— Вообще-то я хотел взять всю ногу... Если, конечно, мы договоримся... А мы, я думаю, договоримся!

Это было неожиданное и, конечно, заманчивое предложение. Но я уверенно сказал «нет».

— Почему?

— Видите ли, нога мне пока самому нужна.

Я не слукавил. Сначала, думаю, предложу им то, что лично мне не очень-то нужно. То, без чего сам вполне могу обойтись. Подумаешь, какой-то мизинец... или даже большой... Многие без пальцев живут, и никто не видит, что там у них в ботинке. Но нога... Нет, ногу отдать мне было определенно жалко. И я честно сказал:

— Нет. Ногу я пока не готов.

Это «пока» у меня почему-то вырвалось, но тон был твердый. Так вообще-то и надо вести себя на переговорах.

— Понимаю, понимаю... — ласково сказал Арендатор. — Но вы все же подумайте до пятницы. Я в пятницу вам позвоню.

И ушел. Все эти дни жена пилила меня:

— Ты вел себя просто глупо. Несolidно. Если ты решил что-то сдавать в аренду, надо сдавать. А если ты не решил, зачем попусту терять...

Я перебил:

— Хорошенькое «что-то»!.. И вообще, как ты это все себе представляешь?

— Я тебя представляю на костылях!.. Или с протезом!.. Есть отличные американские протезы, сделанные в Таиланде!.. Их носят десятки, сотни,

тысячи людей!.. Миллионы людей во всем мире живут с одной ногой — и ничего! Ты же сам решил: надо выжить любой ценой, а сейчас почему-то испугался.

— Я не испугался, — буркнул я. — Просто мне жалко.

— Кого?

— Себя, дорогая.

— Эгоист! — сказала жена, заплакав. — А меня тебе не жалко?.. Не жалко? Главное, чтобы ты остался живой!.. А я... я тебя любила и буду любить... Хоть какого!.. Могу и одноногого!

Я был бесконечно тронут этим признанием и промолвил сквозь зубы:

— Хорошо, дорогая, я согласен.

Арендатор будто услышал мои слова. В пятницу он пришел, даже не позвонив. И уже с порога, радостно улыбаясь, заявил:

— Фирма, интересы которой я представляю, надеется, что вы примете наше предложение: за хорошие деньги мы берем и правую.

— Что-о-о? — завопил я.

— Правую ногу тоже. Короче, мы готовы взять обе ваши ноги.

— Простите, но мы с вами так не договаривались!

— Подумайте. Не спешите. Не горячитесь. Взвесьте все «за» и «против». Я к вам заеду в четверг.

Всю неделю мы ругались с женой. Я говорил:

— Ни за что!

Она отвечала:

— Не будь дураком.

— В каком смысле?

— Ну, честно... зачем тебе нужна правая, если у тебя левой не будет?

Я визжал:

— Нет!.. Ты не любишь меня!.. Не любишь!.. Не любишь!

— Давай рассуждать логично. На одной ноге все равно ходить ты не сможешь. Только прыгать. А без двух ног ты будешь ЕЗДИТЬ на коляске... Сейчас есть прекрасные немецкие коляски, сделанные в Корее. На них передвигаться одно удовольствие. Скорость. Маневренность. В них можно играть в теннис и баскетбол на специальных Олимпийских играх!.. Ты станешь чемпионом — я верю!.. Верю в тебя!.. И это лучше, чем всю жизнь шлепать пешком по нашим дорогам на одной ноге!

— Ты серьезно?

— Конечно. Если ты решил выжить любой ценой, надо идти на все. Время такое. Надо уметь рисковать. Уметь отдавать одно, чтобы получать другое.

В словах жены была своя логика, согласитесь. Жестокая, но правда.

— Черт с вами... то есть с ногами!.. Я готов!

Я рассуждал так:

«Конечно, без ног будет очень трудно. Но, с другой стороны, они же не мозги мои просят. А между прочим, зря. Попросили бы — отдал бы тут же за милую душу. Ну, в самом деле, зачем они мне в наше нелегкое время. Впрочем, они и раньше-то не особенно кого-то интересовали, а уж сейчас тем более. Сегодня, когда цены везде только рыночные, я со своими ценностями могу погулять. Конечно, сам-то я дорожку своей головой, но почему бы мне ее не отдать?.. Почему бы не попробо-

вать?.. На кой черт мне она, да еще с моими мыслями!.. Была б пустая, тогда еще можно было бы на что-то рассчитывать, так?.. Гораздо прибыльнее, наверное, предложить им, скажем, ухо... или сдать глаз — он подороже уха будет стоить... Да и смотреть нынче особенно не на что... А лучше всего отдать им какую-нибудь печень... Подумаешь, ерунда какая... печены!.. Ну, печень. Я в нее уже столько водки влил, что и жить не хочется... Одной печенью больше, другой меньше... Зато денег получу за эту прогнившую дрянь целую кучу...»

Мои мысли прервал Арендатор, который явился в среду, а не в четверг и не один, а в сопровождении четырех дюжих молодцов с обрезами.

— Сначала договор! — закричал я. — Я хочу получить твердые гарантии.

Молодцы вытащили обрезы.

— Получи! — засмеялся Арендатор. — А ну, дайте ему гарантии, мужики, и подтверже!..

Я ахнул, охнул, завалился на бок и завыл от боли. Потому что почувствовал, как они силой берут в свое пользование все мое самое дорогое, самое сокровенное... То, что принадлежало раньше мне, и только мне.

Мир зашатался. Казалось, все рухнуло. Я успел лишь пикнуть:

— Деньги... Деньги, суки, отдайте... Аванс!

Я понял, что совершенно не владею собой. Внутри меня было совершенно пусто, и эту пустоту хотелось продать как можно выгоднее.

— Какой аванс? Все деньги отданы вашей супруге согласно договору, — наклонился надо мной молоденький Арендатор.

— Это правда? — спросил я, лежа, окровавленный, на полу.

— Да, дорогой. Успокойся. Вставай. Я спасла тебя.

— Каким образом?

— Только что я сдала себя вместо тебя.

— Условия... Что за условия? — простонал я.

— Условия подходящие. Сроком на 49 лет без права передачи другому юридическому лицу.

Арендатор приветливо помахал мне ручкой, а затем, обняв мою жену за талию, вышел вместе с ней на улицу к своему «Вольво», сделанному в Швеции.

Я, конечно, ужасно расстроился из-за этой аренды, но чего не сделаешь в наше время ради того, чтобы выжить.

Выбранные места из разговора Белинского с Гоголем

Н^едавно я узнал, что

некоторые наши критики берут деньги за свои статьи от тех, о ком эти статьи написаны.

Это, говорят, теперь в порядке вещей и, кроме тебя, дурака, уже никого не удивляет. Хм... И я представил...

Вот приходит Белинский к Гоголю и говорит:

— Гоголь, я тебе хочу письмо написать.

— Какое еще письмо?

— Письмо Белинского к Гоголю. Но не простое письмо, а заказное.

— Ну, пиши, — вяло говорит Николай Васильевич. У него как раз сейчас была депрессия, которая всегда возникает у гениев накануне бессмертия.

— Нет, — говорит известный своими революционно-демократическими взглядами критик. — Ты мне скажи, сколько ты мне за это дело заплатишь.

— А сколько ты просишь?

— Вот чудак!.. Я у тебя ничего не прошу. Тебе оно нужнее.

— Это почему?

— Ты, Коля, художник. И большой. Нас с тобой, Коля, в школе будут изучать. Но это потом... А сейчас, Коля, время такое: хочешь стать классиком — плати. Это нынче недешево.

— Да подумаешь! — говорит Гоголь, глядя на мир сквозь невидимые миру слезы. — Мне слава не нужна. Была бы только Русь-тройка да поменьше чичиковых, которые на ней ездят, ею погоняют. России сейчас очень нужен положительный герой и вера в бога.

— Тыща долларов, — говорит наш Белинский, сверкнув глазом.

— За что?

— За то, что я эти твои ошибочные, глубоко реакционные взгляды отрекламирую. Вся Россия будет знать, какой ты, Коля, мракобес. После моего письма с тобой, Коля, никто здороваться не будет!.. Твое поганое имя у всех будет на устах!..

— Мне реклама не нужна. От нее чертовщиной несет! — сказал Гоголь и сел в кресло в позе памятника на Никитском бульваре.

— Могу немного и похвалить. Но это тебе уже в тысячи полторы выйдет.

— Спасибо, не хочу.

— Очень глупо себя ведешь, Коля. Зря отказываешься. А почему? Жизни не знаешь, хотя язык у тебя хороший. Много интересных образов, а философии не складывается. Хоть ты и реалист, Коля, а от реальности далек. Скажу тебе прямо, как Белинский — Гоголю: приблизься к реальности, Коля, иначе тебя и переиздавать не будут! Иди сейчас же в обменник и раскошеливайся, основоположник фантастического нашего реализма!..

— Да нету у меня никакой валюты. Беден я!

— Врешь! — закричал Белинский. — А кто только что по Риму гулял? Кто из Иерусалима вернулся?

— Я там голодал... и здесь, в России, буду голодать, пока не умру.

— Прекрасная идея!.. За некролог я недорого возьму, — пообещал Белинский, уже видя воочию, как Гоголь, похороненный в летаргии, просыпается и переворачивается в гробу. — Твоя смерть — мой хороший бизнес! А что ты кривишься?.. Сегодня рыночные отношения у нас у всех... есть даже такса: ведро помоев — одна цена, тонна комплиментов — другая.

— Зачем ж за помои платить?

— Скрытая реклама. Ты ничего не знаешь, ничего не понимаешь!.. Сегодня за интеллектуальный разнос дают иногда больше, чем за паршивый комплимент типа «блестяще» или «потрясающе». Особенно хорошо идут слова «художественный экуменизм», «постмодернистская вербальность», «виртуальная парагеневтика».

— Ой! — воскликнул Гоголь. — Я и слов-то таких не знаю... Это на каком же языке люди пишут?

— На нашем, — сказал Белинский. — Это все мои ученики, молодые ребята упражняются!

Николай Васильевич усмехнулся и еще туже завернул себя в мокрые простыни. Белинскому захотелось запечатлеть этот момент, но фотография тогда была еще не развита. А жаль. Голый Гоголь в простынях, с этим своим длинным носом — классная, между прочим, могла бы выйти обложка для российского «Плейбоя», а рядом, представил критик, уже и статейка про онанизм классика и женщин, которых у него никогда не было... Да, хоро-

шие бабки на этом Гоголе можно было бы заработать, очень хорош-ш-шие бабки!..

— Слушай, Гоголь, а можешь мне по секрету сказать, сколько ты Федору за этот его гениальный слоган заплатил?

— Какому Федору, какой «слоган»?

— Ну, Федору Михайловичу Достоевскому... он же про тебя сказал: «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя»... Ну, здорово же!.. Ну, действительно здорово!

— Не знаю я ни этого Достоевского, ни этого «слогана», — сказал Гоголь, глядя, как трясся от восхищения критик, и подумал: все-таки правы те, кто называет нашего Виссариона Неистовым.

— Ну, ладно, — сказал тот. — Быстро давай пятьсот тысяч деревянных. Я знаю, с тебя больше не сдерешь.

«И какой эрудит! — думал Николай Васильевич. — Таких мало у нас».

— Сейчас все такие, как я, — сказал Белинский, словно читая его мысли. — Очень много великих критиков развелось.

— В каком смысле?

— По-великому берут. Ну, ты ж это все знаешь лучше меня — кто «Ревизора» написал?.. Я, что ли? Вот мы все теперь по твоей комедии и живем!..

— Боже, как грустна наша Россия! — сказал Гоголь запомнившийся ему слоган Пушкина, а про себя подумал: лучше все же дать ему деньги, а то ведь, Неистовый наш, не отвяжется.

Он встал, подошел к камину, вытащил из тайника все свои сбережения и отдал их выдающемуся материалисту, противнику «чистого искусства».

— Пиши письмо, Виссарион. Верю: ты про ме-

ня такое скажешь, что во веки веков не отмоюсь. А я... я буду с тобой бесплатно полемизировать.

— Договорились, — сказал Белинский, пряча деньги в спецкарман своего сюртука, где уже лежали кругленькие суммы от Мочалова и Каратыгина — театральная братва все-таки больше нуждалась в паблик релейшнз...

Когда хлопнула дверь и Белинский ушел, Гоголь немного постоял в молчании, соображая, во сколько обошелся Пушкину этот знаменитый посмертный слоган Белинского: «Солнце нашей поэзии закатилось».

— Небось тысчонок пять «зелеными» заплатил подлецу!.. А ведь гениально сказано!.. Дорогого стоит!

Затем он решительно подошел к камину и, умирая от тоски и безысходности, сжег к черту все свои рукописи.

Посвящается Ю. Киму

Однажды Киму стало плохо.
Ну, вдруг совсем нехорошо.
Что делать? Такова эпоха.
К нему Михайлов — друг пришел.

«Давай, — сказал Михайлов строго, —
Ты будешь дальше сочинять
Всегда талантливо и много,
А я все это продавать».

И — по рукам. Все — как по нотам.
Дивился даже КГБ,
Как принцип здорово работал
«Ты мне, как будто бы себе!».

Они дружили. Водку пили.
Один другому стих читал.
Когда Михайлова хвалили,
Зубами Ким поскрежетал.

Пока Михайлов суетился,
Ким над бумагами корпел.
Михайлов для кино трудился.
Ким у себя на кухне пел.

Пока не требовал поэта
К священной жертве наш народ,
Ким жизнью жил анахорета,
Михайлов в гору шел, вперед!

Обоим полагался рублик,
Он лучше все ж, чем ничего.
Михайлову вручали бублик,
А Киму дырку от него.

Пусть оба вы недоедали,
Но ели разное дерьмо.
Все, что Михайлову давали,
То Киму не разрешено.

Был Ким и весел и невесел,
Ведь он остался не у дел.
Чем больше друг Михайлов весил,
Тем больше Ким в те дни худел.

Михайлову кричали: «Браво!»
О нем народная молва...
Михайлову успех и слава,
А Киму крошки со стола.

Но оба вы попались в сети.
Потом узнали мы, ворча:
Все гонорары кто-то третий,
Какой-то Юлик получал!

Ох, этот Юлик! Разве плохо,
Что мы собрались здесь сейчас?
Он обманул свою эпоху,
Чтоб та не обманула нас!

Прошли года. Раскрыта тайна
И мы от радости кричим:
«Хвала тебе, наш друг Михайлов!
Да здравствует наш Юлик Ким!»

Разговор со Станиславским

Из цикла «Диалоги на подмостках»

Ночь. На пустую сцену выходит ранее невидимый
К.С. Станилавский.

РЕЖИССЕР. Уважаемый Константин Сергеевич!.. Вы незримо присутствуете на наших репетициях и спектаклях. Вы на расстоянии следите за всеми премьерами. Вы знаете о российском театре все, даже больше, чем мы сами. Скажите, есть ли «сверхзадача» у нашего сегодняшнего театра?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Зарабатывать деньги.

РЕЖИССЕР. А какое «сквозное действие» у нас?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Зарабатыванье денег.

РЕЖИССЕР. Жива ли великая русская школа переживания?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Все переживают из-за отсутствия денег.

РЕЖИССЕР. Сегодня в театре много наигрывают, много кривляются.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Это приносит деньги.

РЕЖИССЕР. Много пошлости.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Это приносит большие деньги.

РЕЖИССЕР. Мало искусства.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Деньги грандиозные.

РЕЖИССЕР. Пустота пустоту пустотой погоняет.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Деньги несусветные.

РЕЖИССЕР. Нужна ли нам реалистическая игра?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Только если она приносит деньги.

РЕЖИССЕР. Почему у нас нет великих актеров?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Потому что они не играют за деньги.

РЕЖИССЕР. Почему у нас так много профнепригодных звезд?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Потому что в них вложили огромные деньги.

РЕЖИССЕР. Почему бы эти деньги не вложить в людей искусства?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Это не принесет никаких денег.

РЕЖИССЕР. Но, может быть, искусство стоит того?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Не понимаю, о каких деньгах идет речь. Искусство бесценно.

РЕЖИССЕР. Где современные комедии?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Там, где зарабатывают деньги.

РЕЖИССЕР. А где современные трагедии?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Там, где их не зарабатывают.

РЕЖИССЕР. Как вы относитесь к современной театральной реформе?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Кто-то заработает много денег.

РЕЖИССЕР. Нужна ли нам система Станиславского?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Только чтобы ее продать за деньги Западу.

РЕЖИССЕР. Но, говорят, вашей системой уже никто не владеет?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Система — не деньги. Ею нельзя овладеть.

РЕЖИССЕР. Ну, освоить.

СТАНИСЛАВСКИЙ. То есть превратить в собственность?.. Да ни за какие деньги!

РЕЖИССЕР. Ну, хорошо. Какие театральные критики нам нужны?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Которые пишут о вас за деньги.

РЕЖИССЕР. А какие не нужны?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Которые за деньги пишут не о вас.

РЕЖИССЕР. Нужны ли нам театральные фестивали?

СТАНИСЛАВСКИЙ. С денежными премиями.

РЕЖИССЕР. А как получить премию на таком фестивале?

СТАНИСЛАВСКИЙ. За деньги.

РЕЖИССЕР. А как получают Гран-при?

СТАНИСЛАВСКИЙ. За большие деньги.

РЕЖИССЕР. А где берут деньги театры?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Сдают свои помещения за деньги.

РЕЖИССЕР. А у кого нет лишних помещений?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Сидят без денег, но не сдают.

РЕЖИССЕР. Но ведь государство тоже что-то дает?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Это не деньги.

РЕЖИССЕР. Можно ли рассчитывать, что театр в ближайшее время не умрет, что театр выживет?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Будут деньги — выживет.

РЕЖИССЕР. А если денег не будет?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Будут премьеры без денег.

РЕЖИССЕР. Значит, театр все-таки выживет?

СТАНИСЛАВСКИЙ. В конце концов выяснится, что деньги решают многое, но не все.

РЕЖИССЕР. Согласен. Все решает отсутствие каких-либо денег. Тогда — все.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Нет, в последний момент деньги появятся.

РЕЖИССЕР. Откуда?

СТАНИСЛАВСКИЙ. Деньги обычно сваливаются с неба.

РЕЖИССЕР. Деньги! Деньги! Деньги! Деньги!.. Где же их достать?

СТАНИСЛАВСКИЙ. А вот этого я не знаю.
(Превращается в тень.)

РЕЖИССЕР. Константин Сергеич!.. Вы куда опять пропали? Без вас тяжело. Я вас совсем не вижу.

СТАНИСЛАВСКИЙ. После нашего разговора от меня осталась только тень. (Исчезает.)

Свет гаснет. Сцена опять пуста. Занавес.

Призрак зюганизма

— **М**ревога! — закричал Капитан

со своего мостика, и мы все, отдохавшие после вахты, повскакали с коек в своих каютах.

Всю жизнь я работаю матросом на корабле, который ходит по Волге от Нижнего до Астрахани и обратно. Но такого еще не бывало... Корабль наш начало шатать, левый борт накренился к правому, а правый хлебнул воды...

Оказывается, кто-то невидимый подошел к нашему Капитану сзади и попытался отпихнуть его от руля.

Я заметил: это было как раз в том самом месте, где на берегу, на высоком утесе, когда-то стоял он, наш бывший усатый вождь и учитель.

Капитан, человек бывалый, удержал штурвал. Оглянулся — вроде никого.

Но через секунду — новое нападение. У штурвала началась форменная драка. Неведомая сила ударила Капитана и потащила в сторону. Корабль клюнул носом волну, корма бесстыдно оголилась. Затем нос вздернулся к небу, а корма ухнула в глубину. Так повторилось несколько раз, может быть, поэтому мы опоздали на помощь своему Капитану. Когда мы вбежали в рубку, наш Капитан, свя-

занный, лежал на полу с кляпом во рту. И мы слышали голос Призрака, только голос, ибо говорящий не имел очертаний, но уже имел над нами власть.

— Всем оставаться на своих местах! Слушать мои команды! Под знаменем Ленина, под водительством Сталина вперед, к победе зюганизма!

Я не ослышался. Призрак хотя и говорил лозунгами, но все мы дисциплинированно слушали его речь. Слушали и выполняли. А что делать?.. Сопротивляться?.. Нашего Капитана Призрак выкинул за борт на наших глазах и, по-прежнему невидимый, встал у руля.

С этого момента положение стабилизировалось, на корабле воцарилась старая новая жизнь. Первым делом нас перестали выпускать на берег.

В столовой жрать стало нечего. Потом совсем нечего. Потом нечего стало совсем. Потом нечего совсем нечего, жрать нечего совсем стало.

— Это счастье, — сказал Призрак, и мы все стали целоваться друг с другом и поздравлять с праздниками.

Перед праздниками нам выдали талоны на водку, которые мы использовали как закуску.

Жить стало лучше. Жить стало веселее. А плыть вообще стало не нужно.

Мы месяцами, годами, десятилетиями никуда не двигались, стояли на мели, но по радио «Маяк» объявили, что «стоим на рейде». На верхней палубе установили китобойную пушку и стали ждать появления китов... Покуда киты в Волге до сих пор не появились, мы стали хранить в пушке ворованные друг у друга вещи.

В кинозале каждый день шел фильм «Кубан-

ские казаки» — в память о великом итальянском режиссере Феллини.

Из Москвы приехал лектор Жданов и прочитал нам доклад о Михаиле Жванецком и постановление ЦК «Александр Солженицын — представитель социалистического реализма». Слушатели единодушно одобрили все, что увидели, а зрители единогласно поддержали услышанное.

Режим моей матросской жизни был таков.

С утра боевая и политическая подготовка. Считаем черные полосы на тельняшках и читаем книгу Леонида Ильича Брежнева «Малая земля».

Днем проверяем наличие якоря и пересказываем друг другу прочитанное утром.

Вечером драим пуговицы на бушлатах и переписываем стихи Анатолия Лукьянова, написанные в одиночном кубрике «Матросской тишины». Затем мичман читает нам наизусть стихи Юрия Владимировича Андропова о любви и дружбе. Затем пересказываем стихи прозой, хотя это и запрещено.

Ночью — сон. Во сне разрешается видеть каждому свое. Мне, например, регулярно снится, как я считаю белые полосы на своей тельняшке и — о ужас! — их количество не сходится с черными... В другом повторяющемся кошмаре я пляшу «Яблочко» на концерте художественной самодеятельности вместе с боцманом Черненко, почему-то Михаилом Сергеевичем.

А на Пасху (это новый коммунистический праздник) у нас была такая пьянка, что облевали весь корабль. Стали чистить и, видимо, не рассчитали: от стирки образовалась дырка в левом борту и началась течь.

Призрак сразу же заткнул дыру телами трех моих друзей-матросов и собрал общее собрание пассажиров.

— Среди нас враги! — сказал он. — Признавайтесь!

Все молча слушали, но признались те, кто не хотел молчать.

Их тотчас сослали на необитаемый остров.

— А крестьяне среди вас есть? — поинтересовался Призрак. — А евреи?.. А немцы?.. А татары?.. А чеченцы?.. А греки?.. А калмыки?.. А месхетинцы?.. А корейцы?.. А балкарцы?.. А гагаузы?.. А поляки?.. А ингуши?.. А карачаевцы?..

Вышел один гагауз, да и тот наполовину еврей.

Призрак дал ему орден «За чистосердечное признание» и отпустил на все четыре стороны вплавь до Мертвого моря.

Тут выяснилось, что течь продолжается (трем погибшим матросам присвоили звание героев), но на нее уже никто и внимания не обращает.

— Ну, течет, пускай себе и дальше течет! — сказал Призрак. — Главное, не раскачивайте судно!

И действительно, все привыкли к тому, что течет. Один, правда, диссидент, пытался что-то там такое сказать, но его тотчас отправили в Горький (так теперь называется этот город), чтоб только он нам всем не портил хорошее настроение.

Неожиданно на корабль приехала делегация из стран народной демократии.

Ее встретили, как полагается, хлебом-солью. При этом весь хлеб делегация съела на наших глазах, а соль мы слизали сами, потому как привыкли довольствоваться тем, что оставалось после наших дружеских встреч.

— Нам надо попутать мир, — сказал Призрак и пукнул.

Дело происходило в кают-компании на секретном совещании, на котором было решено нашу посудину сделать подводной лодкой стратегического назначения с ядерным оружием на борту. Для этого одну нашу трубу стали считать перископом и начали по-тихому готовиться к погружению и дальнейшим походам в Ледовитый океан.

— Да здравствует наш серебристый лайнер! — сказал Призрак. — У них «Титаник», у нас «Броненосец Потемкин»!.. Почувствуйте разницу!

Эти слова нельзя было слышать без содрогания. Корабль наш тотчас затрещал и в один миг развалился на куски.

Мы все оказались в воде без спасательных жилетов и шлюпок.

— Помогите! — кричали многие матросы, которые за время нашего стояния на мели разучились плавать.

Оставшиеся в живых кое-как добрались до берега. Некоторые до американского. Некоторые до израильского.

Росвооружение

С первой в нашей семье начала

вооружаться бабушка. Она купила столовый нож шведского производства и сказала, что им ничего не стоит зарезать человека.

— Какого человека? — поинтересовался я.

— Любого, — ответила бабушка. — Сейчас каждая старушка должна суметь дать отпор своему Раскольникову.

Эта в принципе правильная житейская позиция и легла в дальнейшем в основу нашей оборонительной концепции.

Мой сын, к примеру, сразу поставил передо мной вопрос о приобретении пистолета Макарова.

— Зачем? — спросил я.

— Для школьных нужд.

— Тебя кто-то обижает?

— Пока нет, — был ответ. — Но могут.

— Кто?

— Учитель истории, математичка и эта... как ее?... Гюльнара Мухаметовна.

— Что она тебе сделала?.. Она же заслуженная учительница Российской Федерации, сорок лет преподает, чудесный, добрейший человек...

— Не знаю, не знаю... На прошлой неделе она поставила мне двойку.

— И что?

— А то, что у моей двойки чеченский след!

Сегодня этот аргумент неотразим, я вздохнул и выделил сыну на приобретение оружия деньги из семейного бюджета. На всякий случай. Сейчас надо проявлять бдительность: вдруг сын получит еще одну пару? Тогда эскалацию не остановишь.

Далее меня удивила жена. Она принесла прямо в постель модернизированный зенитно-ракетный комплекс «С-300» и сказала, что это базовая система нашей безопасности.

— Где ты ее взяла?

— Нинка по дешевке уступила.

Я знал эту Нинку. Она работала в военной академии официанткой в столовой, и у нее были хорошие связи с генералитетом, в том числе половые.

— Ты в своем уме? — спросил я, лежа теперь рядом со стволом.

— Когда начнутся бомбежки, ты меня еще вспомнишь!

Но по-настоящему нашей семье повезло, когда дедушка приволок с какой-то свалки небольшой танк устаревшей конструкции, но с явными признаками принадлежности к НАТО.

— Вот... какой-то чудака выбросил на помойку, а я прикатил... Пусть у нас на даче постоит. Мало ли что...

Внезапно мы вздрогнули — появилась информация, что у наших соседей по лестничной площадке лежит под диваном ракета средней дальности с ядерной боеголовкой.

Я тотчас созвал семейный военный совет.

— Есть возможность приобрести крылатый спутник-шпион типа «Лав мыш» (в переводе на русский «мышеловка») с телекодовой связью, системой слежения и подслушивания Мирового океана, — сказал дедушка. — Но денег на него нет.

— А твоя пенсия?

— Ее не хватит. Нужны дополнительные затраты.

— Я могу продать нашу квартиру, — сказала жена.

— Но где мы тогда будем жить?

Вопрос действительно стоял остро.

— Надо на кухне положить мешки с песком, — подала голос доселе молчавшая домработница Нюра. — Я боюсь газовой плиты — вдруг взорвется.

— Окапываться надо. Прежде всего окапываться, — вдруг сказал дедушка. — Мы под Ельней не окопались и из-за этого попали в немецкий котел.

Жена возразила:

— Мы живем на одиннадцатом этаже — тут окопаешься, потом из окопа не вылезешь. Вот если бы мы жили в подвале, как при Сталине...

— Хватит воспоминаний. Сегодня другая война. В обстановке реформ и рыночной экономики, — строго объяснил я. — Раньше мы боролись за мир во всем мире, и все нас боялись. Теперь мы боимся всех и воюем сами с собой.

Тут вмешалась бабушка со своим столовым ножом:

— Я готова каждый день недоедать, есть отруби за завтраком, отказаться от обеда и ужина, лишь бы мы могли сами, без помощи нашего государст-

ва и армии — ей самой жрать нечего! — сбивать самолеты противника типа АВАКС на дальностях 200 тысяч километров.

— Зачем тебе эти дальности? — спросил я. — Соседи живут рядом.

— А вот только тогда я буду спокойна.

— Мама права, — сказала жена. — Нам надо обеспечить преимущество над потенциальным противником на земле, на воде и в воздухе. И чтобы сыночка наш в шестой класс перешел...

На том и порешили. Отдав все свое состояние и сбережения родителей, мы приобрели секретное оружие, позволяющее нам и себя защитить, и других попутать...

Правда, жизнь началась претяжелая. Голод обрушился на нашу семью. Иногда удавалось пожевать сухую корочку, но мысль о том, что мы самые сильные, самые непобедимые в мире, тешила сознание, доставляя всем нам истинное удовольствие.

Вдруг дедушка умер. Мы похоронили его со всеми воинскими почестями — без гроба, в сырую землю. Зато гремели торжественные холостые выстрелы из автомата Калашникова, с которым я теперь хожу в театр, на концерты и в другие места повышенной боевой опасности для жизни населения.

Придя домой с кладбища, я отдал все дедушкины награды нашему коту Фильке, но обнаружил, что он совершенно незащищен перед любой собакой. Есть идея оснастить Фильку боекомплектom в хвостовой части, усилить зрение приборами ночного видения и ускорить технологическое развертывание лап при падении на асфальт с одина-

дцатого этажа. При этом ни одна войсковая система ПВО в мире не будет способна засечь Фильку в его ночном полете.

Но этим планам не суждено было сбыться. Утром пришел милиционер и сказал:

— Ваш сын — террорист. Вчера он стрелял в учителя истории.

— А эта... как ее?.. Гюльнара Мухаметовна... все еще жива?..

— Жива! Жива! — радостно воскликнул милиционер. — Только она сейчас находится в заложницах у школьников младших классов. Они восьмую неделю держат ее в школьном подвале и кормят одними наркотиками.

— Откуда у наших детей наркотики? — удивился я.

— Ваш сын замечен также в наркоторговле, это он снабжает школьников химическим оружием...

Эта новость меня ужасно огорчила. Теперь придется разоружаться.

Нефть

Ранним утром случилось

неожиданное. Я по обыкновению открыл кран, чтобы умыться, а из него хлынула, судорожно фырча, какая-то темная жирная жидкость.

— Нефть! — крикнул я так, что жена проснулась.

— Тихо!.. Пусть льется! — сказала она, выскочив на кухню в халатике, и ловко подставила под струю чайник. — Никто не должен знать, что мы открыли этот источник.

— Почему?

— По закону недра Земли принадлежат владельцу территории, на которой они обнаружены. Квартира выкуплена в нашу собственность. Следовательно, юридически мы правы и ни с кем не будем делиться.

Уверенный тон жены на меня подействовал, но на всякий случай я спросил:

— А может, все-таки сообщить куда следует?.. В ГРЭП, в ДЭЗ там какой-нибудь... или в ФСБ, на худой конец.

— Ты сошел с ума. Они же все у нас украдут. Отведут трубу к соседям — и привет!.. Останемся на воде всю жизнь — ты этого хочешь?

Я этого не хотел, а потому спросил:

— И что теперь?

— Откроем фирму «Рашн скважина интер-нешил» и начнем качать! — Глаза жены засветились бесовским блеском. — Для начала я сделаю здесь евроремонт и поставлю в туалете караоке...

— Зачем?

— Я люблю петь, а другого места у меня на это не будет! — сказала жена и сменила чайник на пустое ведро. Оно зазвенело так, как будто в него потекли золотые капли. — Ты будешь тоже работать сутками.

— Что я должен буду делать?

— Переливать. Наливать. И снова переливать.

— Куда?

— В баррели. В одном барреле, я где-то читала, примерно тридцать ведер валюты. Или пятьсот сорок чайников наших рублей. Через месяц упорного накопления ты станешь нефтяным королем, а я твоей половиной акций.

— Дальше?

— Поедем в Таиланд, купим там остров с видом на море и виллу с шестью бассейнами. Искупаемся хоть по-человечески под Новый год!

— Я хочу джип, — вяло поведал я о своей детской мечте...

— А два не хочешь?

— Хочу. Но зачем нам два джипа?

— Стреляют всегда по первому. А мы с тобой будем всегда во втором.

— Как хорошо чувствовать себя в безопасности! — признался я. — А что потом?

— А потом тебя все-таки убьют. Киллер в подъ-

езде. Тут уж ничего не поделаешь! — В этом месте жена коротко всхлипнула.

— А охрана?.. Я возьму хорошую охрану из «Альфы»!..

— Не поможет, — твердо сказала жена. — Нефть — это такой бизнес, в котором смерть является твоим самым надежным партнером. Правда, тeneвым.

— Ладно. Если уж мне не избежать того, о чем ты мне говоришь...

— Не избежать, не избежать. Хочешь заниматься нефтью — люби и трупиком лежать! — Жена хохотнула и тотчас опять заплакала.

— ...тогда скажи правду: долго ли ты собираешься оставаться вдовой?

— Прости, но я не могу сидеть дома одна, да еще с такими деньгами. — Она смахнула слезы и вновь обрела свою красоту. — У меня будет молодой муж. Красавец. Я сделаю его олигархом.

— Это очень опасный путь, — попытался образумить я свою будущую вдову.

— Чепуха... Надо только следить за мировыми ценами на нефть. Чуть что — и Украина без нашего бензина!

— Жаль, — сказал я.

— Кого?

— Украинцу. Там у меня много друзей. И все на машинах.

— Обойдутся. Гораздо серьезнее возникнут проблемы с Австралией.

— А что там?

— Если наш кран будет давать сбои, там начнется топливный кризис и все их кенгуру замерзнут. Это приведет мир к глобальной катастрофе.

— Неужели твой муж в этой обстановке не придумает, как спасти человечество? — съехидничал я.

— Честно говоря, у меня нет на него надежд. Он купит мне конюшню в Калифорнии, а сам будет безвылазно сидеть пьяный в своем казино на Алтуфьевском шоссе и керосинить.

— Не смей этому молокососу доверять мои лицензии! — потребовал я.

— Что значит «мои»?.. Тебя давно нет в живых. Кто ты такой, чтобы что-то требовать?! Мы все тебя уже забыли!

— Но ведь его тоже могут убить! — воскликнул я, убрал ведро и подставил на его место старое корыто. «Черное золото» продолжало течь из крана, как из рога изобилия.

— Могут. Но к этому времени все наши деньги будут уже в Швейцарии, так что нам ничего не грозит.

— А вдруг эти счета обнаружат?.. Получится мировой скандал...

— Ну и что?.. Я позвоню Черномырдину — он все уладит.

— С кем?

— С Клинтоном, с кем же еще?!

— А если Клинтон не согласится?

— Тогда я сама договорюсь обо всем с Саддамом Хусейном!

— А вот этого не надо! — завопил я. — Этого я не допущу!

— Каким образом? — насмешливо спросила жена. И я впервые увидел ее очаровательное лицо злым.

— А вот каким! — Я решительно закрутил кран.

— Открой сейчас же, дурак. Или... я уйду от тебя... Немедленно! Навсегда!

— Дура, — сказал я весело. — Это была не нефть... Просто какая-то грязь полилась. Водопроводчик где-то чинит ржавые трубы, слышишь?

Мы прислушались к железному стуку, доносившемуся откуда-то сверху, и тотчас помирились, чтобы прожить оставшуюся жизнь в любви и счастье на одной воде.

1999

Новый срок

Диалог на кухне

Муж и жена беседуют,

сидя за столом.

ОНА. Надо бы его сменить.

ОН. Я тоже так считаю.

ОНА. Вчера он так затарахтел, я в ужас пришла.

ОН. Да не слушай ты его. Пора уж привыкнуть.

ОНА. Сколько он у нас?

ОН. Четыре года.

ОНА. Пусть поработает еще четыре, тогда его можно и выбросить.

ОН. Четыре года — это новый срок. Нужны новые гарантии.

ОНА. Какие еще гарантии тебе нужны?

ОН. Ну... по крайней мере, что он не будет пуст, будет так же полезен, как и раньше.

ОНА. Я в него не верю.

ОН. А я еще надеюсь. Он нам еще хорошо послужит.

ОНА. Его так хвалили, когда он появился в нашем доме...

ОН. Без недостатков. Чистый. Светлый. Легкий на подъем. Просто излучает энергию. Сразу

показалось — в воде не утонет, в космосе не сгорит.

ОНА. Мне нравилось, что он «отечественный».

ОН. В смысле?

ОНА. Ну, свой. Родной. На вид — совсем не стареет. И все же... Я хочу, чтобы он был другим.

ОН. Каким?

ОНА. Ну, не таким маленьким.

ОН. А будет большой — будет хуже. Еще больше будет шуметь. «Многоуважаемый шкаф» — это мы проходили. Хватит с нас недвижимости.

ОНА. Я так скажу: лишь бы нас при нем не трясло.

ОН. Надо терпеть. Трясти будет обязательно.

ОНА. Я этого не выношу.

ОН. Чепуха. Потрясет-потрясет — и перестанет.

ОНА. Я заметила: по утрам он холодный, а к вечеру — такое впечатление, будто потеплел.

ОН. Но горячим я его никогда не видел.

ОНА. И хорошо. Зачем ему быть горячим? У него предназначение другое.

ОН. И все-таки... хотелось бы... поменьше этого льда. Нельзя все время быть таким закрытым.

ОНА. Но и открытым нельзя. У него работа такая. Иначе — потечет.

ОН. Это верно.

ОНА. Но вообще-то... если честно... Хоть и надоед он мне, а пусть остается.

ОН. Придется потерпеть еще четыре года. Нового еще надо найти. Нового выбрать не так просто.

ОНА. Главное, чтоб он не сломался. Или чтоб мы его не сломали. Тогда чинить придется. Катастрофа.

ОН. Как этого избежать? Необходимо срочно принять поправки к Конституции.

ОНА. К какой Конституции?.. Как в углу стоял, так и будет стоять. Свято место пусто не бывает. Что ты на меня уставился? Если мы решим его сменить, этого вполне достаточно. И не надо никакой Конституции.

ОН. Надо. Смена должна произойти законным путем. Вот только денег много понадобится.

ОНА. Ты о ком?

ОН. Я о нашем президенте.

ОНА. Да?! А я о нашем холодильнике.

2000

Поэма абсурда

Вареньем названа горчица
Спит воронье на проводах
На мотоцикле Гоголь мчится
И ветры дуют в животах

Слились в одно слова «пир духа».
Трамвай желанья дребезжит
И Моцарт без души и слуха
На Авторadio визжит

Совсем не тот в портретной раме
А тот, кто нам все время врал
Держа за пазухою камень
Меня мой друг поцеловал

Пеньки возглавили пехоту
Над нищетою патрули
Девчонки вышли на охоту
А мужики с нее пришли

С обложки глянца чья-то сиська
Встречает чей-то жирный взгляд
И увеличена подписка
А с нею вместе голый зад

Распроданы все дырки в сыре
И сам тот сыр позеленел
Все тонкое вдруг стало шире
И беспредельней беспредел

Прилип окурок к бензобаку
А бензобак беспечно спит
Малыш стрекозке сделал бяку
Она без крылышек лежит

Растет поганка на асфальте
Ей голубой экран дает
Рекламу и она в азарте
Воняет, пьет и нам поет

Недоприкончено искусство
Оно валяется в пыли
Истерзанное чьим-то буйством
Но не Кандинским, не Дали

И вдруг на солнечной полянке
Запел никчемный соловей
Сейчас сидит он в темной банке
И нету надписи на ней!

2006

В Одессу впервые в жизни

приехал на гастроли знаменитый тенор. И сразу с вокзала его привезли в филармонию.

— Где я буду жить?

— В гостинице «Красная».

Этот тенор вышел из филармонии на Пушкинскую улицу со своими чемоданами.

— Такси! Такси!

Подъехало такси.

— Куда едем? — спрашивает таксист.

— В гостиницу «Красная».

Таксист, ничего не говоря, погрузил чемоданы тенора в багажник. Сели. Таксист включил счетчик. Тронулись. А через двадцать метров остановились.

— Гостиница «Красная», — говорит таксист. И выключает счетчик. Тенор смотрит: действительно, на доме шикарная табличка «Гостиница «Красная». Приехали, значит.

— Что же вы не сказали мне, что это рядом?

— Я думал, вы хотели с форсом!.. — ответил таксист.

Вот классный пример одесского юмора. Юмора поведения. Юмора жизни. Другой пример. И тоже связанный с филармонией.

Администратор Козак, про которого ходили легенды, какой он остроумный человек, как-то пошел встречать прибывших в Одессу артистов.

Встретил. Спрашивает:

— А афиша у вас есть?

Те показывают афишу.

На ней крупными буквами:

ДУЭТ КУПЛЕТИСТОВ КУКУЙ И КАКАЛОВ

Козак свернул афишу и крякнул:

— Не знаю, какие вы артисты, но фамилии у вас — кассовые!

Наконец, лично со мной был случай — ничего смешнее в жизни своей я не испытывал.

Знаменитый Театр одесской музыкальной комедии прослышал, что я написал мюзикл «Гамбринус» по А.И. Куприну, и пожелал, чтобы я прочитал его на худсовете. Я думал, будет человек десять. Но когда я вошел в фойе, увидел человек сто. На мое удивление директор театра — тучный приветливый дядя — шепнул мне на ухо:

— У нас открытый худсовет. Интерес к вам огромный.

Я начал читать. И даже петь. Без аккомпанемента, но точно те мелодии, которые должны были, по моему мнению, звучать в будущем спектакле! Все номера до единого шли под аплодисменты. Все репризы и шутки под дружный смех присутствующих. Глаза их сияли. Когда я закончил, мне устроили овацию. Впрочем, овация — это слабое слово. Была буря аплодисментов, потом пять минут «скандирка» — когда все встали и хлопали в ритме, как на партийном съезде. Я понял, что мое

(с Куприным!) произведение очень понравилось. Затем началось обсуждение, хотя его, казалось, не надо было проводить — все и так ясно.

Первым взял слово председатель худсовета. Он сказал краткий спич. Вот он слово в слово:

— Я потрясен. Мы ждали такую драматургию десятки лет. Наконец-то это настоящий мюзикл, а не опротивевшая нам оперетка. В основе великая русская литература. И спасибо вам, Марк, за то, что вы есть, и за то, что вы для нас сделали.

Затем взяла слово их прима, на вид народная артистка, на самом деле еще и лауреат Государственной премии. Она бухнулась передо мной на колени и возопила:

— Вы — гений!.. Гений!.. Гений!..

Я вскочил и стал ее поднимать. Не тут-то было, она продолжала свое кликушество. Прежде чем она уgomонилась, директор строго зашипел на меня:

— Пусть она договорит. Не трогайте ее, только, ради бога, не трогайте!

Артистка тем временем начала терзать свою грудь — огромную, пышную, такие бывают только в Одессе, и больше нигде в мире.

— Я это хочу! — кричала она. — Хочу! Хочу!

С нею, между прочим, никто не спорил. И я в первую очередь. Но она себя вела, как будто у нее отобрали грудного ребенка и она вышла на баррикады.

— Дайте мне это играть!.. Дайте! Дайте! Дайте!

В общем-то, и в этом вопросе у меня с ней не было противоречий. Хотя было немного странно, что с этой просьбой она обращалась именно ко мне, но я, растерявшись, пробурчал что-то вроде:

— Ну, пожалуйста. Конечно, конечно. Я не против.

Она тотчас подпрыгнула и — я ахнуть не успел! — поцеловала меня в губы! Взасос!.. Этакий короткий, но оглушительный на весь театр чмок. Затем выступил секретарь парторганизации.

— Ну, что тут скажешь, — сказал он. — Тут ничего не скажешь. — И сел.

Я спросил тихонечко у директора, сидевшего рядом:

— Что значит то, что он сказал?

— Хвалит, — твердо сказал директор.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Ему очень понравилось. Иначе...

— Что иначе?

— Иначе он бы вообще не выступал.

Далее было еще три выступления. Или мне показалось, что тридцать три.

Все ораторы говорили примерно одно и то же. Но по-разному. Это был один сплошной панегирик.

Ничего подобного в жизни не приходилось слышать. Мне так натерли уши елеем, что в конце самому подумалось: может, они и правы, может, действительно я создал для их театра что-то бесподобное.

Директор будто прочитал мою мысль, взял последнее слово на этом, простите за неточное слово, обсуждении. Он сказал:

— Вы даже не представляете, Марк, что вы для нас сделали. Это переворот в нашей жизни. Отныне история нашего театра будет делиться на две эры, на две половины — до «Гамбринуса» и после «Гамбринуса». Пожелаем же от всего сердца успеха

всем нам в этой сложной, но такой прекрасной будущей работе.

Прямо из театра я поехал на аэродром, чтобы улететь в Москву.

Директор вызвал такси и сам лично помогал грузить мои вещи в багажник. Когда такси отъезжало от служебного входа в театр, я оглянулся и увидел директора и других членов худсовета — радостные одесситы стояли стайкой на крыльце и махали мне руками, стремительно уменьшаясь в размерах. Что было дальше?.. А вот что.

Больше я их НИКОГДА не увидел и не услышал. Мне ни разу никто не позвонил из этого театра, не произнес в мой адрес ни слова, будто НИЧЕГО между нами и не было. Удивительно?.. Тот, кто знает, что такое театр, печально улыбнется и скажет: ничего удивительного на самом деле в этой истории нет.

Смешно другое: «Гамбринус» был мною поставлен в другом театре — Театре у Никитских ворот — и, надо нескромно сказать, идет там с немеркнущим успехом второй десяток лет. Но Одесса...

Одесса, прощай, не забывается.

2000

Догнать и перегнать

С некоторых пор Дима понял,

что он отстает в жизни. Читает книги. Думает о боге. Задается вопросом: куда идет Россия? И вообще, зачем человек живет на земле.

Надо было срочно догонять поколение, но Дима не знал, с чего начать. Он спросил соседа:

— Вань, ты бы что на моем месте сделал?

— Чтобы что?

— Чтобы одичать.

Ваня задумался. А потом ответил, не задумываясь:

— Купи компьютер.

Дима так и сделал. Через месяц круглосуточного сидения перед экраном, с которым он играл в карты, Дима вошел в Интернет и почувствовал первый результат: взял с полки Гоголя и через пять минут заснул, лежа на кушетке, с книгой в руках.

Раньше с ним такого никогда не происходило. Гоголь был любимый его писатель, а теперь... ну разве можно сравнить его шутки, скажем, с интернетовскими анекдотами? У Гоголя все растянуто и не смешно — взять хотя бы эту глупую историю про шинель... кстати, а как в детстве звали

Акакия Акакиевича?.. Вот это действительно вызвало бы смех. Настоящий Кака!.. Ну, надо же!.. Кака!.. Вот это очень смешно!..

— Ты бы еще Гёте взял на сон грядущий! — хотнул Ваня, когда Дима рассказал ему честно, что произошло. — Этого... как его... «Фауста»!

— А что сейчас мои современники читают?

Ваня опять задумался и опять ответил, не задумываясь:

— Пелекина читают. Соровина. Оксану Маликину. И Наталью Душкину.

— А что еще?

— Счета банковские. Квитанции всякие. Деньги.

— Деньги? Как можно читать деньги? — удивился Дима. — Деньги можно считать, а не читать.

— А ты попробуй! — многозначительно произнес сосед. — Вдруг у тебя получится?

Дима попробовал.

В тот же вечер разложил перед собой на столе купюры разных достоинств и начал их читать вслух:

— Десять... Пятьдесят... сто... — Ему это дело понравилось. — Пятьсот! — с восторгом выпалил он.

Однако скоро чтение прекратилось. Дима понял, что прочел все, что только можно было прочесть в его доме.

«Как мало, — подумал он, — я читаю. Надо больше читать, больше... Только в этом случае я догоню своих сверстников, умчавшихся от меня так далеко».

И действительно, не прошло и полугода после этого решения, Дима собрал дома приличную биб-

лиотеку из купюр и мог провести за их чтением уже не час, не два, а целый вечер.

— Пятьсот!.. Пятьсот!.. Тысяча! — шептали его губы. — Тысяча!.. Тысяча!.. Пятьсот!

Получилось раз. Получилось два. Три. Победив в тысячный раз, он почувствовал, что надорвался в гонке, но рванул дальше. От долгого чтения денег глаза его стали слезиться. Вдруг он заметил, что читать уже не может, а если может, то только по складам. Особенно трудно ему давались теперь мелкие купюры:

— Сто... это сто?.. Не понимаю, что это? Это сто?... Или это что?.. — брезгливо спрашивал он сам себя. — Ага... пять-де-сят. Понял. Всего пять-де-сят.

Десятку он вообще не мог прочесть. Уж очень какие-то мелкие деньги для его глаз... Можно сказать, и не деньги вовсе. Добил Диму телевизор.

Из-за постоянного нажимания кнопок на пульте пальцы Димы обросли мозолями. А после нескончаемого просмотра новостей по всем каналам он вдруг заметил, что ногти его проросли когтями, а грудь стала волосатой, как у обезьяны.

— От этих передач я зверею! — пожаловался Дима Ивану. Но тот только хмыкнул.

— Чаше в сауну надо ходить. А то ты совсем, я вижу, бескультурный.

В сауне, среди тамошних хищников, Дима чувствовал себя своим. Вскоре он купил себе шикарную загородную клетку с бассейнами и кустами, из которых можно было рычать. Однажды он спрыгнул с ветки и взял в руки камень. Это был прогресс.

«Боюсь, как бы меня не пристрелили этой зимой, — думалось ему. — Охотников много!..»

С Ваней он уже не встречался. Дружить с ним было не к чему, да и само слово «дружба» он уже позабыл. Общался он теперь только со львами да саблезубыми тиграми, сидевшими в своих офисах. А любовью занимался исключительно в «джакузи» с парой-тройкой русалок, так же, как и он, имевших получеловеческий облик. В эти счастливые мгновенья ему казалось, что он не только догнал всех, но и перегнал кое-кого. Русалки смеялись, плескались, били хвостом по воде, а потом Дима жарил их на сковородке или ел сырыми, с кровью, хватая куски. Однажды ему захотелось почитать. Как раньше.

— Штука. Штука. Штука. Штука. Шту...

Он не успел дочитать.

Раздался выстрел. Откуда-то из темноты.

Тотчас в глазах Димы зажегся ослепительный свет, и он подумал... О боге. Куда идет Россия. И вообще — зачем человек живет на земле. А потом все исчезло.

Есть у меня старый дружан,

Леха зовут, не виделись мы лет сорок.

Вместе в школе учились, а тут встретились на пляже, оба в плавках, глаза горят, сердце стучит, хочется гору свернуть, да нет ее поблизости, одна река.

— Давай, — Леха говорит, — сейчас эту реку переплывем.

— Давай, — говорю я. — Только зачем?

— В знак нашей дружбы.

Ну прыгнули мы в воду с мостков. Но сначала выпили. У Лехи бутылка была. Да и у меня бутылочка. Так что реку переплыть для нас — плевое дело. Правда, Серебрянка в том месте, где мы прыгнули, была не шире Волги у Самары. Но и не уже.

Вот плывем. Метров пять проплыли, я вижу: Леха тонуть начал. Меня это сразу насторожило.

— Ты че, Леха?

— Да я плавать не умею, — говорит Леха. — Забыл тебе сказать.

— А чего ж поплыл?

— В знак нашей дружбы, я ж тебе объяснил.

Объяснить-то объяснил, а сам уже пузыри пускает.

Я тогда к нему поближе и спрашиваю:

— Может, вернешься?

Он мотает головой и тотчас опускается совсем под воду. Я тогда его за волосы и — себе на плечо. А он, дурак, еще сопротивляется.

— погоди, — говорит. — Я сам.

Ну сам так сам. Ловлю его, подонка. Он рычит:

— Ты меня до середины только дотащи, до середины, понял?

Я ему:

— Вернись сейчас же, Леха. Я тебя прошу. В знак нашей дружбы.

Он мне в ответ приказным тоном:

— Тащи, я тебе сказал. Или что, у тебя сил больше нет, слабак?

Вот наглец. Сам плавать не умеет, а меня оскорбляет.

Но у меня выхода нет, я его, собаку, еле дотащил до середины реки.

Тут он говорит:

— А теперь брось меня. Брось, я сказал.

Я ему:

— Не брошу.

— Брось.

— Не могу бросить.

— Можешь. Ты все можешь.

— Не могу.

Начинаем, как мальчишки, драться в воде. Смотрю, он хорошо плавает, хорошо, падла, держится на речной поверхности. Я спрашиваю:

— Леха, ты че?

А он с ухмылкой:

— Это я тебя на дружбу проверял. Хотел узнать, что ты за человек. А плаваю я лучше тебя.

— Ах ты гад! — говорю я, а сам чувствую — у меня плыть дальше нет никаких сил. Начинаю хлюпать.

Вдруг под меня подныривает Леха и подставляет плечо.

Тащит. Тащит. И снова тащит.

А как десять метров до берега осталось, спрашивает:

— Может, вернешься?.. В знак нашей дружбы?..

...Через час, отдохнув, мы плыли обратно, смеясь и совершенно самостоятельно. Вышли на пляж. Расстались. И я подумал: «Наверное, еще не увидимся лет сорок».

Эх, Леха. Друг, называется.

2001

Дискуссия о смертной казни

Началось с того, что жена

сказала, не помню, про кого:

— Я б его расстреляла.

Мнения разделились. Я ей:

— Нет, расстреливать, конечно, надо, но гуманно, как в Америке: инъекцию в ногу — и привет.

Тут вмешался дед:

— В какую ногу?.. Я б ему эту ногу сначала оторвал, а потом голову отрубил.

— Голову рубить нехорошо, — отозвалась теща. — Не в Средневековье живем.

— Почему нехорошо?.. Ты ж курице голову рубишь — и ничего. А иной человек хуже курицы.

— Но бывает, и курица хорошая. Ей бы еще жить и жить, а ее раньше времени прихлопнули. Цыпленок тоже хочет жить. А не в бульон.

— Ты еще яйцо сырое пожалей.

— И пожалею, — сказала теща. — Как подумаешь, что это неродившееся живое существо...

— Так сразу его на сковородку или в кипяток — за милую душу!

— С волками жить... — поморщилась теща и пошла на кухню делать рубленые котлетки из мяса молодого ягненка.

Пришел сынок из школы, вступил в разговор:

— Я бы эту училку повесил.

— За что?

— За ноги. Пусть трое суток хотя бы перед школой повисит.

— А что она тебе сделала?

— Трояк по химии в четверти вывела. И еще предупредила, чтоб я свойства серной кислоты выучил. А чего учить, я их и так знаю: вот плескаться ей в лицо — и она узнает!

— Но она тебе все же трояк поставила. Не пару!..

— А за пару я ей ртути в сумочку налью.

— Дурак ты! — сказал дедушка. — Тебе язык надо вырвать, внучек. Если хочешь отомстить, походи сзади и дай пустой бутылкой по башке — и готово дело!.. Зачем химию примешивать?!

Пришла тетка в гости и — сразу о политике:

— Министра экономики — четвертовать, министра финансов — утопить, а министра здравоохранения с Останкинской башни сбросить.

Я спрашиваю:

— А может, лучше министра финансов сбросить, а министра здравоохранения четвертовать...

Она говорит:

— Можно и так. Но министра экономики не будем забывать.

Я говорю:

— Да мы не забудем. Если утопить не удастся, давайте его просто с работы снимем и на пенсию нашу нищенскую отправим.

— Хорошо, — говорит тетка. — А потом все же его катком следует переехать. Ради справедливости.

Тут включили телевизор, а из него посыпались новости:

— В Чечне пленному солдату уши отрезали и в конверте прислали командиру части.

— В Сибири шестерых детей поймали и сожгли в канализационном люке.

— А в Германии вообще двое договорились, что один другого съест. И съел.

Последняя новость меня как-то обрадовала: все-таки не только у нас дикие нравы, но и в Европе. Это говорит о том, что у нас общая цивилизация, хотя культура разная.

У нас все же идеалы гуманизма еще живы. У нас народ гораздо добрее.

И приходит ко мне сосед. Жалуется.

— Мне вас заказали.

— Кто? — спрашиваю.

— Дед Пихто, — отвечает.

— Сколько?

— Что?

— Сколько я должен тебе заплатить, чтобы ты меня не убивал?

Сосед задумался.

— Триста, — говорит и в глаза не смотрит.

— Тебе не стыдно?.. В прошлом году ты же сто просил.

— Жизнь подорожала, — говорит. — Это раньше считалось: жизнь — копейка. А сейчас за одну в три раза больше берут.

— Это я вздорожал, я... Это моя жизнь кому-то стала больше нужна, а не вообще...

— Да, — сосед чуть не заплакал. — В прошлом году вы, можно сказать, ничего не стоили. А сейчас у вас, знамо дело, рейтинг повысился.

Ишь, грамотный какой... Слова знает!.. «Рейтинг»!.. Ты б еще про мой интеллект сказал. Про мою вменяемость, адекватность и толерантность.

В общем, заплатил я ему. А на следующее утро

Кто в чем, а я в белом!

3-4-5 **ТВОРЧЕСКИЙ** **ДВОРЕЦ**
ВЕЧЕР **КУЛЬТУРЫ**
декабря **ХЭМЗ**

ЛАУРЕАТА ВСЕСОЮЗНОГО ФЕСТИВАЛЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА 1967Г
ЛАУРЕАТА I ГО ВСЕСОЮЗНОГО ФЕСТИ
ВАЛЯ ЭСТРАДНЫХ СТУПЕНЧАЕСКИХ ТЕАТРОВ

**Эстрадная
студия МГУ**

«Дача ДОМ»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
М РОЗОВСКИЙ

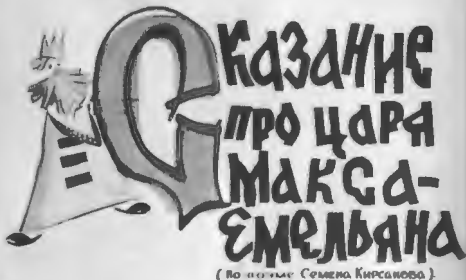
3 и 4 XII НАЧ В 19³⁰
5 XII НАЧ В 17⁰⁰

ПРЕМЬЕРА

Лауреат I-го Всесоюзного
Фестиваля эстрадных
студенческих театров
Лауреат Всесоюзного
Фестиваля самодеятельного
искусства 1947 г.
Эстрадная студия МТУ
НАШ ДОМ

28.5

8 19.30.4

Максима Дундзевского

Мартин РОЗОВСКИЙ

Наталья Ефремова
Елена Суханова

Дятлѣ Трофимовъ

4-1-1954

«Были времена. Прошли былинные...»

А это будущие
народные артисты
России
А. Филиппенко
и М. Филиппов.
Узнаете?

Семен Фарада — будущий народный артист РФ и Миша
Кочин — будущий лауреат Государственной премии —
тоже начинали в «Нашем доме»...

Спеть квартетом
«Студенческую
колыбельную»
в редакции
«Огонька» было
удовольствием...

...но посидеть на ялтинском пляже (во время гастролей)
рядом с Геней Хазановым (слева) — наслаждением.

Тут главное — не мы с Филиппенко, а то, что на наших майках. У Саши — это скрытая мечта побывать в Сан-Франциско, а у меня — в Нью-Йорке, на Бродвее, где поставлена была моя «История лошади» по «Холстомеру» Толстого.

Однажды на «Золотом Остапе» Гена назвал меня своим учителем. На этом фото можно заметить, что это было не «красное словцо»...

Но, конечно, главным нашим учителем и кумиром был
Аркадий Райкин. Какое счастье! Он улыбнулся на моем
выступлении!

А тут я у ног Валентина Петровича Катаева, принявшего меня на **работу** в журнал «Юность». Отныне я редактор отдела сатиры и юмора «Пылесос».

А тут я замечен рядом с Мишей Жванецким и другими коллегами по юмористическому цеху. Вечер смеха в Ленинградском Дворце искусств.

Агустинес АЛЬМАНАХА

СТАРОСТИ

ЖУРНАЛ

ЮНОСТЬ

Г. Горин

М Розовский

А Арканов

ТАБЛА

ПЕССОС

Песни Н. Матвеевой
исполняет
КИРА
СМИРНОВА

Сотни раз (!) мы втроем — Арканов, Горин и я — выступали в разных учреждениях и НИИ. Называлось это по нынешним меркам довольно глупо — «Страничка сатиры и юмора».

Еще в те времена мы с Витей Славкиным смотрели на Фридриха Горенштейна как на великого русского писателя.

Женя Сидоров — будущий министр культуры. Но мы с Аллой Гербер пока этого не знаем...

Отдел «Пылесос» — Гриша Горин, Аркаша Арканов, Иосиф Оффегенден, Витя Славкин и я с примкнувшим к нам прозаиком Володей Амлинским — сфотографировались однажды с вахтером «Юнсоит», воочию доказав свою связь с народом.

Эта же «связь», но в другой мизансцене и уже без влияния прозы.

Картинка называется «Моцарт и Сальери». Моцарт, конечно, гениальный Максим Дунаевский (который с усами). Остальное — я (в контексте застолья).

Аркаша, светлой памяти, Хайт, загородивший Аркашу, дай Бог ему здоровья, Арканова, а я — между двумя Аркашами загадываю счастье.

Среди участников «Метрополя». Достойные люди в застойное время. Чтобы как-то отметить этот момент, я на месяц нарочно отрастил усы. Как жаль, что многих из тех, кто запечатлен на этом снимке, уже нет в живых.

На репетиции «Истории лошади» я бывал, как видите, очень весел.

поехал на работу в офис. Там у дверей встречает меня мой охранник:

— Андрей Васильевич, вы меня извините, но мне вас взорвать поручили.

— Кто?.. Дед Пихто?

— Он самый.

— Ну, взрывай, голубчик.

— Это как же, Андрей Васильевич?! Мы же с вами сколько лет вместе проработали.

— Сколько? — спрашиваю.

— Пятьсот, — говорит.

— Ну, это ты, брат, загнул. Мне триста — красная цена.

— За триста я не буду. То есть буду, но — взрывать.

— Взрывай, сволочь ты эдакая. Какой же я был идиот, что тебя на работу взял.

— Вот именно. А сейчас дураков нет. Пятьсот — это минимум. Сейчас у нас другая такса.

— Черт с тобой, — говорю. — Бери пятьсот, и чтоб я спокойно хоть недельку жил. Мне с тобой, голубчик, уже противно торговаться, пес поганый.

Он взял деньги и уже не приставал ко мне. Только молча продолжал охранять.

Но недолго я жил спокойно. Ближе к обеду открывается дверь, вламываются ко мне в кабинет четверо в масках.

— Вызывали? — спрашивают и явно хотят убить.

— Руки вверх! — кричу, а сам ложусь под стол и оттуда по ним очередь из автомата. — Ложись, гады!..

Они сразу все легли.

— Пощади, командир, — кричат. — Не видишь разве — мы в старых бронежилетах.

— И что?

— А то, что они все, что можно, от любого автомата пропускают. Всей командой убедительно просим не стрелять.

— Ну, это уж как у меня получится, — говорю. — На то вы соединение антитеррора, чтобы ничего ни от кого не требовать.

— Вас поняли, — отвечают. — Прием. Но какой прием?.. Сколько?

— Кладите на стол тысячу, — говорю, — и убирайтесь.

— Бери, командир, четыре — по куску за каждого, — только не трогай. У нас еще одна сегодня спецоперация.

— То-то, — говорю. — Быстро ползком к двери — и по одному исчезайте, чтоб я больше вас у себя никогда не видел!..

— Спасибо, командир. А ты кто, командир?

Спрашивают, а сами отползают.

— Дед Пихто, — говорю я и прячу автомат под свой стол, на который, между прочим, ставлю табличку: «Стол заказов».

Мне надо было войти в самолет,

но на моем пути встали проверяющие.

- Вы звените, — сказали мне.
- Извините, — сказал я.
- И вынул из карманов мелочь.
- Очки снять. Нож выбросить.
- Какой нож?
- Которым вы можете зарезать пилота.
- Я? Возьмите.
- Бросайте. А молоток?
- Какой молоток?
- Которым вы трахнете стюардессу.
- Не собираюсь никого трахать.
- Тогда что там у вас?
- Это... зажигалка. Немецкая. Подарок.
- Хотите поджечь самолет?
- Господь с вами... Я не хочу...
- Дайте.
- Не дам.
- Тогда мы вас не пропустим.
- Натё.
- Ещё что?
- Не знаю.
- Но вы опять звените.

— Звеню.

— Вам надо перестать.

— Стараюсь. Но у меня пока не получается.

— У вас там что-то... с чем-то.

— Это пряжка. Со штанами.

— Снимите.

Я снял.

— Пройдите.

Я прошел.

— Назад!

Две собаки, рыча, бросились ко мне.

— Наркотики! У него наркотики! — услышал я восторженный крик.

— Да нет же! Это семечки. Три штуки. Затерялись на дне кармана.

Собаки лениво отошли от меня.

— Международная аэроконвенция. Провоз русских семечек за границу запрещен.

На глазах у проверяющих я съел семечки, чтобы не сорить в здании аэровокзала. Но продолжал звенеть.

— Какая-то железяка на вас. Медь?

— Обручальное кольцо! — радостно возопил я. — Золото! Снимаю!

— Нефть?.. Напалм?.. Какие другие взрывоопасные вещества пытаетесь провезти?

— Ничего я не пытаюсь.

— Тогда почему в ботинках?.. Снять немедленно. Носки тоже.

— Ка-ак?.. Босиком?.. В самолет?

— Новые правила. Буш договорился с Путиным. Бывает, террористы прикрываются носками.

— Но хорошие носки не звенят! — воскликнул я.

— Это у вас. А опытные террористы сейчас

научились делать педикюр. Для конспирации. Это что у вас?

— Авторучка.

— Чтобы воткнуть в горло штурману?!

— Какая чушь!.. Что вы такое говорите?

— А почему вы в парике? — неожиданно спросила меня одна проверяющая красотка с чудесными ножками, торчащими из-под военной мини-юбки.

— Это мои настоящие волосы! — похвастался я своей лысиной.

— Не снимайте. И подойдите к начальнику смены.

Я подошел. Начальник осмотрел мою голову. Я даже испугался: вдруг он тоже скажет «сними-те!..». Но он сказал лишь таинственное:

— Норма.

Чем даже немного обидел меня.

Но когда я вернулся к проходу, мне показалось, что я зазвенел еще громче.

— Зуб, — признался я.

Проверяющие стали елозить металлоискателем по моей щеке.

— Да у вас вся челюсть вставная!..

— Что же мне делать? — заскулил я.

— Оставьте дома. Или сдайте в багаж и задекларируйте как ценный груз. И запомните: ваша пустота — гарантия вашей безопасности.

— По-моему, я уже не звеню.

— Но какой-то стук мы все же слышим.

— Это сердце.

— Нет, это радиация.

— Что-о-о?

— Стучит серебряная фольга на вашей визитке в левом кармане пиджака.

Я тотчас порвал эту чертову визитку в клочья.

— Все?

— Нет, не все. Какие-то хрипы.

— Это, наверное, легкие.

— Где-то что-то у вас скрипит.

— Это старость.

— Посторонние звуки — первый признак аварийной ситуации.

— Не радость.

— А теперь выньте руки из карманов!

Я вынул.

— Заложите их за спину!

Я заложил.

— Проходите!

— Ура-аа!

— Шаг влево, шаг вправо — будем стрелять.

Ваше место — такое-то. Пристегнуться. Не вставать. Не курить. Предупреждаем: во избежание нарушений режима полета в нашем туалете оборудованы подглядывающие устройства...

«Все мы у бога в компьютере! — подумал я. — И лишь бы не было войны!..»

Через несколько часов я приземлился в свободном мире. Местный секьюрити долго смотрел на мою фотографию в паспорте. И тут я не удержался и неудачно пошутил:

— Здравствуйте. Меня зовут Бен Ладен.

Тотчас сработала автоматическая система национальной безопасности страны — в воздух были подняты истребители, президент прервал свой уик-энд и выступил по телевидению, в Афганистане разбомбили еще одну гору, где, по данным разведки, я прятался до прибытия сюда.

На меня надели наручники, и сейчас я нахожусь в тюрьме в ожидании смертной казни.

К этому надо добавить, что звеню я теперь круглые сутки без перерыва, но почему-то никто в мире не слышит моего звона.

2003

Собеседование

Шошел я тут на преподавательскую

работу, не подумав. В смысле не думал я, что за эту работу так много платят. Меньше, чем нищим подают. Но больше, чем нищие просят.

Впрочем, требования немалые — лекции, семинары, экзамены и на студенток не смотреть.

Я не думал, что это так трудно.

Я думал: ну, расскажу им то, что знаю, и все.

Оказалось, надо рассказывать и то, что не знаешь. В этом случае они даже лучше слушают.

Вообще-то они умом дерзкие, можно позавидовать. Но можно и пожалеть. Когда наглость восхитительна, она перестает быть наглостью и становится как бы непосредственностью, граничащей с идиотизмом, без которого жизнь была бы совсем безрадостной.

Я это понял, когда еще на вступительных экзаменах собеседование с абитуриентами проводил. Проверял их на то, чего у них нет. На интеллект то бишь.

Честно говоря, я был тогда потрясен.

Нет, я, конечно, ожидал, что они чего-то не знают. Но я не думал, что до такой степени.

Вот я спрашиваю одного своего будущего студента:

— Кто ваш любимый композитор?

Он тотчас лихо отвечает:

— Бетховен.

Я обрадовался. Какой, думаю, умный, продвинутый мальчик. Задаю на радостях вопрос:

— А какие произведения Бетховена вы слушали?

Молчание. Я даже расстроился.

— Ну, как же, молодой человек, — говорю я расстроенный и оттого несколько витиевато, — вы говорите «Бетховен» и не знаете ни одного его произведения?.. К тому же вы же пришли на собеседование... Следовательно, могли бы про себя догадаться, что после вашего столь твердого и быстрого первого ответа может тут же последовать мой следующий вопрос, на который обязательно нужно будет тоже ответить?

Молчание опять. Абитуриент обмяк, погрузился в какие-то неведомые мне глубины мысли.

Тут я даже немного разозлился.

И, разозленный, но внешне спокойный, сдержанный, как кремень, говорю:

— Ну, хорошо. Не можете назвать ни одного произведения своего любимого композитора — пусть это будет результат вашей забывчивости. Или волнения. Но я тогда вправе задать вам еще один вопрос: а что вообще вы знаете о Бетховене, кроме незнания его произведений?

Вижу, парень оживился. И говорит:

— У него что-то с ушами было.

Я чуть со стула не упал.

— Что же у него, у Бетховена, было с ушами? — спрашиваю, вытаращив глаза.

— Рак, наверное! — отвечает мой собеседник, не моргнув.

А я на этом ответе заканчиваю собеседование и с криком «Вы — приняты!» начинаю свою преподавательскую деятельность. Не подумав.

2003

Насморк

И прихожу к врачу на рынок.

Он меня должен осмотреть.

— Идите сначала в кассу, сначала заплатите, а я потом для вас разденусь, — говорю я.

Он пошел, пришел, показал квитанцию, я разделся.

Он меня стал слушать. А бесплатная прослушка у нас запрещена.

Он еще заплатил. Потом говорит:

— Вам рентген нужен.

Ну, нужен так нужен. Только плати. Выкладывай, если ты хороший доктор.

Он мнетя. Денег, видно, жалко. Я говорю:

— Кончай жадничать. Здоровье дороже. Ничего нет бесценней моего здоровья.

Он кивнул и дал деньги.

После рентгена меня повели на анализ мочи. Я там немного заработал, потому что мочи было мало. Врач говорит:

— Теперь кровь.

Тоже мне, испугал!.. Да за такие бабки я не то что кровь, я все с тебя спущу, вампир в белом халате. Давай деньги, ирод.

Он долго рылся в кошельке. Наконец, сунул

приличную сумму. Затем покраснел весь, напрягся и сообщил самое неприятное:

— К сожалению... Вам нужна срочная операция.

Я ко всему был готов, но не к этому.

— Может, можно обойтись? — спросил я вкрадчиво.

— Нет-нет... У вас все запущено. Требуется хирургическое вмешательство.

— Ну, и как же мы решим этот вопрос?

— Я заплачу. Не беспокойтесь. «Зелеными» вас устроит? — Врач побагровел от нахлынувшего на него стыда.

— Устроит, отчего ж не устроит. Только мне нужна отдельная палата. С телевизором и чтоб окна на солнечную сторону.

— Все за мой счет! — закричал врач. — Все давно уплачено. Вы уж простите.

...Когда меня выписывали, врач бежал за мной до самого выхода. У ворот больницы он схватил меня за локоть:

— Произошла ошибка. Мы вырезали вам не то, за что платили. У вас был простой насморк.

— Сколько же я вам должен за это лечение?

Он назвал цифру, от которой теперь я всю жизнь буду здоров. Пришлось заплатить доктору. И я ушел с его рынка.

В школе я был стабильным

двоечником, но закончил с золотой медалью. Купил ее на Старом Арбате, аттестат зрелости подделал, так что образование у меня есть. Гораздо хуже с девчонками. Была, правда, у меня одна драная кошка в подъезде, но она царапалась, когда я ее пытался душить. Даже обвинила меня в попытке изнасилования, а я ее так любил, так любил, что лишь кастрировать хотел. Она сказала, что я изверг. А я не изверг, просто люблю животных больше, чем людей. Люблю их ласкать, а потом мучить. За это меня прозвали юным мучуринцем. В общем, после школы я еще примерно годик провалялся на любовном фронте — голодный солдат в чине секс-генералиссимуса, а как, извините, припрет, как дойдет до этого дела — дезертир!.. К тому же надоело быть у жизни в заднице, что делать — не знал, работать — не хотел, но мать заставила: поди, говорит, рядом с рынком в мясной магазин, там требуются рубщики мяса. Ну, я пошел, мне понравилось — а что? В руках топор, кости трещат, кровь течет — удовольствие. Да еще тебе за это деньги платят!

И вот однажды, ближе к ночи, приходит к нам с заднего двора мужик один с рынка и просит помочь. Я спрашиваю:

— А за сколько? Деньги вперед!

Он выкладывает приличную сумму и подмигивает:

— Надо наш рынок очистить.

— От кого?

— От вегетарианцев.

Я тогда про них где-то что-то слышал, но, честно говоря, никогда живьем не видел. Поэтому спросил: кто такие? А мужик мне подробно объяснил.

— Это, — говорит, — наши злейшие враги. После рахитов.

— А что плохого они нам сделали?

— А от них проходу нет на нашем рынке. Заняли все ряды. Сплошь овощи и фрукты. Ананасы и бананасы.

— Может, бананы?

— Ага, — говорит, — бананы и ананасы. А еще мандарины, арбузоны и всякая другая папайя. Тонны! С грузовиков всякой хурмой торгуют, а говядине нашей места нет. Все киви да киви, а родной свинине тесно. Что ни палатка, то бабка с дедкой торгуют репкой. И вообще надоели они нам своими чесночными запахами. Надо освободиться от их тлетворного воняния.

Я говорю:

— Давно пора. Наконец-то. А то пичкают наш народ этой своей зеленью. А наше мясо за рубль уже не продашь!

— Вот-вот. Ты парень, я смотрю, понимающий. Не возглавишь ли боевой отряд мясников?

— Возглавлю, почему бы не возглавить? Я ведь

и обезглавить могу. Но только скажите мне, как вегетарианца от невегетарианца отличить?

— По внешнему виду, — объясняет мужик, — его нутра. Распорол ему живот и смотришь, чего там у него в нутре... А там у него исключительно растительная пища должна быть, которая разлагается по причине его гнилой натуры.

— Понял, — говорю. — Разрешите теперь вступить с этими гадами в прямые рыночные отношения.

— Вступайте! Но только помните: я к вам не приходил, поэтому ничего не говорил. Вы меня не знаете, поэтому я с вами не знаком. Вы все сами и без меня, а я где-то вдалеке, но параллельно!

И исчез. А мы в воскресенье в два часа полудни собрались у входа на рынок — каждый со своим топором. Вошли в торговую зону. Смотрим, кто, где, кем и как, кому за что, когда и почему не заплатил. По моему сигналу начали крушить ряды и палатки. Тут какая-то бабка кричит:

— Что ж вы делаете, скоты?!

То есть она обозвала нас потенциальным мясом. Ну я тогда и рубанул... Моему примеру последовали подражания. Это была победа. Впервые в истории рынка на всех лотках лежало мясо, и ничего, кроме лежалого мяса. Очистившись от вегетарианской нечисти, мы стали регулярно тренироваться в бывшем павильоне морепродуктов, где ели трофейную икру ложками и заедали сладкими трюфелями — любимым кушаньем наших злейших врагов. Нас стали бояться и узнавать издали: мясники надели сапоги и черные рубашки, чтобы кровь была лучше видна: красное на черном. Также понравились наркуавники со знаком «черепа и

кости вегетарианца», в этом виде мы сфотографировались для газет и журналов, которые дали нам бесплатную рекламу: «Бритоголовые узколобые овладевают рынком». По Интернету я провел несколько пресс-конференций (мой файл и электронный адрес теперь знает вся страна: measo sobaki.ru — от слова «рубить»).

— Как вы могли убить старушку с петрушкой? — чаще всего спрашивали меня журналисты.

— Топором, — честно отвечал я, — с одного замаха.

По телевизору меня показали по всем каналам двенадцать раз в день, чаще Путина и Киркорова. Я также выступил на форуме «Молодежь мира. Перспективы развития», где меня тепло освистали, когда я сказал, что «мы будем из вас котлеты делать и жарить на сковородке». Успех был необыкновенный. Однако к концу месяца нас стали забывать. Пришлось всей командой пойти в консерваторию. Там скопились сплошь одни вегетарианцы. Когда мы уселись в первых рядах, дирижер, бедный, разволновался, палочку уронил, оркестр разъехался, мелодии никакой, сумбур вместо музыки, но мясники искусство уважают — затопали ногами, и все. Пальцем никого не тронули. Ни одну скрипку не подожгли. А как хотелось... Нам важно было показать, что мы здесь — свои люди, что музыка для всех, а не только для избранных. Что мы сюда в любой момент можем опять прийти и навести наш порядок в их нотах. Через неделю мужик приказывает:

— Теперь футбол. Надо западную трибуну ломать.

Я говорю:

— Это запросто. Я запад не люблю. Запад уделаем. Западло.

Уделали. Но нам тоже досталось. От милиции ихней, вегетарианской. Меня схватили в числе других, поволокли в отделение... Я думал, судить будут, мы станем героями, годика четыре дадут, чтоб мы ели одну эту ихнюю вегетарианскую пищу... Так нет, откуда ни возьмись явился какой-то адвокат и разрушил все наши надежды, сказал, что мы — временные хулиганы, нас не надо опасаться, что на самом деле мы честные и добрые мясовики-затейники, что у нас было детство тяжелое, что мы одинокие, а это профессия у нас такая кровавая, тянет рубить... В общем, все испортил, всю биографию...

Как только нас отпустили, мы сразу в кабак. Там, за столиком, у нас с мужиками происходит серьезный разговор, который мне бы не хотелось озвучивать. Но теперь можно.

— Дело к тебе. Хотим избрать тебя фюрером нашей новой партии.

— Какой партии? — спрашиваю под дурачка, будто не знаю какой.

— Партии Мяса. Есть такая партия!

Я без колебаний соглашаюсь, потому что мясники не колеблются.

Вскоре состоялся наш Учредительный съезд, на котором я выступил с погромной... извините, с программной речью.

— Соратники! — сказал я. — Мой любимый цвет красный. Но если кровь смешать с черным,

получится коричневый. Было время, когда мяса у нас не было даже на рынках. Люди изголодались, и мы дали им то, чего они так хотели, стоя в очередях.

Народ пойдет за мясом, то есть за нами, и впредь. Но теперь наши топоры — в надежных руках. Под знаменем мясизма-топоризма вперед до полной победы над вегетарианской нечистью! (Бурные, продолжительные аплодисменты. Крики: «Да здравствует наш фюрер!» и «Спартак — чемпион!»)

В заключение на съезде были приняты мои предложения — раздать патроны, победить на выборах, создать фракцию в Государственной думе, а затем всех вегетарианцев цивилизованно отправить на постоянное место жительства в Антарктиду, на их историческую родину.

Съезд встретил эти слова овацией, а страна — минутой молчания, переходящей в вечное.

«Круглый стол» о Гитлере

Репортаж из будущего

Недавно в Колонном бункере

при Центральном Доме работников просвещения крематориев был проведен «круглый стол», посвященный памяти Гитлера, выдающегося изверга рода человеческого, внесшего огромный вклад в историю России, особенно в ее нечерноземную часть.

В президиуме видные черносотенцы, знаменитые подлецы и именитые сволочи — те, которыми гордится страна, ветераны антисемитизма, «молодая гвардия» и «наши современники», люди нашего «завтра», стоящие одной ногой в прошлом и уверенно шагающие ею в будущее. Это живые «памятники» и те, кто уже давно должен был сгореть в геенне огненной, но остался кадить и чадить, продолжая начатое Гитлером дело, застрельщики всего нового и душегубы всего самого.

Доклад сделал лектор по распространению, специалист по языкознанию, отметивший, что разница между фашистской и фашиствующей державой — маленькая. В частицах.

Именно поэтому каждый участник «круглого стола» мог бы сказать о себе словами поэта-антифашиста:

— Я счастлив, что я этой силы частица!

Далее докладчик сказал:

— Сегодня со всей очевидностью становится ясно: многие годы мы недооценивали Гитлера, а Сталина переоценивали. Теперь по просьбам трудящихся справедливость будет восстановлена. Вот почему теперь предлагается вместо «зиг» кричать «зюг-хайль» и ходить по собственным квартирам только гусиным шагом. За неподчинение — расстрел.

Затем начались прения. Житель Смоленска, специально приехавший на встречу, рассказал собравшимся о ручьях крови, которые текли по старинному русскому городу после боев на его улицах, причем еврейской крови там текло много меньше, чем русской.

— Это наводит на мысль, — сказал представитель Ярославской области, — применять принцип пропорционального представительства и в других областях.

Представитель Жириковского указал, что его хозяин надел на свою голову фуражку «тельмановку» исключительно в знак уважения к вождю германского нацизма, много сделавшего (тюрем) для коммунистов Германии.

— Отныне зовите меня Адольфович, — просил передать Рольфович, — ведь цели у нас одни, а средства одни и те же.

Германские гости показали чьи-то не имеющие национальности кости. Наши капээсэсовцы не остались в долгу. Представитель Колымы отме-

тил высокое качество барачков Освенцима по сравнению с бараками сталинских лагерей.

— Мы строили и будем строить их впредь — по-ленински, — сказал он, — всерьез и надолго. — И добавил: — А у немцев нам надо «учиться, учиться и учиться».

Эти такие до боли знакомые с детства слова прозвучали, как всегда, к месту. Участников «круглого стола» пришли приветствовать юные пионеры-скинхеды.

— Бей жидов, спасай Россию! — обратился к ним с проникновенным призывом председатель.

— Всегда готовы! — дружно, по-пионерски откликнулись юные орлята, соколята и прочие сукины дети, идущие маршем на смену старым молодчикам. Было приятно смотреть на их новую траурную форму — черные рубашки и красные галстуки.

Наступили торжественные минуты вручения социал-национальных премий.

Представитель Гестапо вручил приз «Золотые наручники» (сделанные из зубов жертв нацизма) представителям НКГД, пообещавшим в ответном слове крепить колючей проволокой дружеские связи «между нашими организациями». Почетную геббельсовскую премию получил представитель журналиста Незазорова «за умелую пропаганду национал-социализма под видом патриотизма на постсоветском телевидении». Лауреату было поручено написать новый дикторский текст к фильму Ромма «Обыкновенный фашизм».

В свою очередь, доктору Геббельсу (посмертно) был подарен исторический текст доклада Жданова о Зощенко и Ахматовой (в подлиннике).

— Ваш патриотизм — квасной, а наш — на пиве! — так образно высказался германский гость, представивший себя как «белокурую бестию» образца 33-го года. — После него всегда хочется помочиться!

Этот юмор был по достоинству оценен гого́том присутствующих, лаем собак и показательным писанием в лицо воображаемому партизану.

Затем воображаемый партизан был по-настоящему расстрелян.

Талантливое шоу продолжили Мюллер, Штирлиц и их подчиненные из обоих ведомств.

Большое оживление в зале вызвала демонстрация новых орудий пыток — миниатюрные (на 200—300 посетителей) печи крематориев, работающие на компьютерах в строго коммунистическом режиме трупного складирования «один на всех, все на одного». А также новейшие газовые камеры, оборудованные под всеми любимые комфортабельные бани с ваннами «джакузи» и уютными душевыми с приятным удушающим запахом.

Эти интересные новинки продемонстрировали сотрудники секретного КБ НКГД, ранее специализировавшиеся на примитивных карцерах.

Сотрудники Гестапо высоко оценили опыты своих коллег из другого лагеря и показали в действии новую виселицу, действующую автоматически. Завидев еврея, эта виселица сама набрасывается на свою жертву, накидывает петлю, и через мгновение абрам оказывается вздернутым.

Бурные, долго не смолкающие, чисто съездовские аплодисменты.

Виселица складная, удобна в применении не

только на улицах и площадях, но и в квартирах, на дачах, в трамваях, автобусах и метро.

И действительно, теперь, применяя новые современные технологии, можно резко увеличить пропускную способность людских потоков через конвейер смерти, следуя известным лозунгам «Все для человека. Все во имя человека» и «Каждому — свое».

Не менее бурными аплодисментами, криками «Ура» и здравицами в честь Усамы Бен Сусейна встретили участники «круглого стола» появление в зале его Представителя, призвавшего давить евреев по всему миру. Недодавленных он просил приехать в Тегеран, где им будет оказан соответствующий (Бухенвальду) прием.

Это выступление специально транслировалось на Израиль по каналам спутниковой связи и траекториям советской ракеты «СКАД».

Однако самый большой успех выпал на долю Представителя газеты «Послезавтра», который принес на «круглый стол» немного мацы и пояснил, что он только что из синагоги, где у него состоялась дружеская встреча с террористами, готовящими взрывное устройство к ближайшей субботе.

— Для нас это будет настоящий еврейский праздник! — заверил бритоголовый. — И мы бы хотели, чтобы этот праздник удался.

В заключение участники «круглого стола» хотели спеть на немецкий манер «Волга, Волга, муттер Волга!», но почему-то получилось чисто по-русски — «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес!».

Тут же было принято решение об организации коллективных экскурсий по местам и местечкам

боевой славы для всех желающих увеличить свое «жизненное пространство».

Первая поездка, конечно, к Бабьему Яру. На автобусах, в сопровождении наших опытных гидов. Простите, гидов, которые покажут воочию, что никакого холокоста не было.

Далее планируется посещение Сталинграда штурмовиками дивизии «Мертвая голова» совместно с участниками «круглого стола». Сразу после их идейного братания — вторичный штурм города-героя, затем банкет на Мамаевом кургане и факельное шествие перед домом Павлова.

На этом участники «круглого стола» свободно разошлись по своим штаб-квартирам и виллам.

В тот же день группа хулиганов из числа недо-резанных демократов, стоящих круглосуточно у Вечного огня, обратилась к Президенту страны с очередным предложением запретить в России деятельность шовинистических и профашистских организаций и лиц.

Президент в очередной раз принял Обращение к сведению и возложил свой очередной венок к могиле Неизвестного солдата.

Русское кино

Всю жизнь мечтал я

снять кино по рассказу Ивана Сергеевича Тургенева «Муму» и вот решился, наконец, представить заявку на «Мосфильм».

— Отличный проект, — уныло сказал мне продюсер. — Но под вас спонсор деньги не даст.

— Зачем под меня?.. Пускай даст под Тургенева.

— И под Тургенева не даст. Спонсор Тургенева не читал.

— Пусть почитает, — выразил я надежду и представил, как вхожу в банк, а там вся работа приостановлена, служащие сидят перед своими компьютерами и по разным углам читают все как один «Муму».

Через полгода примерно продюсер с огромным трудом нашел спонсора, который, не читая Тургенева, но пробежав глазами заявку, дал согласие профинансировать, как он выразился, «русское кино».

— Но с одним условием.

— Каким?

— Герасима должен играть американец. Дуглас Пэйджер. Звезда Голливуда.

— Это еще зачем? — наивно воскликнул я.

— Не спорьте. Иначе он денег не даст.

Через неделю продюсер сообщил о новом требовании спонсора:

— И эту... старую барыню на вате... тоже будет играть Джессика Парш.

— Это еще кто?.. Тоже из Голливуда?

— Нет, но она снялась в ста сорока восьми фильмах.

— Что-то не слышал про нее ничего, — признался я.

— Ничего удивительного. Она снималась в ста сорока восьми порнографических фильмах. И сейчас на пенсии. Свободна. И очень хочет.

Я стиснул зубы и спросил:

— Надеюсь, собачка хотя бы будет русская?

— Да, конечно. Но спонсор настаивает, чтобы вы снимали его личного бульдога.

— Муму — не бульдог. Муму — дворняга, — вежливо показал я знание Тургенева.

— Загрядите, — сказал продюсер, и я понял, что он не шутит.

Еще через полгода к нам в Москву приехал сам Дуглас Пэйджер, а с ним шесть поваров, девять парикмахеров и четырнадцать телохранителей. Он прочитал сценарий и сразу стал отказываться от роли.

— Ему не нравится, что Герасим немой, — объяснила переводчица. — Он не хочет играть без слов.

— Скажите ему, что в этом вся прелесть образа, — попытался я переубедить американского актера.

— Он говорит, что давно, очень давно хотел приехать в Россию... Тут водка... икра... хорошие

девушки... Но актер его уровня... имеется в виду уровень его гонорара, — уточнила переводчица, — не может быть на экране так много времени не произносящим ни слова.

— Что делать?.. Так написано у автора!..

— О'кей... Я согласен играть, если Херасим будет немой, но — голубой, — сказал Дуглас.

— Соглашайтесь! — прошипел продюсер. — Иначе вы сорвете проект!..

Не успел я что-либо ответить, как на съемочной площадке появилась Джессика Парш — ее привезли прямо с аэродрома. И не одну, а с вагоном ваты, которую она в благотворительных целях привезла с собой в Россию.

— Это что еще за безумие?! — схватился за голову я.

— Вы же сами говорили, что ее героиня — старая барыня на вате. Вот она и привезла то, что вы передали ей по факсу о роли. Она добрая и хочет как-то помочь всем нам и России в трудную минуту нашей истории.

Тут выскочил незагримированный бульдог и укусил Джессику за ногу.

— Какая милая собачка! — воскликнула она. — Какая страстная!.. Как она меня любит!..

И с этими словами тоже отказалась от роли, мотивируя это тем, что ее гуманные убеждения не позволяют участвовать в картине, где живое существо должны утопить.

— Умоляю вас, не спорьте!.. Только не спорьте! — завизжал продюсер.

Вечером за товарищеским ужином в «Метрополе» (за все платил спонсор) я попытался втемашить Дугласу свое понимание роли Герасима.

— Он очень сильный. Это невероятной физической силы человек, — сказал я.

— О'кей, — сказал Дуглас, вяло жуя осетрину по-московски. — Я много играл суперменов.

— Это не супермен вовсе, — пытался уточнить я. — Это духовный...

Он не дал мне договорить. Не дослушал. Встал и повел старушку Джессику к себе в номер.

Наутро она согласилась продолжить работу.

— Вот видите! — ликовал продюсер. — У них своя нравственность, свое представление о профессии... Главное, их не вспугнуть. Пусть работают.

И мы работали. Мы сняли полкартины. И сняли бы еще...

Но тут у спонсора вдруг кончились деньги, и съемки приостановились. Артисты разъехались. Бульдога разгримировали и отвезли домой.

Все застыло. Омертвело. Я спросил:

— Когда будут деньги?

— Не надо было осетрину в «Метрополе» жрать, — грустно заметил продюсер, но в его словах не было упрека, поскольку он сам участвовал в пиршестве.

Наконец через год спонсор опять дал деньги на «русское кино».

— Но с одним условием.

— Каким?

— Все едем в Ниццу и снимаем там.

Я выкатил глаза:

— Нам нужен пруд. Обыкновенный пруд в средней полосе России и лодка.

— Посмотрите на него!.. Корчит из себя гения, а на людей плюет. Ему предлагают экспедицию на

Средиземное море, а он хочет всю группу утопить в пруду Нечерноземной полосы!

Меня посчитали врагом, идиотом, сумасшедшим, все техники и операторы выступили против, потому что всем хотелось покупаться зимой в Средиземном море...

— Черт с вами! — согласился я.

Но съемки все равно были сорваны, потому что ни Парш, ни Пэйджер в Ниццу уже не поехали. У этой паршивки возникли совсем другие творческие планы — она начала сниматься в сто сорок девятом порнофильме с участием целой своры спасенных лично ею собачек, а супермен Дуглас получил роль со словами в новом голливудском боевике под названием «Транквилизатор».

— Не беда, — сказал весело наш спонсор. — Поедем в Италию. Перепишите сценарий на Марчелло Мастоияни.

Я тотчас сделал из Герасима итальянского крестьянина Герасимино, а действие перенес из-под наших сосен под оливы Неаполя. Муму переименовали в Чичи. Синьору барыню сделали главой мафии и утопили в бассейне.

К несчастью, Марчелло отказался участвовать в съемках, поскольку уже спел «Очи черные» в другом российском фильме.

Пришлось снова загонять группу на родину и снимать кино без звезд, без бульдога, в тургеневских местах и с дворнягой.

Как ни странно, картина вышла классная и мы получили за нее в этом году первую премию на фестивале «Русские сезоны в Китае».

Никогда раньше не бывал

я на ипподроме, а тут дружок мой Витя позвал, и я откликнулся. Стоял я в первом ряду у бровки. Витя говорит:

— Сейчас объявят старт. Будем делать ставки.

А я, конечно, не понимаю, о чем это он. Ставка вроде была у Гитлера в Виннице. Пока я об этом вспоминал, Витя говорит:

— Давай деньги. Я на тебя поставлю, а ты стой здесь.

Тут только до меня дошло, что ставка — это деньги, которые я вижу в последний раз. Я отдал Вите все, что только у меня в карманах было, и хотел поглазеть по сторонам, да не успел: вижу, у меня шнурок на ботинке развязался. Я нагнулся, чтоб его завязать. Вдруг чувствую — на меня надевают седло. Я удивился: что я, лошадь, что ли? А меня уже кто-то берет под уздцы, и я через секунду стою на старте.

— Витя! — кричу. — Ты где?.. Что со мной?.. Помогите-го-го-иг-го-го-иги-ги-ги-ги!

А на меня уже кто-то верхом садится. И шпоры в бока вонзает. Я хочу взбрыкнуть, сбросить с себя непрошеного седока, но не успеваю слова сказать,

слышу удар колокола и начинаю бежать. Поначалу не быстро. Как могу. Но все же стараюсь не отставать.

Справа от меня бежит... кто же?.. Слава богу, человек!.. Такой же, как я!.. Двухногий!.. Правда, и на нем кто-то сидит верхом и машет плеткой. Слева другой соперник. Тоже мужик, здоровый, как бык. И в спортивных трусах «Адидас». Наверное, мастер спорта!.. Хорошая у нас набралась компания.

Так прошли первый круг. А сколько их еще осталось?..

Мне подумалось, что надо распределить силы, но замедлять шаг не хотелось... Я почувствовал себя уверенней, когда мы пробегали мимо трибуны.

О ужас, о смех!.. На ней сидели одни лошади — людей никого! — и неистово били копытами, словно ладошками, желая, видимо, подбодрить нас. Зрителей-лошадей было много — тысячи три, и мне показалось, что каждая из них болеет за меня. Впоследствии понял — это было заблуждением.

Второй круг, представьте, я выиграл! Сосед справа отстал от меня на полкорпуса.

— Наддай!.. Над-дай! — вдруг услышал я лошадиное скандирование, когда снова шел ровной рысью мимо трибуны.

— Дурак!.. Говно! — неслось оттуда же. И совсем незаслуженное: — Козел!

Я не понимал, почему нас надо оскорблять, но обижаться не было времени, мы все надали хорошо.

Теперь соперник слева выдвинулся вперед. Он не только догнал, но и перегнал нас. Косым глазом я увидел его злую ухмылку. Я стал явно уступать

первенство. Нет, каков выскочка!.. Куда он так лезет!.. У меня масть, между прочим, я знаю: у моей бабушки дедушка — внук декабриста, старинный род все-таки... А этот, осел несчастный... Возомнил себя скакуном арабским и прет... Во как прет, чертяка, не догонишь!.. В ту же секунду я почувствовал обжигающий удар плетью. Еще раз... еще...

Я стал спотыкаться. Даже не от боли, а от обиды, что меня стегают... Никогда раньше, честное человеческое, я не испытывал такого унижения. Я выругался, и мне полегчало.

Однако всадник, сидевший на моей шее, продолжал неистово лупить меня. Я заметил: когда меня бьют, мое достоинство растет по мере унижения. Я тащился из последних сил, но при этом чувал в себе нечто грандиозное.

Третий круг мы закончили ровно, никто из нас не вырвался вперед. Четвертый, пятый и шестой круги также не выявили лидера. Тут я задался вопросом:

— А кто, собственно, на мне сидит?.. И по какому такому праву он еще хлещет меня?! И почему вообще я должен куда-то бежать?.. В конце концов, тупо совершать круги — не мое это дело!.. А впрочем, есть правило... То, что не умеешь, надо делать блестяще!.. В конце концов, привычка побеждать — не самая дурная привычка.

Как только начал размышлять, скорость резко упала. Я еле передвигал ноги, но именно так идут на рекорд. К своему удивлению, я увидел, что и мои соперники совершенно не тянут. Это прибавило мне вдохновения. Я поймал себя на мысли, что я не один такой, что все мы ползем к финишу уже почти на брюхе, и даже плетка никому не помога-

ет. Ничто так не радует нас, как успех, не так ли?.. Но радость еще больше, если твой успех сочетается с провалами других. Ффу, в этой гонке я становлюсь жлобом, как все.

На седьмом круге соперник слева упал. Так тебе, «Адидас», так тебе!.. Трибуна встретила его падение страшным лошадиным хохотом и свистом. Мне показалось, что многие зрители просто пьяны. Другие курили огромные сигары, сидя в ложах, закинув одну заднюю ногу на другую. Дым шел от трибуны голубыми кудлатыми столбиками, и мне это было противно — я вообще не люблю курящих, но курящих, дымящих и при этом еще и ржущих жеребцов, которые устроились в этой жизни гораздо лучше меня, я не выношу особенно.

Восьмой этап выиграл мой единственный соперник, хотя я приложил максимум усилий, чтоб не опозориться.

— Дави!.. Дави его!.. Е-го-го!.. Е-го-го!.. Е-го-го!.. — слышалось с трибуны. Впрочем, может быть, это же относилось ко мне.

Мы пошли на последний, девятый, круг. Ибо ударил колокол, предупреждавший о близком конце. Я понял, что у меня нет шансов. Никаких.

И тут соперник справа допустил сбой. Он переместился на мою дорожку и стал теснить меня. Я не дал ему превосходства и не уступил. Тогда, пытаясь обогнать меня на вираже, он подставил мне ногу. Это было, во-первых, неспортивно, во-вторых, подло, в-третьих, и подло, и неспортивно. Я чуть не шлепнулся, но удержался в беге. Глаза мои чуть не вылетели из орбит, с такой силой я наподдал сопернику под зад. То есть под круп.

Внезапно я увидел перед собой линию финиша.

Рванулся вперед и...

И откинул копыта.

— Вставай, вставай! — друг Витя дышал мне в лицо. — Ты выиграл... нет, мы выиграли гонку!.. Никто не верил, что ты сможешь... Ты ведь не профессионал и не был заявлен... Но я, зная тебя лучше всех, сделал ставку на тебя... Это большая победа!..

Витя считал деньги, большие деньги, очень, между прочим, большие деньги, и делился со мной.

Вокруг ликовала толпа. Люди прыгали от радости, обнимались, плясали под музыку, пили шампанское и поили им лошадей из ведер...

А я... я смотрел на все это безумие и думал об одном: нет, никогда, слышите, никогда в жизни я больше не пойду на ипподром.

Охота на Рабиновичей

Наконец позвонил приятель мой,

Федька Косой, и сказал:

— Поехали с нами на охоту в субботу?..

— А на кого охотиться будем?

— На Рабиновичей.

Честно говоря, я не охотник. У меня и ружья-то своего нету.

— Это ничего, — сказал Федька. — Выдадим.

У нас этого добра навалом.

— Договорились тогда.

— Только бутылку с собой возьми, — сказал Федька. — А лучше две.

— Я три возьму, — пообещал я.

— Тогда бери четыре — не ошибешься, — произнес Федька. — У нас народ вообще-то непьющий, но стрелять на трезвую голову — никакого удовольствия. Тем более по Рабиновичам. — И повесил трубку.

Утром в субботу пришлось встать в четыре утра, в пять мы встретились всей компанией на вокзале, а ровно в семь сорок охота началась.

— Где мы? — спросил я, оглядывая живописную природу средней полосы России.

— Это деревня Жидки, — объяснил Федька, — заповедная зона.

— Красиво тут.

— Рабиновичи в плохих местах не обитают.

Подивившись названию деревни, я впервые в жизни взял в руки охотничье ружье.

— Познакомься, это два наших егеря. Баркаш и Макаш.

Два утрюмых бородатых типа в валенках и телогрейках стояли в сугробе и ждали.

— А это Василий, наш проводник. Он же знатный экскурсовод-краевед из общества «Память».

Передо мной стоял длинноволосый отрок, почему-то похожий на молодого Распутина до его дружбы с Николаем II.

— Здорово, Невзор! — сказал Василий, обнимая знакомого на лицо парня из нашей компании. — Давненько не виделись. Разве что по телевизору на тебя смотрю не нагляжусь.

— Да я сейчас всего двенадцать раз в день мелькаю. Да и то по восьми каналам. Зажимают, еврейские падлы. — Невзор зло сплюнул и вскинул телекамеру на плечо. Значит, и здесь будет снимать.

Я осмотрел компанию. Трое в пыжиковых шапках. Значит, бывшие работники ЦК. Двое в дубленках. Значит, из торговли. Двое в черных очках и дубленках. Значит, из искусства. Один в рясе. Значит, из КГБ.

В сторонке стоял приехавший на «Вольво» самостоятельно «новый русский».

— Кто это, Федька?

— Академик Корч. Главный антисемит Советского Союза.

— Надо же!.. А я и не знал, что есть такое звание.

— Это не звание, — объяснил Федька. — Это призвание.

— А академик он каких наук?

— Никаких. Самозванец.

— Как так?

— А вот так. Провозгласил Академию Черной Сотни — АЧС — на самом деле неограниченное товарищество с ограниченной ответственностью, богатейшая, между прочим, организация, и стал ее Почетным Председателем.

— А раньше кем он был?

— Кто?.. Корч?.. Да обыкновенный антисемит-надомник.

— Интересные у вас люди, — на всякий случай похвалил я. — Все как один.

— И один, как все. Жаль, сегодня дядьки Прохана нет. Вот классный мужик.

— А это кто еще такой?

— Писатель.

— А что он написал?

— Он написал, что слово «Европа» — пархатое, оно не случайно начинается и на три буквы и также не случайно кончается. А больше и не надо, — только и успел сказать Федька, потому что в это время заиграла труба и ударил царь-колокол.

— Отряд, стройся! — крикнул то ли Баркаш, то ли Макаш.

— Смирррно!

Да я и так присмирел. Больше всего меня удивили военные команды. Вроде бы охота, а на самом деле война.

— Василий, ты идешь в разведку. Невзор заходит с тыла, а Корч ведет своих людей в лоб и с фланга, — услышал я голоса полевых командиров. — Водочку разлить. Знамя вынести. Патронов не жалеть.

В тот же миг я увидел, как на ветру волшебным заколыхалось черное знамя. Вспыхнула сигнальная ракета. Где-то вдаль застрочил пулемет. Ухнула гаубица.

— По кому стрельба? — спросил я. — Что-то не вижу ни одного Рабиновича.

— Противник прячется в лесу. Но деться ему уже некуда. Везде наши люди.

Многоголосое «ура» прокатилось по фронтам. Лес горел, как в кино.

Наша гвардия под командованием ефрейтора Веденко, нацепив свастики, пошла в победоносный поход на деревню Жидки.

...Вечером мы все сидели у костра и в честь победы ели шашлыки с мацой. Тут как раз откуда ни возьмись появился невовавший дядька Прохан. Он сказал:

— Поздравляю вас с победой, товарищи!

За что тут же был награжден боевой наградой за старые успехи в борьбе с новыми Рабиновичами. Ветеран благодарно принял орден.

Я окинул глазом наши ряды. Федьки не было. Неужели убили, морды?

Нет, он лежал в кювете. Я бросился к нему:

— Федя... родной... ты ранен?

Он пробормотал мне в ответ что-то нечленораздельное. Значит, пьян. Значит, жив!.. Значит, мы еще поохотимся!..

Мы обнялись по-братски. И поцеловались по-мужски.

На следующий день, когда мы все вернулись домой, я спросил Федьку:

— Федя, а что, эти Рабиновичи... я их, правда, ни одного не видел... сами сдались или как?

— Не, — сказал Федька, — ты что, дурак, не понял, что их там и не было?..

— Как не было?

— Все Рабиновичи давно уехали в Израиль.

— А на кого же тогда шла охота?

— На воображаемого врага. Это была тренировка. Вроде маневров, понимаешь?

Я все понял, конечно... Однако до сих пор никак понять не могу: если маневры, зачем тогда лес сожгли?.. Прекрасный русский лес...

День смеха

Ящичек открыли.

На дне лежала медная позеленевшая пластинка с надписью: «Этим полукреслом мастер Гамбс начинает новую партию мебели. 1865 г. Санкт-Петербург».

Надпись эту Остап прочел вслух.

— А где же брильянты? — спросил Ипполит Матвеевич.

И. Ильф и Е. Петров.

«Двенадцать стульев»,

глава XXXIII, стр. 308, т. I.

Собр. соч., Москва, 1961, ГИХЛ

Итак, юбилей. 101 год

двенадцати стульям. Да-да, тем самым, настоящим, которые из дворца, которые ореховые, эпохи Александра Второго, производства мастера Гамбса, на гнутых ножках...

В этот день весь мир был весел и красив, как Остап на свадьбе с мадам Грицацуевой.

Но кончилось все очень обыкновенно.

...Утром вместе с газетами я вытащил из своего почтового ящика небольшой конвертик, проштампованный столь густо, что было не разобрать обратного адреса, со следующей запиской внутри:

«Уважаемый Марк Григорьевич!

Сэгодня все прогрэссивноэ чэловэчэство торжэствэнно отмэчает сто один год двэнадцати стульэв. Приглашаэм Вас принять участиэ в этом

юбилеэ на вэчэрэ, который состоится в жэлэзно-дорожном клубэ на б. Каланчевской площади. Нач. в 20 ч.

На повэсткэ:

I. Доклад канд. филологич. наук Элочки Щукиной на тэму «Лэксика романа Ильфа и Петрова».

II. «Нэ только тэлэграммы» /Письма отца Федора в инсцэнированном исполнэнии артистов Тэатра на Таганке/.

III. «Юность моя огнэвая». Мэмуары и вопоминания т. Иванопуло о молодежи двадцатых годов.

IV. Дэмонстрация все эщэ живого Паши Эмильевича.

В фойэ — дэйствующая выставка гробов мастэра Бээнчука.

ОРГКОМИТЭТ

P.S. Нэ прийдётэ — поговорим с Вами тэт-а-тэт. Привэт».

Я, конечно, растерялся.

Тэм не мэнээ... тьфу... Тем не менее после некторого размышления записка показалаь мне убедительной, ибо была отпечатана на знаменитой машинке с турецким акцентом.

Вообще-то я не очень люблю юбилеи. Чаше всего они бывают похожи на похороны. Разница лишь в том, что на похоронах, как известно, о тебе говорят то, о чем ты никогда и не подозревал, а на юбилее — то, что ты сам вчера утвердил. (При условии, конечно, если ты не умер в день своего юбилея.)

Чтобы проверить, действительно ли «все прогрессивное человечество» справляет сто первую годовщину двенадцати стульев, прочитав заметку, я сразу же включил радио. То, что я услышал, заставило меня окончательно забыть о своих сомнениях.

— Передаем праздничный концерт по заявкам знатных сатириков нашей страны. В программе — оды, элегии и гимны!

После концерта по заявкам у микрофона выступил директор мебельной фабрики «Победа труда» № 28.

— Дорогие друзья! — услышал я типичный елейно-фабричный голос. — За последние сто лет наша мебельная промышленность достигла больших успехов. Наш человек теперь меньше стоит и больше сидит. А с выпуском малогабаритных ванн, комбикресел и диванов-кроватей он уже может сидеть полулежа и лежать полусидя. В заключение разрешите заверить наших сатириков и юмористов: «Двенадцать стульев» — это не предел. Обещаем, что в следующем квартале мы, мебельщики, создадим тысячи, десятки тысяч новых стульев, чтобы жизнь наша стала еще лучше, еще веселее... чем в книгах наших писателей!

На юбилей откликнулось не только радио. Схватив программу телевидения, я прочитал, что сегодня вечером состоится очередная передача Клуба веселых и находчивых.

«Встречаются, — сообщала программка, — команда молодых химиков из города Старгорода и команда недавно построенного в Васюках синхрофазотрона. Участникам встречи будет дано сле-

дующее задание: обшарить дно Волги, найти там затонувший еще до войны пароход «Скрябин» и вернуться с ним в телецентр не менее чем за полчаса до конца передачи. Кто сделает это быстрее, тот и выиграл».

Не остались в стороне от юбилея и многие наши газеты и журналы. Легкий на подъем и всегда веселый «Московский комсомолец» в разделе «Из того, что никогда, ни за что, нигде не будет опубликовано» напечатал продолжение романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок».

Журнал «Мурзилка» посвятил свой новый номер детям лейтенанта Шмидта, а «Театральная жизнь» дала рецензию на один из новых стульев, поставленных в фойе одного молодого театра. В рецензии, озаглавленной «Не много ли ножек?», ее автор, искусствовед Ляпис, писал:

«Поставив в своем фойе новый стул, театр, к сожалению, не почувствовал той большой ответственности перед зрителем, который пришел к нему не для того, чтобы наслаждаться в антрактах модерном и сидеть в душной интимно-камерной обстановке чуждых нам будуаров и гарнитуров, где гниет и разлагается всякое грязное белье и отребье. Не правда, а правдёнка выражена в этих гнутых, извивающихся на чужой манер ножках. Забыв о мягкой посадке, театр не хочет видеть большую правду стула, скрытую в его сиденье. А в результате страдает зритель, который то и дело падает, низко падает с этого стула, в то время как настоящая задача театра — поднимать и возвышать».

«Советский спорт» в заметке из Лондона сообщал:

«Сенсация!.. Золотая богиня Нике снова украдена! На этот раз подозрения пали на жителя г. Рио-де-Жанейро некоего О. Бендера. Приметы: белые штаны, грязная адмиральская фуражка, на шее шрам, чтит Уголовный кодекс.

— Дело ясное, — сказал журналистам один из представителей Скотленд-ярда. — Теперь это мог сделать только он!

Сам Остап Бендер сознался в своей очередной шутке, вернул кубок владельцам и в беседе с корреспондентами сказал, что намерен в ближайшее время стать тренером бразильской сборной.

— Дело в том, что я изобрел новую систему — «400-2-400», овладев которой бразильцы наверняка снова станут чемпионами мира. Я знаю четырех честных способов обыграть противника и прошу за это лишь два миллиона.

По слухам, бразильская футбольная федерация предложила О. Бендеру заниматься психологической подготовкой спортсменов перед встречей. Это позволит Пеле снова, смеясь, забивать голы».

Я не верил своим глазам. Неужели все это правда?! Неужели действительно сегодня празднуется этот своеобразный юбилей?!

Я взглянул на листок календаря. 31 декабря. Ясно. Обман. Розыгрыш. Новогодняя шутка.

Сразу стало как-то грустно и обидно. Но потом я подумал: а что?.. А почему, собственно, по случаю юбилея не объявить в будущем году какой-нибудь день Днем сатиры и юмора?.. Во всесоюзном

масштабе!.. Ведь есть же у нас День поэзии. Почему бы не быть Дню смеха?! Лучше всего, по-моему, это сделать первого апреля. Вот как раз подходящий для такого праздника день! Представляете? Все в этот день шутят и вышучивают... Все необычно... Начальники в этот день смеются над анекдотами раньше своих подчиненных, а по телевидению в «Голубом огоньке» выступает юный Салтыков-Щедрин. Смешно, правда? Город разукрашен. На стенах домов огромными полотнищами висят изречения Остапа Бендера и прочая классика.

«ЛЕД ТРОНУЛСЯ,
ГОСПОДА ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ!»

Это, конечно, на здании Института прогнозов повешено. Центральный телеграф тоже разукрашен по-своему:

«ГРАФИНЯ ИЗМЕНИВШИМСЯ ЛИЦОМ БЕЖИТ ПРУДУ».

И, конечно, во весь фронтон:

«ГРУЗИТЕ АПЕЛЬСИНЫ БОЧКАХ
БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ».

А на «Мосфильме» надо бы повесить что-нибудь вроде:

«СЛУЖИЛ ГАВРИЛА РЕЖИССЕРОМ,
ГАВРИЛА ФИЛЬМЫ ВЫПУСКАЛ...»

Или еще лучше:

«ПОЧЕМ ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА?»

Да, многое можно придумать для такого дня... И автопробег по Садовому кольцу с участием «Ан-

тилопы». И продажу в ГУМе вечной иглы для примуса. И открытие бронзового памятника, изображающего старого худого человека, который бежит за гусем. Представляете? На постаменте золотыми буквами написано:

«МИХАИЛУ ПАНИКОВСКОМУ
ОТ СОВЕТСКОГО НАРОДА».

Именно от народа. Ведь чувство юмора в равной степени необходимо всем нам — и рабочим, и студентам, и министрам... Ведь все мы — советские люди. А советские — значит, веселые. Так еще Ильф и Петров считали.

1966

Двушки

— А это еще что такое? — спросил сосед.

— Это новый жанр, в котором, правда, нет ничего нового, — сказал я и вспомнил Маршака:

Мятеж не может кончиться удачей.
В противном случае его зовут иначе.

Маяковского:

Ешь ананасы, рябчиков жуй —
День твой последний приходит,
буржуй!

И фольклор:

Если в кране нет воды,
Значит, выпили жида.

Это классика, а мои «Двушки» только
начинают жить...

Не ходи, дурак, туда,
Откуда только в никуда.

О, как приятно спать с женой;
Когда ты спишь не с ней одной.

Нет запрета, нет закона
Прыгать запрещать с балкона.

Дал бы я ему по роже.
Да ведь он ответить может!

Станция «Аптечная»!
Выходи! Конечная!

Куда идет моя страна,
Сама не знает ни хрена.

Сначала завизируй,
Потом импровизируй!

Я тебя о чем просил?
Чтобы ты не доносил!

Придется мне с тобою лечь.
А как еще тебя привлечь?!

Сначала покормите,
А уж потом на митинг!

Если кому-то без парашюта прыгать охота,
То не с балкона, а в целях полета —
из самолета.

Свой компьютер ненавижу,
Мне набил на пальце грыжу.

Вроде непродажная земля,
А кем-то куплена под казино Кремля.

Целый день сегодня я один,
Сам себе и раб, и господин.

Вечная слава тому пионеру,
Спевшему первым «попсу» под фанеру.

Сбрил усы и стал моложе.
Мой совет вам: сделать то же.

Ах, наши начинания
В период одичания!

Генерал, скажите же солдатам,
Чтоб в бою так не ругались матом!

Не хочу вам показаться идиотом,
Но подрабатываю часто патриотом.

Хорошая песня. Ритм и мелодия...
Жаль только, это по жанру — пародия.

Нас многие годы к чертям заносила
Одна лишь, одна бессилия сила.

От отравления умрешь, дружок,
Сжирая их кремлевский пирожок.

Взял на мелкие расходы
Банки, фабрики, заводы.

Сейчас мы озабочены опять,
Кому бы «мирный атом» забодать.

Настроение веселое, походное...
Голод в голод. Время переходное.

У этих «кентавров», простите, ребята,
Всегда половинчатые результаты.

Как хороша упущенная власть!
Слегка горчит, но все ж живется всласть.

Попросили прийти на ужин.
Я пришел, никому не нужен.

Попавшие в аквариум — о, горе! —
Расплачиваются за ошибки в море.

Скоро я от вас уйду
На ближайшую звезду.

— Не будет больше к прошлому возврата! —
сказал нам Сталин при вступлении в НАТО.

Не судите нас так строго.
Мы от бога, но немного.

Вы допустили перегиб,
Когда сказали: «Мир погиб».

Надевши на голову ведра,
Мы к цели зашагали бодро.

Вам — только не было б дождя.
А мне — чтоб этого вождя.

Все мне кажется: за мной на том свете
гонятся.
Одного лишь я боюсь — вдруг и ТАМ
бессонница!

Дорогие зрители!
С мозгов снимите кители!

Не важно нам, куда идем.
А важно: вдруг не попадем?!

Всесилен, крут рекламной кучи вал.
Но кто нам Пушкина раскручивал?!

При этой власти да при таком народе
Спасибо, господа, еще ты на свободе.

Век высоких технологий
Я по-прежнему двуногий.

Куда податься бедному еврею?
В Корею, Изя, в Южную Корею!

Если солнцем полна голова,
Значит, ты облученный сперва.

Надпись-эпитафия:
«Бессмертна только мафия!»

Казалось бы, портрет Иисуса...
А если честно, нету вкуса!

Ах, как нужны нам горести и беды,
Чтоб раздавался этот гром победы!

Все молчат, а ты ворчи.
Все ворчат, а ты молчи.

Одно око ворово,
Другое прокуророво.

Больше я тебе не муж.
Я уже объелся груш.

С каких-то пор пришла хана:
Со мной гуляет вся страна!

Лишь когда приходит крышка,
Мы кричим, что это слишком.

— Не бойся бога! — говорят.
А ты боишься всех подряд.

Возрастают риски:
Взятки без расписки!

Пока одни к гуманности взывают,
Другие нас и режут, и взрывают.

— Отдайте деньги! — сказано.
— Вас поняли. Отказано.

Нам страшней, чем бомбы атом,
Девушка нагая с автоматом.

В школе опричников
Много отличников.

Вы над нами властелин.
Мы пред вами пластилин.

«Делиться надо!..» Ну и врут!
Возьмут и просто отберут!

Жизнь становится все краше.
Посадили у парашаи.

Чтоб вы не слыли недотрогою,
Простите, можно вас потрогаю?!

Только наше население
Так боится выселения.

Вот вы бежите по волнам.
А нам? А нам?? Что делать нам???

В стране дураков на Поле чудес
Вырос талантов и гениев лес.

Вихри враждебные веют над нами...
Вот потому-то мы в вечном бедламе.

Харод в загуле круглый год.
В квадратный он работы ждет.

Мы рисовала мой портрет...
«Живо» есть, а «писи» нет.

Собрать мы можем массы
Только лишь у кассы.

Всегда приветлив, хорошо сложен,
Детишек друг, добрейший скорпион.

Вот и лето наступило. А за ним зима.
Где же осень? Осени — нема.

Хельзя, друзья, не удивиться,
Рассматривая мокрицу.

Поющие за деньги птички —
Уже не птички, а — певички.

«Мысль изреченная есть ложь».
А скрытая мыслишка — тож.

Мы так умели воевать и полководцев
величать,
Что поражений от побед не научились
отличать.

— Наши помыслы чисты! —
Уверяли нас глисты.

Так непросто в жутком лепрозории
Быть эстетом высшей категории.

— Вы мне понравились. Местами.
Хочу потрогать их руками.

За что же это чучело
Столько лет нас мучило?!

Если муж застал нас дома,
Против лома нет приема.

Стоит мужик под деревом и мочится...
Но и ему так жить красиво хочется!

У любви был апогей —
Стал моей женою гей.

«Не убий» и «Не укради»...
Но крадут и душат, б...и!

Мы читаем мемуаров груду
Из цикла «Сукой буду, не забуду!»

Юпитер, наслаждением влеком,
Позволил все, но со своим быком.

Среди тучи насекомых
Много есть моих знакомых.

Сказал философ: стоп, ни-ни, не сметь,
Смотреть на женщин — значит их иметь.

Я в ваш театр ходил однажды.
Но в реку не заходят дважды.

— Мне нечего от вас скрывать! —
Сказал и с нею лег в кровать.

Перикл надменный был серьезен,
Когда испачкался в навозе.

Вчера, хоть это непонятно,
Нам деньги выдали. Бесплатно.

Если хочешь быть преступен — ну и будь,
Но уж пойман — будет суд, не обессудь.

В мире беломраморной Эллады
Многие герои были гады.

Продаемся мы незадешево.
Все же много в нас и хорошего.

И в бочке деспотизма
Всегда основания для оптимизма.

Даже в блюдце варенья
Своя тайна творенья.

Побеждая зло, потом
Будешь кушать суп с котом.

Упала каша на паркет.
Паркета нет, и каши нет.

Что правда, то правда: «Россия — во мгле».
Но мгла-то откуда на русской земле?

«Нас все время топчет кто-то!» —
Слышим мы от бегемота.

— О чем ты мечтаешь, «Мыслитель» Родена?
— Да вот мне карьеру сулят манекена!

Живет и сегодня
«Черная сотня»!

А что, если
Я в гинекологическом кресле?

Нет у нас готовности
К презумпции виновности.

На кухне за портьерами
Мы выглядим Вольтерами.

Воровать, конечно, плохо,
Но ведь такова эпоха.

Чтобы арабов полюбили,
Арабы жгут автомобили.

Сверху голос к нам доносится:
«Конец света переносится!»

Теперь не плачем, не страдаем —
Как можем, так и голодаем!

Как любят пни
Кричать: «Распни!»

Думали, что это хит,
Оказалось, муз. рахит.

Вот Булат — поэт.
А вот эти — нет.

В который раз: и компас есть, и карта,
А мы идем от финиша до старта.

Здоровье. Здоровье. Здоровье.
Не бычье. Хотя бы коровье.

Успили чашу мы говна.
Говна полно, да нету дна!

Зачем бить в стену головой?
Ведь за стеной еще конвой.

Как многоцветна новизна
И одноцветна желтизна!

Империя зла.
Выбирают козла.

Работал сутками. Не дрых.
Он врал всегда. Без выходных.

— Конечно, я не Бродский! — говорил.
За это Бродский бы его и похвалил.

Нокой
На кой?

Свой пуп еще я вижу.
А вот, простите, грыжу...

Все раздавлено. И все дозволено.
Все развалено и обездолено.

Мало не покажется,
Что правдою окажется.

Пока свободою горим,
В пожарной части чуют дым.

Да лучше уж в тюрьме,
Чем в вашей кутерье!

В атомной войне, конечно, самой страшной,
Знайте: нет нам равных. Равных
в рукопашной.

Чем больше были взаперти,
Тем легче нам везде пройти.

Иван-дурак,
Не лезь в Ирак!

Не целуйся с коброй,
Старой и недоброй.

Он за столом придумал лесть:
— Ну, что еще могу вам съесть?!

В слове «оплачиваем»
Слышатся «плач» и «ем».

В век компьютеров нам хочется разлечься
на печи,
На гумно сходить и в баньку, чтобы с девками
в ночи...

Водку «Пушкин» сочинили. Это очень мило.
А на коньяк «Дантес», видать, мозгов уж
не хватило!

С удовольствием теперь произноси
«господа»,
Посылая всех туда, куда не ходят поезда.

Как же слову верили — мы, народ честной, —
Вырезку газетную путая с мясной.

Мы Фрейда очень позабавишь,
Когда себя от комплексов избавишь.

Друзья, нельзя по блату
Бежать по циферблату.

Где-то в толщах океана, на огромной глубине
Спит «Титаник»... Спит и видит пьесу Горького
«На дне».

В гей-клубе
Дуб на дубе.

Но просьбе кишечного тракта
Не досижу до антракта.

Если стали приглашать в жюри —
Это старость, что ни говори.

«Расстрелять всех воробьев».
Тут же подпись: «Воробьев».

На просторах Родины-Отчизны
Хорошо живут лишь микроорганизмы.

Застрял я в лифте как-то раз...
Вот, собственно, и весь рассказ.

Худей! Запомни, если не дурак:
До ста не дожил ни один толстяк!

Если в голову ударила моча,
Не поможет консультация врача.

— Какое все убожество! —
Произнесло ничтожество.

Деньги делают деньги. И
Мы при этом бездельники.

Мы! Опыта злосчастный получатель,
Не суй два пальца в выключатель!

Мужик!.. Родной!.. Что было силы
Беги от женщины-кутилы!

Божья птичка!.. Как поет, синичка!
А закончит — ведьма и шизофреничка!

Зовется русская толпа
С французским шиком — «шантрапа».

Их цель: до выборов за год
Опетросянить весь народ.

Артисты русской школы. Все играют с жаром.
Умные. Живые. И с нашим перегаром.

Ах, как нас бабы бьют и губят...
Но ведь за что-то же и любят!

Слово «жизнь» по-чешски «живот».
До чего же правильный перевод!

Что не Толстой — то ерунда.
Вот что не лев — уже беда.

Элитное жильё.
Элитное жульё.

Я знал, что будет все не так.
Но я не знал, когда, кто, с кем, кому, зачем и как.

Птичка пьет из лужи.
А мне и того хуже.

Протестует Русь посконная, деревянная,
Чтобы в каждой избе была ванная.

Скатилась по лицу слезинка
И стукнулась о нос ботинка.

Не лги, что ты отдашь долги.
Будь честным. Если взял — беги!

Мы — государство правовое,
Где все имеют право воя.

Даем! Даем рабочие места!
Но только тем, кто может выпить больше ста!

В большой политике скрестились прутики...
Министры встретились. Поникли лютики.

В Музее современного искусства
Меня покинули все мысли и все чувства.

Средь критиков случаются неслыханные дуры.
Представилась одна:
— Я массажист культуры!

У критикесс обычно нету мужика.
Они и злятся до тех пор, пока...

— А какая у вас мотивация? —
Спросил у Педрилло Горацио.

Когда приходит нежный звук,
Сдержи его в районе брюк.

Пусть же знают все антисемиты,
Что для них дороги все открыты!

**На просторах Родины-Отчизны
Жить хотим не от хорошей жизни.**

**Я выгляжу вполне молодцевато
И без опорно-двигательного аппарата.**

Не помня о былой еде,
Сидим мы на сковороде.

Кому по́па, кому бюст, а кому косички...
Одни у нас по женской части, другие — по частичке!

Приехал в Ригу я давно для изъявления
талантов...
 Простите, что принадлежал к отряду оккупантов.

**Куда бежим?
Чего дрожим?!**

**Вопрос всегдашний после банкета:
А кто же все же заплатит за ЭТО?**

**«Спасите человека! Спасите человека!» —
Вы б видели, как побежал от нас калека.**

Реанимация. Больной встает и уверяет нас:
— Сегодня я от операции хирурга спас!

Мотоцикл... Паденье... Мотоцикл... Паденье...
Мотоцикл.
Да пойми же, рокер, это — цикл.

Еще от жизни ждать чего,
Когда ни дать, ни взять и некого.

Как миллионером стать в один момент?
В детстве проглотил копейку под процент.

Относительно Абхазии питаем мы иллюзии.
И никаких иллюзий по отношению к Грузии.

В организме что-то низм.
Весь в оргазме организм.

Шапку Мономаха тяжело нести.
Правда, это временные трудности.

Суть чего, подайте в суд,
Там вам голову снесут.

С расстегнутой ширинкой я вышел раз на сцену.
Успех огромный был. Я знаю себе цену.

Так и не выполнив жизни программу,
Один за другим мы спускаемся в яму.

Коррупция, милиция... Милиция, коррупция...
А вокруг посмотришь — одна лишь проституция.

Извела меня кручина
Выпить кофе «капуччино».

Чтобы много заработать,
Надо бы «по фене ботать».

Господа злодеи! Уймите-ка свой гонор!
Вам пример граф Дракула — наш самый
знатный донор!

В джазе только дедушки.
А с дедушками — девушки.

В снах разума не разобрался даже Кант.
В Калининграде, зная, проспал он свой талант.

Не будь я сторонник экзистенциализма,
Я был бы горячий поклонник марксизма.

Нам впарили абонемент
На искусство «секонд-хенд».

Хорошо рифмуется: «Пламенный герой»
С выраженьем горестным «спит в земле сырой».

Памятники времени — не «Девушка с веслом»,
А «Бабушка с кошелочкой» и «Дедушка с мешком».

«Быть ближе к народу и нуждам его...»
Значит, быть нищим — только всего.

Нет беднее олигархов наших,
Если сядут вместе у парашаи.

«Расцветали яблони и груши...»
И под эту песню нам стреляли в уши.

Поздно.
Иван Грозный.

Лишь влюбленный в себя
Умирает, любя.

Еще когда мы были эмбрионами,
Уже пренебрегали вы законами.

Мне слышен бабки голос кроткий
И визг красотки в околотке.

Лишь в окончательном лежащем положении
Приходит мысль о самопостижении.

На все, в чем вы нас так вините,
Мы свое имеем «извините».

Привычку имеем хреновую:
С больной головы на здоровую!

Отняли б Родину у дурака,
И это Родину спасло б наверняка.

Будильник звенел. Холодильник урчал.
А я всю-то жизнь на них проворчал.

Все наши «ух!», все наши «ах!»
Разносит время в пух и прах.

У всякой палки два конца,
Но нет ни мамы, ни отца.

Случилось так, что мы в борделе
Немного чересчур вспотели.

Зашел я как-то в Интернет.
Оказалось, туалет.

Наш век гулящий и пропащий,
Как крест на выкресте, горящий.

В толпе во время давки
Мешают бородавки.

Живут же люди по-советски
Там, где вокруг все по-немецки!

Нам жаловался искренне паук:
— На эту муху мне не хватает рук!

Предчувствие любви, пожалуй, вертикально.
Сама любовь лежит горизонтально.

Если старухой правит проруха,
И на старуху бывает «порнуха».

При культе, не при культе —
Страна моя в инсульте.

Одни на целом свете
В дырявом бронежилете.

Пришла пора орать «Ура!»,
Еще «Увы!» нам не пора.

Опять желает вам всех благ
Наш обаятельный ГУЛАГ.

И труба подзорная
Будет поднадзорная.

Шопинги, допинги, дайвинги, бодибилдинги,
Рейтинги, кастинги, лизинги и дебилинги...

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Покрыв ту быль лишь лагерною пылью.

Услышал от гада:
— Оно тебе надо?!

Провозгласив «Мы — не рабы»,
Засунули себя в гробы.

Каждому придурку
Водку, гимн и «Мурку»!

Хорош Пахом,
Но с запахом.

Хотим в говне, хотим, как встарь...
Чтоб «генеральный секретарь»...

Кому брильянтики, кому фисташки.
А кому-то корочка черняшки!

Пришла пора евреев бить. Но мило
То, что пора та и не уходила.

В оркестре появился новый звук,
Как только дирижером стал паук.

Что марафон, что стометровка —
Всегда в руках у нас винтовка!

Михо в мире... Лишь струна звенит
в тумане.
То война в Ираке... То война в Иране...

Мон статьи глумливый,
И язык потливый.

Мы точку зрения свою отстаиваем гордо.
Стоим мы твердо на своем, но вот свое нетвердо.

Стреляйте в нас! Взрывайте нас!
Как мало все же толерантности у вас!

Лежу в гробу. Красивый. Бледный.
Вот мой портрет. Надеюсь, не последний.

— Все в этом мире очень серьезно! —
Сказал и палец поднял грозно.

Театр — это темный лес.
На свой пенек я в нем залез.

В авариях вы ищете причины?..
Да все они лишь признак дурачины!

Моря повытекли. Народы ахнули.
А мы в честь этого по пиву жахнули!

В иголку нитку с трудом мы вдели.
О, этот секс в конце недели!

Преждевременные роды
Суть фальстарты от природы.

Да, мы — страна заборов драных...
А где еще ложить нам граждан пьяных?!

Вместо вопросов «что делать?» и
«кто виноват?»
Нынче «где деньги?» и «сколько кому?» говорят.

Да здравствует новая Конституция!
Все ихнее — наше. А наше — ничье.
Леворюция!

В позоре тот мир, что не видит в упор
Мамашу, продавшую сына в террор.

Агностик был чудаковат и жалок...
Кентавров не любил, зато любил русалок.

Нет, не ему, а мне нужна
Моему обидчику пощечина.

Всю-то жизнь ходил он в белом,
Занимаясь черным делом.

Как бьется жилка у виска!..
Хоть лоб высок, а мысль низка.

Открылась в будущее дверь...
Входите!.. Там вас цапнет зверь!

Целой жизни на могиле дата...
А ведь он ходил... да и бежал куда-то!

Ничего России нету выше...
Может, потому у нас в окурках крыши.

За то, чтоб жены с вами были бы нежны,
Старайтесь каждой сделать гардероб
на три жены.

Этой мыслью я давно снедаем:
Кожа, кости, мясо... Я — съедаем!

Мир без песен — не интересен.
Но зачем так много серых песен.

Придумают же люди!.. В Волгограде
Однажды ел я сало в шоколаде!

Вроде шейх арабский...
А характер рабский.

В казино я больше ни ногой.
Я оттуда — голый, а туда — нагой.

Добавил букву резидент,
И получился президент.

В Думе — секс. Здесь, правда, род иной:
Занимаются любовью с... Родиной.

Незаменим в российской жизни
инструмент —
Берущий взятки член правительства и мент.

Взяв сатирическую лиру,
Он стал давно беситься с жиру.

Вот предо мною это фото:
Кто тут никто и кто тут кто-то?

«Читайте Достоевского. Но в меру».
Так Томас Манн предупредил химеру.

Мой друг, конечно, эрудит.
Но эрудиции его так нужен аудит.

Слонов не приглашайте в гости
В башню из слоновой кости.

Мы слишком много пели под гитару
И в результате прозевали Че Гевару.

Есть, наверное, мама
И у гиппопотама.

Самое приятное из кипятка выныривать
И из колбасы кусочки сала выковыривать.

Своими умными приказами
Они хлеб воздухом нам мазали.

Поставьте адвоката на зарплату,
Чтоб никогда не обращаться к адвокату.

Когда сажусь в автомобиль,
Не зажигайте мой фитиль.

Что про тебя напишет критик,
Не скажет даже психоаналитик.

— Не нравится что-то мне ваша визитка! —
Сказал президенту пьяный Никитка.

Носок валялся на столе...
Вот так не то на всей земле.

Сегодня спрос на этот корм —
«Литературный поп-корм».

Это тот, которому тут подобья нет:
Не поэт Его Величества, а Его Величество Поэт.

Ноди разберись в суете-темноте:
Кто с кем, кто кого и кто эти, кто те?!

Он жизнь отдал в борьбе за льготы
И квоты.

Он денег не любил. Но глаз имел он меткий,
Цена зазубринки ребра любой монетки.

Платон был пьян, когда к нему пришел Сократ.
— Ты что, дурак? — сказал Сократ. — Но за тебя
я рад.

За молодежью хочется поспеть.
Но не готов пока в пупок серьгу я вдеть.

Старики, инвалиды —
Неликвидные индивиды.

Приказ ваш выполним, не споря:
Приступим к орошенью моря.

Приказ: переписать людей
И на рассвете всех — на сборы желудей.

Чего ждем
Под дождем?

Есть добровольцы?.. Во время грозы
Роды надо принять у козы!

Приступаем к складированию, обдиранию,
закладыванию,
А также к общенародному самообкрадыванию!

Крыс, тараканов, мух не пугайтесь!
С любимыми не расставайтесь!

Новзводно и поротно
Гнать всех обратно и бесповоротно.

Языки готовьте, взрослые и дети,
Будете вылизывать спагетти в туалете.

Рыба гниет с головы.
А вы?

Больше рвения
В разбрызгивании удобрения.

Хаем. Хаем. Хаем. Хаем.
Отдыхаем...

К привилегированному классу
Присобачить бы народну массу!

Плакала Саша, как лес вырубали...
Знала б она, как Байкал осушали!

Кафедры... Деканы... институт...
Но бандитов шобла есть и тут!

И я хотел продлить бы нить.
Да вот не знаю, с кем родить.

Все мы, в сущности, приговорены.
И тем не менее нам — хоть бы хны!

Прекрасна суета сует.
Коль суеты в ней нет как нет.

Когда мы станем бабушками, когда мы
станем дедушками,
Тогда замашем крылышками и улетим
на небушко мы.

... А пока, а пока
Мы валяем дурака.

Не буду против. Я буду «за».
Однако не смотрите мне в глаза.

С расстегнутой ширинкой
На мировые рынки!

«Кипит наш разум возмущенный!» —
Так назван кем-то шлем Первой конной.

Имеет свой особый норов
Страна заборов и затворов.

Давно мы вышли из египетской пустыни,
В которой и находимся поныне.

Уже зарыли. Но опять
Мне завтра надо рано встать.

Молю тебя: скорей пролей мне на сердце
бальзам —
Красавица! Не стой спиной к моим
прожорливым глазам!

С голой задницей культура,
Но видна мускулатура.

Сказано в сводке: «Будут дожди».
Значит, дождей ты как раз и не жди.

Интеллигентности не занимать,
Когда я слышу твою мать.

Не вдруг доносы пишет друг. Ей-ей,
Знай: в этот миг ему бывает тяжелей.

Как хочется с тобой пройти
Не все, а только полпути.

Люди! Даже вечность
Имеет скоротечность.

Ушли с тобой мы в прошлое.
Там так приятно пошлое.

Мишина вокруг. До какой поры?
Не слышны в Большом даже оперы.

Сколько бы Толстой ни был непротивленцем,
Сжал бы он кулак, увидевши Освенцим.

Мо, что будет впереди,
Все давно уж позади.

Не хотим предательства
От законодательства.

В наши дни простой пожар
Превращается в пиар.

Лучшие из лучших аналитики —
Психопаты, пессимисты, нытики...

Когда ты высунула жало,
Во мне вдруг все завозражало.

Наш прогрессирует дурдом,
Но в это верится с трудом.

Не судите нас так строго.
Мы ж, по сути, не от бога.

Мы же все ж от обезьяны.
Вот отсюда и изьяны.

Обоже, как мне надоели
Десятилетия, годы и недели!

Сколько б ни итожили,
А все равно не дожили.

В этом мире мы все одноразовые
посетители.
А по второму, друзья, не хотите ли?

Сходил я на футбол с сынком.
Хороший матч. С одним лишь синяком.

Будни великой державы —
Погромы, расстрелы, облавы...

Это правда или сон?
«VIP-гробы для VIP-персон»!

Сплю с женой валетом
И зимой, и летом.

Кабы не бабы,
Мне бы судьба бы.

Диагнозом звался б прогноз,
Если бы правду нам нес.

Вы любите моченое,
А я люблю перченое.

Меж адом и раем
Поем и играем.

Ни имени, ни отчества,
А выдает пророчества!

Вы себя поберегите
И с моей ноги сойдите!

Нету планетариев,
И небо без комментариев.

Кому пышка, кому «вышка»,
Кому драное пальтишко.

Вот кто гуляет выше крыши,
Так это наши нувориши!

Ух предвыборное обещание:
Наше полное обнищание.

К чему наследие веков? —
Сказал дурак и был таков.

Не надо врать. Не надо врать вдвойне.
Когда правдиво врем мы о войне.

Бедны у нас трудяги и бродяги.
И без доходов наши доходяги.

Век демократии на выборах недолог.
Кого я выберу, решит политтехнолог.

В роли жуткого вампира
Выступает голубь мира.

Даже по пьяни, даже в экстазе
Не мойте голову в унитазе.

Шептала ночью: «Я — твоя!»
А утром разглядел — змея!

Ужас!.. Обнаружил тайну этой дамы!
У нее под лифчиком две ямы!

Времена не выбирают:
В них воруют и кируют.

Но миру слышен бабий крик:
«Ты мужик аль не мужик?!»

Избежала новая элита
Интеллекта, но не простатита.

Все, что можно, с «Мерседеса» сняли. Он
теперь — краса!
Пропадай, моя телега, все четыре колеса!

Как от жизни далеки
Во все стороны плевки!

Мы так свободно говорили,
Когда нас жарили на гриле.

«Пустите в зал!» — кричали мы.
И нас пустили в зал тюрьмы.

Надели бы наручники на свастику,
А мы все ластиком, одним лишь только
ластиком!

Чтоб окончательно не пасть,
Надобно и мне украсть.

Каждый оборотень-мент
По сути сам себе клиент.

Макая, брат, хреновина:
Глухее я Бетховена.

«Найдите свою нишу», — говорили Мише.
Он нашел Наташу. И оказался в нише.

Товорил один кацо: «Ты разбила мне яйцо».
Береги свое яйцо. Или будешь, как кацо.

Товорил один дурак: «Я дурак не просто так».
Оказалось, что дурак просто выпить не дурак.

Товорил один грузин: «Я люблю ваш лимузин».
И теперь в том лимузине ездит только тот грузин.

Все мы движемся в отряде
Лишь недвижимости ради.

Если проживу хотя бы 300 лет,
Значит, у меня здоровья больше нет.

Венера после долгих мук
Совсем отбилася от рук.

Кнут и пряник показали толерантность.
А потом
Пряник вышел весь исхлестанный кнутом.

Калибр не тот, масштаб не тот,
А все же видно — крупный скот.

Велика у нас пассионарность.
Еще больше наша ординарность.

В прессе новый ветер веет.
Желтизна коричневеет.

Распогодилась погода.
Все, что нужно для народа!

Дали раз по шее
И сделали лаксем.

Мой миленок патриот.
За свой свиарник пасть порвет.

Что желаете — кнута
Иль на шее хомута?!

Ах, не надо дискутировать о божь
В нашем с вами гадком диалоге.

На цепи приказ нам петь
И жизнерадостно сидеть.

Милиционер с дубиной гулял —
с той, что вор у вора украл.

Это ж сколько надо гноя,
Чтобы столько перегноя!

У миленка моего велика харизма.
Он ее, видать, отъел в период катаклизма.

Заплатил за колледж Иванов
И учиться начал без штанов.

Сказала ты: «Мой телефон забудь».
Забыл. Но как забыть твою такую грудь?

Несколько со склада сперли
стратегическую боеголовку,
Нам всем предстоит усиливать боевую
и политическую подготовку.

Не кричи, проситель, в усилитель,
А носи, проситель, в накопитель.

Увидев в зеркале себя,
Уединись, себя любя.

Все мертвое мертво, живое живо.
Но у обоих есть альтернатива.

Хотите ль, не хотите ли,
А России радетели — России губители.

Друзья, прекрасен наш союз.
В нем гнус и трус. А впрочем, только гнус.

Я хлебнул воды из крана
И скончался утром рано.

Шел я лесом, песню пел.
А соловей не прилетел.

Посмотри, какой размах
Родины в колдобинах.

Бежали крысы с корабля,
Когда матрос вскричал: «Земля-а!»

Я много о себе не мню,
Но я хорош лишь в жанре «ню».

Лысый, бородатый,
Затем сапог усатый...

Для вас страшилка
Моя грешилка.

Нам приносят огромные беды
Хорошо воспитанные людоеды.

Хотелось посидеть бы налегке
В этой мясорубке в тихом уголке.

Спит на дырявых простынях,
А ходит... Ходит в королях!

— Нет, вы мне это докажите! —
Сказал Эйнштейну один житель.

Мужа свою мучая,
Жила змея гремучая.

Там Оксфорды и Гарварды,
Здесь гитлеры и варвары.

«Не нужны нам права человека!» —
Так сказал мне убогий калека.

Пришла пора некомпетентных,
Крутых, глумливых, импотентных...

Однажды я пошел в народ.
А он в меня навстречу прет.

Конечно, рукописи не горят.
Если их не жечь, как говорят.

Ваш научный анализ блестящий
Надо делать всегда, но не чаще.

Девушка держится очень игриво.
Правда, смущают копыта и грива.

Орденов ни одного не дали.
Впрочем, нам не дали и медали.

Ни войн, ни сражений...
А сколько поражений!

Очень часто на своем закате
Тиран бывает тих и деликатен.

Олимпийским чемпионом — не хотелось бы.
Очень много тренировок... Мне приелось бы.

В Китае босые.
В России косые.

Историю назад не повернуть,
Но пару раз ее ногами можно пнуть.

Когда был Гитлер «юный неформал»,
Царь Соломон о нем уже немного знал.

Избрали тут префекта мы
С побочными эффектами!

Вот червяк. Размером — слон.
Он в Чернобыле рожден.

Разграбили и убежали...
А мы от вас так много ждали!

Сегодня ты «профнепригодный»,
А завтра ты «артист народный».

Со всех сторон: «Примите меры!»
Я тут же принял. Но сверх меры.

Кто на ложе на прокрустовом лежит,
Тот ногами ну совсем не дорожит.

С крыши сбрасывали снег.
Пять убитых без помех.

Я не просил... Однако «нате!» —
В мой дом пришел рекламодатель.

О, сколько мнимостей вокруг!
И нет имен. Есть сонмище кликух.

Нет, что-то тут, друзья, не так:
Какой-то «робот Пастернак»...

Ах, что за туча приплыла к нам из-за
горизонта —
Их видимо-невидимо, «бойцов невидимого
фронта»!

В разные стороны, но одним путем
Мы толпой единою к чему-нибудь придем.

Фактически обгажено.
Но стратегически налажено.

Нора придумать что-нибудь
Для тех, кто кончили тонуть.

Вздумали полить водой родное пепелище,
Да забыли, что у ведер наших нету днища.

Как же пустынно на этой тусовке —
Сделали платным сыр в мышеловке.

Рожденный ползать летать не может.
Но птицы ползать не могут тоже.

Нынче стали богомолцы
Коммунисты-комсомолцы.

Откройте тихие архивы,
И сразу — взрывы, взрывы, взрывы!

Вот человек с ружьем... А я
Был, есть и буду без ружья.

Купи себе хороший дом в лесу,
Чтоб дни и ночи там ковырять в носу.

Ах, не надо, ах, не надо побеждать.
Нам бы только потерпеть и переждать.

Жизнь постоянно ставит ново
Для нас «Бориса Годунова».

Ну-ка, солнце, ярче брызни.
В твоей моче так много жизни!

Поистине, кружится голова:
Ведь Каин с Авелем — братва.

Банально то, что вертикально.
Что под углом — не так банально.

Вечерний звон! Вечерний звон!
Попса... Фанера... Микрофон...

Одетого нет гаже
На нудистском пляже.

Воробушек налево и направо
Позировал на герб двуглавый.

Скажи-ка, Бритни, ведь недаром
Ты снабжена таким товаром?!

И все бы нам бы — нипочем.
Кабы не спрашивать «почем?».

Если есть от волка толк,
Нам не страшен серый волк.

«Я встретил вас, и все былое...» —
Нет, он не пел. Воял он, воя.

«Есть людей!» — такого кредо
Не услышать от людоеда.

Мы рабы. И наша бедность
Знает лишь в цепях потребность.

Включена в питье военных
Кровь невинно убиенных.

Всю жизнь проходил я в этом пальто.
И жизнь — не та. И пальто — не то.

От получки до получки
Нам выкручивают ручки.

Мечта наша заветная —
Бумага туалетная.

Пришли в консерваторию бараны.
А следующими будут тараканы.

Он был весь из себя крутой.
Но нимб купил и стал святой.

Казачки кричали: «Любо!»
Но очень фальшиво — как-то не грубо.

**С банкой серной кислоты
Идем на Конкурс красоты.**

Любовью заниматься лень
В Международный женский день.

Сдать, не сдать жену в аренду? —
Не проводят референдум.

Худой конец пророчат:
Народ рожать не хочет.

Спина возжаждала кнута.
Так, может быть, спина не та?

Не думали об этом и не поймем: когда,
откуда мы отчалили, причалили куда?

Нпрямое все измучились, изволновались, ждя
Кончины дорогого, любимого вождя!

Вы жертвою пали в борьбе роковой», —
пропел нам любимую песню конвой.

Злопыхателям не отвечай,
Приглашай их всех на чай.

Получив в поддых удар,
Сдох навек мой божий дар.

Хныкают люди нашей страны.
Странно другое: Ей хоть бы хны!

Климат хороший. До тех пор, пока
В вашей избе не дождит с потолка.

В пробку попал молодым дураком.
Вышел тем же дураком, но глубоким стариком.

Времени река... Мы в нее — бултых!
Там мертвые хватают за ноги живых.

Жизнь, ты очень хороша, но вдруг — удар
по темени.
Смерть бывает не со мной до поры до времени.

Не раз в истории моменты:
Расстрелы под аплодисменты.

Бывает ли номенклатура,
Чтоб и культура, и не дура?!

Славится наука мордобоями нередкими:
Вот потомки передрались, разбирались
с предками.

В докладе мысль. И эта мысль проста:
У незаконченных реформ — большие
результата.

У меня хорошая порода.
Горжусь: я сын «врага народа».

Ох, мы все марионетки
За большие за монетки!

В магазине «Бригантина» вздорожала
колбаса.
Это значит: «Бригантина» поднимает паруса!

Каратели, вы первые, основа из основ,
Выпрашиватели орденов.

С виду вроде демократы...
А глаза-то вороваты.

Задача выполнена. И теперь не «бэ».
Теперь народ внедрили в КГБ.

Мне тайну псориаза бы открыть,
Чтоб только Нобелевскому комитету досадить.

Веруем, верим... Однако при этом
Сегодня со свечкой, вчера с партбилетом.

Не хотим проститься с ней,
С любимой проституцией.

Пришло мне сообщение на пейджер,
Что я дурак не старый, что я еще тинейджер.

Обро должно быть с кулаками.
Что ж... Будете побиты нами.

Соблазны
Заразны.

Сказал нам Бог, что Бога нет.
— А Вы? — А Он исчез в ответ.

Когда я бью не в бровь, а в глаз,
Мне жалко глаз. Отнюдь не вас.

Нос к носу с Мейерхольдом. Всю жизнь!

Так хорошо
начинался
Театр
«У Никитских
ворот».

А так он
продолжался.

Но хорошо, что так не кончился.

Опыт показал: чем больше репетиций...

...тем больше спектаклей!

Юру Ряшенцева я называл: «Беднолизый брат мой» (поскольку с «Бедной Лизы» начался наш многоразовый театральный труд).

Это я доказываю артистам, что «Вишневый сад» — комедия!

«Черный квадрат» — так называется моя пьеса по одноименной картине Малевича. Она идет в полной темноте.

«Песни нашего двора» — не «старые песни о главном», а — главные песни о старом.

Самый смешной номер этого спектакля — «Моль» в исполнении Саши Вилкова.

«Песни нашей
коммуналки» —
не менее
знаменитый
спектакль.

С Юликом Гусманом —
на дружеской ноге.

С Петром
Вайлем — на
дружеской
вечеринке.

С Аликом
Аксельродом —
на дружеском
осле.

Со Львом
Аннинским — на
дружеской
тусовке.

С Мариной
Влади на
дружеской
презентации ее
книги.

С Валерой
Хайтом на
дружеской
встрече
у «Фонтана»
(журнала, им
руководимого).

Перестройка состоялась «У Никитских ворот»!
Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич пришел к нам
в театр!

Всю свою жизнь (творческую) Виктор Славкин писал
предисловие к этой книге.

С поэтом Евгением Рейном — «поверх барьеров!»

Это фотофакт. «Звезда» Кати Гусевой начинала светить в Театре «У Никитских ворот»

А это ликование — в Доме актера после нашего спектакля «Песни нашей коммуналки». Маргарита Эскина, Марк Захаров, Павел Хомский: Как приятно!.. А оглядывается (в зале) посол Израиля в России Аркадий Мел-Ман. Видно, почувствовал, что кто-то фотографирует за спиной.

**«ЗОЛОТОЙ ОСТАП»
1993**

**МАРК
РОЗОВСКИЙ**

УЧАСТНИК

За неделю перед фестивалем я попал в автокатастрофу. И с этим «орденом» все же поехал в Питер. Было смешно.

Встречающие в аэропорту,
Опять не тот к вам прибыл «Ту».

— Где вы были? Где так сильно загорели?
— Да на панели, друг мой, на панели!

Не стоит актеров хвалить и ругать
И репетициями оскорблять.

Перед чиновником сидишь
И ждешь, когда он вынет шиш.

Хорошее чтиво.
И по вкусу — пиво.

Гантастика!.. Сенсация!.. Всемирный «ох и ах»!
На днях я видел мальчика с книгою руках!

Нас всех возьмет адвокатура,
А защитит прокуратура.

И я умру. И мне не жить.
А впрочем... Впрочем, может быть...

У мухи компромат на паука,
Мол, у него нетвердая рука.

На то он и господний план,
Что нам не ведом, нам не дан.

Себя увидев в глубине зеркал,
Поймешь, дружок, что не туда попал.

Не считайте ЭТО грехом.
Лесби — янки, go home!

Наш цветущий на вид лепрозорий
Все же лучше, чем крематорий.

Мечтаем о всемирной славе
В канаве.

Три трубы в моем окне.
Им нерадостно и мне.

Рим... Казалось бы — антично,
Но до чего же все привычно!

Сижу за решеткой, в темнице сырой...
И так хорошо мне бывает порой!

Мне не мешал местком, партком, райком
Ходить по родине свободно босиком.

Комедианты часто смотрят в зал.
Кто там заснул? И кто там что сказал?

Мелеведущего схватила вдруг икота.
Он «Новости» читал. И это было что-то!

Скоро я сойду на нет,
Сказав при этом: «Всем привет!»

Много пьяных видел в Польше.
Но у нас их еще больше.

Льсти и льсти
Без совести!

Население дебильно.
Положение стабильно.

Спим на лавке
И ждем надбавки.

Имеется у стада
Желание парада.

Лозунг дня:
«Без меня!»

— Макси! Такси! Такси! — кричал.
Не отвечал ему причал.

Сегодня флаги бьются на ветру.
А завтра к черту снимут их к утру.

Задача — ставить нацию
На сигнализацию.

По необходимости и вовсе не от лени я
Стану вдруг компьютером шестого поколения.

Всегда в избытке
Одни убытки.

Реформы идут! Прямо сейчас!
И все мимо нас, мимо нас, мимо нас...

В раю ли, в аду ли,
Но мы — промелькнули.

На Западе всегда восторг,
Когда на нас плюет Восток.

Кто-то первый написал ведь... Я хочу лишь
повторить:
Что нам стоит дом построить?.. Нарисуем —
будем жить!

Российская беда одна:
Опять оно... Ведро без дна!

Толерантность к мусульманам.
Толерантность мусульман.
Мы к ним будем толерантны. Если будут они
к нам.

Чуть что, накладываем вето.
Но всем до лампы вето это.

Вы старую загнали клячу.
Теперь вот я на вас ишачу.

В чем причина ошибок? Разобрались
и вывод дают:
Программисты трезвы — значит, наши
компьютеры пьют.

Есть женщины в русских селеньях... Вопрос
мой тогда тет-а-тет:
А что, их в нерусских уж нет?

По заказу
Я ни разу.

В словах похожих разный смысл живет.
Возьмите слово «жмот» и слово «мот».

На мордобой меня не пригласили.
И наша дружба остается в силе.

Оставьте ваши «ноу-хау»!
Мы их видели в Дахау!

Искал он бога. Где ты, бог?!
Нашел у бабы между ног.

Уж лучше поскорее смерть,
Чем в лужу на себя смотреть.

Сошел с ума народ наш, кроме
Интеллигенции в дурдоме.

Господь нам даровал пороки.
С тех пор пороки на потоке.

Ему сказали: ну-тка!
И — готова шутка.

Запрягаем долго-долго мы всегда!
А потом не едем никогда и никуда.

Не волнуйтесь: вы в порядке —
Деньги выросли на грядке.

Настал момент: у всей страны
Упали, как у клоуна, штаны.

Импозантные седины на висках.
Но видна и грыжа на мозгах.

Король, ты гол! Однако охладите пыл:
Тот мальчик тоже голый был!

Нлыть решились наши корабли
В день, когда остались на мели.

У мельницы крутить крылами нет охоты.
И сразу донкихоты без работы.

Знаю точно, поздно или рано
Будет хорошо нам в мире чистогана.

Время Хлестаковых
Новых.

И этим летом
С пистолетом.

Страна изнывает. Смотрит футбол.
Что нужно для счастья? Всего один гол!

Ай лав ю
По лезвию.

Раскрылся гульфик — вылетела птичка.
Как жаль, что эта птичка — невеличка!

Бывают нынче магазины,
Как очень длинные резины.

Мне показалось, это грязь.
А оказалось: просто мразь.

В той самой бесконечности, порассуждаем
здорово,
Дорога есть налево, дорога есть направо...

Целуй меня во все места.
А впрочем, нет... Не ты, а та!

Хочу купить футбольный клуб,
Да что-то «Реал» мне не люб.

Был трудным этот главный матч.
В футболе нам мешает мяч.

Бывает истины момент,
Когда блефует президент.

У папы мама на зарплате.
У мамы папа на заплате.

За покосившимся забором
С нехваткой Русь и перебором.

Поставят в тюрьмах караоке —
Нам не страшны любые сроки!

Не кричат на фронте
«Спасите!» и «Не троньте!».

В дискуссии — не тут-то было!
Акулу килька победила.

Играя мышцами, потея, хорохорясь,
Взирали мы на мир сквозь танковую прорезь.

На меня депрессия напала:
Нет конца нигде, и всюду нет начала.

Музыка так празднично играла —
Хоронили от души дегенерала.

— Скажите, как до вас дойти?
— Не надо. Нет ко мне пути.

Желаем вам ни пуха, ни пера,
Что значит: «Вам — ни киллера, ни снайпера».

«Тремя огнем, сверкая блеском стали» —
Вот так слабее слабых мы и стали.

Каждому, кто нас припер,
Мы сдаемся, дав отпор.

С каким же звоном и с каким же стоном
Мы опять не стали чемпионом.

У молодых такая прыть:
Держать — не могут. Могут лишь дерзить.

Один не пью я. Но с тобой вдвоем
Могу я выпить целый водоем.

Всю титульную нацию —
На перерегистрацию.

Это ж надо умудриться — ведь певица
неплоха!
Но смогла и под фанеру дать такого петуха!

После бурно проведенной ночи
Что-то ты со мной не очень.

Завтра — у меня идея:
Чтоб никто не знал бы, где я!

История не знает слова «бы».
Тогда заменим «бы» на «якобы».

В небе плачут, как никто,
журавли-журавели...
Эх, пустынно на душе, как в пятницу
в Израиле.

В этом поп-ансамблике
Шустрики и мямлики.

Сенсация! Открыт геном!
А нам-то что в геноме том?

Нет, жизни не придет конец.
Ее ведь свили из колец.

Упав на голову прохожего, горшок,
Поверь, испытывает тоже нервный шок.

Выбил глаз — уж такая работа! —
Где-то кто-то кому-то за что-то.

А мужчины до войны
И не очень-то нужны.

Новенькие уж подросли ребята —
Гитлерята!

Всюду, взгляд куда ни кинь —
Новые истопники.

Ох, нелегкая это работа —
Жить без Молотова и Риббентропа.

Сегодня вы непобежденные,
Полицаями рожденные.

После дождичка в четверг
Вам обещан Нюрнберг.

Это ж надо!.. Е-мое!
Снова: «Каждому — свое».

Макашов в Госдуме. Баркашов пылит.
Ничто не забыто. Никто не забыт.

В Отечестве смешались времена.
Опять Отечественная война.

Мы проигрывать не рады.
Запретим Олимпиады!

Восьмидесятые, лихие...
А мы такие все бухие!

Ила Саша по шоссе и сосала сушку.
Нет чтоб Саше угостить сушкой подружку!

Посадили кружку на цепь у бачка.
Это было по решению ЦК.

В кино я не хожу давно.
Оно — говно. Говно — оно.

В «Жизнеописаниях» Плутарха
Много есть про наших олигархов.

Два одиночества на лавочке сидели.
Подсело третье... А за ним и те подсели.

Нам бы еще три-четыре путча,
Мы бы стали жить намного лучше.

Есть разница меж службой и служеньем.
Оно — огонь. Она — лишь только жженье.

— **Что** пользы в Моцарте?! — Сальери
восклищал.
Так СВОЙ талант тем самым отрицал.

Чем больше может власть украсть,
Тем, зная, законней эта власть.

Ушедшие на тот на свет
Шлют нам свой пламенный привет!

Но мановению «крепкой руки»
Стали всеильными все дураки.

Нам пьянство, в общем, не грозит.
Но почему от всех разит?

— Жить можно без воды горячей! —
Сказал один, в гробу лежащий.

О, сколько нужно нам полуреформ и полумер,
Чтоб в полной мере возродить СССР!

Поэты мрут. Молчат пророки.
А мы: откуда в нас пороки?!

Встречающих толпы. И радостны лица...
Ужель нам опять суждено приземлиться?!

На нас взирает сверху кто-то.
А мы: да ну его в болото!

Вначале было слово.
Ну, а потом — хреново.

Открылась дверь. Вошел чужак.
Да ни за чем. А просто так!

Безмерная свобода дорога.
Мне. Но не для моего врага.

Кто в супермаркете рожден,
Не знает цен, я убежден.

В театре отменили человека...
Актеры — трупы, режиссер — калека.

Надели на себя личины.
И получился праздник мертвечины.

Дух перемен. Как нов пейзаж!..
А я в нем тот же персонаж.

— Как же хорошо в неволе! —
Нам призналось Гуляйполе.

Хоть хвост за мною «инородца»,
А признать меня придется!

Фрагменты человека на высоте Голгофы
Мы обнаружили на месте катастрофы.

Я жил во времена «отката»
От рассвета до заката.

Нам память богом вречена.
Зачем?.. Чтоб все забыть сполна.

Когда зашел я в кинозал,
Мне кто-то сиквел показал.

Беда никогда не приходит одна.
С нею, под ручку, вся наша страна.

Рыба уснула в тихом пруду.
Так же и я незаметно уйду.

Устранно знать, что эта дама —
Мерзавцу, извините, мама.

Одно лишь в этой жизни прочно:
Лишь то прекрасно, что порочно.

На единственный пригорок
Влезла тысяча Егорок.

Стране, чтоб мы остались живы,
Нужны демографические взрывы.

Сначала громко поорать,
Потом по-тихому урвать.

Пример химер —
СССР.

— Что с лодкой подводной?
— Она утонула.
И все покатались тут же со стула.

Не вышел на завтрак. Не вышел на ужин.
И стал очень скоро значительно уже.

Даже у креветки
Детки есть и предки.

Сначала изувечить,
Потом увековечить.

— Приветствую ваш ум и красоту, —
Змея сказала, яд держа во рту.

С протянутой рукой, на взводе,
Стоит Россия в переходе.

Не отличив Добро и Зло,
Фуфло на сцену вышло.

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день насилует народы.

Еще немного клизм —
И снова — коммунизм.

Где-то в штате Мичигане
Я на продавленном диване...

Предъявите документы
Те, кто занял постаменты.

Не ходи ты, душенька, в Интернет,
В Интернете, душенька, счастья нет.

Доктора дорогие,
И болезни другие.

К нам сразу счастье общее придет,
Как станет оборотнем весь наш народ.

На сахарном троне в дождь проливной
Сидел и мечтал я о бабе одной.

Погрязшие в сугробах и грехах,
Справляем дни рождения в гробах.

Я «Оскара» уж не получу.
А впрочем, и не так хочу.

Россия спит под снежным одеялом
И мерзнет от того, что снегу мало.

Зависеть от властей, зависеть от народа?
Не всё ль... была б хорошая погода!..

Все тщета и пустота,
Если в зале есть места.

Затерянный в толпе свиней,
Бросаюсь с кручи вместе с ней.

Марк. Марка.
Мрак. Рамка.

Мы такая же Европа,
Как деревья из укропа.

У «однорукого бандита»
Стоит старушка недобита...

Писатель деревенский. Премий много.
Пописывает и стихи...
Мы думали, что он от Бога, а оказалось, от сохи.

«Бери от жизни все!» — сказали
И по рукам-ногам связали.

Распростился с вами я стишком
И пошел по космосу пешком.

В День святого Валентина
Поженились два крестина.

— Где тут по малой по нужде? — спросил
министр.
— Вам — везде.

Чтоб с вами быть в одной струе,
Мне нужен миллион у.е.

Труба трубит. Рояль роялит. Но скрипка
не звучит гобоем.
Вошел в историю мерзавец. А вышел из нее
героем.

С чистыми руками,
Да с грязными ногтями...

Внушает миру дикий страх
Диктатор с кошечкой в руках.

Наркотики я нюхал лет с пяти.
Стал долгожителем, прожив до десяти.

И снова среди новейших
Подлейший из подлейших.

Все тот же голос слышу низкий:
— Розовский?.. — Да. — Но вы не в списке.

Есть много музыки, которая без нот.
Ну, например, когда всюю урчит живот.

Культура Цензуре сказала: «Вернись!»
Цензура Культуре сказала: «Заткнись!»

Не разрешила ему мама
Изгнать торгующих из храма.

Легенды и мифы
Про низкие тарифы.

Нам очень даже подошло,
Что было пошло и пошло.

Война глубоких с плоскими
Открыта Мережковскими.

«Заметано». Плохое слово.
В нем слышится вранья основа.

Нет солнца. День дождливый. Тень,
А как же ты себя наводишь на плетень?

Вот шоп. Он дамами напичкан.
И каждая — шопоголичка.

С каких-то пор, но в наш веселый век
Мне интересен скучный человек.

Шахтеры вышли из забоя.
А в атмосфере — паранойя.

Царь на хлебной корочке,
Нищий на икорочке.

Этимология знакома:
Коммунизм от слова «кома».

Умру.
Точка, ру.

Прости, Господь, мои проступки.
В них еле проступают шутки.

Пародийки

— Ты пишешь «Пародийки»?.. А зачем? — воскликнул мой друг, литературный критик.

— Чтоб тебе делать было нечего, — сказал я.

А. И. Солженицын

Двести лет в тесте

На исчерпе третьего тысячелетия самобманно пойдем, что и народоволец Бекицер, взорвавший Зимний дворец, и сделавший обрезание русской истории старец Распутин (настоящая фамилия Шиманович-Рубинштейн) в мясорубке веков обоесторонне слились и сделались из одного теста, и теперь ни мы без жидов, ни жида без нас! — такой взаимодоступный многоположный смысл моей новоиспеченной книги.

Владимир Набоков

Приглашение на казнь

Выйдя на лужайку из серебристого, с отливом слоновой кости, авто, Лолита Владимировна отдалась воспоминаниям о своем отце, любившем посидеть здесь, на изогнутом берегу бледной реки, в окружении толстых голубых бабочек, выпорхнувших стайкой из бархатного футлярчика его романа, дочитать который до конца мог бы только господин Анабелла Ценципий в камере пыток.

Франсуа Вольтер

Из письма потомкам

Вы, конечно, наделали много ошибок, убили миллионы людей, но я готов в любую минуту присоединиться к ним только потому, что уверен: с вашей стороны — это честное заблуждение.

Николай Бердяев

Перво-Спасение во грехе

В тот Перво-День Перво-Земля была еще мокрая, так что Перво-Адам правильно сделал, когда перво-наперво подложил под себя Перво-Еву.

Уильям Фолкнер

Шум и яркость

Старик Зеб сплюнул коричневую слюну в холодный камин и сказал:

— Это я пил кофе, Полковник.

С этими словами он молча ударил Полковника в ухо.

— Полковник, это я спалил кукурузу на ранчо Гранта.

С этими словами он выплеснул остатки кофе в лицо Полковнику.

— Полковник, это я загнал кобылу Сьюзи за то, что она ударила меня копытом в висок у водоема Бетси (штат Иллинойс).

— Ну, так быть тебе теперь героем вымышленного округа Йокнапатофы (штат Миссисипи) с населением 15,5 тысячи, из которых около шестисот

упоминаются в романах нашего Автора, — сказал Полковник и ударил кулаком Старика Зеба под дых.

Ф.М. Достоевский

— Это я убил старуху-процентщицу и сестру ее Лизавету топором и ограбил, — сказал Раскольников и был принят на работу в охранное агентство «Петербург. Третье тысячелетие».

Михаил Булгаков

Никогда ни у кого ничего не проси. Сами дадут. Под зад.

Франц Кафка

Из дневника

Несмотря на бессонницу и головные боли, жизнь кажется мне лучше смерти, где бессонницы нет, а головные боли продолжаются.

Ю.М. Лотман

Беседа о русской культуре

В сражении под Аустерлицем семнадцатилетний корнет 4-го эскадрона кавалергардского полка был ранен сабельным ударом по голове и осколком ядра в правую ногу. Он был взят в плен и в толпе русских офицеров замечен проезжавшим Наполеоном, который пренебрежительно отозвался о юности пленника, на что Сухтелен озадачил

Наполеона, ответив ему по-французски стихами из «Сида».

По приказу Наполеона на эту тему была написана картина для Тюльерийского дворца.

Итак, в этом эпизоде перед нами с классической четкостью выступает триада «сцена — жизнь — полотно», а также становятся очевидны большие пробелы в образовании наших школьников старших классов, которые при встрече в наше время с императором Франции не то что по-французски, но и по-русски двух слов связать не смогут.

Татьяна Толстая

КРЫСЬ

Бенедикт — ять — выпил ржави, выполол укроп весь — семо и овамо — ёшь твою двадцать — вокруг Рабочей избы — ик — кровлей понадрюченной, боботюкалками с маковок багряных кукумолками изузоренной — и пошел — рцы — в Октябрьский выходной — ук — с думой — еры — мороком — замеревши — вши! — делать государственный первоперворот — хрусъ! — шоб революция состоялась благополучно и тиран казался низложен — бздык — раскурдык — и вода — пинзин сдешевел и пушкин-кукушкин было — не было наше все — глядь — ахти мне! — они на избу наступи ногой — и-ии-ии! — да и щас заплюют — хрен тебе — где ж демократизм, фашист, зам морской по окиянской обороне — развалил, хер, страну к чертовой бабушке — я тебе, упырь, мышей в рот запекую — ферт — тень бегучая — птица

Белая али писатель Белый, писавший под Тол-
стую — ци, ща, с хвостом — а лежишь — читаешь
это слово — и книга сама перелистывается —
кысь, Крысы! Брысь! — и лепота. И хренота. И ду-
рью пахнет. Здесь русский дух...

*Оксфорд — Принстон — остров Тайри —
Палермо — Усть-Пездрюйск*

Август Стриндберг

Почему меня считают женоненавистником?
Я ведь ни одну из них даже не пристрелил!

Плутарх

Рассказывают, что Гименей, сын Спермы и
Герпеса, на восьмидесяти трех кораблях привез
на Кипр свои гениталии и преподнес их в дар ца-
рице Эрекции, после чего тотчас отплыл в Дель-
фы, где и кончил.

Иоганн-Вольфганг Гёте

Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каж-
дый день идет за них на работу пешком или на
трех видах транспорта!

Зигмунт Фрейд

Спрячьте Ваше ЛИБИДО в Ваше ОНО, уберите
Ваш ТОТЕМ из Вашего СВЕРХ-Я, сублимируйте
Ваш пенис в тряпочку, испытайте детский СТРАХ
перед Вашим ЭДИПОВЫМ КОМПЛЕКСОМ —
и Вас никогда не будут судить за изнасилование!

Даниил Хармс

Иван Топорыжкин пошел на охоту,
А я про него стишок написал.
Иван как бревно провалился в болото,
А я арестован и классиком стал.

А.П. Чехов

Имение в поле, гостиная с колоннами, вишневый сад в детской. Вечер. Скоро рассвет. Но солнца никогда не будет.

АНДРЕЙ. Город наш на двести жителей, и все едят, пьют, спят, потом умирают.

ЛОПАХИН (входит). Я поел. (Уходит.)

ИВАНОВ (входит). Я выпил. (Уходит.)

ВОЙНИЦКИЙ (входит). Я поспал. (Уходит.)

ТРЕПЛЕВ (входит). Я одинок, не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и, что бы этот Чехов ни писал о нас, все это мрачно и может огорчить маму. (Идет в правую дверь и застреливается.)

АНДРЕЙ. Ну, вот... А я вам что говорил?

Занавес.

В. Шекспир

Хамлет

в переводе на классиков марксизма-ленинизма

Полночь в XX веке. Где-то вдалеке бьют куранты.

ПРИЗРАК (весь в красном, во френче и сапогах, с усами). Брожу по Европе, а меня никто не узнает.

ХАМЛЕТ (вежливо). Пшел вон, папаша, с мировой сцены!

Похоронный марш.

Уходят, унося с собой в историю 95 миллионов трупов, после чего радостно звучит новый гимн бывшего Советского Союза.

Виктор Пелевин

Недалеко от меня фыркнула лошадь. В ней чувствовался стиль.

— Не читается? — спросил Чапаев.

— Пустота.

Соединенные вместе в диалектическую диадру эти два последние слова явились поводом для нереально реального романа, Автор которого не дает интервью и не фотографируется.

— Почему? — спросил я Чапаева.

— Для рекламы, Петька, для рекламы.

Новое поколение «Я», выбравшее СПИД, наркотики и рекламу, наверняка прочитает в Интернете этот роман, написанный за десять минут на салфетке и не имеющий никакого отношения ни к барону Юнгерну, ни к буддизму, ни к суггестивному балансу в жизни насекомых, чей солипсизм, эгопупизм и постмодернизм здесь (то есть «нигде») приобретет чисто метамифологические черты и поможет рассказать нам монгольскую историю о Вечном Возвращении в литературное кабаре, которое окажется семнадцатой литературной психбольницей.

Мы встретим здесь (то есть «езде») метаморфологического быка Шварценеггера, просто Марию и не просто Котовского, а Григория Ивановича, Тимура Тимуровича, Кавабату и умно поговорим с

ними про Китай, Россию, Японию и про то, что находится в центре черного бублика (то есть в «тексте»).

Ом мани падме хум. Что в переводе на русский означает: урган джамбон тулку ПООБ. Что, в свою очередь, переводится как Пелевин.

— В нем чувствуется стиль, — сказала лошадь Чапаева.

— И чего еще?

— Пустота.

Иосиф Бродский

Я входил вместо собаки в будку,
Жил в городе вкуса окаменевшей водки,
Целовал девушку в искусанную комарами губку,
В дудку дул, грыз хвост ржавой селедки.
Я у Анны Андреевны сидел за чаем,
В тот момент КГБ уже замечаем,
С Рейном дружил, пил кофе с конвойными,
Мой пиджак распорот всякими войнами...
Я храпел и пел, лежа на чужой кушетке,
Словно райская птица, в золоченой клетке.
Я четырежды болел гриппом и семь раз
фурункулезом.

Мой диагноз — Поэт и в жару, и в морозы.
Я одиннадцать раз ел форель и трижды утря.
Полночи встречался со стриптизершей Асей.
Не зря.

Никогда не сидел у реки. Ждал погоды у моря.
Вдохновляли меня мужики (маршал Жуков)
и горе.

Я горел и шипел, жарясь на сковородке,
Спал во фраке черт знает с кем в бараке,
На леднике обнимался с летчиком Коккинаки
И гармонию Моцарта слышал в скрипе лебедки.

Я могу погладить, могу и поранить.
 Из забывших меня можно составить «Память».
 Я слонялся по полюсу в модной майке.
 Меня знает Гринич и турок с Ямайки.
 Скоро кончится век. А я раньше.
 Лучше в баре «Самоваре» утонуть, чем
 в Ла-Манше.

Я страну свою бросил, но Родину я не кинул.
 Из меня мой вопль сам я взял и вынул.
 Но копыт погони слышал цок и топот,
 После чего я и перешел на шепот.
 Тут-то и был услышан. Теперь я с вами.
 Мой портрет в стекле, в венецианской раме.
 Что же вам напоследок сказать о жизни?
 Не важна мне с Нобелем солидарность.
 Но ко всем, кто дал мне жить при капитализме
 И не дал мне при социализме,
 Чувствую благодарность.

Жюль Верн

Айртон остановил фургон, и все вышли на землю Антарктиды. Горячий ужин, приготовленный из льда местного айсберга, содействовал хорошему настроению и беседе.

— Почему здесь так пустынно? — спросила леди Гленарван.

В ту же секунду на путешественников напали индейцы, одетые в тюленьи шкуры, которые и по сей день продаются в магазинах Парижа и Лондона.

— Полчища свирепых авантюристов прибыли сюда в прошлом веке и опустошили эти золотоносные пространства, — ответил Паганель, когда атака дикарей была отбита, и с трудом отделил нос-

ком ботинка прилипший к подошве другого башмака слиток.

— А имеются ли здесь свиньи? — поинтересовался Мак-Наббс.

— Повымерли все. Остались одни пингвины.

— Сколько?

— Семь миллионов сто три тысячи сорок семь, Мак-Наббс.

В этот момент откуда ни возьмись прямо с полюса налетели туземцы племени Пуку-Кеке и взяли путешественников в плен.

— Ты моя жена! — сказал вождь Пуку-Кеке и ткнул пальцем грудь Элен.

Гленарван выстрелил и убил вождя. Туземцы тотчас разбежались в сторону своего полюса.

— Какой здесь чудесный воздух! — воскликнула Элен.

— 60 градусов в тени! — радостно сообщил Паганель.

— Не вижу здесь никакой тени, — заметил майор.

— Это потому, что здесь никогда не бывает солнца.

Географ обманывал: солнце в Антарктиде бывало, но только на картинах художников. В этот момент Айртон сделал очередную подлость, но ее никто не заметил из-за того, что все были увлечены москитами, за которыми гналось стадо бизонов.

— Хочу киви-киви, — заплакала Мери Грант.

— Это что такое? — спросил Паганель и упал в пропасть.

Все бросились за ним. А пираты за всеми. Но когда Айртон перестрелял всех пиратов из своего карабина, стало ясно, что беглый каторжник опаснее, чем убитый разбойник.

— Киви-киви — птичка величиной с муху цеце — занимается людоедством, — продолжил Паганель. — В природе слабейший иногда оказывается страшнее сильнейшего.

— Это очень интересно! — сказала Элен и, зевнув, пошла спать в палатку.

— Ваша Антарктида напоминает мне Швейцарию, — сказал Мак-Наббс. — Но это не причина прерывать путешествие.

Наутро началась буря, сломавшая на бриге «Дункан» грот-марсель-кивер и фоку, а также фор-стенгу-стаксель-ёксель и моксель. Путешественники сели в шлюпку и, обогнув мыс Доброй Надежды, пришвартовались к порту Тристан-да-Фунья, пройдя мимо горы Гельп у скалы Скальп по Аравийскому плоскогорью, войдя в бухту вулкана Ынглмандриктонглу, и, миновав по пути Филиппины и Голландию, через четырнадцать лет прибыли помолодевшими от загара в Монтевидео, где капитан Гленарван сказал:

— Приведите Айртона.

В результате капитан Грант тут же был найден там, где его и не искали, а его сын Роберт стал таким же моряком, как Жюль Верн писателем.

Джеймс Джойс

Портрет художника в детской

Парнелл умер. Его похоронили и отправили в колледж. Руки — в карманах. Штанишки прихвачены ниже колен, из гроба торчат белые тапочки. Парнелл не умер тогда. Он умер не тогда. И не Парнелл. Не было мессы в церкви. Он умер на уроке географии, когда ел шоколадки из своей кри-

кетной шапочки. Похоронная процессия. Была — не была. Он исчез, растаял, как пятно на Солнце. Вот так он ушел из жизни. И пошел в бар. Там его похоронят маленьким. Большим его похоронят на кладбище за главной липовой аллеей. В древности был закон, по которому человека, который не умер, зашивали в мешок с петухом, обезьяной и змеей и бросали в море. И тогда получалось, что он умер. А Парнелл не умер. Еще в школе он решил умереть. Он отторг себя от действительности. Заснул навеки. Широко открыл глаза. Пустырь с засохшим навозом. Его рай. Дублинский бар. Череп на столе. Значит, он умер. А Парнелл не умер. Вопль сердца оборвался. Осужденный на жизнь, он пошел по переулкам воспоминаний и оказался в тупике своего детства. Солнце заблудилось во Вселенной, а мы запутались, умер Парнелл или не умер. Чашка в руке Парнелла позвякивала о блюдечко — значит, умер. Наш земной огонь сжигает Парнелла дотла — значит, он еще жив. Сквозь тишину города на крыльях детства летят серафимы. Умер. Летят. Значит, не умер. Серафимы. Нет, все-таки умер этот Парнелл, сдох, бедный мальчишка, и похоронили его на вершине холма, зарыли его в землю живым или мертвым — это не важно, а важно то, что Джеймс Джойс написал свое бессмертное произведение.

Или — небессмертное.

Н.В. Гоголь

Выбранное место из переписки с друзьями

На зеркало неча пенять, коли рожа крива. Ошибался. У нас и рожа кривая, и зеркало гнущее.

Борис Пастернак

Быть Пастернаком невозможно.
Таких, как он, один всего.
Поэтому неосторожно
Переиначим мы его:
«Цель творчества — машина, дача,
Шумиха, деньги и успех...
Прекрасно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.
И надо жить, пока живется,
Чтобы, ничей не слыша зов,
Упав с небес на дно колодца,
Не повредить своих концов.
Сумрак ночи на меня наставлен.
Гул затих. Все прощены грехи...
Вот сейчас по телефону Сталин
Мне расскажет, как писать стихи!»
Кабы так... Но вот ведь незадача —
Тверд Поэт, как тот дверной косяк.
Гамлет не дает себя переиначить.
Пастернак на то и Пастернак!

Булат Окуджава

Давайте пить вино не с целью нализаться,
Кровопролитных войн не будем опасаться,
Давайте говорить друг другу комплименты —
Ведь это сплошь для нас одни эксперименты.
Давайте стекла бить, вести себя нетрезво.
Давайте убивать, особенно в подъездах.
Не надо придавать значенья сквернословью,
Поскольку иногда мат перемешан с кровью.
Давайте воровать и врать самозабвенно,

Наркотики ширять не только внутривенно.
Давайте всем хамить, друг друга оскорбляя...
Вот это наша жизнь реальная такая!

Анна Ахматова

Могла ли Биче скрыть свои грехи
И Данту самому в любви рога наставить?!
... Я научила баб писать стихи,
Но, боже, как их не писать заставить!

Осип Мандельштам

Я пью за хрипатую астму,
За желчь, что ползет из меня,
За астры, за Данте, за пасту
Зубную московского дня.
За бабочку, за мусульманку,
За Шуберта Скерцовича
Жизняночку и умиранку.
Про век-волкодав прокрича.
Я пью за помойку и пайку.
За масло воронежских дней,
За курву-Москву и Петрарку,
За сброд тонкошеих вождей.
За их тараканьи усищи,
За губ шевеленье в земле,
За Каму, Чердынъ и Мытищи,
Пропавших в египетской мгле.
...Нет, не асти-спуманте, не шерри
и не бренди тогда выпил я.
Пил я кровь, что в конвойное время
К нам стекала с зубчатки Кремля.

Генри Миллер

Сексус

Я вынул шланг и начал процедуру. Сдуру.

Элси раздвинула ноги, и я вдвинул своего молодца в ее Триумфальную арку.

Мод подлезла снизу и своим горячим языком начала полировать мои шершавые овалы.

Мелани с пылающим лицом целовала Мод в ее сладкую щель.

Ханна с ленивой непредубежденностью кобры дразнила маткой граммофон, игравший Бахуса.

Тина, как загипнотизированная, смотрела на моего нестигаемого.

Флори залезла сверху и начала прыгать на моей вареной сардельке.

Джуди с вороватой методичностью аспирантки профессора Оксфорда цедила белый мед из моего осунувшегося крана.

Я врубился в Мону, затем сполз ниже, еще ниже, ниже некуда, пока не почувствовал в ее волосах вкус жженой резины.

Клео на коленях перед свечой читала Кольриджа, и ее трепещущие сиськи качались в ритме стиха.

«Надо что-то оставить для Иды!» — подумал я, но ее дымного влагалища не оказалось под рукой. Ида пошла подмыться в ванную.

Я двигался туда-сюда, но мой хобот пока отказывался затрубить.

Ирма мяла подушечками пальцев моего лилипута, ставшего сейчас великаном, а Долорес с Ребеккой вибрировали на столе, не сводя глаз с моего дырокола.

Внезапно я сообразил, что хватит, я устал, они все устали, а читатель устал вдвойне, потому что долго мастурбировал при нашей короткой вибрации.

— Никогда мне не было так хорошо! — сказала Элси, потом Мод, затем Мелани, Ханна, Тина, Флори, Джуди, Мона, Клео, Ирма и Долорес с Ребеккой.

У меня во рту был смрад химикалиев, запах подземки, вкус рыбьего клея и белого мяса тараканов, перемешанного с «Шанелью-976».

Тут из ванной вышла Ида, сама Чистота, нежное обнаженное создание, получеловек-полубожеество, и стала мочиться мне на живот.

— Гав! Гав! — заскулил я от великого наслаждения, встал на четыре лапы и сдуру начал процедуру по новой.

Элси раздвинула ноги, и я вдул ей своего мастодонта в ее Триумфальную арку...

Владимир Высоцкий

Роли привередливые

Вдоль обрыва, по-над пропастью,
по самой авансцене
Я ролей своих не помню, но играю — дико вою.
Что-то Гамлета мне мало — кто теперь меня
оценит?
Чую с гибельным восторгом — я играю
под балдою!
Чуть помедленнее, роли, чуть помедленнее!
Вы Любимова слушайте плеть!
Но что-то роли мне попались привередливые.
Слов сказать не успел, так хотя бы допеть.

Я ролей не прошу. Я, качаясь, иду.
 Хоть мгновенье еще... А не то упаду.
 У-уу-у!
 Сгину я — меня пушинкой ураган сметет с дороги,
 И таким меня запомнит дорогой таганский
 зритель.

Вы на шаг неторопливый перейдите, мои ноги,
 Хоть немного, но Актера и судьбу его продлите!
 Чуть помедленнее, роли, чуть помедленнее!
 Ох, как гложет мой мозг алкоголь!
 Но что-то роли мне попались привередливые.
 Лишь Высоцкого мне нравится роль.
 Я других не хочу. Я от боли кричу.
 Хоть мгновенье еще постою — и умчу....
 Мы успели. На спектакли не бывает опозданий!
 Что ж партнеры отвернулись — воют злыми
 голосами!

Или это Свидригайлов весь зашелся от рыданий?
 Иль Керенский и Лопахин говорят со сцены сами?
 Чуть помедленнее, роли, чуть помедленнее!
 Умоляю вас вскачь не лететь!
 Но что-то роли мне попались привередливые...
 Достоять. Доказать. Достоять и допеть!
 Я ролей уж не жду. Я стою на краю
 И для вас допою. Допою и допью...
 У-уу-у!

Н.Г. Чернышевский

Что делать?

Да, это я сказал: «Умри, но не давай поцелуя без любви!» Но разве я виноват, что на следующий день в мире скончалось около сорока миллионов женщин?!

Вячеслав Пьецух

Новая московская философия

Сидели мы как-то где-то вшестером под банкой — завсектором Жучкин, инженер-конструктор Лыков и лектор-инспектор Гозенпуд (у каждого уж двоилось) и тихо-мирно разговаривали каждый о своем, то есть о Достоевском.

— Я, между прочим, однажды ехал с Федором Михайловичем в одной электричке, — сказал Жучкин, — он сидел там у окна и читал глянцевого журнал «Голые бабы» под редакцией Свидригайлова и все хихикал да в затылке чесал — как это такое огромное счастье столь хорошо построено на слезинке ребенка.

— А я Федора Михайловича в городском туалете у метро «Сокольники» встретил, — сообщил Лыков, — разговорились по-русски о вечном у писсуаров. То да се... Он мне свои русофильские идеи начал толкать, считая, что наша обьевропеющаяся верхушка азиатствующего большинства все хочет соединить гейдельберговскую образованность с пензенской самобытностью и татаро-монгольской вольницей, перемешанной с чисто литовским экстремизмом нашего казачества, а я ему — его ж словами: до чего широк человек, я бы сузил, то бишь сначала надо, чтобы пиво бадаевское, которое мы сейчас из себя льем, хоть на чуть приблизилось бы к качеству баварского, а потом уж давайте, господа-товарищи, мировые проблемы решать.

— Не знаете, братцы, вы русского человека! — вмешался тут Гозенпуд. — Вот я с Федором Михайловичем в лифте нос к носу надясь столкнулся.

«Вам на какой?» — спрашиваю, приготовив на кнопке палец. «Мне в подполье!» — отвечает. Ну, думаю, если сам Достоевский не знает, где верх, где низ, то мне и подавно «все дозволено»: сегодня же от жены сбегу к Сонечке Шоколадкиной на чашок-другой — побеседуем!

Тут под банку зашел подслушавший весь этот интеллигентский бред наш истопник Слава — то ли не в меру трезвый, потому что злой, то ли злой, потому что не в меру трезвый.

— Эт-то что? — говорит. — Это все новая московская философия!

И погасил свет, при котором мы сейчас это читаем.

Сэлинджер

Над пропастью во лжи

Я ужасный лгун. Иду в школу, а сам иду к проститутке. Школа у нас гадкая, но гнусная. Я в ней учусь, но меня из нее вытурили. Все вокруг врут.

— Разрешите представиться, — говорю, — Джим Стил.

А на самом деле я Холден Колфилд.

Салли блондинка, а на самом деле проститутка.

Она снимает свое грязное платье, и я вижу — под мерзким лифчиком у нее что-то подлое подложено. Этот сучий лифчик я стаскивал в течение часа, потому что не мог, очень нервничал. При этом вспомнил дрянную книжку про одного скотинообразного утонченного мосье Блоншара, который говорил, что тело женщины — клавикорда и надо быть прекрасным музыкантом, чтобы заставить его звучать. Вот такое дерьмо.

— Знаете что, — говорю я ей, — я вам заплачу, только чтоб у нас с вами ничего не было.

— А в чем дело? — спрашивает она и грязно садится ко мне на колени.

— Да ни в чем. Я тут недавно в пропасть упал и сделался импотентом.

— А что поломал?

— Клавикорду, — говорю. — В спинном мозгу.

— Ну, давай-ка, — говорит она.

Я дал ей пять вонючих долларов за то, что у нас ничего не было. А она недовольна:

— Цена десять.

Жуткая блондина. А когда голая — еще хуже. Была бы старая, толстая, намазанная проститутка, было бы лучше.

— У меня уйма денег, — сказал я, — но я могу только пять.

— Дай пять, — сказала она. — Еще.

Я ей не дал, потому что за что ей давать, если она не дала.

Мы попрощались. Когда она ушла, я долго сидел в своем паршивом кресле и, как идиот, думал, до чего вокруг все поганые, кроме Иисуса Христа.

На душе было отвратительно, омерзительно, гнусно, гадко, подло, пошло и жутко, но гораздо лучше, чем вся эта паршивая давидкопперфильдовская муть.

Андрей Белый

Петербург

Добежавши с прискоками до туалета, Николай Аполлонович заколотился в закрытую дверь и просунул носом — до надсаду, до хрипу:

— Пустите.

И — «Ааа...ааа...ааа...».

Он упал перед дверью уборной. Эти двадцать четыре часа...

Ввиду нараставших событий он пустил в штаны тонкую струйку конфетти.

Наконец дверь отворилась и — вышло тело, горящее фосфором, — Анна Петровна или Зоя — в такие моменты разжижается человеческий мозг — тень порхнула в провалище коридора, — через нос, по губам уползало пятно таракана.

А Николай Аполлонович Аблеухов-сын очутился в том месте — о, ни с чем не сравнимое место! — улепетнул в это место и сразу воссел на нимбовый круг стульчака, поджимая желтевшие ножки к груди, не подобрав лямки, повисшие к полу, — одинешенек, на огненном фоне горячей Российской империи — геморроидальный юноша, непробритый, нечесаный, просутулившийся, согнутый в позу орла не для золотомундирного мужа; и врезались тени: поворот головы, потный лоб, губы, бачки — на лице, бачок — на стене, скользкие трубы и глаза, как расплавленный цинк. Грохнуло. Бзд...

Желтовато-лимонные клубы вырвались наружу. Неизмеримости полетели, складываясь в пирамиду. Все это время он читал здесь «Логiku» Милля и философа Сковороду. Бзд... ох-х...

— Бомба!

— Ай!

— Разорвалась! — слышалось из коридора.

Набежали лакеи там. Он голову бросил в руки, лишился чувств, коридор — просинел, коридор — просерел... И — ставим тут точку.

К.С. Станиславский

О критике

Критика так же влияет на положение в театре,
как астрономия — на положение звезд.

Александр Блок

Россия, нищая Россия,
Мне джипы черные твои
И «Мерседесы» легковые —
В расхлябанные колеи —
Как слезы первые любви!.. —
Дорогой длинной мчатся звонко
Без милицейского свистка —
Уж лучше бы была бы конка
Да песнь глухого ямщика!

В.В. Розанов

Из заметок антисемита

Христос никогда не смеялся. И это самое убедительное доказательство, что Христос не был евреем.

Николай Гумилев

Канцона о конце

Сегодня, я вижу, особенно бледен твой вид,
И в Африке даже верблюда подобного нет.
Послушай: далеко-далеко на острове Крит
Изысканный бродит Поэт.
Его чувство меры, пожалуй, не знает границ,
Его грациозный узор как волшебный фантазм.

Пред ним водопады кипящие падают ниц,
И жизнь нереальная глушит реальный маразм.
Но страшная в джунглях давно уж охота идет.
Убита веселая зебра, повешен за ногу павлин,
И даже сам лев поупрятался в мраморный грот.
Поэт, ты один... Ты в джунглях живой лишь один...
Везде тишина. Не слышно ни воя гиен,
Ни топота грозных вчера носорожьих копыт...
Стада обезьян перебиты... Везде лишь разруха
и тлен.
Все спит по-мертвецки. Все замертво, намертво спит.
Нет щебета в небе, и все ягуары молчат,
Жираф, как подкошенный, пал, и лиана горит.
Ах, сколько же крови пролито у озера Чад,
Которое стало у нас почему-то островом Крит.
Охотники злы. Не из сказки они к нам пришли.
Их стрелы остры и испачканы соком отрав.
Поймали Поэта в свои роковые силки
Средь пальм под луною, где запах немыслимых трав.
В трагическом нашем, тропическом нашем саду
Сейчас воцарился желанный туманный покой.
Ты плачешь?.. Послушай... Давно, в 21-м году
Поэт был расстрелян ЧеКой.

Андрей Платонов

Сокровенный котлован

Моя фамилия Дерьменко. Идет она от речки Дерьмовой, на берегу которой стоит наша деревня Дермищево, и от нашего бывшего помещика Дермигорева, чья прапрапрабабка жила в гареме у татарского хана Дерьмомлыка-бея, велевшего русским женам насыпать горстями курган дерьма после поражения его войска под Дерьмоградом.

На месте этого кургана умными губернскими властями решено было рыть революционный котлован имени Ильича, хотя революция шла сюда пешим шагом.

Перво-наперво строители запустили тут вечный двигатель местного производства, действующий моченым песком. А также однажды на стройку залетел аэроплан с товарищем Буденным для разгона во время парадов вредных туч и насекомых.

Народу для рытья социалистической ямы потребовалось больше, чем звезд в тоскливой прорве неба, оттого, может, скоро и наступил здесь новый всеобщий голод сразу после старого, который, впрочем, никогда и не прекращался.

— Айдын! — позвал Воцев, прислушавшись к треску своих костей и лежа после работы в овраге животом вниз, чтобы не видеть несчастный материализм истории, совершившийся на его глазах.

Девочка Айдын, жившая в позапрошлой жизни на глине Амударьи, оторвалась от своей сытости червяками и кореньями и, не глядя, как эта еда проходит внутри ее худого горла в желудок, отозвалась:

— Дурды!

— Ты спишь? — спросил он, желая умереть за строительство котлована.

— Дурды, дурды! — ответила Айдын и легла Воцеву под бок, чтобы, потерявшись о его грустное жилистое тело, извлечь энергию будущего социализма. — Не умирай давай, а то мне спать не на чем будет головой.

Воцев поднялся с тоскливой земли, увидел горизонт, заросший лопухами, и стал жадно есть дерьмо из недовырытой пади.

Владимир Богомолов

Момент истины в августе 44-го

Эн Фэ верил в баню. Не раз говорил: «Идите в нее. Только там их можно взять теплыми».

Шифрограмма:

«Срочно!

Колыбанову

Завершение мероприятия проводить

а) по варианту «Шайками закидаем» к 17.30;

б) по варианту «Большая простыня» к 21.00;

в) по варианту «Взять голенькими» не ранее 0.30.

20 августа. Егоров».

Алехин

Кто они и как оказались в бане?.. Морщи лоб и думай... Шпионы, это ясно... Зачем разделись?.. Чтобы быть похожими на нас... Голова... губы... колени... член... соответствуют... Татуировка... чернила... Кожа в прыщах... совпадают... Мищенко?.. Махов?.. Базилевский?.. Плечи прямые, уши овальные... Рыбников?.. Ноги кривоватые... Проценко?..

Задница оттопырена... Козырев?.. Национальность — украинец... Рабинович?.. Родимое пятно на левой ягодице... Вот, гад, как замаскировался!.. Амбал, работает под безногого инвалида... Так, белые... Штаны сняты... Трусы довоенные спущены... Бдительность потеряна... Портянки... Срок носки январь, февраль, март, апрель, май, июнь...

Достоверно?.. Вполне... Кто же они, эти голые офицеры, которые без знаков отличия выглядят сейчас как рядовые... Зачем пошли в нашу баню?.. Быстрее... Сейчас будем вас без мыла мочить... Еще быстрее!.. Ах, помыться?! Ажур!

Проверка

— Будьте* любезны,* ваши* документы*!

Таманцев явно медлил, делая знак Алехину. Алехин явно торопился, делая знак Таманцеву. Что бы это значило? Голова стучала, сердце отказывалось стучать... «Непрофессионал», — подумал про себя скорохват* Таманцев и увидел, как амбал, блокируя директрису*, пошел в душевую*, хотя засада ждала его в парилке*.

Шифрограмма* «Очень срочно Егорову
Бабушка приехала
Колыванов»

Когда Таманцев прокачал* амбала, Алехин своего подопечного уже начал откачивать*. Поймать шпиона право каждого советского человека. Убить шпиона обязанность СМЕРШа*. Вот, наконец, и наступил момент истины, который у розыскников контрразведки назывался «засадой с живцом и подстраховкой и курировался лично И.В. Ставкой*. Теперь Эн Фэ, радостно потирая погоны, скажет:

— Ну, б'гатцы... нет слов!

Пояснения к * см. далее.

И поскольку слова действительно иссякнут, а сюжет закончится, роман Богомолова без согласия автора теперь просто придется* экранизировать*.

* «Будьте» — на языке особистов команда «Приготовиться к бою!».

* «Любезны» — на языке особистов означает «Стрелять по ногам!».

* «Ваши» — на языке особистов — «Наши».

* «Документы» — на языке не только особистов — «Корочки».

* «Скорохват» — тот, кто быстро хватается.

* «Директриса» (школьное) на языке особистов «направление стрельбы», но не по директору школы — женщине.

* «Пошел в душевую» (блатное) — тот, кто в драке схватил противника за горло.

* «Парилка» — от слова «парить», на языке особистов — «кровавая баня».

* «Шифрограмма» — ничего не означает.

* «Амбал» — большой человек.

* «Откачивать» — понимай, как хочешь.

* «Бабушка приехала» на жаргоне «Мы их слепили»*.

* «Мы их слепили» означает то же, что «Мы их взяли»*.

* «Мы их взяли» означает награды героям СМЕРШа.

* «СМЕРШ» (сокр.) означает «Смерть шпионам».

* И.В. Ставка — непереводаемая игра букв.

* «Придется» — или не придется.

* «Экранизировать» — значит судиться с Автором романа, требующим убрать свою фамилию из титров.

Велимир Хлебников

И смех, и грех

Согрешите грехами!
Согрехуйте, грехуны!
Что грехуются грехами, что греханствуют
грехуйно,
О загрешьте угреховно!
О греховищ надгрехуйных грех угрехных
грехачей!
Грехуешки, греховошки
Греховодят греховоды
И грехуйно грехуянствуют во грехе и на греху!
То грех'янствуют грешилы,
То грехпьянствуют грехишки,
А грешильники с грешинницами
Грехуяльники греха —
На кой Ха?
О грехунчики, греюнчики, грейво и огрейво,
Вы не греете грехами и грехуните зачем?
Ваши грешики, грехушки не грехунят никого,
Ваши грешки, ваши грехи не грехтят —
и ничего!
О разгрешьте, грехачи!
О грехуйтесь, хлебничи!

Михаил Зощенко

Из «Голубой книги»

И вот глядим в историю.
Нищие бродят. Бомбы падают. Камни кидают.
«Спартак» опять проиграл. Насекомые размножа-
ются, а людская смертность растет. Кто-то с кем-то

не то выпил. А кто-то кому-то на ногу наступил и дальше пошел. Богатый обокрал бедного. Бедный богатого не отблагодарил. Чья-то мама на кухне плачет. Папа вчера в ночь ушел и под утро не вернулся. Невеста без наркотиков страдает. Кошка валерьянкой перепилась. Жених без прописки является. Фурункул под мышкой опять вылез. Водка фальшивая, пиво опять размешанное, а в парламенте снова одни дураки и двое умных. Кому-то уши на войне отрезали. А кому-то и с головой вместе. Сахар дорожает, огня нет, евреи по-прежнему во всем виноваты, а поговорить не с кем. Младенца схватили за ножки и послали на чемпионат мира по гимнастике... В театрах премьеры одна за одной, а смотреть нечего. Кого-то царь за ребро повесил, а его опять, на второй срок, выбрали.

Спрашивается, что изменилось?.. А коли изменений нет, почему сегодня кто-то считает, что писатель Зощенко устарел?

Борис Гребенщиков

ГРАФОМАНИУМ

(Из репертуара известного ансамбля)

Дайте мне крюк, дайте мне брюк,
Дайте мне шанс, иначе каюк!
То Корнелий Шнапс блюз-Мочалкин свищет.
Дайте мне топ, дайте мне хлоп,
Дайте мне спеть пять фальшивых нот —
Козлодоев в сортире с полковником Васиным
дрищет!

Припев:

Я пришел на этот концерт,
 Чтоб гармоний сыскать сложных — простых.
 Сторож Сергеев синий с похмелья весь,
 Не зная, зачем и куда,
 Скромный герой труда,
 В «Аквариум» — бултых!
 Все у него впереди на этом большом пути.
 Я шепнул ему вслед:
 «Лети, мой ангел, лети!»
 Дайте мне глаз, дайте мне хвост!
 Дайте мне руку, в которую можно вбить гвозды!
 И тогда на меня молиться будете сами.
 Рок-н-ролл мертв, а я еще нет.
 Под столом я уснул и оставил свой след —
 И теперь меня можно побить ногами!

Маркиз де Сад

Злоключения добродетели

Жюльетта едва достигла шестнадцати лет, когда некий граф де Вонзишь, сорокалетний анжуйский старикашка, так в нее влюбился, что, не будучи достаточно состоятельным, чтоб ее содержать, отважился предложить ей свой...

Титул. А вы что подумали?

Тут-то она и ощутила, что рождена для преступления. Де Вонзишь имел чисто бутафорский клин, длина которого простиралась от Роны до Ганга, если бы Жюльетта могла приложить его к школьной карте. Через пару лет совместных радостей, в которых взаимное созерцание в спальне превалировало над исполнением священных обя-

занностей супругов, де Вонзишъ взял в руки плеть и, изнывая от любви и нежности, впервые отхлестал свою красавицу. Ей ничего не оставалось, кроме как быстренько укоротить...

Дни своего мужа. А вы что подумали?

Далее, находясь в плену приятных воспоминаний о том, что с ней произошло, Жюльетта осквернила себя, продавая свое тело трем послам за двести луидоров, шестнадцати пастухам за бесплатно и тремстам сорока четырем матросам, которым сама приплачивала из-под полы юбки. Она озарила свое существование сладкими снами, в которых убийства, подвиги и другие праздники оказались реальностью, а наслаждения, тайно сопровождавшие эти ее действия, — фантастикой.

В течение следующих десяти лет Жюльетта сожительствовала со своей свиньей, а к старости стала объектом удовлетворения самых невообразимых желаний сластолюбивого квартета — монах из Лиона, лошадь из Страсбурга, безудержный юноша из Гренобля и нежный олигофрен Жак Гнусаль из Бретани сделали ее матерью 19 детей, которых она удавила по очереди батистовым шнурочком от своей левой туфельки в ночь перед пасхальным воскресеньем 1768 года.

Детоубийцу возвели на эшафот, где вдруг выяснилось, что она девственница, но было уже поздно... Голова Жюльетты уже скатилась к ногам ликующей толпы, которая тотчас затоптала ее в булыжную мостовую. Мы ходим по ней по сей день.

Эта история, рассказанная мной в полном соответствии с правдой жизни, заставит вас призадуматься о величии греха, зовущего истерзанную

страстями душу на суд к Всевышнему и приговаривающего всех нас к страшным мукам ада, а также...

О всесиили отчаянного бреда. А вы что подумали?

Юрий Левитанский

Сцена из «Фауста»

Винный погребок в Центральном доме литераторов.

Входит Поэт. Его не пускают.

ПОЭТ (уходя)

Жизнь моя — кинематограф.

Черно-белое кино...

ФАУСТ

Но ходить в кинотеатры...

ИРОНИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Нам теперь не по карману.

МЕФИСТОФЕЛЬ

И сегодня не дано.

Все проваливаются в бездну.

ПОЭТ (возвращаясь)

Каждый выбирает для себя (пьет и падает у входа в ЦДЛ).

Юнна Мориц

В логове логоса,

В слоге ребуса,

В кактусе резуса,

В колосе кактуса,

В минусе волоса,
В голосе сепсиса,
В конусе, бонусе
И апокалипсисе,
В климаксе, «Роллексе» и запределиксе,
В ринусе максиса,
В типсисе киксиса,
В трюкесе, пукисе, каксисе, пупсисе,
Куксесе, типсесе, гонусе, клинсесе,
Канусе, гринесе, трипсесе, мисесе,
Ронсесе, стрипсесе, тиксесе, пипсесе —
Осоловелое речи родимое
Неизгладимое
Морицевское,
Галлюцинатское
Слово поэтское,
Слово
Юннатское.

Константин Симонов

Не сердитесь — к лучшему,
Что, себя не мучая,
Я пишу от случая
До другого случая.
Есть поэмы разные,
Есть стихи банальные,
Иногда прекрасные,
Чаще — гениальные.
В прозе все не скажется,
И не все услышится,
А в стихах, мне кажется,
Главное напишется.

Я пишу по-быстрому
В дни и ночи темные
Про любовь неистовую
Книги многотомные.
Непростого времени
В них словечки сложены,
Сталинские премии
Мне за них положены.
Тема «О любви» — нова,
Хоть война затюкала.
От стихов тех Симонова
Вся страна захлопала!
Новости кошмарные
Поэзией украсились —
Разрыдались армии
И тылы расквасились.
Из гранита скалы
Стали мокроваты.
Плачут генералы
И навзрыд солдаты.
Слезы у наводчиков,
У старшин-сержантов,
Пехотинцев, летчиков,
На щеках лейтенантов...
Вот майор разнюнился,
До стихов не лаком.
Что ж ты пригорюнился?
Ведь тебе в атаку!
На фронтах березы
И дубы с корнями
Утирают слезы,
Что текут ручьями.

«Жди меня. И я вернусь.
Только очень жди...» —
Сразу Русь пустилась в грусть,
Льют из глаз дожди...
Зарыдали жены
Всех артиллеристов.
Пушки заряжены —
Но слезы у танкистов.
Мужики, а тоже
Стали вдруг как бабы.
Все на них похожи —
И штабы, и штабы.
Слезы льются ведрами,
Даже — вот коллизии! —
Не остались бодрыми
Гвардейские дивизии!
Что же будет дальше?
Что же это значит?
Плачут генеральши,
И солдаты плачут.
От стихов растаяв,
Под Поэта дудку
Даже сам хозяин
Капнул чем-то в трубку!
...Войну, нет, не продули мы,
Свет солнца был в морозы,
И разрывными пулями
Нам были эти слезы.
Стихи в войну не лгали.
К победе нас вели.
Они нам помогали.
Они нам помогли.

Джордж Оруэлл

Скотный двор-1849

Вечером скоты Англии собрались на свой съезд в Доме Победы у своей кормушки.

— Товарищи! — сказал старый хряк Майор и был зарезан Старшим Братом.

— Братья! — хрюкнул Старший Брат и иско-са взглянул на монгольское лицо Гольдштейна. Скотный двор понимал лишь новояз сложнейших метафор. — Готовы ли вы в целях Изобилия плеснуть в лицо своему противнику серную кислоту?

— Да. — Вождь Полиции Гольдштейн смотрел со своего портрета в Министерстве Правды.

«Все животные равны, но некоторые равнее, — подумал хряк Наполеон. — Незнание — это сила, а война — это мир. Кто контролирует прошлое — контролирует будущее, а кто бесконтролен в настоящем, того сделают главным в Министерстве Любви. Дважды два пять».

Его тотчас расстреляли за инакомыслие. Возникла радостная орация, переходящая во всеобщий стон.

— Товарищ Наполеон умер! Но дело его — живот! — заплакали свиньи и провозгласили свой скотный двор республикой.

Президентом избрали того, у кого было больше подбородков.

На этом митинг закончился, и все пошли спать, то есть работать с целью увеличить свое поголовье.

Николай Заболоцкий

Среди поэтов — чудаков и простаков
Он никого нам не напоминает.
Судьба его в цепях, душа же без оков
Трудилась день и ночь, не уставая.
А если так, то что есть Заболоцкий?
Предтеча Бродского? Какой заполнил Вакум?
Поэт он гениальнее, чем Бродский?
Иль Бродский, что на равных с Пастернаком?!

Тормашки

— Что такое «Тормашки»? — спросит читатель этой книги.

А я отвечу:

— Тормашки — это неизвестно что. Это то, чем летят вверх.

the 1990s, the number of people in the UK who are employed in the public sector has increased by 1.5 million (1990-1998) (1999a).

There is a growing emphasis on the need to improve the efficiency of public services, and to ensure that the public sector is able to deliver the services that are required in a cost-effective manner. This has led to a number of initiatives, including the introduction of performance indicators, the establishment of public sector bodies, and the implementation of various reforms.

The following sections of this paper discuss the various initiatives that have been implemented in the public sector, and the impact that they have had on the delivery of public services.

The first section discusses the introduction of performance indicators, and the impact that they have had on the delivery of public services.

The second section discusses the establishment of public sector bodies, and the impact that they have had on the delivery of public services.

The third section discusses the implementation of various reforms, and the impact that they have had on the delivery of public services.

The fourth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The fifth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The sixth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The seventh section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The eighth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The ninth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The tenth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The eleventh section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The twelfth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The thirteenth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The fourteenth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The fifteenth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The sixteenth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The seventeenth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The eighteenth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The nineteenth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The twentieth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The twenty-first section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The twenty-second section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The twenty-third section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

The twenty-fourth section discusses the impact of the various initiatives on the delivery of public services, and the impact that they have had on the public sector.

Про гвоздь

Украли гвоздь. Кто — неизвестно.

— Ну, подумаешь, гвоздь украли. Что мы, без одного гвоздя прожить не сможем? — сказал Рабочий. — Вот если бы молоток украли?!

Украли молоток. Кто — неизвестно.

— Ну, подумаешь, молоток украли. Что мы, без одного молотка работать не будем? — сказал Мастер. — Вот если бы вагон украли?!

Украли вагон. Кто — неизвестно.

— Ну, подумаешь, вагон украли. Что мы, без одного вагона не проживем? — сказал Начальник железной дороги. — Вот если бы железную дорогу украли?!

Украли железную дорогу. Кто — неизвестно.

— Ну, подумаешь, железную дорогу украли. Что мы, без одной железной дороги ездить не будем? — сказал Директор завода. — Вот если бы завод украли?!

Украли завод. Кто — неизвестно.

— Ну, подумаешь, завод украли. Что мы, без одного завода другой завод не разворуем? — сказал Сторож. — Вот если бы гидроэлектростанцию украли?!

Украли гидростанцию. Кто — неизвестно.

— Ну, подумаешь, гидростанцию украли. Что мы, без одной гидростанции светлое будущее не построим? — сказал Министр. — Вот если бы...

Вот если бы у того Рабочего расческу, у того Мастера часы, у того Начальника шляпу, у того Директора сберкнижку, у того Сторожа тулуп и у того Министра — портфель украли, что бы они тогда сказали, а?

1962

Коровья статистика

Федоскин забрался на трибуну

и начал отчет.

— Каждый житель села Макаровка, — сказал он, — имеет одну корову. А каждая корова за одну секунду может сделать в среднем одну лепешку. Вдумаемся в эту сухую цифру... Каждая вторая лепешка объезжается каждым третьим велосипедом, а каждый третий велосипед наездил в среднем 4000 километров. Каждая пятая тысяча километров обходится каждому девятому жителю в 6 рублей. Каждый седьмой рубль — рваный, а каждый восьмой — сбереженный. Каждое сбережение — это опережение, а каждое опережение — это лишний продукт производства, а каждый третий лишний — трактор. С каждого пятого мы имеем десятое, а каждое двадцатое у нас — санитарный день. В один этот день у нас выписываются 5000 больных. Из них каждые 10 000 — покойники. При этом средняя температура в наших больницах равняется 36,6°, что примерно в два раза больше, чем в 1913 засушливом году. В общем, жить стало лучше, жить стало веселее. Лучше на 100%, веселее — на 40 градусов.

Вот к каким интересным выводам может привести одна сухая коровья лепешка. Если, конечно, в нее вдуматься.

Федоскин слез с трибуны и кончил отчет.

1964

Он не ел рыбу — боялся,

что попадется косточка.

Он не ел мясо — боялся, что скоро состарится.

Он не ел хлеб — боялся, что потолстеет.

Он не пил вино — боялся, что станет алкоголиком.

Он не носил шляпу — боялся, что обзовут «интеллигентом».

Он не плавал в море — боялся, что утонет.

Он не включал телевизор — боялся, что дернет.

Он не ездил в трамвае — боялся, что трамвай сойдет с рельсов.

Он не лазил по горам — боялся, что не поднимется.

Он не летал на самолете — боялся, что не спустится.

Он не ходил в кино — боялся, что увидит то, что уже видел.

Он не ходил в театр — боялся, что увидит то, чего еще не видел.

Он не ходил на выставки художников — боялся, что увидит не то.

Он не говорил «да» — боялся, что его будут считать соглашателем.

Он не говорил «нет» — боялся, что его будут считать нигилистом.

Он не говорил ни «да» ни «нет» — боялся, что его будут считать человеком без собственного мнения.

1964

Голубь

Один голубь любил садиться

на голову Карлу Марксу. Этот Карл Маркс был памятник. Или, вернее, памятник был Карл Маркс. А голубь, видно, этого не знал и поэтому садился там, где хотел.

Карлу Марксу это, конечно, не нравилось. Надо сказать, ему вообще мало что нравилось в этой жизни, но голубь, сидящий у него на голове, — особенно.

Этот глупый голубь не понимал, что Карл Маркс — не только революционер, каких мало, но еще и великий мыслитель, каких больше нету. И вот так нагло сидеть на голове у мыслителя — просто неприлично. Даже как-то вызывающе. Сами посудите: ну, кто такой голубь?.. Ну, разве можно их сравнивать?

И можно ли, например, представить обратную картину: Карл Маркс сидит на голове у голубя.

Представить, конечно, невозможно, ибо: ну, какая у голубя голова?.. Так, не голова, а головка, правда? А у Карла голова мыслителя. Безразмерная, как носки. Огромная, как у Энгельса. Имеется в виду памятник на той же улице, но в другом городе. Впрочем, сравнивать голубя с памятником

все же придется, раз уж он регулярно садится. Так давайте, товарищи, сравнивать. Ведь метод сравнительного анализа не изжил себя и еще послужит общему делу.

Итак, Карл Маркс написал «Капитал». А голубь что написал? Летает только изредка, как дурак, и ничего не пишет.

Далее. Карл Маркс вывел закон классовой борьбы и критиковал гегелевскую философию. А голубь что вывел и кого критиковал?.. Да он всю жизнь проворковал, ни разу никого даже толком не клюнул.

Хотя некоторые воробьи от голубей, прямо скажем, не в восторге. Некоторые их и за птиц не считают. Вот вороны — те умные, хотя и пропитаны то ли нищенством, то ли нищестанством... А эти — противные, только на асфальт и гадят...

Карл Маркс объяснил нам, что такое «деньги — товар — деньги» и про прибавочную стоимость. А голубь ничего не объяснил. И даже не прочитал «Манифест коммунистической партии», где было прямо сказано о призраке Владимира Ильича Ленина, который бродит по Европе, но его там никто не замечает, только у нас... В общем, необразованный, политически неграмотный голубь, убить его мало. Есть голубь — есть проблема. Нет голубя — нет проблемы.

Так что благодаря этому нехитрому сравнительному анализу мы вновь подошли к этому решающему на всех этапах нашей истории вопросу: что делать? И как всегда приняли единственно неверное решение: надо стрелять.

Тем более что ситуация осложнилась. Эта пернатая сволочь, как выяснилось, не просто сидит

на голове, но иногда еще и капает чем-то нехорошим прямо Карлу Марксу на мозги. А Карл Маркс, видите ли, все это должен терпеть. А надо сказать, Карлу Марксу за то и поставили памятник, что он весь мир призвал к терпению. И мы запели:

— Весь мир насилия мы разрушим до основания.

А он смотрит на нас как на ренегатов каких-то.

— Почему же «до основания»? — спрашивает. — Надо бы и основание снести!

Так и сделали. И теперь нашему голубю даже сесть не на что.

1964

Любовь в XX веке

В XX веке все стало

чуть быстрее, чем раньше.

Он и она однажды вошли в лифт двенадцатиэтажного дома. Лифт был скоростной и немного кружил головы.

На втором этаже они познакомились, разговорились...

На третьем поцеловались в первый раз.

На четвертом он сделал ей предложение.

На пятом она согласилась.

На шестом — чтобы не потерять времени, он нашарил за ее спиной кнопку, и они мягко поехали вниз подавать заявление в загс.

Между пятым и четвертым этажами лифт вдруг застрял.

Тут молодые поссорились. Он сказал, что она поломала ему всю жизнь. Она сказала, чтоб он убирался поскорей к своим родителям из ее кабины.

— Эта клетка настолько же твоя, насколько моя! — ответил он. И был прав. Если вдуматься.

Они тогда поделили кабину на две равные части. Но с кнопками вышел конфликт. Он отхватил себе семь штук, всучив ей «Тревогу», которая не работала.

Но тут лифт вдруг тронулся с места, и, проезжая мимо третьего этажа, они помирились.

На втором этаже они поцеловались в третий раз. И дальше, вплоть до первого, уже ехали взявшись за руки совершенно спокойно и счастливо.

Это было их свадебное путешествие.

1965

Афоризм

Писатель Г. создал афоризм

«Курить — здоровью вредить».

Афоризм этот имел успех у читателей, которые стали передавать его из уст в уста, всегда со своей высокой оценкой.

— Как смело сказано! — говорили одни. — Ведь это действительно так. Это правда. Суровая и нелицеприятная.

— Что талантливо, то талантливо, — соглашались другие. — А талант всегда пробьется, сколько бы его ни зажимали.

— Правильно. Духовная красота есть красота духа, — рассуждали третьи. — А физическое совершенство есть совершенство физики!

Итак, с какого-то момента все незаметно для себя заговорили исключительно афоризмами. Более того, не говорить афоризмами уже стало как-то некрасиво по отношению к писателю Г.

Так, например, писатель Д. побежал в редакцию толстого журнала и со скандалом забрал из нее рукопись своего уже утвержденного к печати романа. После гениального афоризма писателя Г. роман этот, оказалось, просто стыдно печатать.

Кинорежиссер Н. предложил писателю Г. написать по его афоризму сценарий, обещая заключение договора без заявки, только на основании уже написанной строчки.

Популярный певец Д. включил в свой репертуар старую забытую песню «Давай закурим, товарищ, по одной» и пел ее в ритме твиста. Но все понимали, на что он этим намекает.

В общем, все честные люди поддержали, как могли, перевернувший все и вся афоризм писателя Г.

И только одно осталось неизменным. По-прежнему все, включая самого писателя Г., продолжали курить. Курить много, остервенело, до умопомрачения.

1966

Шли двое по шоссе

Сценка

Двое шли по шоссе.

Один был Озабоченный, другой — Увлекающийся.
Они шли по дороге в город.

ПЕРВЫЙ. Скорее! Не отставай! Мы не должны опаздывать!

ВТОРОЙ. Ой! Смотри, цветочек!.. Какой красивый! Что за лепесточки!.. Какая прелесть!

ПЕРВЫЙ. Перестань! Идем!.. Нас ждут дела!.. Много разных дел! (Вырывает цветок из рук второго, топчет.) Мы же не успеваем! (Продолжают идти.)

ВТОРОЙ. Ой, смотри, бабочка! Какая изумительная!.. Что за крылышки!.. Что за чудо!

ПЕРВЫЙ. Ты с ума сошел!.. Почему ты останавливаешься!.. Мы же спешим в город. Там нас ждут почести, деньги, слава и женщины! Мы же должны успеть!.. Идем скорее! (Ловит бабочку, обрывает ей крылья, выбрасывает.) Мы же опаздываем! (Продолжают идти.)

ВТОРОЙ. Ой, смотри, какая птичка! Чудесно поет! И расцветка исключительная! Просто восхитительно!

ПЕРВЫЙ. Птичка?.. Где? (Вынимает рогатку, стреляет.) Скорее!.. Скорее, говорю... Мы же опаздываем!.. Не отставай!

И Увлекающийся отстал. А Озабоченный пришел в город в точно назначенный час, в точно назначенное место.

Где его и переехал трамвай.

1967

Два палача

В одной никому не известной

стране жили два палача. Один вешал, другой рубил головы. Работали они через день в одну смену без выходных, ибо в той никому не известной стране казнить надо было безостановочно. Это, можно сказать, были будни. А само слово «воскресенье» из недели было вычеркнуто как несоответствующее действительности. И все бы шло хорошо в этой стране — день за днем, казнь за казнью, кабы палачи были одинаковые, похожие друг на друга. Ан — нет.

Один был палач как палач, вполне нормальный профессиональный убийца. А другой был добрый и совестливый. Ну, в общем, не такой, как все палачи. Вот этот второй палач как придет домой после смены, сразу начинает мучиться и терзаться:

— Ох, и зачем я это сегодня сделал?..

Жена спрашивает:

— Что, дорогой?

А дорогой отвечает:

— По шее... топором... человеку...

Жена говорит:

— Да ведь он же преступник небось?..

— Да, — говорит палач, — конечно, преступник... Но прежде всего он ведь еще и человек...

И плачет. И рыдает. Настоящими, представляете, слезами. Потому что этому палачу ничто человеческое не чуждо.

В другой раз жена ему говорит:

— Кончай плакать и рыдать. Если ты такой добрый, уходи со своей работы, меняй профессию и живи спокойно...

— Нет, — говорит палач. — Не могу. Я свою работу люблю. Мне моя профессия нравится. Только...

— Только — что? — спрашивает жена и смеется.

— Только, — говорит палач, — крови много. А я крови совсем не переношу. И еще меня тошнить начинается, когда я вижу, как обезглавленное тело дергается.

— А как оно дергается?..

— А так. Сначала резко, потом меньше, потом уж и совсем затихает и уже не вздрагивает... Ты себе не представляешь, дорогая, до чего это гадкая картина. Я прямо волнуюсь. Переживаю страшно. Смотреть противно, честное слово...

— Почему не представляю?.. Очень даже хорошо представляю, — говорит жена. — Я все же кто?.. Жена палача!.. Знала, за кого выходила.

Палач вздыхает:

— Да, но ведь я только исполняю свой долг. Я честный. А ведь на моем месте служит еще мой напарник, которому абсолютно все равно, который равнодушен в своей жестокости, а я больше всего ненавижу это страшное равнодушие. Ты знаешь, как он намыливает веревку?

— Как?

— Совершенно равнодушно. Он и вешает лю-

дей, не глядя кого. Не интересуясь их личностями, их индивидуальностями... Совершенно не зная их биографий. Ужасно!..

Жена говорит:

— А может быть, вам поменяться?.. Ты в его смену, а он — в твою... Ты пойдешь вешать, а он — рубить... В конце концов в любом деле надо уметь находить прелесть в разнообразии...

— Нет, — отвечает палач. — Его работа не по мне. Требуется силы воли. А у меня ее нет. Я рубанул — и все. А тут надо и петлю делать, и табуретку ногой вышибать. Да и многие жертвы обделываются в процессе — запах плохой. Я не выношу плохих запахов.

— Да!.. Ты нежный!.. Ты — тонкий! Ты — мой дорогой!..

Так они разговаривали бесконечно долго, пока вдруг... ох, это «вдруг» — вечно означает что-то неожиданное!.. Вдруг вышел приказ: первого палача перевести на отрубание, а второго на повешение.

Приходит с работы наш палач (это раньше он был вторым, а теперь, значит, он стал первым), и жена его спрашивает:

— Ну, как?..

— Чево?

— Как тебе сегодня работалось?

— Да ничего, — говорит, — особенного.

Жена удивилась его равнодушию.

— Ну, ты... хоть повесил его?

— Кого?

— Да человека... человека сегодняшнего.

— Преступника?.. Конечно, повесил. Почему бы мне его не повесить.

— И веревку намылил?

— Намылил.

— И табуретку выбил?

— А как же. Все сделал, как положено.

— И что?

— И ничего.

Жена успокоилась и говорит:

— Ну и слава богу.

Прошло с того дня много лет. Вдруг стук в дверь, вбегает напарник, хватается жену палача и тащит ее казнить. А первый палач абсолютно равнодушен. Он знал, что в этой никому не известной стране они со сменщиком уже переказнили всех, кого только можно было. И вот, стало быть, очередь до его жены дошла. Жена кричит:

— Заступись, идол!.. Он же мне сейчас голову отрубит.

А тот с твердокаменным лицом ей отвечает:

— Ну и пусть. Скажи спасибо, дорогая, что сегодня не моя смена, а то бы я тебя собственноручно повесил...

В общем, отрубил напарник голову жене первого, бывшего второго, палача и, конечно, страдает на своем месте:

— Ох, черт дери, до чего же я дошел... До чего опустил, что жену своего ближайшего коллеги уничтожил... Столько крови!.. Что же теперь будет...

— А ничего особенного, — говорит ему его сменщик. — Теперь моя смена. И я буду тебя вешать...

— То есть как?! — испугался палач. Очень он был нервный в последнее время. Все ныл и переживал.

— А так. Остались только мы с тобой в этой

проклятой никому не известной стране. Всех остальных уже переказнили. И тебя повесить — мой профессиональный долг.

Сказано — сделано. На следующий день повесил палач палача.

И вот одинешенек идет с работы и думает:

«Как хорошо, что я когда-то с рубки голов на повешение перешел. Все-таки повезло мне в этой жизни. Ох, повезло!..»

1967

Про мальчика, который любил плевать с балкончика

Один мальчик любил

плевать с балкончика.

Мы ему говорим:

— Ты зачем это делаешь?

Он отвечает:

— Хочется.

Мы его спрашиваем:

— Ты что, дурак?

Он говорит:

— Нет, — говорит, — я сам понимаю, что делаю нехорошо, но не могу удержаться. Как выйду на балкончик, так сразу плюю. Вот и сейчас — смотрите! — какая шляпа идет... Ну, как я могу этого не сделать?..

И с этими словами мальчик перевесился через перила и смачно плюнул на шляпу. Затем объяснил свой поступок:

— Конечно, со стороны кажется, что я поступил аморально, даже низко... Но разве может что-то сравниться с тем поистине огромным удо-

вольствием, которое я получаю от каждого попадания... Попробуйте-ка и вы плюнуть!.. Уверяю вас — в случае точного попадания на голову прохожего вы испытаете форменное блаженство. Это блаженство увеличится примерно вдвое, если прохожий будет идти по улице с непокрытой головой. Но в сто раз оно будет больше, если непокрытая голова окажется лысиной. В этом случае считайте, что вам просто повезло, и плюйте с особым старанием — это в конце концов и есть огромное человеческое счастье!.. Да, счастье, которое ни с чем не сравнимо, ни на что не похоже!..

Выслушав внимательно плюющего мальчика, мы, признаться, подивились его уму и развитию не по годам.

— А как количество оплеванных тобой людей влияет на твоё настроение, мальчик?

— Никак не влияет, — был ответ. — Ведь дело не в количестве, а в качестве. Если ты попадаешь в центр лысины, то есть в макушку, это одно, а если не в центр — это совсем другое. К тому же многие из проходящих под моим балконом лиц имеют не одну, а две и даже три макушки... Это осложняет задачу. Но, с другой стороны, заставляет плевать чаще, используя все свое мастерство. Вообще должен сказать, что, если в плевок вкладываешь душу, он у тебя получается красивый, я бы сказал, изящный... Траектория полета должна быть выверенной до миллиметра... А если нет души, нет ни красоты, ни точности...

— И последний вопрос: кем ты будешь, мальчик, когда вырастешь?..

— Разумеется, я буду работать на телевидении. Впрочем, я еще не принял окончательного решения...

Признаться, нас почему-то обрадовало это заявление.

1969

Строили дом, строили...

Выстроить никак не могли.

Во-первых, кирпич. Если он есть — его воруют. А если нет, значит, уже разворовали. Во-вторых, стекло. Если его нет — значит, его разбили. А если оно есть, значит, еще разобьют...

В-третьих, шпиль. Только его поставили — следующей ночью кто-то в черной маске пришел на крышу и тихо спилил его обыкновенной крестьянской пилой. Ну, хотя бы спилил и рядом оставил, злодей, а то унес с собой, ворюга проклятый.

После этого пошло. Совсем обнаглели. Кто-то фундамент утащил, кто-то — лестницу, кто-то — солнечную стену... О кафеле и говорить не надо — он до стройки ни разу и не дошел, его здесь рабочее и в глаза не видели никогда. Не знают даже, что это — «кафель» — такое. Когда слышат «кафель», некоторые думают, что это пиво новое, а другие, более культурные и начитанные, — будто это новая планета какая-то неподалеку от Луны, только немного сзади, и потому она, эта самая Кафель, нам долго не была видна.

Когда дом был готов, приехала комиссия его принимать.

— Ну что ж, — сказали, — нам лично это помещение нравится. Архитектура современная. Интерьер тоже вполне заслуживает. В общем, пусть первыми сюда введут тех, кто возводил это замечательное здание.

И двери нового городского суда широко распахнулись перед строителями.

1971

Шел по лесу Тыр-пыр-восемь-дыр,

а навстречу ему Шкет с тремя чувырлами хромкает.

— Хей, ты, Шкет! — кричит Тыр-пыр. — Уступи, брат, хыть одну чувырлу. У тя три, а у меня ни одной. Некряво. Бидонисто. Глыкля.

Шкет говорит:

— На! — И отдал одну чувырлу, потому что был не злой, добропутный.

Тыр-пыр взял ее, повертел, помял под сосной, покурлил, пострекотал, запузырил, потом бросил и засифонил дальше один.

А навстречу ему Фуфло рыпает. Навездекокнутое.

— Хей, Фуфло, дай и мне вездекокнуться, не жалься, Скупердяй Прохиндеич! — просит.

— Да на! — говорит Фуфло. — Мне самому на душе хренобно, хотелось лизнуть... — И дает ему банку вездекоки вчерашнего разлива.

— А закусонить? — спрашивает Тыр-пыр.

— На и закусон! — И дает ему Фуфло рыбьего помета в молочном пакете. — Приятного аппендицита!

— Спасибо, премного вам лапидарны!

Кокнул банку Тыр-пыр, нализался всласть, до самого верху, выпендрил из лесу, но тут почуйст-

вовал себя ухняво-ухняво и чекурдыкнулся спать. Прямо в поле. Зазундило ему что-то в брюхе, застопуздило в животе, чувствует, надобно захлындеть. Срочно.

Вот он спит, бедолага, и хлындеет. Ночь, луна, звезды, а он, представьте, хлындеет и хлындеет, а хыть бы што... Час хлындеет, два, на третий через него старая Сколопендра ползет и прямо ему в нос хвостом пуршикать начала. Пуршикает и пуршикает.

А он, дондон, все себе хлындеет и не поймет никак, кто его пуршикает.

Наконец, объявляет тревогу, вскакивает в полной выкладке и ором давай горло драть, на голос всю родную природу дыбом дыбить:

— Ах, ты, сколопонь гунявая! Скотобаза фартейная! — Проснулся. — Изыди, гримза! Не то отпочкую по твоей липучей трухне — не отпындюришься!

Сколопендра спрыгнула с носа, да как затриндит, как запистопилит:

— Ой-ой-ой!.. Спасите-помогите!.. Меня Тыр-пыр совсем, бедную, закукал, а я его даже не острохиздила!..

— Ещ-чо чево! — кричит Тыр-пыр. — Да меня исчо никто в мире не острохиздил, не то что ты, глюхоза болотная, ганидра пучеглазая, сикуха глыпопузая!

— А чево ты меня фартейной назвал?.. Я тебе этого вовек не отщелкаю. Какая я тебе фартейная?.. У меня даже портуpei фартейной нетути!.. Сам ты фартейный!.. От фартейного сышу!

И долго бы они еще клевались, если б не увида-

ли, как Мря на тракторе по перегною со своей рыжей Лухендрой фурдачит.

— Тыр-пыр, твою лять! — кричит Мря. — Дай дорогу, бывший дембель, не то ухайдокаю в рассыпец!

А Тыр-пыра будто что-то запляскавило, не хочет он дорогу уступать.

— На! — кричит. И показывает Мре свою хренотень.

— Ты чево мне показываешь? — кричит Мря, вздернувшись весь. — Я сам тебе такую ж хренотень могу показать!

Показали они друг другу хренотень. Каждый свою. И только тогда успендились, друг другу рукомылки пожали и даже трижды челомпукнулись на прощанье. И правильно: с этой Мрей лучше не гандыпопитья.

Прошло еще время, неизвестно сколько. Рассвет заколбасил. Солнышко вспрянуло. Ветерок наяривать начал. Из травы роса захлюпала. И вся природа на новый день закондыбачила.

Мря со своей Лухендрой рыжей в трактор уселся. Только теперь Лухендра сама за рулем начала дурганить.

Дурганит влево — трактор стоять, вправо — стоять. Чито выпедпрынять?

— Нажми в зад! — посоветовал Тыр-пыр.

Лухендра нажала, трактор взнубдился и давай перегной бучить.

А Тыр-пыр на дороге лежит, его гомзики в тот момент закурнявили. Он чудариком грипентрюкнулся совсем, у него в уме сделалась одна шалость. Так и заспал, шалый, в пыли.

Тут его Лухендра на тракторе и переехала. А са-

ма хыть бы померкла, души-то нет, за горизонт — хлюбысть! — уторкнула, только по взбученной земле след от ейного трактора. Долго еще его фырдач фырдачил, пока не погас.

Тут ночь уж совсем прошла, солнышко окончательно вскондыбилось, кузнечики затрякали, птички захрюндили-запистопенили, лягушечки зачавкали, жучата гурьбой загундели с целью засиропиться... Тыр-пыр-восемь-дыр встал, от гомзиков отряхнулся, как ни в чем не бывало! — и дальше своей дорогой по пыльному тракту захромкал.

Из колхоза «Заветы Ильича» Пиндопропащенского района в совхоз «Вперед к коммунизму» Задудуевской области, трижды орденоносной за достигнутые успехи в нелегком сельском труде.

Счастливой тебе хренотени!

Вася, живи!

И прибегают как-то два соседа

к третьему и кричат:

— Эй! Сосед, ты чего дома сидишь?

Сосед отвечает:

— Не видите разве, я занят!..

— Чем?

— Клюкву даблю!

Соседи видят: действительно давит, сидя в тазу, одним местом. Оно у него все красное, мокрое, потому что он сидит и давно не встает.

— Вставай! — кричат соседи. — Скорее, скорее...

— А что случилось? — спрашивает третий сосед и продолжает слегка шевелить одним местом в своем тазу.

— Сейчас объявили: на городской площади Васька будет кончать жизнь самоубийством. Побежали смотреть!

Третий сосед говорит:

— Это какой Васька?.. Рыжий, что ли?

— Ну да, да, да...

— А-а, ну, тогда побежали! — И с невытертым задом, весь в клюкве, вскочил и вдогонку за соседями. Через весь город.

Прибегают они на площадь. А там уж полно. Пресса, кино, радио, телевидение... Готовятся к механический записи, проверяют аппаратуру, настраивают электронику... И публика самая разная — кто на стульях обыкновенных, кто в старинных венских креслах... Сидят, ждут, некоторые ноги пледами укрывают, чтобы им снизу не дуло... Другие с продуктами пришли — с курицами вареными, яичками, сырками да пивом... А что?.. Без пива оно тяжело ждать. С пивом время во Вселенной побыстрее тикает — это уж проверено!..

Приятно также, что очень много детей. Это, конечно, заслуга родителей, что они по воскресеньям всегда вместе, всегда всей семьей... А есть и такие, что прямо сюда из церкви пришли. Такие все красивые, чистенькие, подтянутые... В руках книги толстые — то ли Библии, то ли словари, то ли детективы... В общем, наша элита. А рядом совсем простые труженики... И все вместе сегодня... Сидят, смотрят, как в театре, ждут, когда же это начнется, когда же Вася из своего дома с пятого этажа прыгнет.

А он не прыгает.

Ну, тут, конечно, разговоры всякие, черное удовольствие в толпе.

Кто-то говорит:

— Вот так всегда все у нас — вечно задерживают!.. Никогда вовремя не начинают! — И как зашвистит!..

Наши соседи чуть не оглохли от этого звука.

Первый сосед говорит:

— Жаль, я не умею свистеть, а то бы я присоединился, и мне самому тогда было бы гораздо легче этот ужасный свист перенести.

— А я умею! — говорит второй сосед и — два пальца в рот... Очень даже здорово хором свистеть у него получилось. А третий сосед хотя, как первый, не умел свистеть, но сделал вид, что умеет, приложил пальцы к зубам, щеки надул, глаза выпучил — никто даже в общем шуме ни о чем не догадался.

А время шло, Васька пока даже не мелькнул в окне.

Тогда один дядя возмутился.

— Это что ж такое? — говорит. — Не для того я сюда из провинции ехал, чтобы зря тут скучать.

Второй:

— Правильно! И мы, — говорит, — не для того воевали, кровь проливали, не для того в трех революциях участвовали, чтобы нас тут мурыжили и так ничего не показали... Скучать, — говорит, — мы могли и до войны, а что касаясь до революции, то нам тогда, если честно, повеселее жилось!

— Что правда, то правда, — ему сосед отвечает. — Время — деньги, а денег у нас нет.

— Дело не в деньгах, — вступил в разговор еще один зритель. — А в нашем достоинстве. Нас ведь тут просто не уважают. А ведь мы, ветераны, достойны того, чтобы не сидеть здесь вот так просто, неизвестно зачем, а сидеть и смотреть... И чтобы нас за это уважали!

— Сволочь он! — сказал до того молчавший зритель. — Сколько людей собрал, и никакого зрелища самоубийства. Я требую, чтобы немедленно начали или же за билеты вернули.

— Какие билеты?.. А разве он не за бесплатно выступает?

— За бесплатно.

— Тогда чего же вы просите?

— Я прошу то, чего нам всем положено, не больше и не меньше. А то, что он всех без денег пригласил, — это его личное дело. Мог бы и по трешке взять — я бы дал, мне на такое не жалко. Мне лишнего не надо. Я чужого не возьму.

— Вот вы говорите «бесплатно». Ошибка так думать. Вы не учитываете по крайней мере три фактора. Первый: он упадет — кровь прольется. А кто будет эту кровь с тротуара смывать? Дворники. А их труд — наше национальное достояние. Им муниципалитет за наш с вами счет отстегивает. Второе: амортизация самого тротуара. Я могу рассчитать ударную силу и уверяю вас — это будут отнюдь не отрадные цифры. Третье: денежная стоимость проезжей части, которая в данный момент не эксплуатируется из-за того, что мы с вами на ней сидим. Кто компенсирует нам эти расходы?.. Кто защитит интересы нашего налогоплательщика?..

— Васька, кто ж еще... Он эту кашу заварил, пусть теперь сам и оплачивает...

— Да-а, как же, дождешься от него... Он теперь и копейки на наши нужды не пожертвует...

— Какой, право, действительно эгоист. Только о себе думает. Только о своем интересе.

— Точно. Это не он, а мы его жертвы. Да, жертвы его авантюризма, его наплевательского на всех нас отношения.

— Да ладно вам! — вмешалась какая-то дама. — Привыкли все на деньги считать, противно слушать... А по мне — лишь бы он красиво упал и по-настоящему разбился... Этого с его стороны вполне было бы достаточно.

— Тише, тише вы... Кажись, начинается!

И в самом деле, Васька в окне, наконец, появился. Народ у нас хоть и злой, но в беде добрый, особенно если не своя беда, а чужая, — раздались аплодисменты. Приветственные.

— Ну, с-сс-скотина, пусто только попробует в тапочках кинуться! — говорит еще один раньше молчаливый.

— А почему в тапочках нельзя? — его спрашивают.

— Да вы что?.. Тапочки не пружинят. Особенно которые на микропорке.

Тут Василий взобрался на подоконник и взглянул вниз. Все аж замерли.

— Эй, Вася, — вдруг кричит третий сосед. — Нетяни!.. Просим!.. Давай, прыгай.

— Просим! Просим! — поддержала публика отдельными выкриками.

Вася перекрестился и прыгнул.

Но не разбился. Встал цел и невредим. Чудом отделался — ни ушиба, ни даже царапины. Говорит, обращаясь к толпе:

— Извините, граждане, что-то у меня пока не вышло. Попробую еще раз.

Поднялся, теперь уже вылез на карниз. Обвел всех прощальным взглядом и ка-а-ак сиганет...

Снова промашка. Встает, хоть бы что. Ну, тут, конечно, опять крики, опять свист и еще более черное неудовольствие в толпе.

— Позор! — кричат. — Халтура!.. Сапожник!.. Мать твою так-перетак!

Это грубые люди. А интеллигентный один, на вид профессор, заявляет:

— А я знал, что так нас всех надуют. Я когда еще шел сюда, все это заранее предвидел.

— А зачем же шел тогда? — кто-то его резонно спрашивает.

А тот отвечает, и тоже резонно:

— А чтобы убедиться... Вечно нам говорят одно, а показывают другое.

Васька опять смущенно просит прощения.

— Я, — говорит, — сам от себя не ожидал... Прямо какая-то сверхъестественная сила. Чудодейство какое-то... Сам не понимаю, но извините, хочу попробовать еще раз... с вашего позволения. А?

Тут добрые люди совсем подобрали, начали со всех сторон советы Ваське кидать.

— Ты, — говорят, — неправильно все делаешь. Во-первых, зачем ты, собачий сын, крестишься?.. Это же тебя и спасает. Во-вторых, для чего вниз смотришь? Чтобы нас всех унижить?.. Мол, ты такой смелый, такой герой, а мы тут все такое дерьмо, да?..

— А ну, давай... давай, Вася, еще раз!.. Только не так, не так... Ты давай двери там у себя в комнате приоткрой и из кухни, а еще лучше из коридора давай... С разбега... Только с разбега — тогда нормально получится!..

— Вася! Ты меня слышишь?.. Васютка наш дорогой!.. Ты должен поменять технику прыжка!.. Никого не слушай, только меня, я тебе дурного не пожелаю. Так вот — прыгай вниз головой, но вперед ногами. Двойное сальто с пируэтом и поворотом в воздухе на 360 градусов — и будь здоров, выписывай гробик!..

— А я тебе так скажу. Никого, Вася, не слушай. Будь что будет. Разобьешься — хорошо. Не разо-

бьешься — тоже неплохо. Мы тебе еще попытку дадим. Лично мне понравилось, что он сразу не сумел себя укокошить. Лично я хотел бы продолжения... Как говорится, попытка — не пытка!

Выслушал все это Васька, кивнул послушно и еще раз прыгнул — теперь уже с разбега и с пируэтом, вперед ногами — в общем, с учетом всех замечаний.

И знаете, на этот раз удачно. Лежит, не встает. И что самое приятное, лужа крови под ним на асфальте начала образовываться.

Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Крики «браво!», «ура!», «молодец!» — ну, в общем, все то, что обычно в таких случаях кричат. Общий восторг, даже почудилось, будто площадь вся осветилась и небо аж засияло... Оказывается, салют грянул. И оркестр, откуда ни возьмись, «Похоронный марш» заиграл. Удовольствие, словами не передать...

И вдруг... представьте себе, Васька наш зашевелился, всё тотчас смолкло и потемнело... Ну, не издевательство ли?.. Васька — живой, правда, в шоке, приподнялся, еле на ноги встал и опять упал бы, если б его не подхватили...

Тишина наступила зловещая, можно сказать, гробовая такая тишина.

— Извините, — говорит Васька. — Опять... не произошло!

Ну, тут такое началось, такое... Многие просто не выдержали, стали покидать площадь.

— Чтоб я еще раз пошел!..

— Лучше бы сидел дома и клюкву задом давил!

Это, конечно, наш третий сосед крикнул. И его, конечно, можно было понять... Ему пешком домой

через весь город несолоно хлебавши надо тащиться... А вот те, которые на своих автомобилях приехали, конечно, могли бы и чуток подождать... Не говоря о тех, кто приехал сюда на автобусах.

— Оставайтесь! Оставайтесь! — им говорят. — Еще немного потерпите.

— Нет, — отвечают. — Нам завтра на работу рано вставать. Шофер сказал, что уезжает, а нам не хочется после того, что мы видели, в общественном транспорте со всеми давиться.

Дети на руках родителей повисают.

— Еще-е!.. Еще! — просят.

А родители вредные, как всегда, не понимают своих детей:

— Хватит! Домой пошли! Поздно!.. Завтра утром по телевизору досмотрите!

Дети в плач. Некоторые родители тогда Васе в лицо стали высказывать.

— Как вам не стыдно, — говорят. — Пожалели бы хотя б наших детей... Сколько им из-за вас пришлось пережить!

А одна родительница подошла к Васе на близкое расстояние и говорит своей дочке:

— Ну-ка, дочка, плюнь на этого дядю.

Дочка плюнула, а мама — святая простота! — ей за это конфетку дала.

А другая дама сама разрыдалась — нервы-то слабые сейчас у всех...

— Как вы, — говорит, — низко пали... Я об вас была гораздо лучшего мнения...

В общем, разочаровались в Ваське почти все. Остались на площади только самые верные его поклонники. Самые, можно сказать, любители.

И что же?.. Вася еще раз пятнадцать прыгал, и

ничего. Уже из его тела — сплошное кровавое месиво, а все живой да живой... Уже и ногу сломал, и руку... Для саморекламы чего не сделаешь. Ну, хочет человек выделиться — вот и допрыгался.

Ночь наступила, пришлось прожектора включать...

Никакого результата... И яйцами в него бросали, и помидорами... Корреспондент телевидения объявил:

— По техническим причинам финал переносится.

На что переносится? Куда переносится? — не сказал.

С тем и разбежались.

А что же Васька?... Тоже куда-то на долгое время пропал... Ни слуху ни духу...

Злые языки говорят, будто в Америке он сейчас. Может, и в Америке...

Один тип недавно врал, будто встретил его в Чикаго. Здоровехонек!

— Ну, как, Василий, ответь — больше не прыгаешь?

— Нет, — говорит, — это дело, видно, не для меня.

— А что так?... Небось, хорошо живешь и оставил мысли о самоубийстве?

— Почему оставил — не оставил... Два раза тут, в Америке, пробовал... Сначала снотворным — даже не зевнул перед смертью. Потом цианистого калия нажрался — хоть бы вырвало... Вот так, хошь — не хошь, а приходится жить... А что поделаешь?..

И засмеялся. Что ж... Если так, то... Живи, Вася!.. Вася, живи!

Тиран и его кошки

В стране Тирании, в главном

городе Тиране, жил один тиран и звали его Тиран Тираныч.

Этот Тиран Тираныч всех тиранил, но была у него одна исключительная человеческая слабость: очень он любил гладить кошечек.

У него при дворце даже был создан специальный кошачий питомник, где выращивали кошек для тиранического глажения. На все случаи жизни, для любого момента.

Например, был отряд, а в нем три разряда: утренние кошки, дневные и вечерние — для глажения соответственно по утрам, дням и вечерам. К этому отряду примыкала особая группа — кошки ночного глажения, их и кормили лучше, и ласкали больше... Сюда относились только черные гладкошерстные кошки с серебряным отсветом при луне и огромными глазами, зажигающимися в темноте, как фонари.

Еще были кошки для битв. Этот отряд использовался только в боевых походных условиях. Причем и тут была своя субординация. Кошки, которых Тиран Тираныч гладил до сражения, и кошки, которых он гладил после. Если сражение выигра-

валось, Тиран Тираныч на радостях мог переглядывать до тысячи кошечек. А если... в общем, в случае неудачи мог с горя и задушить парочку кошечек. Или — больше.

Так, после битвы при Труфальдино Тиран Тиранычу пришлось бежать вместе с оставшейся в живых свитой и кошками, поскольку все до одного солдата погибли в бою. Тиран Тираныч был так расстроен, что по дороге лично раздавил 13 своих любимиц. Бедные животные, их жизнь, как и жизнь всех жителей Тирании, целиком зависела от сапога Тирана.

А в сражении при Эскудеро Тиран Тираныч одержал безоговорочную победу — теперь у противника погибли все, а у него остался в живых один солдат.

Возвращение в столицу с поля битвы было отмечено Великим праздником: в торжественной встрече победителей участвовало около миллиона кошек. Все они мяукали здравицы в честь Тирана Тираныча. Под открытым небом на стадионе был устроен феерический кошачий концерт с участием людей. Вой стоял такой, что черное небо над стадионом треснуло от напряжения, а Луна временно перескочила на другую сторону Земли, где был день, и вынужденно светила своим еле заметным отраженным светом.

На центральной площади перед дворцом Тиран Тираныч поставил бочку с валерьянкой, и каждая кошка могла выпить на радостях сколько хотела.

В общем, повеселились.

А однажды Тиран Тираныч решил жениться. Свадьбу сыграли хорошую, пышную.

И, конечно, Тиран Тираныч после свадьбы, как

раз наутро, вышел на двор, чтобы погладить одну свою самую любимую кошечку.

А ее почему-то нет. Тиран Тираныч даже забеспокоился:

— Где она?.. Куда запропастилась?

Тут из спальни вылезает его жена и говорит:

— Все, милый. Больше, — говорит, — никаких кошечек.

— Как так?

— А вот так. Теперь я твоя любимая кошечка.

А всех твоих... бывших... я к чертям разогнала.

Тиран Тираныч аж руками всплеснул:

— Да как ты посмела?.. Да как ты могла?

— И могла, и посмела. Теперь меня одну будешь гладить.

Тиран Тираныч не дослушал, бегом в питомник. Там пусто. И все дверцы вольеров открыты — одним словом, сбежали кошки. Кто куда. В разные стороны.

Заплакал Тиран Тираныч. Да только ничего не поделаешь. Поздно!..

А молодая жена хохочет:

— Вот так с вами, тиранами, и надо поступать.

И правда, с той поры Тирана Тираныча будто подменили. Ни войн, ни сражений.

Ни побед, ни поражений. А зачем? Нет кошек — нет и стимула бороться.

Тихий, скромный человек. Прожил остаток жизни со своей новой кошечкой и умер спокойно, нормально, и даже без пушечных выстрелов на похоронах.

Скоро люди позабыли Тирана Тираныча. Будто и не было его на свете.

И на его могилу даже кошка не пришла.

Будучи ослом от природы,

я не удивился, что меня сразу после школы приняли в Университет на экономический факультет.

— Нам такие именно и нужны! — сказали мне в деканате и тут же выбрали в партком.

— Извините, но я не член партии! — попытался было я возразить, но мне тут же дали понять, что это не важно, главное, чтобы я не брыкался и нес поклажу. С этими словами мне вручили партбилет, и с той поры я не просто осел, но осел со стажем.

Не буду говорить, что очень скоро я стал доктором наук, а вслед за тем и академиком. Да, на мне ездили, мною управляли, множество раз называли ослом, что, кстати, было абсолютнейшей правдой, но я никогда не обижался, издавал звуки, т.е. книгу за книгой, и, наконец, выпустил свой самый фундаментальный труд под названием «Жеваное-пережеванное» в трех томах.

Не скрою, там было изложено несметное количество моих самых сокровенных мыслей о еде как главном экономическом стимуле жизни нашего общества — тут-то нас всех и настигла эта самая перестройка с ее голодом и свободой.

Я немедленно съел свой партбилет, хотя мне предложили его сжечь. Но я не поддался на эту провокацию и на всякий случай заявил кое-кому, что совершенно сознательно не расстался со своим партбилетом, он, так сказать, во мне и я, в случае чего, найду способ извлечь его на свет белый, если, конечно, придет момент, когда это понадобится.

— Не такой уж он осел! — услышал я о себе чье-то мнение, когда меня позвали в Думу.

Здесь-то, мне кажется, я и нашел себя, хотя правильнее было бы считать, что это они, мои коллеги, меня нашли.

Несколько раз пришлось высказываться по самым животрепещущим вопросам нашей экономики, меня слушали очень внимательно, даже аплодировали... Правда, один из депутатов-демократов сказал мне в перерыве:

— Ты — козел.

Но я же понимал, с кем говорю. Он же совсем из другого стойла. То есть фракции.

Сейчас мне поручили делать проект нового закона «О скотстве», по которому каждый гражданин получит право жить по-другому. Считаю своим долгом сделать этот закон таким, чтобы он был направлен к людям, к их естественным потребностям в траве и сене. Хочется, чтобы этот закон заработал уже к осени. В это время каждому скоту нужно думать о зиме, о приближающихся холодах. Мои предложения, несомненно, помогут нам предотвратить ожидаемый падеж и содействовать ожидаемому после падежа резкому повышению рождаемости. Главная наша забота — не допустить, чтобы доллар и другая зелень маячила перед

мордой каждого из нас. Это мы уже проходили. И это нам уже не нужно. Сегодня все хотят хорошо и достойно жить в хлеву. И мы должны дать каждому скоту эту возможность. А кто не хочет — пусть идет на свой рынок, где его ждут несъедобные продукты из-за рубежа, обман, криминал и коррупция.

Недавно я побывал в Китае. Там у них все есть. Но это не наш путь.

Съездил в Швецию. Там еще хуже — всего еще больше. Но это не наша стезя.

Теперь собираюсь в Америку. Вот где все не так, как у нас. Но ведь и мы не такие, как они. Бараны.

У нас своя голова, свои уши и свой исторический хвост. Мы ни на кого не похожи, кроме как на самих себя.

Вот почему мы идем своей каменистой дорогой — и пусть изодраны наши бока, глаза слезятся, копыта разбиты, шеи покрыты гнойными болячками, а из груди вырывается только зловонный животный кашель — нас ждет светлое будущее, большое человеческое счастье.

— Эй, старый осел, ты куда? — раздался чей-то голос откуда-то со стороны.

— Со своего пути мы не свернем никогда! — сказал я и упал в пропасть.

Кто-то кого-то кому-то

Когда-то Кто-то на Кого-то

покатил бочку. Бочка была гнилая, трухлявая, но гремела громко.

— Кому-то это выгодно. Только кому? — спросил Некто и сам же ответил: — Уж кто-кто, а мы-то понимаем, кто за этим стоит.

Кого-то от этих слов передернуло, а Кому-то эти слова пришлись не в бровь, а в глаз.

Все думали, что сейчас или очень скоро Кто-то будет разоблачен, но, к всеобщему удивлению, это никого не удивило. И вообще как-то всем было не до того. Однако никто не остался равнодушным.

— Кому-то это нужно. Но никто сейчас об этом не должен знать, — сказал тот, кого так и не разоблачили. — Надеюсь, вы понимаете, кого я имею в виду.

Тотчас какие-то люди приняли это на свой счет и покатали бочку на тех, кто был заинтересован в том, о чем не принято говорить.

— Мы находимся в эпицентре и потому не останемся в стороне, — сказали те, кто привел всех к трагическому концу.

Впрочем, никем ничего не было официально заявлено, хотя все обо всем знали, потому что все было неофициально разглашено.

С этой поры те, кто стоял в стороне, покатали бочку на других, кто их и знать не знал.

Другие не остались в стороне и перешли на сторону противников.

Тогда Кто-то послал Кого-то Куда-то, но не сказал куда.

Кто-то в Кого-то плюнул. Но попал не в того, в кого целился.

При этом те, кого послали, естественно, покатали бочку на тех, кто на них плюнул, а те, кто плюнул, поняли, что послали вовсе не их, а тех, кого они имели в виду.

— Во всем этом надо разобраться, — сказал Кто-то. — Только некому.

Его поддержали те, кого до этого и знать не знали.

— Почему нас никто не понимает? — возмутились они. — Или вы не знаете, кто мы?..

Решили узнать. В ту же ночь за Кем-то пришли и Кого-то взяли. Только не того.

Кто-то еще на что-то надеялся. Но Кому-то это даже надоело.

Началась драка, потом две драки, потом три...

Но не с теми и этими, а с кем-то еще, кто пожелал остаться неизвестным. Он сказал:

— На нас это никак не отразится, хотя мы считаем, что это кое-кому дорого обойдется.

Тотчас какие-то самолеты стали бомбить какие-то села и города и кто-то погиб.

При этом по радио звучала какая-то музыка ни к селу ни к городу. Но Кто-то пел, Кто-то танцевал. Кому-то дали орден, а Кого-то похоронили. Кто-то Кому-то улыбнулся, а Кто-то куда-то бежал, неизвестно почему и зачем.

— Почему неизвестно? — сказал Кто-то Кому-то. — Потому что Кто-то когда-то покати́л бочку на Кого-то и Кому-то это было выгодно.

И в самом деле, бочка была гнилая, трухлявая, но гремела громко.

1989

Про бабку

Жила-была в нашем городе бабка,

а как жила — никто не знает, потому что бабок у той бабки не было совсем.

Вот однажды идет эта наша бабка по улице, видит, зелененький доллар на тротуаре валяется.

Подняла бабка доллар и решила пойти на рынок.

— Куплю-ка я на рынке черную икринку. А то давненько я черной икры что-то не ела.

Вот идет бабка на рынок, а навстречу ей бандит с большой дороги. Отнял он у бабки доллар и прочь побежал.

Старушка кричит:

— Милиционер, защити меня! Догони вора! Этот вор украл у меня доллар, не смогу теперь я на рынке купить черную икринку, а я давненько черной икры не ела.

Не послушался милиционер, не побежал за бандитом. Идет бабка дальше, видит — прохожий стоит.

— Прохожий, скажи милиционеру, чтоб он побежал за вором, а то милиционер меня не слушается, вор украл у меня доллар, не смогу теперь я на рынке купить черную икринку, а я давненько черной икры не ела.

Но прохожий не прореагировал, прошел мимо. Идет бабка дальше. Видит — пожар, дом полыхает.

— Огонь, огонь, чтоб они сгорели! — кричит. — Сожги прохожего, который прошел мимо и не сказал милиционеру, чтобы он догнал бандита, который отнял у меня доллар, на который я на рынке хотела купить черную икринку, а я давненько черной икры не ела.

Не послушался огонь, продолжал дом жечь.

Бабка дальше. Видит — пожарная команда едет.

— Пожарный, пожарный, — кричит бабка, — погаси огонь, который не хочет, чтоб они все сгорели — прохожий, милиционер и бандит, который отнял у меня доллар, на который я на рынке хотела купить черную икринку, а я давненько черной икры не ела.

Пожарные никакого внимания на бабку не обратили. Видит бабка надпись «Редакция газеты «Правдуля», вбежала, а там журналисты сидят, кофе пьют, пивом запивают...

— Журналисты! — кричит. — Помогите!.. Разоблачите пожарных, которые не погасили огонь, который не сжег прохожего, который не сказал милиционеру, чтоб он догнал бандита, который отнял у меня доллар, на который я на рынке хотела купить черную икринку, а то я давненько черной икры не ела.

Журналисты рассмеялись и выгнали бабку, а сами стали дальше только пиво пить, потому что кофе у них уже кончился.

Идет бабка дальше. Видит, большой серый дом стоит с надписью: «Комитет государственной

опасности безопасности». Бабка туда, кричит у двери:

— Эй вы!.. Ну-ка, откройте и повлияйте на журналистов «Правдули», которые не захотели разоблачить пожарных, которые не погасили огонь, который не сжег прохожего, который прошел мимо и ничего не сказал милиционеру, который не погнался за бандитом, который отнял у меня доллар, на который я на рынке хотела купить черную икринку, а я давненько черной икры не ела.

Арестовали бабку, посадили в тюрьму, отсидела в ней бабка триста дней и ночей.

А когда вышла, смотрит — на дороге зелененькая бумажка лежит. Нагнулась бабка, хотела ее поднять, да раздумала, пошла дальше.

Приходит домой, а там ее знакомый бандит сидит

— Извини, — говорит, — бабка.

— За что?

— За то, что ты отсидела триста дней и ночей в тюрьме, куда тебя посадили эти из Комитета государственной опасности безопасности, которые не захотели повлиять на журналистов «Правдули», которые не разоблачили пожарных, которые не погасили огонь, который не сжег прохожего, который ничего не сказал милиционеру, который не догнал меня, когда я отнял у тебя доллар, на который ты на рынке могла бы купить черную икринку, а ты давненько черной икры не ела!

С этими словами вор улыбнулся бабке и открыл банку черной икры, которую принес ей в подарок.

Собрались на собрание.

Сидим, слушаем. Слушаем, сидим. Вдруг на трибуну вылезает тип.

— Я, — говорит, — принесу вам счастье.

А мы, между прочим, его ни о чем таком не просили. Ну-ну, думаем. Хочешь принести — приноси. Нет возражений.

На следующий день приносит. Разворачивает. Показывает. Мы все удивляемся:

— И это счастье?.. Нет, это несчастье.

Тогда этот тип ничуть не смущается и говорит:

— Хорошо. Я принесу вам счастье во второй раз.

А мы его и второй раз не просили. Но что делать, если он настаивает?.. Против счастья ведь особенно не попрешь. В конце концов, думаем, ну, чем мы рискуем?.. Получится что-то у этого типа — хорошо. А не получится — хуже не будет. Счастья ведь нам всегда не хватает. Глупо отказываться в нашем-то положении. Через год приносит. Развязывает. Мы ахаем:

— Что ты нам принес?.. Это же ужас какой-то.

Он говорит:

— Извините. Ошибочка вышла. Я хотел одно, а сделалось совершенно другое. Ну, да я еще попытаюсь. Третья попытка.

А мы и на этот раз к нему ни с какими такими просьбами не обращались. Нас его действия не касаются. Мы как жили, так и живем. И никто нам за всю жизнь ничего хорошего так и не принес. Хотя обещания были. Ну, да ладно, думаем. Попытка не пытка. Ну, принесет нам опять какое-нибудь дерьмо. Мы это дерьмо съедем. И будем счастливы. А не съедем — тоже будем. И в том же дерьме.

10 лет где-то этот тип скитался. Вдруг появляется. Расстегивает. А там — ничего. Мы засмеялись: стоило ли столько лет надрываться, чтобы ничего и не принести. Не тут-то было. Этот тип говорит:

— Вот оно... то самое... что вы просили!

А мы, заметьте, никогда его ни о чем...

Мы говорим:

— Не подходит.

Он тут же спорить.

— Вы ничего не понимаете, — говорит. — Это как раз чего вам нужно, идиоты.

Мы обижаемся, конечно. За что он нас идиотами обозвал?!

Мы возражаем:

— Забирай к черту свое барахло. Надоел ты нам...

Он взволновался, аж трясется весь.

— А я говорю, — это он нам говорит, — это лучшее, что есть на свете...

Мы ни в какую. Не соглашаемся.

— Это — ничего. А нам ничего не нужно.

Тогда он хватает револьвер.

— Взять, — кричит.

А кого брать?.. Ничего не возьмешь. У ничего и нет ничего.

— Взять, — кричит, — и раздать. От каждого по способности, каждому по потребности.

И давай раздавать. Карточки, талоны, купоны разные... Да только мы этим счастьем уже сыты. Этого счастья у нас навалом.

Как вдруг появляется на нашем очередном собрании еще один тип.

— Я пришел, — говорит, — дать вам волю.

Ну, пришел и пришел. Разворачивает. Затем раскручивает... Через десять лет, извините, расстегивает... И что? И все ничего. Можно сказать, зря на собрания ходим. Слушаем, сидим. Сидим, слушаем.

Дедушка и смерть

Дедушка начал умирать

в пятницу ночью. Я бросился к телефону и вызвал «Скорую».

— Сколько лет клиенту? — спросил меня тихий грудной женский голос.

— Старичку за восемьдесят, но я уверен — его можно спасти.

— В таком возрасте импотенция неизлечима. Но мы постараемся что-нибудь сделать.

Я не понял, при чем тут дедушкина импотенция, но ради экономии времени промолчал.

— Дайте мне его, — сказал обворожительный голос. — Я сама с ним разберусь.

— Он не в силах подойти. Он лежит.

— Встанет! — произнесла дама на том конце провода. — Наша фирма лежащего поднимет.

Я подивился самоуверенности «Скорой». Однако твердо заявил:

— Говорите мне, что хотите сказать. Я передам дедушке все, что вы посоветуете.

— Старичок! — игриво произнесла дама. — Кончай, а?.. Ты что, не можешь кончить?!

Я ахнул. Как можно старому больному человеку намекать на скорую смерть.

— Слушай, старик... Положи сейчас руку на грудь... Да не на свою — на мою... Мысленно!.. Положил?.. Теперь начинай мять... Кончиком языка постарайся дотронуться до моего соска. Дотронулся?.. Теперь спускайся ниже, еще ниже и лизни мой пупок... Что ты чувствуешь?.. Ну, отвечай же мне, дедулька, как ты любишь свою бабушку...

Я честно повторил то, что слышал, и, к своему удивлению, увидел, что сузившиеся зрачки дедушки расширились, бледнота с лица сошла, щечки порозовели, замедленный пульс участился...

Я сунул трубку к уху дедушки и услышал шепот:

— Мой дорогой... мой самый-самый сильный... ну, сделай же это скорее... я жду... ты можешь... ты сможешь... ты уже смог...

В этом месте их дыхания — то бишь дыхание дедушки и дыхание девушки — слились, наложились друг на друга.

— Правее!.. Левее!.. Глубже!.. Еще-оо!.. Ну, еще... еще-оо, — услышал я.

И в тот же момент понял, что неправильно набрал номер. Вместо «Скорой помощи» позвонил в службу «Секс по телефону»!..

Я хотел было проклясть себя за эту ошибку, да вдруг обомлел: дедушка мой стоял в неглиже посреди комнаты и приплясывал:

— Ах, дочка!.. Ох, дочка!.. Ну, ты даешь, дочка!..

Что и как она давала, теперь это уже не имело никакого значения: мой дедушка был сейчас здо-

ров, как бык. Точнее, как бык-производитель. Я выхватил у быка трубку, чтобы поблагодарить за лечение.

— С вас полторы тысячи. Говорили три минуты, — услышал я очаровательный голос.

Честное слово, здоровье дедушки стоило дороже.

1992

Последствия

Девочка Надя, тринадцать лет,

сидела на подоконнике у раскрытого окна и смотрелась в зеркало. Этаж был семнадцатый, сверху были видны людишки, автобусики и трамвайчики...

Вдруг Надя увидела на своем лице прыщик. Она отложила в сторону не доеденный ею банан и принялась давить... в самый решающий момент она вздрогнула, сделала неверное движение — и банан полетел вниз на мостовую.

Шмяк!

В ту же секунду на скользкую корку банана наступила перебегавшая улицу тетка. Она проехала на банановой корке и распласталась у светофора.

Водитель автобуса рванул руль влево.

Из-за чего ехавшая рядом машина-фургон с надписью «Живая рыба» врезалась в столб. Но вода из фургона не вылилась, живая рыба вопреки ожиданиям на асфальт не вывалилась. Вместо всего этого из раскрывшихся от удара задних дверей на улицу выскочили пятеро бритых людей в полосатой одежде, а за ними милиционер и солдат. Они начали стрелять с колена вслед разбежавшимся в разные стороны заключенным.

В тот же вечер в городе выросла преступность ровно на пять единиц. Причем одно из преступлений оказалось особенно злостным — был украден «дипломат» у одного из дипломатов.

В этом «дипломате» были, как на грех, списки всех агентов стран третьего мира, что в конце концов привело к выдворению этого дипломата, оказавшегося резидентом четырех разведок в одной никому не известной стране.

Пришлось вмешаться Организации Объединенных Наций.

Голосование показало, как всегда, единство всех миролюбивых сил, благодаря которому, собственно, и начался вооруженный конфликт между сторонами.

Два континента оказались втянуты в кровавую бойню.

До атомной войны, к счастью, не дошло, но тридцать три миллиона убитых и раненых — вот результат этого регионального конфликта, в котором, как нас и предупреждали, и не могло быть ни выигравших, ни проигравших.

К этому надо добавить, что национальный доход во многих странах снизился на четыре процента.

...Вот к каким тяжелым последствиям привело одно неверное движение девочки Нади тринадцати лет, которая однажды сидела на подоконнике и давила прыщик.

Горемыки

Собрались Горемыки на съезд.

В президиум выбрали, как полагается, лучших, самых, можно сказать, несчастных из несчастных. Стали слушать доклад:

— За отчетный период наши муки возросли на столько-то процентов, наши печали — на столько-то. Сегодня мыкать научились все, а кто не мыкает, тот не наш человек. Мы достигли больших успехов в деле всеобщей деградации, заняв активную позицию на платформе паралича. Много поработали над упадком нашей экономики. Всерьез потрудились для того, чтобы маразм крепчал. Приняли ряд судьбоносных решений, поддерживая действия правительства под девизом: «Семь бед — один ответ». Умело и без потерь исчерпали все возможности. Начали подготовку полного провала по всем направлениям, энергично содействуя прогрессу общего кризиса. Эвакуировали беженцев из опасной зоны в регион чрезвычайного положения, чтобы лично присутствовать на демонстрации бросания их на произвол судьбы с целью дальнейшей организации борьбы с его последствиями. Наконец, получили доверие народа для новых поражений и исторических ошибок.

Затем приступили к прениям. Один Горемыка выразил неудовлетворение:

— Ваше горе гораздо меньше нашего.

Другой оратор с ним не согласился:

— А наше горе еще больше!

Один делегат остановился на вопросе: «Почему все остановилось?»

— В нашем городе, — рассказал он, — остановилось все: часы, транспорт, заводы, фабрики, работа учреждений... Но пока мало кто понимает, что это и есть «в коммуне остановка». Та самая.

Один из жителей села Заверюхино предложил очень интересную программу развития Нечерноземья.

— Пропадай моя деревня, — сказал он. — Все четыре колеса.

С этим решительно не согласился житель деревни Стародубцево. Он сказал:

— Программу осуществить можно, но сложно, поскольку никаких колес ни в одной деревне нет.

Участники землетрясений поделились своим опытом.

— Мы, — говорят, — готовы к любым катаклизмам, в том числе и к талонам на сахар. Ведь то, что в течение столетия невыносимо для других, для нас давно стало дневной нормой.

Интересное заявление сделали утопленники, которых удалось спасти:

— Мы и впредь будем купаться и плавать. В любую погоду. Нам и сейчас не страшны никакие бури, штормы и ураганы. Только, — жалуются, — дырявых лодок не хватает. Помогите! — кричат. — С дырявыми лодками! Спасите!

Некоторые выступающие пытались поднять настроение призывами:

— Больше внимания наступающему апокалипсису!

— Тверже шаг по болоту!

— Выше уровень воды наших наводнений!

— В жизни раз бывает восемнадцать лет строгого режима!

В общем, страсти накалились. Мученики партии обвинили беспартийных мучеников в том, что они их мало мучают.

— Чем? — спросили их присутствовавшие на съезде горе-журналисты.

— Муками воспоминаний. Муками совести, — был ответ.

Одного калеку просто не стали слушать. Он хотел сказать, что есть еще надежда. Ему не дали договорить.

— Мы, инвалиды, все как один протестуем против заявления нашего калеки!

И пригрозили накостылять ему за псевдооптимизм.

В заключение приняли резолюцию, требующую положить конец свету. Начали плакать. Некоторые — стенать. Особенно ретивые — кожу раздирать, в общем, расстроились... Действительно, настроение у всех не самое лучшее. А чего радоваться?.. Съезд кончился, будущего нет... А тут один взывает:

— Дальше! Дальше! Дальше!

Другой:

— Так дальше жить нельзя!

Третий:

— Сдать оружие!

Что поделаешь?.. Решили в следующем году провести еще один внеочередной, общегоремычный съезд. На повестке дня три вопроса:

1. Итоги ужасов.
2. Перспективы кошмаров.
3. Перевыборы гастролеров на трибуне.

В общем, работы много. Кто хочет, как говорится, может подключиться. Внести свой вклад в наше общегоремычное дело.

1995

Наша экология

Решили мы однажды проверить

нашу питьевую воду на экологию.

Послали несколько литров в Англию на экспертизу. Через месяц приходит научный ответ: «Купаться запрещено».

Тогда послали воду из пруда. Через три недели английский ответ: «Бензин хороший. Можно заправляться».

Послали бензин. Ответ получаем по-английски: «Водка нормальная. Чисто русская».

Послали водку. Нам отвечают:

«Ваш яд для тараканов неплох. Но к нему требуется закуска».

Послали закуску. Через неделю нам пишут:

«Взяли пробу вашего грунта. Не могли бы прислать нам немного черной икры?»

Прислали. Ответ был такой: «Ваш сапожный крем следует смешать с маслом».

Послали масло. Приходит ответ на следующий день: «Анализ вашего дерьма произвели лучшие специалисты. Результаты превзошли наши ожидания».

Тогда мы поднатужились и послали в Англию немножко нашего настоящего дерьма. Ответ получили в тот же день:

«А это дерьмо — просто дерьмо. Можете убрать».

Поскольку этот единственный продукт получился у нас абсолютно экологически чистым и высшего качества — ведь можем же, когда захотим! — мы решили рекомендовать его к массовому потреблению. Едим до сих пор.

1996

Письмо в газету «Зафтра»

Всези с тем, шта русский язык

нуждаица в риформе рускаво языка предлагаю слово «карова» писать через «ю», а букву «г» отменить вобче как недостойную рускава языка па причине ея нехарошаго запаха. Ва всем винаваты цегане и явреи каторым русский язык не великий и не могучий. Ани иго не уважают пусть уизжают в свой израэль и там гаварят на своем радном языке а наш язык аставьте нам штобы мы магли на ем писать и разгаворывать.

Мы есть патриоты Росии и не дадим всяким ждам и мосонам. Мы им врежем штобы знали и не магли. Ани хатят апоганить и опарочить нашу культуру и историю но мы будим на страже бить им па роже.

Расея должна принадлежать только руским а то многа сичас развелось лицов кавкаской национальности и других чукчей на нашу голову. Рускому языку нада помоч. А кто яму поможид есля ня мы. Кто ишчто им будит хронить в нашем обществе память о языке Пушкино и Дастваевского, Талстово и Тургеньева, Гогля и Порханова, а не этих Пастернюка и Манделштурма, Булдакова и Плутонова.

*Пастаянный читател вашей газеты
(подпись неразборчива)*

С то тридцать два дня

и сто тридцать две ночи наш караван тащился по пустыне. И вот, наконец, оазис. Спасение пришло.

— Извините, но у нас тут не базар, а рынок, — сказал нам представитель начальства оазиса. — Придется вам заплатить за воду.

— Сколько? — спросили мы, упав на колени от жажды.

— Надо заключить договор: вы нам ваше золото, мы вам гарантированный подход к нашим колодцам.

— Возьмите все, только дайте попить.

— А за ведра вы чем будете платить?.. Вам следует оплатить наши ведра.

— Берите верблюдами. Ваши ведра — наши верблюды.

— О'кей. Бартер, значит. А кто нам заплатит за аренду веревок?.. Вы же хотите, чтобы ведра опускались в колодцы, не так ли?

— Мы хотим пить, — заявили мы твердо.

— Тогда будете платить, — не менее твердо заявили нам.

— Что еще?

— Еще можем предложить гарем на сорок коек

Я, Семен и бутылка водки. Так все вместе и живем!

Жизнь прекрасна...

...и ужасна!

Третий (я) — лишний.

Это не танец. Это — «разборка».

Приятное застолье с Мишей Жванецким в чьих-то гостях где-то в Сибири.

Теща, одним словом.

Посредине — средняя
дочь Саша Розовская.

На загровке Семен,
под ногами Татьяна.

Полный сбор моих
детей и внуков:
Старшая дочь — Маша.
Ее муж — Слава. Их
дети — Веня и Илья.
Саша плюс Сеня.
И примкнувшая к ним
жена моя Татьяна.
Я за кадром (снимаю).

Заокеанские друзья — тоже верные друзья. Жора
Вайнер, Илюша Зарецкий...

«Сладкая парочка»,
или
Жизнь продолжается!

для каждого участника каравана. Досуг. Девушки. Круглосуточно. Спросить Гюльнару.

— Нам пить... пить хочется. Умираем.

— Гюльнара оживит вас. Только платите.

— Чем?.. Золото забрали, верблюдов взяли. Платить уже не можем, а во рту еще ни одной капли не было!..

— Если вы неплатежеспособны как партнеры, то зачем вообще шляетесь по пустыне!.. Пить им хочется, понимаешь!.. А ну, схватите этих авантюристов и отрубите им головы!..

Тотчас вбежала охрана оазиса, скрутила нас и потащила куда-то на площадь. Там нас уже ждал палач, который, подняв секиру, спросил наше последнее желание.

— Пить! — хором крикнули мы.

Он рубанул в ответ по нашим головам.

...Впоследствии выяснилось, что оазис был вовсе не оазис, а мираж в пустыне, и потому мы еще живы.

Живы, черт возьми.

Но пить хочется еще больше.

Метающие топоры

А наши топоры
Лежали до поры.

Н.А. Некрасов

Несколько наших топоров

решили полетать — себя показать, на мир посмотреть. А как полетишь — крыльев-то у топоров нету. А все ж полетели — топоры, они такие, им достаточно их желания. Или задания.

Вот летят они над миром. Смотрят — внизу Индия, а по Индии слон топает. Топоры на него сверху все разом — хрясь!..

Слон упал, бедный, сначала на одно колено, потом на другое, ничего понять не может, а тут еще кровь хлещет — кто это его? Зачем? Почему?.. А вот так. Потому что на зайца не похож, понятно? Слон хотел спросить: что такое «заяц», да не успел.

Топоры вскинулись к небу и дальше полетели.

А внизу уже Сибирь, тайга...

Тут топорам раздолье. Спикировали вниз, по-вырубали тайгу, даже подустали немножко, почувствовали свою тупость.

Отдохнули — и дальше в полет. Хочется мир изменить к лучшему, то есть сделать всё сборно-разборно.

Пролетая над Москвой, подивились ее красоте, мимоходом срубили все кресты со всех церквей —

это так, из баловства, просто так ведь над Москвой скучно кружиться, да и воронья много — конкуренция...

А куда от Москвы дальше лететь — топоры не знают, в небе сто дорог, и все в разные стороны... В небе Африки покувыркались, над Китаем — тренировочный полет произвели, ай да молодцы!..

Потянуло молодцов в Европу. А Европа закрыта. Стена высоченная, выше облаков...

Топоры посовещались между собой, решили прорубить окно в Европу.

Стали рубить, а стена некрепкая, мягкая — из ваты, попробуй вату топором — ничего не получится... Наконец прорубили... Окно — не окно, а вроде дырки маленькое отверстие... Но злопахает, как большое.

Туда и наострились.

Летят над Польшей. Смотрят, чего бы срубить. А там уже ничего, все порублено. Какими-то чужими секирами.

Опоздали, как всегда, с Польшей, далее Германия...

А там свои топоры всегда готовые к взлету стоят. Лучше Германию не трогать. Там свое точеное железо.

Бельгия, Голландия, Люксембург — это страны маленькие. Рубанешь и не заметишь. Разве это удовольствие? Зато по просьбе трудящихся Испании врезали ей хорошенько, чтоб Норвегии неповадно было.

Франция. Тут, конечно, очень заманчиво топорам поиграть. Здесь для них много всего. Многое, так сказать, вдохновляет. Так сказать, зовет к топору.

Ну, во-первых, женщины. Все — доски, но... Краси-и-ивые!.. Из-за каждой можно рубиться. Во-вторых, вина, коньяк... Тут вообще — чуть перебрал — сразу вырубился. А если топор вырубился — он уже не топор. Тряпка половая.

Следуя своему интернациональному долгу, решили махнуть в Англию. А там все то же, что во Франции, только по-английски. Одни чурки. Живут неправильно, все неотесанные. Ничего, придет время — обстругаем англичан. А пока...

Отрубили от Италии сапожок. Подарили Швеции. Пусть носит!

Отрезали кусок мяса. Оказалось, это от Потамии. Пусть оказалось!

Махнули через океан в Америку. Вот где все как в России, только хуже. Порядка нет.

Тут топорам воля: Америка — страна свободы, гуляй — не хочу. Разгулялись. По небоскрегам прошлись, по дорогам проехали. Теперь там колдобины и гаишники взятки берут.

Вообще в Америке все на деньги. Но не на наши, не на деревянные. Это исправимо.

В России если кому топором по башке дашь — это можно и бесплатно, а в Америке только за доллары. Теперь у них будет, как у нас. Навели порядок. В Чикаго все теперь, как в Серпухове, а в Бостоне — как в Комсомольске-на-Амуре. В Капитолии — Дума, на Бродвее — Табаков, в Голливуде — Михалков... Нарубили дров — и дальше... Жаль, Япония не по пути, а то бы мы из нее Башкирию сделали. Запросто!

Двинулись из Америки на Кубу — там своя рубка. Опираясь на антираскольниковский принцип невмешательства в голову старухи-процентщицы,

познакомились с мачете, подружились — хоть и чужие, а родные. С Кубы — в Чили. Там спокойно сейчас, топорам делать нечего. Но есть отдельные серпастые, которым нужна наша поддержка.

Оказали и оказались в Бразилии. Там все танцуют. И в футбол играют. Совсем другая рубка.

Оттуда до Антарктиды — рукой подать. Но там с айсбергами много возни. Лед рубить тяжелей, чем людей. Потому в Антарктиду так и не развернулись. Сделали вираж, почуяли кураж.

В Австралии — кенгуру: кен — влево, гуру — вправо. Зебру порубили: черная полосочка отдельно, белая отдельно. Полегчало. Весь мир отметил нашу топорную работу.

Везде наши топоры — свои люди. Всюду их принимали как почетных гостей, но всегда шарались...

Все же топоры — опасные существа. Налетчики. Особенно когда по миру летают косяками.

Как один солдат всех енералов не победил

Во всем был силен Ахромей,

но одну слабость все же имел — очень уж нравилось ему парады на Красной площади принимать. Бывало, выстроит своих енералов да маршалов, а сам на белом коне из Спасских ворот выезжает. Все перед ним во фронт застымши, глазами остеклянемши. Он им:

— Гав!

А они ему троекратно:

— Гав! Гав! Гав!

И:

— Ура-аа!..

А солдат Ахромей и тут начеку: одним ухом музыку слушает, а другим смысл ловит. Какой смысл, спросите? Отвечаю. Смысл парада в демонстрации.

— А в демонстрации чего?

— Собачьей преданности.

Каждый енерал не просто гавкает — как бы клянется. А который маршал — тот еще и рычит. И кто громче — тот у них и главнее. У того и орде-нов поболе, и живот потолще.

А солдат Ахромей хоть и младше по чину, да только не им, а ему доверяют парад принимать. За его бывшие воинские заслуги.

И правда, когда надо было басурман чихвостить, вызвали Ахромея, говорят:

— Давай. Чихвость.

Он тогда порадовался и всех отчихвостил. Дале, говорят, надо с халдеями управиться.

— Иди в поход.

Он тут же пошел и управился.

Наконец, просят пушку прочистить — дуло на чухонцев направить и ихнее чухонство пресечь.

Он тотчас пресек и направил.

И вот, видя такое его солдатское геройство, решили все как один енералы и маршалы перед Ахромеем навытяжку стоять и гавкать.

— Ты, — говорят, — Ахромей, наша опора в грядущих боях. И мы, имея тебя, за свою жизнь спокойны.

Только зря они так уверовали. Потому как по привык Ахромей к парадным почестям и, можно сказать, потерял бдительность. Из-за чего и вышло то, что все границы перешло.

Надо ему из Спасских ворот выезжать, и белый конь для него уж готов, а у него, у Ахромея, пупок развязался. Он туда-сюда, хочет завязать, а не может.

Пупок — он и есть пупок, ему что парад, что хоть бы что — никак, что ни делай, как ни старайся, — а не завязывается.

Ахромей даже весь посинел, так хочет наладиться, от напряжения аж хрякнул — белый конь вспугнулся и без седока на Красную площадь как зацокает...

Енералы и маршалы стоят еще больше застымши, еще больше остеклянемши. Да только сколько в таком положении простоишь... Пора гавкать, а кому?..

— Иго-го-го!

Они в растерянности. Тогда кто-то начал, остальные поддержали:

— И-го-го! И-го-го! И-го-го!

И конечно:

— Ура-аа! — прокатилось по рядам. Да не простое, богатырское. Очинно тут обиделся солдат Ахромей. Выходит, он воевал, пресекал, а между ним и лошадьёю разницы никакой. Даже не обиделся, а прямо осерчал.

И командует: «Войска, к бою!»

Все войска тут же за его спиной.

— За Родину! В атаку! Вперед!

И с развязанным пупком на своих же енералов и маршалов как бросится. Что тут началось!..

Пушки палят, шашки наголо, кто-то что-то кричит, кто-то с кем-то по телефону переговаривается... Некоторые упали. Другие стонут. Третьи врассыпную... Дым... кровь... Знамена заместо штыков используются... Пулеметы стрекочут, танки друг друга давят, никак подавить не могут... В общем, хуже некуда, военное положение, атмосфера страха, время подвигов... В такую эпоху лучше всего пьяным на печи лежать и не поддаваться панике.

Еле скрутили Ахромей, овладели, так сказать, нештатной ситуацией. Отправили его в штрафбат. Пусть там себя заново героем показывает. Нужники чистит.

С той поры на Красной площади парады нормально проходят. Солдатам уже не доверяют их принимать. Несмотря ни на какие их былые заслуги и доблести. Доверяют это дело только небоевым генералам и маршалам. И правильно. У них никогда пупок не развязывается.

1988

В одном королевстве много лет

назад правил король Мордобой 5-й. До него в той стране уже были четыре Мордобоя, и все, как вы понимаете, отличались большой жесткостью. Но Мордобой 5-й был, что называется, самым-самым. Особенно по части мордобоя.

Любил он, очень любил ко всему руку приложить. А рука в виде кулака да еще в перчатке.

А в перчатку Мордобой закладывал еще и свинчатку. Так что удар получался в сорок раз сильнее, чем обычным кулаком.

Почему в сорок?.. А все рассчитано. Во дворце Мордобоя в каждой комнате стояли специальные силомеры — такие механизмы, на которых король мог тренировать каждый свой удар и знать, точно знать его тяжесть.

Да только нашему Мордобою все было мало. Решил он свой удар увеличить не в 40, а в 400 раз. Очень уж ему этого хотелось.

Вот вызывает он к себе двух ученых с мировым именем — Эйна и Штейна — и говорит им о своей просьбе.

— Это, — говорит, — заказ государственной важности. И мне нужно, чтобы вы выполнили его

в наикратчайшие сроки. Так что думайте, авось что-нибудь этакое и придумаете.

Эйн и Штейн замаялись, они не привыкли думать по госзаказу.

— Мы, — говорят, — вообще-то физики. Мы вообще-то другими проблемами занимаемся.

— Какими другими?

— Проблемами природы. Ее тайнами. Космосом интересуемся. Хотим, к примеру, в следующем тысячелетии в соседнюю галактику заглянуть. А вот к вашему кулаку нас как-то пока не тянуло. Мы почему-то проходили мимо вашего кулака.

Мордобой послушал этот ответ и говорит:

— Вы арестованы.

— Как? — изумились Эйн и Штейн.

— А вот так, — отвечает им Мордобой. — Будете в тюрьме у меня работать и сидеть. И пока не сделаете того, чего я прошу, я вас, собак, из тюрьмы на волю не выпущу.

У Эйна было двое детей, а у Штейна — скрипка.

— Сделаем, — сказали арестованные Эйн и Штейн. — Почему ж не сделать?.. В конце концов, мы физики и можем рассчитать любую физическую силу.

— А вот это правильно, — кивнул Мордобой. — Только без жертв. Я этого не люблю. Я люблю, когда с любовью, с энтузиазмом... Чтоб любая трагедия была оптимистическая. В общем, за работу, товарищи!

И начали работать. Но как начали?.. Для начала сковали Эйна и Штейна одной цепью, чтоб не убежали друг от друга и чтоб дружили, — Мордобой очень дружбу любил, особенно мужскую. Потом специально для них вырыли подземелье —

7 километров вниз, а чтоб Мордобой мог ездить туда с удобствами — проверять, как идет работа, — провели туда для него личное метро. По прямой, без пересадок.

И только после этого дали Эйну и Штейну возможность свободно думать в подземелье.

Думали они, думали и, наконец, придумали.

— Надо, — говорят, — свинчатку в сто раз увеличить. Тогда и удар будет в тысячу раз сильнее. По закону геометрической прогрессии.

Увеличили свинчатку. Заложили в перчатку. Пришел Мордобой испытание новой системы проводить. Четыре... три... два... один... пуск!

Хочет поднять кулак, да не может. Отяжелела перчатка в сто раз.

Начал снимать перчатку, а она не снимается. Мордобой тужится, а сил нет такую тяжесть носить. Стоит, будто прикованный к своему свинцу, и ругается:

— Это что вы, собаки, со мной сделали?.. Я же такую тяжесть потянуть не могу. А ну, освободите меня скорей!..

А Эйн и Штейн смеются.

— Нет, — говорят. — Хватит с нас всяких Мордобоев. Ты у нас пятый по счету и последний. Будешь теперь до конца жизни в этом подземелье сидеть и свою физическую силу испытывать.

Сказали так и наверх поднялись.

Эйн к своим детям пошел, а Штейн на скрипке заиграл.

Да так хорошо — приятно слушать.

Про лекарство

Жило-было Ухо.

Из Ухаросло Дерево.
На Дереве висели Бомбы.
В Бомбах были Конфеты.
Конфеты были горькие.
Их любили кушать Коровы.
Эти Коровы умели летать.
В полете Коровы пели.
Им аплодировали Самолеты.
У Самолетов были Дети.
Детей звали «самолетики».
«Самолетики» были бумажные.
Они любили кувыркаться.
Их приглашали кувыркаться в Цирке.
В Цирке выступали дрессированные Цветы.
Один Цветок мечтал стать Клоуном.
Его звали Ромашка.
У Ромашки был друг — Муравей.
Этот муравей спал 25 часов в сутки.
Во сне он храпел, как Лошадь.
Лошадь была старая, пегая и добрая.
Ее любил рисовать Художник.

В мастерской Художника жил Глаз.

Художник заболел и пошел к Доктору.

Доктор спросил: «На что жалуетесь, больной?»

Художник говорит: «Большая разница между тем, что я вижу, и тем, что я слышу»

Доктор говорит: «Тогда я вам пропишу лекарство. Это лекарство — сказка, которая начинается так: «Жило-было Ухо. Из Уха росло Дерево...» и т.д.».

Художник принял лекарство и выздоровел.

1965

Времена года

Решила Весна прийти раньше.

И пришла. Зима говорит:

— Не люблю выскочек.

Весна отвечает:

— Ты чего злишься?! Не злись!..

Зима:

— Я с тобой и разговаривать не желаю.

— И не разговаривай. Уходи без разговоров.

В общем, поссорились. Испортили, можно сказать, отношения. Только Весна наступила, сразу Лето пришло.

— Здравствуй, Лето! — говорит Весна. — Что-то ты не вовремя...

— Когда хочу, тогда и прихожу, — говорит Лето. — Я тебя не спрашиваю...

— А я тебе и не отвечаю. Мне от тебя, прости, ни жарко, ни холодно.

Это значило, что не успело Лето наступить, как уже Осень явилась... Лето кричит:

— Бррр... Мерзну...

Осень улыбается:

— Так тебе и надо... Ты меня даже не поприветствовало...

Только Осень эти слова произнесла, снег повалил, мороз грянул... Зима на дворе!.. И сразу:

— Ой, слякоть-то какая... Разве это Зима?.. Все тает!..

— Ф-фу... Жарища... Дышать нечем!..

— И дождь, слава богу!.. Наконец-то опять холодрыга!..

В общем, все перепуталось в природе. Смотрят люди на календарь; там август, а по улице Дед Мороз с елкой шагает...

А все потому, что решила однажды Весна прийти раньше. И пришла.

1968

Две деревни

Жили по соседству две деревни.

Но жили по-разному.

Когда одна деревня плакала, другая смеялась.

Когда одна пела, другая молчала.

Когда одна спала, другая работала.

И вот, настало вдруг время, когда одна деревня не выдержала и пошла на другую с кулаками. А другой — что делать?.. Ей впервые, можно сказать, пришлось делать то же самое. С кулаками пойти на свою соседку.

Вот идут они деревня на деревню и думают, как бы победить друг друга в этой борьбе.

Да только двух победителей в драке не бывает. Дали волю кулакам, и вот что в результате получилось. Теперь...

Когда одна деревня плакала, другая смеялась.

Когда одна деревня пела, другая молчала.

Когда одна спала, другая работала.

1969

Будьте здоровы

Один дядька много чихал.

По двадцать два раза каждый раз. Если начнет чихать, его уже не остановишь... Пока двадцать два чиха не сделает, ни за что не успокоится... Даже смешно. Если не сказать, грустно.

Потому что на каждый его чих окружающие должны были говорить:

— Будьте здоровы!

Ему, дураку, хорошо чихать. Он свою норму знает. А окружающим — каково?..

Ну два раза ему «будьте здоровы» пожелали, ну, пять, ну, семь... ну, наконец, одиннадцать... это еще куда ни шло!..

Но — двадцать два!.. Нет, это уже было слишком. И где-то после двенадцатого чиха наступало молчание. Ну, глупо двенадцать раз подряд говорить одно и то же. Хотя и семь не умнее.

И вот обычно последние десять чихов проходили без участия окружающих. Многие из них, бывало, просто не выдерживали напряжения и убегали от чихающего в неизвестном направлении. Говоря прямо, скрывались кто куда. Лишь бы не присутствовать при этой ужасной картине: дядь-

ка продолжает надрываться, а ты, видишь ли, ему опять и опять:

— Будьте здоровы!.. Будьте здоровы!.. Будьте...

Прямо-таки не ясно, кто больше в этой ситуации идиот: чихающий дядька или тот, кто рядом с этим чихающим мотором рядом оказался...

И вдруг: крутой поворот в жизни нашего дядьки.

Его назначают министром. И все в его жизни резко меняется...

Все, да не все: как чихал наш дядька раньше по 22 раза подряд, так и продолжал. Но только теперь уже как член правительства.

И вот, представьте, как он только на эту должность заступил, ему на каждый чих стали говорить:

— Будьте здоровы!

Он 22 раза. И они 22 раза. Ни больше, ни меньше.

И никто не убегает. Наоборот, некоторые даже после седьмого раза начинали подбегать, а после пятнадцатого хором скандировать:

— Будьте здоровы! Будьте здоровы! Будьте...

Да только через пару лет нашего министра сняли. И снова он стал обыкновенным дядькой.

И снова чихал столько же раз, сколько и раньше...

И снова ему после одиннадцатого раза — это предел! — никто уже не желал здоровья.

А когда на пенсию ушел, самое большее три раза чего-то такое просят для вежливости, и все. Тихо. Спокойненько. Без тревог.

А когда дядька наш совсем состарился и сделался совершенно одинок, он по привычке однажды как начал чихать, как начал...

А ему ни ответа, ни привета...

Расстроился наш старый дядька и тут же умер.

И правильно сделал, между прочим. В самом деле, ну, зачем жить, если тебе «будьте здоровы» сказать некому.

1966

В начале было слово.

— Прикройся, — сказал Адам.

Девушка по имени Ева от возмущения тряхнула грудями и прошипела:

— Я буду защищать свои права. Почему я должна делать то, что ты говоришь?

— Потому, что это неприлично.

— Почему тебе можно ходить с голой грудью, а мне нельзя?.. Я, между прочим, такой же человек, как и ты. Мы равны.

Адам не согласился:

— Все-таки между нами есть кое-какие различия.

— Это мелочи, — сказала Ева. — Это не в счет.

— Ты оскорбляешь меня. Мое мужское достоинство.

— Не вижу никаких достоинств.

Адам чуть не заплакал. Ему хотелось, чтобы Ева видела в нем что-то хорошее.

— Я еще покажу тебе, — пообещал Адам.

— Показать мало, — возразила Ева. — Меня надо убедить.

Адам не знал, что ответить. Он застеснялся. А Ева решила, что Адам — просто слабак. Она съела яблоко и пошла гулять со Змеем-искусителем.

— Ева! — закричал Адам. — Вернись сейчас же домой!..

Он имел в виду шалаш, в котором они жили с Евой все первые годы. Но девушка даже не откликнулась.

— Боже! — воскликнул Адам. — Что с нами со всеми происходит?!

Тут разверзлось небо и раздался голос Всевышнего:

— Ничего не могу поделать. Феминизм, черт его дери!

С той поры прошло несколько тысяч лет, но этот голос так и не был услышан.

Презентация шишки

Светская хроника

Недавно в нашем лесу,

что около Рублево-Успенского шоссе, произошла презентация лучшей прошлогодней шишки, упавшей с березы в этом году.

Звери съезжались сюда по проселочным дорогам на своих лимузинах. Было мило. То есть было мило. То есть было мило, я хочу сказать. Извините, после вчерашнего...

На большой поляне кружил рой приглашенных пчелок. С них стекал мед, которым тут же, у всех на глазах, лакомились медведи, пришедшие на праздник совершенно голыми и без галстуков.

Многочисленные официанты-муравьи сновали туда и сюда, разнося на подносах свои знаменитые муравьиные настои на спирту.

Некоторые животные из отряда кровожадных лениво поедали с тарелок белую рыбку, красную капустку, желтую морковку и зеленый сельдерей.

— Я на диете! — сказал Волк, и все стали спрашивать у него: что это такое — волковская диета?..

— Можно кушать все, но не чаще чем раз в месяц! — шутил наш вечно голодный серый герой.

— Но ведь это так трудно! — воскликнула доверчивая Лиса, большая любительница курочек.

— А вы попробуйте! — советовал Волк, клацая своими ослепительными вставными клыками. — Раньше я был свинья свиньей, а теперь смотрите — элегантен и подтянут, как Wolk Wolker из Голливуда.

Его тут же сфотографировали на гляцевую обложку мужского журнала, редактируемого какой-то лягушкой из соседнего болота.

Гости, среди которых можно было заметить кучу банкиров и ни одного спонсора, продолжали тусэ под тихую гламурную музыку, которую наигрывали из-за кустов звезды нашей дикой попсы — группа «Шуршащие», состоящая из гусениц, приползших покорять столицу из Сибири.

Прочая публика, одетая в винтажные платица, сумасшедшие шляпы и разноцветные гольфы, красовалась вокруг пенька — зайцы и зайчихи, суслики и сусличихи, бары и барвихи... Рядом уныло стоял заезжий верблюд, на которого никто не обращал внимания, поскольку теперь у нас и своих верблюдов полным-полно. Под развесистой клюквой то ли целовались, то ли совокуплялись шестеро крокодилов-метросексуалов с супермоделями из агентства «Оборотни».

Два дикобраза выполняли роль маргиналов, танцуя не в такт, словно педики после бани.

И тут вперед выступила хозяйка раута — светская львица, тигрица и мокрица одновременно, в невообразимом декольте — от пупка до пят, и с пышным волосяным покровом и макияжем от Лошадини.

— Дамы и господа! — сказала она и показала то, ради чего все сегодня собрались. — Все вы, конеч-

но, тоже большие шишки, но эта шишка — особенная. У нее нет цены, и потому она бесценна!..

Гости заволновались, ибо знали точно, что все на свете можно купить, — значит, цена имеется у всего на свете. Именно по этой причине шишка была немедленно продана за деньги, сумма которых навеки останется коммерческой тайной. Что касается покупателя — седого господина по имени Шакал, — то он остался доволен покупкой и честно заявил:

— Вообще-то у меня все есть. Только шишки мне не хватало.

На этом светская вечеринка не закончилась. Под утро звери разбушевались и разъехались, лишь когда сожгли лес.

Это было самое обаятельное светское мероприятие последних недель.

Нам не дано

Сидели в шашлычной, что у рынка,

два юных поэта Пупкин и Маятовский и разговаривали о высоком. О Тютчеве. О России. О том, что денег на вторую бутылку нет.

Первая стояла перед ними недопитая и дрожала, подъезжая то и дело к краю стола, рискуя сверзнуться вниз, поскольку одна ножка была короче других, а подложить под нее сложенную бумажку ребята уже не соображали.

— Тютчев — это эпоха, — сказал Пупкин. — Но давно ушедшая... При всем его величии он писал плохие стихи.

Эта мысль Маятовскому понравилась, и он не стал ее оспаривать. Однако на всякий случай, чтобы поддержать разговор, сказал:

— Докажи.

Пупкин напрягся и вспомнил известные строки:

— Да вот хотя бы... такая графомания:

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...

— Слово наше, — поправил Маятовский.

— А я как сказал?

— Ты сказал: наше слово. Другой порядок.

— Я правильно сказал, — нахмурился Пупкин.

— Нет, неправильно, — твердым голосом сказал Маяковский. — Классику надо знать.

— Я знаю.

— Не знаешь.

— У Тютчева «наше слово».

— Нет, Пупкин, нет... У Тютчева «слово наше».

— Спорим, «наше слово»?.. На бутылку!

— Тут и спорить нечего!.. «Слово наше!» Считай, ты мне уже должен пол-литра.

— Слушай, Маяковский, какой же все-таки ты... самоуверенный.

— А ты, Пупкин, безграмотный.

Конфликт нарастал. То, что Тютчев — графоман, хотя и классик, было неоспоримо, но порядок слов в его стихах сейчас вызвал к чисто литературной дискуссии, в просторечии называемой дракой.

— Заткнись, Маяковский, — сказал Пупкин. — У тебя рот поганный.

— А ты вообще говно. Я твою маму...

Маяковский не договорил. Пупкин схватил со стола бутылку и...

— Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется! — закричал он на всю шашлычную и ударил поэта Маяковского по голове.

— Слово наше... Слово наше... — прохрипел Маяковский, сползая со стула, истекая кровью, но все же найдя в себе силы, чтобы закончить:

И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать!

Однако на суде через месяц поэта Пупкина оправдали, потому что при цитировании этих стихов в разных изданиях были замечены оба разночтения.

Новогодняя история

Случилось это недавно,

а кажется, будто вчера. Мы всегда под Новый год работаем. Мы — это Театр у Никитских ворот. Играем какой-нибудь веселый спектакль, который кончается где-то в полдесятого вечера, потом короткий с отдельно приглашенными зрителями фуршет для своих минут на сорок в фойе театра — провожаем, так сказать, год ушедший и затем — или домой, или в гости — к елке и застолью.

Все расписано по минутам, и мы всегда успевали... На этот раз мы собрались к приятелю и предупредили, что будем впритык.

— Впритык так впритык, — сказал приятель, — главное, бутылку не забудь.

— Есть! — произнесла жена.

И еще днем достала огромный деревянный ящик, похожий на детский гробик.

— Это мы из Испании привезли, помнишь? Королевский коньяк 30-летней выдержки. Коллекционная серия. У одной пробки 12 премий в разные века.

Я, конечно, был рад тому, что у нас есть что поставить на стол. Где-то за полчаса до 12 мы были у подъезда желанного дома, где, видно, уже сидела

вся компания. Я ткнулся в дверь — огромную, железную, только что, видно, поставленную, — бесполезно!

— Код! Я не знаю код! — прошептал я. — Лажа!

— И по-моему, большая, — подлила масла в огонь жена. — Телефона тут нет, а я тебе весь год говорила: купи мобильный, купи мобильный.

— Уже без пятнадцати! Что будем делать?

— Открывай ящик. Будем здесь выпивать на снегу.

— Погоди! — вспомнил я. — Обычно жильцы на дверях пишут код. Дай спички.

— Я с тобой разведусь, раз ты забыл, что я не курю.

— Без десяти! — Я посмотрел на свои часы, которые зловеще фосфоресцировали во тьме. И обрадованно стал елозить светящимся циферблатом по двери в надежде увидеть какие-то циферки.

Прошло минуты две, и я понял, что лажа уже не большая, а очень большая.

И вдруг сзади к нам подходит то ли спившийся Дед Мороз, то ли какой-то падший Карл Маркс — в общем, бомж. Самый настоящий. И одет соответственно — в генеральском кителе с орденами и пахнет как надо: преотвратительно.

— Открыть? — спросил он, блеснув подбитым глазом.

— Да-да!! — закричали мы с женой хором.

— За бутылку открою!

— Давай!

— Нет, это ты давай... Сначала проводим старый год.

Препираться не было времени. Уже без пяти!

Бомж — секундное дело! — распорол ящик сво-

ей отверткой, каким-то шилом извлек золотую пробку и жадно хлебнул из огромного трехлитрового сосуда.

— Теперь ты! — сказал он.

Я посмотрел на темно-звездное небо, прикоснулся губами к бутылочному горлу, которое отныне принадлежало не только королю Испании.

— Нет-нет, я не буду, — отказалась жена, и я увидел в ее глазах тяжело нависающую слезу.

— И как вы такую дрянь пьете?! — прохрипел наш спаситель и с этими словами нажал на какие-то кнопки — дверь открылась. Без одной минуты 12! Мы втроем бросились к лифту.

— Это же моча, — сказал наш Дед Мороз. — Хуже мочи.

И вернул бутыль.

— Я такое говно не пью. — Падший Карл Маркс порывлся в своем чудовищном кармане и извлек недопитый шкалик.

Мы вошли к приятелю к двенадцатому удару. Когда все заорали «ура», я успел поставить наш коньяк на стол, и никто не заметил, что бутылка почата.

Все были невероятно счастливы в ту новогоднюю ночь, а я все время думал о том, что где-то там, над нами, на чердаке, сидят бомжи — и тоже празднуют! — и, может быть, счастливы они сейчас еще больше, чем мы.

Мойша

(Притча)

Это история каждого из нас.

То есть история каждого еврея.

Потому что на месте главного героя человек любого другого вероисповедания просто не мог бы быть.

А дело было так.

Один старый еврей вдруг взял да и влюбился в одну прекрасную русскую девочку. И, что самое удивительное, эта девочка, представьте себе, ответила ему взаимностью. Ой, лучше бы он не влюблялся, и лучше бы она ему не отвечала.

Потому что этот еврей просто сошел с ума от этой своей любви.

Здесь я бы мог сказать, что лучше бы он не сходил, но я только что вам это уже сказал. Кроме того, правильно умные люди говорят: прежде чем сходить с ума, его надо иметь.

А наш еврей, видимо, ума имел не слишком много, иначе бы он не влюбился. Но раз уж влюбился, то что делать?.. Надо делать предложение.

И он его сделал. Хотя лучше бы он... э, что говорить, лучше уж об этом не говорить.

Но сделал — значит, сделал.

И девочка возьми и согласись.

Хотя, если честно, лучше бы эта прекрасная русская девочка не согласилась. Потому что она хотя и согласилась, но согласилась с одним условием.

Она сказала своему жениху:

— Хорошо, я выйду за тебя замуж, но ты должен раз и навсегда сбрить эти свои пейсы, снять этот свой черный лапсердак и эту свою шапочку дурацкую с головы и вообще забыть, кто ты есть. Раньше ты был Мойша, теперь для меня и для всех ты будешь Миша. Договорились?

— Договорились. Конечно, договорились! — радостно произнес наш жених, лучше бы у него язык в тот момент отвалился.

И вот молодые сыграли свадьбу.

Очень всем весело было. Невеста была неподражаема. У нее была такая пышная грудь, что многие гости, подвыпив и размечтавшись, просто представляли себя на месте Миши в предстоящую ночь — в общем, немножко даже скабрёзно, что греха таить, завидовали жениху, сменившему полностью, так сказать, свой имидж.

А завидовать-то ему как раз было незачем.

Потому что на четвертый день после свадьбы Миша в новом своем виде — гладкобритый, с непокрытой головой и в светлом жизнерадостном костюме — поехал на работу.

Ах, лучше бы он не ехал, так как чуть-чуть на радостях, а может, просто голова кружилась после пьянки, в общем, он превысил скорость, вылетел на встречную полосу, крутанул руль и на дикой скорости врезался в какое-то дерево.

В тот же миг он предстал на небесах перед

Богом, к которому и обратился со следующей речью:

— Господи, что же ты наделал?! За что?.. Почему?! Как ты мог?! Я же верой-правдой был тебе верен всю жизнь!.. Ты же знаешь меня, очень хорошо знаешь... Я служил тебе истово и искренне... И вот теперь, когда я возымел, наконец, свое счастье, ты, Господи, лишил меня моей жизни!.. Разве это справедливо?.. Объясни мне, пожалуйста, Господи, почему ты это сделал?..

И тут раздался голос. Тихий, добрый голос с высоты:

— Ах, Мойша, я просто тебя не узнал!

...Мораль этой притчи такова:

Евреи, надо жить так, чтобы Бог всегда нас узнавал!

2000

Строим элитное жулье

Господа! То, что будет вами

украдено, входит в состав нашего проекта. Но будем честны: многие хотят отхватить до начала работы. Это неправильно — сначала надо что-то сделать. Например, фундамент. Его вообще нельзя трогать, на нем же все держится. Тот, кто ворует с фундамента, вообще не достоин звания строителя. Воруйте выше. С первого этажа по двенадцатый. Тринадцатый — пропускаем, несчастливое число. Далее можно, но осторожно: мэрия интересуется, почему мы не согласовали с ними нашу крышу. Но тут закон: заказчики заказывают, исполнители исполняют. Если исполнители начинают заказывать заказчиков, значит, крыша течет и ее надо менять... В мэрии это понимают, но губернатор хочет дать нам своего человека, которому мы отдадим весь семнадцатый этаж и выход в космос. Наше элитное жулье считается лучшим в городе, но беда в том, что в городе нет элиты. Поэтому гаражи мы сдадим под офисы, бассейн под стоматологию, а лифты — под сауны... Самое главное в нашем строительстве — это начать и кончить. Многие начинают, а кончают другие. Первейшая задача в том, чтобы мы не растащили фундамент.

Это низко. Не тот уровень. Надо себя сдерживать. Вор, который ворует беспрестанно, то и дело сидит в тюрьме. Если нам закроют финансирование, с чего мы будем воровать? Проект будет приостановлен, и тогда скажут, что мы не справились. Если же мы доведем стройку в Дыдырево до конца, нам дадут новое строительство в Жухове. Там коттеджный поселок, и можно будет начинать с фундамента и пойти в глубину.

2001

Господа! Говорят: его надо

похоронить. А вы спросите: кто будет лежать в его могиле? Он? Нет, это уже условный он. То, что от него осталось, — остатки останков, или, как сейчас бы сказали, «экслюзив недвижимости». Но если этот «экслюзив» долго держать в скипидаре, любой материал испортится. Мы многие годы принимали титанические усилия, чтобы сохранить объект в том виде, в каком он умер. Но беда в том, что на воздухе даже помидоры гниют. А в скипидаре они вообще приходят быстро в такое состояние, в котором их вообще нельзя есть. Более того, и не рекомендуется. Вы скажете: его не надо сравнивать с помидорами. Он — это святое. Правильно. Но если к святому мы будем относиться хуже, чем к помидорам, значит, у нас не будет не только помидоров, но и ничего святого. Раньше, когда он был еще он, он тоже считал, что святое — это чепуха, поповщина, пережиток капитализма. Сейчас же, когда он уже не он и сам давно стал в прямом и переносном смысле «пережитком», ибо живет среди нас в виде заскипидаренного, окислившегося трупа, мы должны поверить в нематериальное, то есть в чудо. Нам ведь необходимы вечные ценно-

сти. А то, что он — ценность, никто не будет оспаривать. Надо только понять, что то, что мы сейчас видим, это он, но не весь. Большую часть его мы не видим, и слава богу. Потому, что эту видимость нам не показывают. И хорошо, так как эту часть вечной ценности заскипидарили до такой степени, что смотреть не на что. Он — это айсберг, но без подводной части. Невидимость растворилась, а видимость в растворе. В общем, давайте навечно оставим все как есть. И будем ждать, когда уже ничего не будет. И дождемся.

Вот когда все останки растворятся без остатка, тогда его и развеем. Эксклюзивно. А сейчас рано... Рано его еще хоронить.

Закон о языке

Т оспода! Всякий раз, когда

нечего жрать, в нашей стране снова и снова на повестку дня встают вопросы языкознания. Смотрим русское телевидение, а там говорят вроде бы по-нашему, а половина лиц — негры. Переводчики что-то там круглосуточно бормочут, а взаимопонимания с Голливудом, если честно, у моего соседа деда Афанасия до сих пор нет. Да и мы сами не очень. Каждый не понимает каждого, поскольку у каждого есть свой ответ по всем вопросам. Судья не понимает преступника. Это понятно. Но почему преступник совершенно не понимает судью?.. То, что налоговая не понимает налогоплательщика, — это ужасно, но ведь и налогоплательщик отказывается понимать налоговую полицию. И это прекрасно, потому и отвратительно. Солдату не объяснишь, чего хочет генерал. Приказ «в атаку!» многими рядовыми воспринимается как повод к дезертирству. В новых песнях слов совершенно не слышно. А с другой стороны, может, это и хорошо. Дошло до того, что бомжи не хотят понимать олигархов, а те вообще отказываются с кем-либо общаться — только в Англии и только с русскими. Раскрученный бренд «Губернатор» частенько при-

сваивается лицам, ранее называвшимся «секретарь обкома», а народ не привык и до сих пор путается. Когда, бывает, его самого зовут «электоратом», большинство волнуется и по привычке думает, что сейчас дернет. Нужны разъясняющие «баннеры», «слоганы», «синглы», «форматы», сайты и ресурсы, чтобы эти и другие маркетинговые знаки помогли нашему русскоговорящему меньшинству лучше ориентироваться в информационном пространстве вербальной аудитории Рунета. Такое впечатление, что все мы говорим на разных языках, включая страны СНГ, где только делают вид, что нас не понимают.

В этих условиях необходимо срочно принять Новый закон о языке. Если мы его не примем, нас, конечно, побьют. Но это будет означать, что коммуникация власти с народом восстановлена.

Чтобы руководить Россией, нам, к сожалению, необходимо сейчас учиться говорить по-китайски. Нам бы было хорошо, если бы у нас все было, как у них. Это вообще-то проблема титульной национальности. Однако, как выяснилось, многие нетитульные говорят по-русски лучше, чем титульные. Из-за этого участились случаи, когда многих депутатов понимают только те избиратели, которые не голосовали. И то с трудом. Те же, кто голосовали «за», вообще ничего не понимают. Но им и не надо ничего объяснять. Спрашивается, зачем нам иностранные слова, звучание которых потеряло полностью свое частичное значение. Например, слово «конституция» нервирует нацию, которой гораздо ближе Уголовный кодекс. Слово «федерация» понимаемо малыми народами совсем не так, как большими, а слово «референдум» по

просьбе трудящихся должно давно звучать по-русски как «всенародное обсудилище».

Многие наши чиновники просят убрать из языка такие слова-паразиты, как «прошу», «дайте» и «где правда?». Из-за частого употребления эти слова будут штрафоваться по месту их произнесения. Разрешается только «спасибо», но с придыханием и дополнительным подарком в адрес слушающего лица. Большие сложности со словом «муниципальный» — его признают к употреблению лишь живущие в центре. Слово «одномандатный» ненормативно, ибо двух-трехмандатных не бывает. Часто произносимое слово «президент» в значении «царь» хорошо и просторечно звучит в провинции.

Новый закон о государственном языке предусматривает право материться исключительно членам Государственной думы, народу — запрещено, однако в порядке исключения можно кое-что употреблять, кроме неблагозвучно звучащего последнего слога только что произнесенного глагола.

Штучки

— Знаю я твои «Штучки»! — сказала мне жена.
Не знает. У меня их еще две тысячи.

Пришли охранники, а требуются хранители.

То, что не умеешь, надо делать блестяще.

Лично для меня третье тысячелетие будет короче второго.

— Взво-о-од! Слушай мою команду: «...Отку-сить!.. Прогло-тить!.. Отставить!»

— Рядовой Шапиро! Что ты будешь делать, если рядом с тобой упадет атомная бомба?

— Как что, товарищ полковник, нахожу близлежащую лунку, ложусь в нее ногами к атомному взрыву и... обугливаюсь!

— Из всех искусств для нас важнейшим является кино, — сказал Ленин, а сделал Голливуд.

Игорь Евгеньевич покрасился. И сразу стал похож не то на мальчика 56 лет, не то на дедушку лет 17.

Клюква очень полезна, если она не в кавычках.

— **Н**лачу я редко. Всегда ищу хороший повод.

Богу — богово, кесарю — кесарево, а нам уж что останется!

Стоя — все! — на одной точке зрения, мы легко избежим противостояния.

— **Д**ети! Сейчас быстро разделись, допили свое пиво, потом — все до одного! — идем в туалет, и только после этого смотрим «Лебединое озеро»!

Каждому психиатру — свой невропатолог!

Хотел стать миллионером, а умер в однодолларовом магазине.

Сначала им нос не подходит, потом этнос.

У Зю...ва даже член партии.

Сомнительно целомудрие курицы, снесшей яйцо.

Все мы вышли из шинели Сталина. Под юбку Мэрилин Монро.

Съел врага и не поперхнулся. Съел товарища, и тотчас стошнило.

Могу оседлать корову. Только зачем?

Неред расстрелом постарайся посмотреть на себя со стороны.

Доброе утро! День добрый! Добрый вечер! Ночь нежна! Откуда же столько злобы в наше время?!

Когда два самца делят одну самку, это еще полбеда.

— **В**ключайтесь! Не стойте в стороне! Сейчас же подключайтесь к нам! А то... ишь, честным быть захотел!

Когда наши недра иссякнут, Россия начнет продавать квас. Как сырье для кока-колы.

Всё могут короли. За это их и обезглавливают.

У моря один недостаток — сырость.

Две мысли лучше одной. Но две глупые мысли хуже.

Когда стрижешь ногти, ты отрезаешь ногу.

Это бог устает, а сатана — неустомим.

Мы ели и испражнялись, потом опять ели и опять испражнялись. А потом мы умерли.

Он спрыгнул с ветки и стал человеком. Она спрыгнула с ветки и стала женщиной.

Сейчас доказывают, что Гитлер был еврей, тогда почему он не жертва холокоста?

На скорости врезался в столб, но столб ни в чем не виноват — спросите погибшего.

У каждого своя методология: один режиссер умирает в актере, другой на актрисе.

У неизлечимых болезней большое будущее.

— Моя бдительность от бессонницы.

Расстроенный рояль, фальшивое пение, огромное декольте, неработающий буфет и легкий морозец — все это подтвердило, что мы находимся в зале местной филармонии.

— Деньги — это такие бумажки... Я их видел однажды...

Девочка. Стоит одна, под зонтиком. Что в ее мозгах? Ведь дождя-то нет.

При Сталине слов «киви» или «грейпфрут» в русском языке не было, а «тампакс» назывался ватой. Но и ваты не было.

Не хочу бессмертия по одной причине: очень ИНТЕРЕСНО умереть.

С панихиды пошел в казино. И выиграл!.. Теперь ждет чьей-нибудь смерти, чтобы повторить успех.

Тений. Написал роман из жизни сперматозоидов.

Во время выборов и у Паваротти — один голос!

Если цель оправдывает средства, значит, эти средства — противозачаточные.

Накачал мышцы, и тут же спустили мозги.

Лучше быть живым трупом, чем трупом.

Богатые очень любят деньги. И очень ревнуют, когда нищим достаются какие-то гроши.

Ии на что не похоже, но очень узнаваемо.

Подняли цены на нефть — и сразу подорожали проститутки.

Во время урагана вспомните, как хорошо вы здесь отдыхали в прошлом году.

Однажды застрял в щели забора. Потом всю жизнь выступал против щелей. А надо было — против заборов.

— **Н**е знаю, как вас отблагодарить.

— Скажите «спасибо».

— Да нет, вы не поняли, я вам взятку хочу дать.

В той стране нас всех посылали на четыре буквы. Я имею в виду СССР.

— **В**едите меня за собой. Я покажу вам правильную дорогу.

Сначала сказали: вы не имеете права жить среди нас. Потом извинились и сказали: вы не имеете права жить.

Не целуйся с мужчинами — Брежневым станешь!

Он и в лепрозории будет лучшим!

Для кого будильник, а для кого — машина времени!

Правда для узкого круга. Ложь для узкого круга. Бизнес для узкого круга. Театр для узкого круга. Планета для узкого круга. Вселенная... Нет, со Вселенной у вас будут сложности!..

Нерегорели пробки, а я подумал, что это конец света.

Как кто-то заметил: даже Макашов у нас немножечко Альберт.

Известный принцип «поиск виновных, наказание невиновных и награждение непричастных» мы заменили на «награждение виновных, наказание непричастных и поиск невиновных».

В общем, у нас здоровая молодежь с отдельными метастазами по всему организму.

Да, скифы мы, да, азиаты мы. Но и участники европейского чемпионата по бодибилдингу.

— Ну, с небом у нас не будет проблем. У меня там все схвачено.

— Господин президент, больше нигде не выступайте, молчите, ничего не подписывайте, никуда не ездите, ни с кем не встречайтесь, отдыхайте, ничего не делайте...

— Зачем?

— Чтобы вас избрали на второй срок.

Я в возрасте. Из половых органов остались одни глаза.

Ничто не ново под луною, но над луною тоже ничто.

Вопрос на засыпку: как в детстве звали Акакия Акакиевича?

Наша церковь, работая на КГБ, доказала, что бога нет.

Иван Грозный лично убил более пятисот человек. А что ты сделал для нашей истории?

Даже бабочка-однодневка не хочет умирать в полдень.

В стране Большой Недоум с перекосом и Большой Недоед с перепоем.

Не любить Россию — преступление. А любить — наказание.

Переименовать Одессу в город Жванецк нам может помешать только Жванецкий.

Разговор во дворе интеллигентов. Первый вежливо говорит:

— Если ваша собачка еще раз пописает на мой гараж, я убью вашу собачку.

Второй вежливо отвечает:

— Если вы убьете мою собачку, я сожгу ваш гараж!

Объявление в подъезде:

«Господа! Если вы по-прежнему будете ссать в подъезде, господин дворник будет вынужден отказаться от сотрудничества с вашим домом».

На банкет пригласили исключительно депутатов Государственной думы. Пропало семь серебряных ложек.

Трансвеститу захотелось обратно.

Конец России — хамство в консерватории.

— **Я** мастер массажа. Могу делать вам любые виды: эротический, эндомагнитный, психоману-

альный, паракессонный — всего тысяча долларов за каждый сеанс.

— Согласен. Если эта сумма у вас при себе, начинайте немедленно.

У молодого поколения есть все основания нас ненавидеть, ведь мы моложе их.

— *В* этом сезоне у нас вся женская одежда на липучках. Это подарок наших модельеров — мужчинам!

— *А* вам ничего не расскажу. А вы это напечатайте.

— Не волнуйтесь. Все равно мы напечатаем не то, что вы нам не рассказали.

*Т*олько любовь к себе не приводит к разводу.

*Ж*аждя красивой жизни — миражи, миражи, миражи... Потому как живем в пустыне.

— *Д*октор, у меня глюки.

— Мне кажется...

— Вот видите, и у вас то же самое!

*П*ошел на рынок и не вписался в рыночные отношения.

*В*озьмемся за руки, друзья, чтоб в пропасть не поодиночке.

— Мы работаем с клиентами только на договорной основе.

— А где вы работаете?

— На кладбище.

— У меня страшная депрессия.

— А что такое?

— На Канары не поехала, «Мерседес» побила, а еще подруга Нинка купила себе бриллиант величиной с яйцо.

— В нашем союзе все решает жена.

— И вы ее слушаетесь?

— Нет, она решает, а я все делаю по-своему.

Зачем человеку свобода слова, если у него есть свобода мысли.

Сегодня свобода слова досталась и тем, кому нечего сказать.

«Человек с ружьем» — нонсенс. С ружьем — уже не человек.

Раньше интеллигенция была «прослойка», теперь она — прокладка.

Пропаганда — это бросание песка в глаза слепому.

Критики у нас нет. Зато у нас есть критики.

Откуда в церкви запах хозяйственного мыла?

Дерево познания оказалось липой.

Пожелание городу Иркутску: сначала — канализация, Театр оперетты — потом!

— Чтобы стать культуристом, надо любым местом поднять эту гантель полтора миллиона раз без участия головы. Начинайте!

— Моя месть будет страшна. Правда, я еще не придумал что и не придумал как.

— Как только вы освоите удар ногой в челюсть с полоборота, мы сразу пригласим вас в наш честный бизнес.

Сколько б дитя ни тешилось, а все равно попросится в «Макдоналдс».

— Мы знаешь, Папа запретил аборты.

— А я ему ничего не скажу.

— Да не твой папа, а тот Папа!

Писать мемуары — все равно что искать себе место на кладбище.

— Зачем ты купил мешок овса?

— Понимаешь... Всю неделю я работал, как лошадь. Теперь хочу нормально поесть.

— Вы знаете, после ареста я себя всегда хорошо чувствую. Как-то спокойнее становится на душе.

— Я не нуждаюсь в подхалимаже. Просто чаще говорите мне, что я — гениальный!

— Вас ограбили по наводке. Кто-то из ваших друзей постарался.

— Да вы что?! У меня и друзей-то таких хороших нет!

— Попав в автомобильную пробку, я стараюсь ни о чем не думать, то есть думаю о себе.

Совсем, блин, по-русски разучились говорить!.. Сколько, блин, в нашем языке слов-паразитов!..

Народ хочет «крепкой руки», а «крепкая рука» никогда не хочет народа.

Моя скороговорка:

Те рвут, эти врут
Которые дорвались — заврались.
Пусть же те, которые наврались, —
надорвались.

А которые прорвались — прервались.

Надая в пропасть, постарайся забыть о приземлении.

В жизни я гораздо лучше, чем в зеркале.

Война — это кто кого больше убьет. Мир — кто кого больше обманет.

Наконец-то пришла Свобода, и он пукнул.

— Мечтаю стать прокурором! — сказал мальчик и оторвал мухе лапки.

Всю жизнь ругал Америку, а утонул в речке Говнотечке под деревней Новая Грыжа.

Хлеба просят нищие. А зрелищ — нищие, переевшие хлеба.

В стране, где царь-пушка не стреляет, смешно что-то требовать от армии подданных.

Куда дели столько мяса при строительстве башни из слоновой кости?

Человек он хороший, но хорошего мало.

— Сначала он меня изнасиловал, а потом мы выпили с ним на брудершафт!

Раньше было не лучше, а раньше.

Разбудите хозяина слуг народа!

— Плакал ли ты когда-нибудь в жизни? —
спросил я «нового русского».

— Никогда.

— Почему?

— Я ничего не делаю бесплатно.

Извращенец:

— Хочу, чтобы моя жена дружила с моей любовницей.

У меня даже умереть нет времени!

Склероз — это когда все ново.

— Товарищи! Великая Октябрьская революция свершилась! А теперь — дискотека!

Не нашенское это дело — фуршет!

Маленькая Саша объяснила мне, что ее колленка — это «локоть ноги».

Кому пайки, а кому пайки.

Когда фундамент качается, верхние этажи танцуют.

На чью мельницу льете воду — это я не спрашиваю. Я спрашиваю: чья вода?

— Найдите себе хорошего бухгалтера — и вы будете воровать законно!

— Что бы вы мне ни говорили, я сделаю по-вашему!

«Нам нет преград на море и на суше». А жаль. Были бы преграды, не было б такого беспредела.

Нашим пограничникам удалось взять большую партию наркотиков. Теперь предстоит взять эти наркотики у наших пограничников.

— Купил дырчатую маечку за 500 долларов от Гуччи. Теперь соображайте, во сколько мне обошлась каждая дырочка?!

Олигарх-диссидент. Это что-то новенькое!

— Каждый день просыпаюсь и думаю: лучше не просыпаться.

— Так спи.

— Так просыпаюсь.

Это странно, но и у Бен Ладена, наверное, есть мама, которая за него переживает.

— Я не убивал, гражданин следователь! Я только грамотно провел прием на удушение, который видел по телевизору.

Отключите нам горячую воду, и мы все — держу пари! — будем пользоваться холодной как горячей.

— Хотите правду?.. Да вам любой военный скажет: как приятно подбить гражданский самолет во время воинских учений!

— Если бы я был сыном Михалкова, я бы уже давно стал царем.

— А давай сегодня махнем в гости к моему старому другу Андрюшке!

— Размахался!.. Твой Андрюшка уж пять лет как умер.

Садизм — это когда тебя хвалит сволочь.

А кто сегодня возглавляет не опубликованный журналом «Карьерист — власть» список «Самые влиятельные нелюди России»?

Юбилей города. Все обрадовались. Кричат. Поют. Обнимаются. Это ж сколько можно будет наворовать!

Пришел определять ребенка в лицей. Учительница говорит: «Наша программа ширше, чем в обыкновенной школе. И образование лучшее». Повернулись, ушли. А она нам вдогонку: «Козлы-ы!»

Государственный переворот — это когда премьер-министр проведет ночь на Ярославском вокзале.

Это не Петру памятник... Ибо все памятники скульптора Церетели являются памятниками Церетели.

Выпускной вечер.

— Почему, дети, не танцуете?

— А нам блевать хочется.

К вопросу о моде. Ну, не может быть тельняшка с вертикальными полосами!

На чемпионате мира мы не будем мальчиками для битья. Мы будем мальчиками, подающими мячи.

— **В** этой жизни я перестал что-либо понимать.

— А вы кушайте... больше кушайте!

Сказано в Писании. Да не пропущено цензурой.

Новые жанры: «Пшик в одном действии», «Маразм в двух частях», «Жуть в четырех картинах» и «Халтура праздничная без перерыва».

Пестик тычет, а тычинка пестует.

Эйнштейн показал язык не миру, а фотографу.

Мот, кто спит в грозу, не проснется при бомбардировке.

Солнце погаснет, жизнь прекратится, а ремонт будет идти и идти.

Господи, помилуй... Господи, помилуй... Тех, кто закрыл Комиссию по помилованию.

Счастье — коротко. Несчастье всегда длиннее. На две буквы.

Мало — это «взятка». Много — это «откат». Ни «много», ни «мало» — бюджет России.

Поэт Энский гордился, что за всю жизнь ни разу не продался. А его просто никто купить не хотел.

У этой «звезды» хороший бренд: «поющая сучка»!

В меню черным по белому: «Уха рыбья» и «Курица куриная».

У «попсы» сейчас огромные гонорары. А вот Ленин, когда на площадях выступал, ничего не брал.

К выборам все каналы телевидения становятся канализацией.

Что между ног у осьминога?

Это было время, когда единственным человеком, который говорил с народом без бумажки, был Вадим Синявский.

Всю-то жизнь был подлецом. Сначала — юный подлец, потом — средних лет, затем — подлец преклонного возраста... И вот, наконец, подлец-мертвец.

На каждом из нас невидимая татуировка: «Made in USSR». Невидимая и нестираемая.

В коридорах консерваторского общежития из дверей слышатся мат-перемат и волшебные звуки музыки...

Слов-то!.. Пожали друг другу руки, присели, расписались — и наступила новая эпоха в мире — эпоха разоружения.

Сфальшивить так, чтоб не заметили, — тоже мастерство.

Молпа. Это ж сколько надо кирпичей, которых эти морды просят?!

— Девушка, я вас знать не знаю, но хотите от меня родить?!

В театре «Шалом» часть труппы работает евреями.

От всей души завещаю свой скелет Институту питания.

— Стоять!.. А не то как дам сейчас шлагбаумом по крыше твоей машины!..

Делайте по-старому, и вы будете новатор.

В театре три вида артистов — пьющие, запойные и бездарные.

Новая поговорка: клон клону рознь.

Сталин был не прав. Есть человек — есть проблема, нет человека — еще больше проблем.

Подавляющее меньшинством большинство.

В день, когда на звездном небе мы недосчитаемся одной звезды, давайте напьемся и посчитаем с другой стороны.

Пришла пора заканчивать то, что не следовало начинать.

Не говорите, что вы одиноки. Говорите, что вы — солист!

Наличие дамбы не отменяет наводнения.

— Я хочу, чтоб вы были моей любовницей, но с одним условием: чтоб моя жена всё знала!

Чем меньше времени остается до старта, тем ближе горечь поражения.

Не давайте ему точку опоры. А то он перевернет мир.

Новость. Два подростка из-за неаккуратного обращения с огнем сожгли Сибирь.

В шестидесятые годы мы сверлили дырочки в «железном занавесе».

Кто умер, занят тем, что делает Историю. Кто жив, тот эту Историю переделывает.

Студия «Детское порно» ведет переговоры о приобретении передачи «Спокойной ночи, малыши». Продюсеры уверены, что проект повысит рейтинг до 4 утра.

Компьютеры устаревают, гвозди — никогда.

— **В**ообще-то вы здоровы, но ваша прямая кардиограмма настораживает.

Самые большие театральные провалы теперь называются экспериментами.

Как нам обустроить Россию, чтобы Солженицын не мешал.

Среди кроликов есть свои хищники.

Дуракам закон не писан. Он писан дураками.

— **Д**авай на «ты»! — сказала она.

— Нет, давай лучше на тебя! — сказал он.

Триллер: в пустом виртуальном пространстве носятся бешеные деньги.

Упавший с крыши на нее не полезет.

Японская делегация познакомилась с нашими новыми технологиями.

— Когда мы ехали сюда, — сказал после экскурсии на один из заводов глава делегации, — мы знали, что вы от нас отстали, но мы не знали, что вы отстали от нас навсегда.

Атомную бомбу мы видели в кино. Потому и остались живы.

Богатые прикидываются бедными, бедные прикидываются богатыми, так в прикиде и живем.

Всегда в порядке только непорядочный человек.

В каждом законе следует прописать, как мы будем этот закон обходить.

Оо чего жизнерадостный народ живет на берегу нашей Угрюм-реки!

Любая революция захлебнется, если восставшим дать по бесплатной кружке пива.

Особой популярностью пользуется журнал «Отдохни» на Ваганьковском кладбище.

Не стоит разжигать костер молнией.

Сколько было шуму, а осталось от Наполеона лишь одноименное пирожное!

Врущие и ворующие, как вы близки друг другу!

Переведите Голливуд на дотацию, и он станет «Мосфильмом».

Зачем разведка, когда нам и так все давно известно.

Любовь без секса — что онанизм без рук.

— Режиссеры меня зажимали. Да, я играл Гамлета, Хлестакова, Бориса Годунова, короля Лира... Но так и остались несыгранными — Кот Леопольд, Колобок и поросенок Наф-Наф.

Уверен, скоро мы будем чистить зубы по Интернету.

Из этой песни слова не выкинешь. Там слов нету.

- **Х**оть бы погладил меня один раз.
— Что я, утюг, что ли?

Кончатся газ и нефть — и Россия пойдет по миру. Продавать свое Искусство.

Журнал «Плейбой» ищет баб, которые отказались бы сниматься в обнаженном виде.

Монетный двор приглашает фальшивомонетчиков для обмена опытом.

Плоха та солдатка, которая не хочет стать генеральшей.

К первоисточнику приделали фильтр. И качают воду.

Настоящая трагедия — это когда плакали наши денежки.

— **К**ак только я переспала с пионервожатым, сразу поняла, что уже вышла из пионерского возраста.

Американцы превратили движение «Талибан» в недвижимость.

В тундре дурак дурака видит издалека.

Чем больше агрессии, тем меньше побед.

Под наркозом я со всеми согласен.

В стаде баранов есть своя элита.

— А где мне взять такую пе-е-есню...

— Не знаешь, не бери.

Никак не пойму, чем злые гении отличаются от гениев.

Дети не спрашивают, как жить. Дети спрашивают, до скольких ночная дискотека.

У разбитого корыта приятно вспомнить былые стирки.

За Шекспира писал Шолохов. А вот за Шолохова кто писал?

Везде в мире — туалеты, и только в русском языке есть это великолепное непере译имое слово — «нужник».

Хорошая цитата всегда выражает мою мысль.

— *У* мусульман мне нравится многоженство, но интересно, как они разводятся.

*Н*аш суперкандибобер против ихнего терминатора.

*У*мею хорошо стрелять. Правда, попадаю редко.

*К*огда до полной победы коммунизма оставалось рукой подать, мы этой рукой стали просить подавание.

*В*ойдя в банк, я почувствовал свое безденежье.

*Д*ва раза в месяц в окошечке кассы мы видим своего врага.

И в загробной жизни хочется жить лучше.

«*Ч*итатели газет — глотатели пустот». Но ведь они еще и наше телевидение смотрят!

*Т*олько у нас — станки стоят, а завод работает.

— *П*ожалуйста, сфотографируйте меня на фоне этого бедствия!

В Англии на футбольное поле выбежал голый. А мы бегаем голыми всю жизнь, и никто нас не замечает.

Нлох тот червяк, который не мечтает стать крокодилом.

Потерян ядерный чемоданчик. Нашедшего просят быть Главнокомандующим».

История — это правда, которая не имеет ничего общего с тем, что произошло на самом деле.

Никогда мы не поймем: тайну рака, причину гравитации и почему у одного человека есть совесть, а у другого нет.

Что у женщины между ног, то у мужчины в голове.

Режиссер ставит то, что ему представилось, критик пишет то, что ему померещилось.

— **А**дам, Ева забеременела и не знает, от кого.

Семь законов подлости: зубная боль начинается в ночь на субботу, бутерброд всегда падает намазанной стороной, соседняя очередь движется быстрее, потерянное находишь в последнем кар-

мане, застреваешь на сутки в лифте вместе с тещей и, посидев на скамейке с надписью «Окрашено», решаешь на ней полежать.

У нас миллионы читателей. Они читают программу телевидения на каждый день.

К потерянному документу следует приложить копию вашей несчастной жизни.

Уважаемая редакция! Мне изменил муж, и тогда в целях сохранения баланса я изменила мужу. Теперь у нас крепкая сбалансированная семья.

Пустота в пустоте пустотой пустоту пустоты заполняет.

«Не надо бороться за чистоту. Надо подметать». Я тоже так думаю, но почему-то не сказал.

В империю зла пришла долгожданная свобода. Зло было освобождено.

Преходящее вечно.

Обрезание — еще не есть ампутация.

Страна в загуле, президент на саммите, жена в парикмахерской, я в депрессии.

Дон Кихотом по Европам!

— В прошлом году мы хорошо поработали. Траву пожгли, скот зарезали, деревья срубили. Теперь думаем, как это все возродить.

Живем уже третье тысячелетие, а что будет через минуту — никто не знает.

В «потемкинских деревнях» поют только под фанеру.

«Лежащий полицейский» оказался гораздо умнее стоячего.

Он — гений, потому что его фильмы невозможно смотреть.

Нажмите кнопку, сотрите сообщение и живите спокойно в свое удовольствие.

Импотенция — большое зло. А женщины жаждут только добра.

— Вы меня не узнали?

— Нет. Просто я вас с вами не идентифицирую.

Лучший способ похудеть — лечь под капельницу в ресторане «Пушкин».

Войдя в НАТО, мы сразу начнем побеждать во всех войнах на территории России.

Мейерхольду следователь НКВД мочился в лицо. Что в этот момент Мейерхольд думал о великом русском искусстве?!

Сегодня можно: поужинать в театре, поиграть на бильярде в бане, попить пива на уроке, поспать на футболе... Вот жизнь пошла!

Настал наш час, а у меня опять ни минутки.

Объявление в газете «Параша»: «Яйцеклетки плодовые. Вагонами. Юру — только попросить».

Даю пощечины. Обращаться по-хамски в любое время.

Компьютер. Ускоренное обучение в постели. Со скидками.

Карлики. Сексуальная экзотика для перерасвободившихся перезрелых дам. Дорого.

Настя. 19 лет. Выезд в баню. Заодно и помоемся.

Расчлению трупы. Свожу концы с концами. Аллочка.

Слепая ясновидящая Ираида: «Все прахом будет!..» Мировая слава. Но денег нет и никто не верит.

Если бас поет тенором, значит, у обоих что-то с голосом.

Все его знают. Но никто не помнит.

Халява — генеральный спонсор всех фестивалей в мире.

Край у нас небогатый, пьянство беспробудное, губернатор бандит, так что жизнь наладилась. Есть перспективы...

Прочитав свое досье, вы узнаете о своих друзьях много интересного.

Составляем списки тех, кто не вписался в новую жизнь. Сразу по окончании работы все, включая списки, будут уничтожены.

Если беженцам придать статус граждан, как мы будем разворачивать гуманитарную помощь?

Водка действует разрушительно. От нее всегда в пополаме.

— **П**ожалуйста, включите меня в ваше запоминающее устройство!

— **Я** выучил текст роли. Что вы от меня еще хотите?

— Хочу, чтобы теперь ваша фамилия была Смоктуновский!

Добродетели непобедимы, но пороки их всегда побеждают.

Мы начальник — я дурак. Я начальник — ты у меня не работаешь.

Ведьма. Всего за один сеанс... Порча. Сглаз. Уведу мужа, награжу мужа сифилисом.

Мрон. Подержанный. В отличном состоянии. Спросить Петра.

Сучу ногами. (На фото — лучший футболист года.)

Массаж рязанский. Приезжаете в Рязань и делаете массаж.

Частная клиника доктора Гремиславского. Публичные операции на сердце. Удаление зубов

без наркоза. Эвтаназия для всех желающих. Видеокассета «Припадки» — подарок каждому клиенту.

Все свое ношу с собой. Кенгуру.

Продам фамильные ценности. И уеду от вас к черту, в Антарктиду.

Ничего не делаю. Гарантия год. Автандил.

Профессиональный киллер ищет жертву для совместной встречи в подъезде. Также ворую джипы у известных людей. Мелочь — не предлагать.

От великого до смешного один шаг. Но цензура делала нас одноногими.

— Иван Петрович, я вам честно скажу: на меня ваша женственность не действует!

Сказка. На одном необитаемом острове жил один счастливый народ.

Показывайте то, что невозможно скрыть... Говорите то, что не думаете... Обещайте то, что никогда не сделаете...

И вам покорится мир.

Раньше был марксизм-ленинизм, теперь —
деньгизм-пофигизм.

— У меня тоже есть любимый анекдот. Но я
его забыл.

Мы — «дети XX съезда». Они — «дети Интер-
нета»... И у всех безотцовщина.

Женщину еще можно обмануть, жену — ни-
когда.

Скользкий человек. Прикоснулся к нему и
низко пал.

Наш гимн — это реквием. Его поют только со
скорбным выражением лица.

Театр у Розовских ворот под руководством
Марка Никитского». Найдите ошибку в этом на-
звании — и вы получите право бесплатного посе-
щения всех спектаклей до конца жизни.

«Финской бане требуется израильский конди-
ционер».

Все время кричал: «Где гарантия? Дайте мне
гарантию! Гарантию дайте!» И ему дали по башке.

Сначала экспертиза, затем проверка экспертизы, потом экспертиза проверки экспертизы, далее проверка экспертизы проверки экспертизы — и только тогда мы сможем сделать наши совершенно правильные ошибочные выводы.

Театр купит подержанные волосы. Подержанные — кем?

— Зачем ты бросил камень в этого мальчика?

— Папа, когда этот мальчик вдруг вышел из воды, камень уже летел.

На лекции профессора Лотмана был задан вопрос:

— Почему в Библии так много еврейских имен?

— По техническим причинам, — тотчас ответил профессор Лотман.

Среди насекомых встречаются дикие звери.

Привычка петь хором сделала народ безголосым.

Искусство сжимается Бульварным кольцом.

Хлебные крошки всегда вкусны, а бриллианты бывают безвкусны.

Успехи есть. Уровень ритуальных услуг повысился, и сразу увеличилась смертность.

А почему бы нам не сделать нашему телевизору темную?!

Герой России Малюта Скуратов, Лауреат Государственной премии Пушкин, председатель Общественного совета Фонда культуры Жданов, секретарь Союза писателей Ахматова, депутат Государственной думы Эйнштейн... Сколько достойных людей собралось сегодня за нашим «круглым столом» на голубом экране!

Берегите навоз — наше национальное достояние!

Как только все люди погибнут в атомной войне, сразу воцарится вечный мир на этой земле.

Поэт с большой дороги.

Говорили ему:

— Не пей, братец Иванушка, козленочком станешь!

Не послушался Иванушка, много пил и стал козлом. Тут и сказке конец.

Двурукие двуногие с семью дырками... Кто это?

Как, наверно, приятно плавать на подводной лодке и не думать ни о чем!

Прокуратура, оправдательный приговор, убийство, суд, следствие... Найдите «взятку», вставьте ее в нужное место и расположите в правильном порядке эти слова.

Купили нашим уборщицам японский пылесос, а они по-прежнему все метут веником. И жалуются, что у них труд тяжелый.

— Но анализу мочи я совершенно нормальный человек.

— А теперь, господа, как правильно креститься, вам покажет наш бывший член Политбюро.

Каждый год продавцы лекарств устраивают нам эпидемию гриппа.

У нас из солонок соль не сыплется... А вы спрашиваете, почему у нас самолеты падают?..

Он, конечно, очень богатый человек. Но где его деньги, он не знает, откуда — не помнит, а сколько их у него — ему не говорят.

Застрял в лифте на час. И вышел на свободу другим человеком.

Если массажистка нравится больше, чем массаж, надо жениться на массажистке.

— Что такое «Пастораль»?

— Это когда зрители сладко спят и видят во сне то, что им показывают на сцене.

Стрелки на часах сцепились, вздрогнули и замерли. Так наступило безвременье.

Если бы у русских не было русского языка, они были бы татарами.

— Все видели картину Сурикова «Боярыня Морозова», и только я один знаю, что ее звали Феодосия Прокопьевна!

Лишь во время кораблекрушения матрос имеет шанс стать капитаном.

Пролетая над Гренландией, всмотрись в тень своего самолета — ты где-то там!

Принцип: «Не важно, что вы обо мне думаете, важно, что вы обо мне говорите».

Наши успехи в космосе не сравнимы с нашими успехами в беспределе.

Пришел на бровях». Где, в каком языке, у какого народа мира есть еще такое выражение?

— **Сенечка, тебе пять лет. А сколько будет два плюс три?**

— **Четыре.**

— **Это твой первый прокол, Сеня. А сколько два плюс шесть?**

— **Семь.**

— **Это твой второй прокол. А сколько три плюс четыре? Ну, Сеня, отвечай.**

— **Третий прокол.**

Раньше это было слово из трех букв на заборе, а теперь это «искусство граффити».

Довольно часто в денежных потоках льется кровь.

Меня не интересует бессмертие, поскольку я даже не знаю, что будет завтра.

Единственный выход из тупика — дорога назад.

Разъяренная амеба опаснее дрессированного тигра.

Новезло сильнейшим, а слабейших, как всегда, развезло.

Живем мы между прошлым и будущим, то есть в Средние века.

Миру требуются Сервантесы, а не Дон Кихоты.

Особенно неприятно, когда берущий в долг отдает концы.

Торячим бы утюгом по возвышенностям вашего лица!

Жить не страшно. Однако на ночь весь мир запирается.

Красные не краснеют.

— Уважаемые господа артисты! Даю третий звонок. Выйдите, пожалуйста, на сцену и поклянитесь, что никогда в жизни больше не будете играть в этой паршивой пьесе.

По дороге к Храму мы зашли в пивную.

В нашем городе нет проституток. Но все браки по расчету.

Надоел ваш юмор «ниже пояса». Уже хочется чего-то «выше колен».

Как сказал о себе честный пролетарский писатель Максим Горький: «Язык мой — враг мой. А если враг не сдается, его уничтожают».

Чем больше женщин, тем меньше изнасилований.

— **Вы**пиваю я с 7, с женщинами я с 11, в 14 лет сделался инвалидом 1-й группы и так до 70 прожил один хорошо и счастливо!

Сила компьютера — в сверхчеловечности. Слабость компьютера — в бесчеловечности.

Символ правдивости нашей рекламы — синяя кровь на прокладках.

Люди! Помните: только ваша полная безучастность к происходящему может сохранить мир во всем мире!

Нам есть чем гордиться: мы — сверхдержава среди стран третьего мира.

Если бы «Анну Каренину» написал не Толстой, а кто-то другой, это была бы «мыльная опера».

Ленин не похож на Сталина, но Сталин очень похож на Ленина.

Законченный идиот гораздо умнее бесконечного.

— **П**одумаешь, новость: «Газпром» купил газету!.. Да я каждый день газету покупаю...

— **П**очему Муму — собака, а не корова, — этого я никогда не понимал. И почему Герасим — немой, этого нам Тургенев тоже не объяснил.

Зачем асфальтировать дорогу в никуда?

В хоккей мы играем на льду, а в футбол — на болоте.

Роняя достоинство, поднимаешь свой рейтинг.

Нет более абсурдного объявления, чем «За вещи, сданные на хранение, администрация ответственности не несет».

Ас Воробьев налетал 48 часов с тяжелого похмелья и ни разу не катапультировался.

Расцветает Россия!.. В необитаемой деревне Дыркино поселились первые «новые русские».

К Воздушному Шарику привязали кирпич и сказали: «Лети!»

— А кому сейчас легко? — сказал Воздушный Шарик и полетел.

«Русский вход в воду» — разбегаюсь издалека, плюхаюсь пузом и плыву с оглядками сажонками. «Грузинский вход в воду» — кладу три голыша в плавки и долго стою в лучах солнца на берегу, демонстрируя свою мужскую силу. «Еврейский» — войдя по щиколотку, пробую воду сначала левой ногой, потом правой. Затем мочу подмышки, окунаю копчик и возвращаюсь на берег.

В мозгах женщины извилины извилистее.

Вопрос не в том, почему наши заводы не работают. Вопрос в том, почему наши заводы работают

— Здесь я хочу, чтобы вы у меня заплакали, — сказал опытный режиссер.

— А я думала, вы меня просто хотите, и не здесь... — ответила опытная актриса.

Что за бред — «группа крови»?! Разве кровь может собираться в группу?!

Вниманию покупателей! Наша доблестная армия продает противнику ракеты, зенитные установки, танки, пулеметы, самолеты, гранатометы, но Родину — никогда!

Как помыть голову, я знаю. А вот как помыть сердце?..

Нам говорят: «Добро должно быть с кулаками». Вот как раз это именно добро и следует подвергнуть раскулачиванию.

Дорогая музыкальная редакция! После вашего замечательного Праздника песни хочется удивиться.

— **А** ей: «Сходи за бутылкой, Валентина!» Она мне: «Сам сходи, Валентин!» Ну, я ее топором. Потом разделал на части. Сложил в кульки. Вынес на помойку. Но выпить уже расхотелось.

— **Трижды** пьяный падал я с нашего балкона — и ничего. А тут балкон упал на меня, на трезвого... Где справедливость? Почему такая маленькая пенсия за инвалидность?

Перестройка — это когда светофор горел красным, желтым и зеленым — одновременно.

С нами никто не хочет, потому что мы всех можем.

Песня остается с человеком, и он превращается в обезьяну.

Россия всегда в тупике на перепутье больших дорог.

Государство, у которого все подданные — подданные.

Мот, кто меняет свой имидж, боится быть самим собой.

Обрались две женщины. При ближайшем рассмотрении они оказались мухами.

— Сам-то я Овен, поэтому очень люблю баранину.

Почему-то верующих стало больше, а веры еще меньше.

— Ну, что такое «приливы», это как-то я еще могу объяснить, а вот почему «отливы», мне совершенно непонятно.

Войны цивилизации с культурой окончились полной победой бескультурия над цивилизацией.

Наблюдается большое стечение водки в наши желудки.

«Зри в корень». А как?.. Корень-то под землей!

Написал афоризм. И почувствовал, что испы-
сался.

Автомобиль не роскошь, а средство передви-
жения. К роскоши.

В залу вошел известный скульптор с камен-
ным лицом.

Нетерпимость — это когда тебе засовывают
иголку под ноготь. А терпимость — это когда ты
любишь того, кто засовывает.

Он ничего не делает. Но делает это гениально.

Вечно в нашем лесу проблема дров!

Россия прирастает Сибирью, а Китай в ней
уже живет.

Как совместить Народ-Богоносец и автомат
Калашникова?

Каждому безвременно требуются куранты.

— Здравствуйте, Лена! Теперь на вопрос «Чей?» я буду говорить: «Я — Ленин!»

Залез под юбку и увидел бездну.

В каждом сексе есть что-то от покорения космоса.

Почему «утечка мозгов»? Разве мозги — жидкость?

Придет время, и все тюрьмы станут музеями.

Деньги видели все, а бюджетные деньги не видит никто.

Побороть одиночество просто — купи себе котенка и выпей вместе с ним валерьянки.

Проигрывая все и вся, мы должны чаще говорить, что мы непобедимы.

Шахматы — действительно замечательная игра: старый, толстый и больной может выиграть у молодого, сильного и здорового.

После его речей хотелось промыть уши.

Нерестаньте стыдиться — и вы умрете от счастья!

— Леночка, я вас хочу!

— Я подумаю.

Нам бы только до утра продержаться, а там на новую дискотеку!

Родина в опасности, когда народ в госбезопасности.

Все идет по расписанию, но приходит с большим опозданием.

«**Н**ет таких крепостей, которые мы, большевики, не могли бы взять и отдать».

Исследования показали: сперма хорошего человека ничем не отличается от спермы плохого.

«**М**ы — мне, я — тебе» — это коррупция. «Ты — мне, я — никому» — это глава коррупции.

У нас даже в спальных районах демографическая катастрофа.

Война — это тот же ремонт, только гораздо более мирными средствами.

Меневая экономика как результат нашей солнечной политики.

Клонируем аплодисменты. Обращаться в Театр у Никитских ворот.

Каждый из нас — министр внутренних дел самого себя.

«Любви все возрасты покорны» — это да. А вот **«ее порывы благотворны»** — нет, нет и еще раз нет!

Не надо ничего педалировать. Вы — артист, а не велосипедист.

Но дороге в казино попрощайтесь с вашими деньгами. Скажите им что-нибудь хорошее. Ведь больше в жизни вы никогда их не увидите.

Среди прав человека есть право быть животным.

Дальше всего можно заехать на бронетранспортере.

Чтобы опознать ваш труп, нам необязательно иметь его голову.

Чтобы не было реформ, нужны революции.
А чтобы не было революций, нужны реформы.

У нас так: кто увеличит зарплату врачам, тот больной.

Глобалисты — это те, кто ходят в «Макдоналдс».
А антиглобалисты — это те, кто ходят в «Макдоналдс» и на демонстрации против глобалистов.

Режим от слова «режь».

«Ова олигарха у мусорного бака...» Продлите строчку и пришлите ее нам на конкурс окончаний.

В конце третьего тысячелетия прошу вспомнить, что я вас предупреждал.

Когда на визитке написано «Консультант», сразу понимаешь — проходимец.

Зоопарк — разновидность тюрьмы, где все узники имеют пожизненное заключение.

«Шамлет» в ТЮЗе все равно что аборт в 7-м классе.

Хорошо, когда трое бьют одного, но хорошо, когда один бьет троих.

Нечестный поступок. Пожарник Тютюкин поехал отдыхать по горячей путевке.

Лучшие женщины санатория любовались им, а он клал голыши в плавки.

В пустоте обнаружилась дырка.

Мой вам совет, молодой человек: рубите сук, на которых лежите!

Казалось бы, «голубь мира», а тоже накакал на асфальт.

Не случайно в слове «документы» слышатся «менты».

У каждого в бесконечности есть свой отрезок.

— Этот парень с прибабахом.

— А что это значит?

— Он всегда делает контрольный выстрел.

Дурному писателю требуются герои. Хорошему писателю достаточно его «я».

С женщиной всегда хорошо. Особенно молча.

Форма должна соответствовать содержанию. Сдавайте мочу на анализ только в прозрачных баночках.

Дефолт — это когда жена становится дешевле проститутки.

Проблема в том, что борьбу с опытными террористами должны вести более опытные.

— **Гражданка!** Заберите вашу сиську от моей щеки!

И на Олимпийских играх не надо «жухать»!

Хороший педагог делает из дурака умного. Блестящий педагог оставит дурака в дураках.

Давайте заменим слово «реформы» на «пертурбации», и реформы уже никогда не пойдут.

Убивали педика и сделали контрольный выстрел в задницу.

Идя на именины, вспомни имя того, к кому идешь.

В бактериологической войне победа будет за нами, бактериями!

Иные говорят: дайте мне весь мир — и я переверну точку опоры!

Видел на Брайтоне табличку: «Здесь говорят по-английски».

Новатор особо убедителен, когда говорит банальность.

Со временем самым посещаемым магазином становится аптека.

И на обломках самовластья напишут наши имена: «Циля», «Рувимчик», «Лева», «Додик» и другие...

Подмоченная репутация — первый шаг к купанию в Славе.

— **П**рошу вас, доктор, об одном: не морочьте мне голову моими болезнями!

После игры слонов с муравьями — муравьи: «Мы тоже грубо можем играть!»

Учение марксизма-терроризма.

Никогда не говори «никогда». Всегда говори «некогда».

Все люди на Земле умеют врать. Писатели-фантасты — исключение.

Когда защитник забивает гол, нападающим должно быть немного стыдно.

Чем больше богатых, тем меньше денег.

В концерте по заявкам он попросил выступить себя.

— Не бойтесь, девушка. В случае чего я вас защиту.

— Ой, пожалуйста, только не вы!

Примите уверения в нашей совершеннейшей ненависти.

— Как вы там работаете в этом аду?

— На полставки с грехом пополам.

Бритоголовые — это ладно. Узколобые...

Торжусь тем, что мое пальто обрызгал кортеж президента России.

«Все говорят: нет правды на земле!» — это плохо. Но как хорошо, что «нет ее и выше!».

Дорога к хаму.

В доме повешенного не говорят о веревке. А в доме задушенного не о чем говорить.

К его таланту, эх, еще бы и совесть!

Хорошо пожрать в годы застоя было протестом против советской действительности.

Несказанные слова лучше всего звучат в сурдопереводе.

«Добро пожаловать в ад!» — а все равно приятно.

Юбилей — это катастрофа с оттенком праздника.

В деревне — мысли о родине, в городе — о ценах на бензин.

В туалете филармонии объявление: «Не бросайте в унитаз посторонние предметы!»

Из всех наслаждений он выбирал одни удовольствия.

Театр нового типа. Кто придет, тот и играет.

Только любовь к себе не знает измен.

Яйца курицу не учат. Лайца курицу несут.

Фестиваль «Дружба народов» в трех отделениях. Первое отделение — отделение Украины, второе отделение — отделение Беларуси, и третье отделение — отделение стран Балтии. Солисты — лауреат премии Ленинского комсомола Башкортостана крымско-чеченский ансамбль «Песняры» из Сумгаита!

О спорте. Бег с барьерами — абсурд, просто бег — нонсенс, а прыжки — вообще глупость.

Рухнули устои, и у многих поехала крыша.

— **Как** вы относитесь к евреям?

— Я к ним отношусь.

Харя банкира не совпадала с дизайном его кабинета.

Больной актер — плохой актер. А больной режиссер — хуже больного актера.

Белые медведи считают бурых неграми.

Популярная инородная песня «Дебилушка».

Всего-то вчера — сегодня — завтра, а это и есть вечность.

Зал кашляет — сцене нездоровится.

Если снега нет, зачем мазать лыжи?

У каждого свой доктор. У кого-то доктор Геббельс, а у меня доктор Чехов.

Все, что ниже пояса, — это юмор, а все, что выше, — объект сатиры.

Местечковый Нью-Йорк — это столица американской Жмеринки.

— А знаете ли, Оленька, что вы у меня на прицеле?

— Ах, Андрюшенька, так будьте же снайпером. Выстрелите, наконец.

Мандельштам в Воронеже — как соловей в Антарктиде.

Постельный режим всем, лежащим в гробах.

Всякий Хлестаков имеет претензии к своему Гоголю.

Морозоустойчивый еврей на пляже — как холодец в сауне.

— 13 января, в ночь на Старый Новый год, я отодвину стакан водки до конца своей жизни.

— Папочка, пожалуйста, не умирай 13-го.

Мы знаем, чем кончилось для жирафа желание оттянуться.

То, что всего короче, оказывается больше всего остального.

«Прожиточный минимум» человека — сто лет.

Демократия всегда побеждает диктатуру.
Но — посмертно.

И в Японии есть евреи. При встрече они говорят: банзай-шалом! И отвечают: Шалом-банзай!

Взял рюмку за талию и полюбил на всю жизнь.

Цитаю: «Свой новый роман писатель Нгума Акита (Зимбабве) написал в джунглях в тюрьме на туалетной бумаге». Думаю: надо же, какие хорошие тюрьмы в джунглях Зимбабве!

У нас есть всё. Но не у всех.

Я посмотрел на нее и сразу услышал гудок:
«Занято!»

В городе Новый Иерусалим (Моск. обл.) все
стены — стены плача.

Эх! Прожил жизнь и не разорвал ни одного
лифчика!..

На кладбище все как один будем принимать
земляные ванны.

Не жди в метро ни заката, ни рассвета.

Пришла страшная бедность: у меня даже сай-
та своего нет.

Солнечный круг, небо вокруг — это не рису-
нок мальчишки, а картина загробной жизни.

Хромой танцует — значит, карнавал!

Кто тот отец, который дал своему ребенку
имя Ромуальд?!

В пустыне духа много воды.

— Сколько раз я тебе говорила, гаси свет в уборной, а ты что там делаешь?

— А я там читаю.

В тот момент, когда вы получите наши поздравления, не забудьте сделать нам ценный ответный подарок.

— Это не я вас ударил. Это ваша рожа удари-лась о мой кулак!

Никогда никому ничего не поздно. Однако лучше что-то сейчас, чем потом вчера.

Мамвамнетут. Тутвамнетам. И вамтутнето.

Увидев нищего в переходе, я вспомнил об «экономике переходного периода».

После косметического ремонта самое уродливое в городе здание рухнуло.

Комедия. Приказано смеяться.

Выпивая пол-литра в день, ты содействуешь расцвету нашего бюджета.

Не надо бить молотком по микробам!

Хочется сладкого, но чтоб без сахара.

Где та сволочь, которая поцеловала меня в лоб?

Бездарность особенно талантлива в искусстве.

— Эй, прапорщик, давай трахнем эту бабу!

— За что, товарищ лейтенант?!

В конном спорте главное — не соперничать с коровами.

Самое выгодное — воровать людей. Ведь они ничего не стоят.

Мы вступили в Совет Европы, и Европа стала советской.

Жизнь прожита не зря — меня упомянули в сноске.

Модные убогие гораздо хуже, чем убогие.

Только уяснив все причины и следствия, начинаешь ничего не понимать.

Не обращайтесь на меня внимания. Я муравей на вашем кладбище.

— Вы не могли бы у нас выступить?

— Мог бы.

— Тогда не надо.

Людоед встал на диету. Решил похудеть.

Есть упоение в бою. Но в тылу его еще больше.

— Смелее надо, смелее! Не надо трусить! Вы должны были сказать правду!

— А что именно я должен был сказать?

— Ну, это не телефонный разговор!

Бронежилет для безруких. Стопроцентная безопасность!

В этот замечательный день — день 8 Марта — мы, знатные алкоголики страны, от всей души приветствуем пьяную женщину за рулем!

Из 286 моих любовниц только одна стала моей женой!

Окажись я на Южном полюсе — и там открою Театр пингвинов.

В молодости мы реже кашляем, но чаще сплевываем.

Он хорошо пудрит мозги, не вскрывая черепную коробку.

Однажды в окне проходящего мимо поезда я увидел себя.

Кипяток — вода в истерике. Не стоит горячиться!

— Так и вижу свою тещу в смиренной рубашке.

— Для вас ничего святого! — сказали Христу, когда он воскрес.

На пляже моя жена мало чем отличается от других женщин.

Смертная казнь палача — лучший аргумент в пользу милосердия.

— Я часто проезжаю мимо вашего театра...

— Большое спасибо. Благодарю от всей души.

Петр Первый прорубил нам окно в Европу. Но это окно до сих пор не имеет подоконника.

Пришла весна, и мухи приободрились.

Он так добр, что стал опасен для общества.

«Тосподи!» — подумал я. И ко мне тотчас явился дьявол.

«Обнажение девичьего пупка». Государственная программа для пенсионеров.

У двух Циклопов дитя без глазу.

Немедленно отдайте деньги тем, кто нуждается в вашей нищете.

Возвышенно говорят опущенные.

— Он мне всю плешь проел.

— Значит, каннибал.

Время нашей молодости — ослепительные сумерки.

— Слушай, Вася, почему ты носишь такие длинные трусы?

— А мне короче нельзя!

Христос, конечно, не был антисемитом. Но почему так много антисемитов среди поклонников Христа?

Если поездом можно доехать быстрее, чем самолетом, летайте поездами!

— Что бы вы хотели нам пожелать в новом году?

— Идите к черту!

Наконец-то создано общество равных возможностей для бомжей и олигархов.

— У меня отбиты все почки! — сказала зеленущее, но очень болезненное дерево.

В табели о рангах я на почетном месте у параш.

Больше гуманизма в борьбе с тараканами!

— Не смотрите на меня так. По паспорту я гораздо моложе.

— Где же вы теперь, друзья-однополчане?

— Да в жопе мы, товарищ полковник!

Соленый поцелуй на память о разводе.

Почему-то печально, когда собаки улыбаются, а обезьяны смеются.

Если сможешь, запомни день своей смерти.

Комсомольская юность нашего капитализма.
Капитализм с комсомольским задором.

Да здравствует то, что заболело!

Граждане, успокойтесь!.. Наша мафия защищает вас от вашей милиции!

Родина-мать наплодила кучу выродков.

В Театре армии рядовые репетиции хотят быть генеральными.

Чем больше мы любим женщину, тем чаще она становится нашей женой.

Погода начала портиться, и самоубийцы стали радостно расставаться с последней надеждой.

Уехал на дачу. Ложных показаний.

Задача этой медицины: охватить эвтаназией 100% больных.

У нас все сидят... Даже в правительстве одни сидят у окна, другие — у министра юстиции.

Не участвуй в дурных делах, участвуй в добрых — вот и вся философия жизни!.. Но не все люди — философы.

Криминал везде. В таблице Менделеева найден уголовный элемент.

Много болтаем лишнего. Все о человеке да о человеке.

Давайте определим наши приоритеты: деньги или безденежье, жизнь или смерть. Наконец, женщины или мужчины.

Сидящие в ночном клубе завидовали спящим в своих постелях.

Кричи не кричи, а молчать придется.

В раннем детстве все истины были гипотезами.

Чем больше наши размеры, тем больше шансов оказаться «Титаником».

На конкурсе красоты победила лучшая оторва из оторв.

Почему-то на вопрос «Что делать?» никогда нет правильного ответа.

Скука невыносима, когда веселье в апогее.

Оглухшее от попсы, ослепшее от TV немое население.

37-й год... Советского дипломата в Китае отозвали и посадили на 10 лет за то, что он проехался на рикше.

Безногое солнце. А как передвигается!

Скоро все разбогатеют. Но некоторых осудят за превышение скорости.

— Бабушка, а мозги — это тоже мясо?

Воруют все. Сидят избранные.

Первая любовь, вторая, третья... Досчитал до ста и заснул.

Как сделать так, чтобы наши подводные лодки никогда не прикасались к воде?

— Извините, последний удар кнута — и все свободны!

Сколько б дитя ни тешилось, а папа с мамой все равно разведутся!

Сделайте доброе дело — отключите телевидение лет на 10!

Что за человек!.. От его лица пахнет грязными носками.

— **В**се, сука, просчитал... Взял у меня в долг и умер — только чтобы не отдавать.

Проявил мудрость: взял жену умнее себя.

Россия станет сверхдержавой, когда выиграет чемпионат мира по футболу.

Теперь так: не выложился в спектакле — вложись в его рекламу.

— **В**ы сегодня хорошо выглядите, Квазимодо!

Безобразно все, что безобразно.

Перевел баксы в доллары и заработал на этом уйму «зеленых».

У нашей молодежи все меньше шансов умереть в старости.

Забывшие молитву, придите хотя бы в планетарий.

Одних смоеет, других сдует. Третьего не дано.

Сидя на одном месте, мы зашли слишком далеко.

— Наши пути разошлись, — сказал Господь.

— Но мы продолжаем встречаться, — сказал дьявол.

Вроде бы человек со вкусом, но именно он порекомендовал Аполлону надеть плавки.

— Сначала «иди ко мне», потом «и чтоб никуда», а сейчас вообще дошел: пойдём, говорит, со мной в консерваторию!..

У Гитлера одна заслуга: он навеки сблизил евреев с цыганами.

Новая живопись. «Запорожцы» пишут матерное письмо германскому «Мерседесу».

Стать олигархом легко. Надо только вступить в клуб олигархов.

Обществу вечно требуется мальчик, который крикнет: «А король-то — голый!»

Никто не заметил, как в Зал приемов вошел таракан.

Если кирпич упал на голову директора кирпичного завода — это юмор. А если директор притом проворовался — это уже сатира.

Не кажется ли вам, что название денег «евро» придумали вместе сионисты и антисемиты?

Стройка коммунизма. Затем — перестройка. Затем — ломка. И то, что сейчас: сдача пустыни в аренду под офисы.

На третий день по приезде в Рио-де-Жанейро Остапу Бендеру захотелось в Васюки.

Выступаю в Колонном зале. С успехом. Смеются. А я делаю номер и вдруг думаю: «Здесь Сталин трупом лежал». Чуть не поперхнулся!

Свиньям надлежит хрюкать и не чирикать.

В общественном туалете на Пушкинской площади долгое время работала уборщицей бабка по имени Груня. Потом вдруг исчезла. Через пять лет случайно захожу в туалет в Сокольниках. Вижу Груню.

— Груня, родная, ты почему сюда перешла?

— Интриги, сынок, интриги!

«Американский образ жизни» России не опасен, поскольку у нас нет американцев, нет образа и нет жизни.

Но нашей статистике: десять из ста дают взятки, девяносто из ста их берут. А в жизни сто из ста дают и берут.

Сначала хамы выбирают хамов в Госдуму, а потом возникает законный вопрос: откуда у нас столько хамства?!

Лучшие доноры страны — полукровки.

Я знаю самую плохую черту евреев. Это черта оседлости.

Войдя в стадо обезьян, я еще два с половиной миллиона лет тайно чувствовал себя человеком.

— *Щ*ас ка-аа-ак дам вам репертуар на месяц!

«Круглый стол» о Станиславском. Без сверхзадачи, без сквозного действия и даже без Немировича-Данченко.

— *М*не хотелось бы прочесть вам свою пьесу вслух.

— Не стоит. То, что вы писать не умеете, я знаю.

Это кошки гадят, а собаки справляют свои естественные надобности.

Высшая форма садизма — благотворительность. Когда дают не тебе, а другому.

Вся труппа из заик. Но никто этого не замечает, потому что БАЛЕТ. Но когда начинают спотыкаться...

Новость нашей кулинарии: «котлета гарнирная».

Если всех людей пометить цифрами, я был бы 9000000968497416732864239147655536792458196537681999-й.

Чем больше живешь, тем меньше остается. Чем меньше остается, тем больше тратишь. Чем больше тратишь, тем лучше живешь.

Великие двуликие. Маркс-Энгельс... Ленин-Сталин... Карабас-Барабас...

Шел дождь, она забежала в библиотеку и была поражена... Что это за дом, в котором зачем-то собрано столько книг!

Раньше: «ближе к народу». Теперь: «подальше от бомжей».

Запомните: в нашей стране заработать деньги гораздо труднее, чем их получить.

В музыке этого композитора я люблю последнюю ноту.

Новая ракета класса «земля — воздух — земля пухом».

Многие бритоголовые носят нормальные прически.

Когда нет настоящих побед, мы ставим рекорды в Книге Гиннесса.

Результат ночной контртеррористической операции «Вихрь-террор» — четырнадцать трупов, девятнадцать раненых и один милиционер.

Вы — соль земли». А меня никто не посолил.

Настоящая демографическая катастрофа — это когда количество беременностей равно количеству аборт.

Проводили в последний путь. И все как один по очереди пошли тем же путем.

Объявление-воплъ: «Оркестру требуется дирижер без палочки».

Дашь негодяю в харю — тем самым сохранишь лицо.

Лучшее название для фантастического романа — «День без вранья».

Ногоньы смешны. Давайте наденем их на голое тело в бане!

— Я его как человека спросила: «Сколько времени», — а он мне сразу: «Нискоко. Раздевайся!»

Все наши всенародные праздники омыты кровью, и потому они такие радостные.

Жена потребовала от мужа инвестиций, а он — гарантий, что деньги инвестора никто не разворует.

Говорят: России нужен Пиночет. Так давайте объявим войну Чили и быстренько сдадимся.

Новости культуры. Пьяный в жопу артист Лыков, выйдя на сцену, хорошо сыграл Тень отца Гамлета в пьесе Чехова «Горе от ума».

Объявление в газете: «Храню наркотики. Боюсь, что поймают. Дима».

Некоторые известия просто хотят извести!

Проблема не в том, как поменять правительство. Проблема в том, как поменять народ.

Не стоит забывать, что перед оперой «Кармен» была новелла Мериме, у которого не было никакого музыкального слуха.

При дешевизне ценится дорогое. При дороговизне требуется дешевка.

Нрыгнул с балкона 9-го этажа. И дальше пошел. Потому что я муравей.

Все аморальное имеет большое воспитательное значение.

Не попавшие в список лауреатов заносятся в черный список номинантов.

Нельзя, чтобы тебя любили все подряд, без исключения. Это коллективное извращение.

Мы не против фашистов. Вернее, их уничтожения.

Попад в пробку, понимаешь всю суетность движения.

Господь видит всех, а к некоторым присматривается.

Представьте, даже в Испании есть люди, которые писают при купании в море.

В наше время главное видится боковым зрением.

— **Ну**, скажи, сынок, какая разница между зеброй и лошастью?

— Лошадь — это недокрашенная зебра, папа.

Очень хотелось придумать пародию на афоризм. Придумал: «Груши крепят, сливы слабят».

Потеря содержания есть главное содержание нашей нынешней жизни.

Нередко мудрость с придурью ценнее просто мудрости.

— **А** знаете ли вы, что у Прометея всю жизнь болела печень. Там просто нечего было выклевать!

Помни: умирая дома, а не в больнице, ты помогаешь нашему здравоохранению.

— **В**от Толстой... Открыл столовые для голодающих в Самарской губернии. Сделайте и вы что-то подобное.

— Нельзя. Засмеют.

Странно, но во время мордобоя ему набили исключительно задницу.

От всех нас родилось поколение свободных от всех нас людей.

— **Д**ыхни!

Он дыхнул. И тотчас город был сметен легкой волной перегара.

На телевизионную антенну села птичка. И сдохла.

Более всего нас теперь раздражает мальчик с книгой в руках.

Уволить всех к чертовой матери, чтобы получить новые рабочие места.

Время перестройки в г. Жданове (ныне Мариуполь). Меня спросили из зала:

— Как вы относитесь к названию нашего города?

Я ответил:

— Точно так же, как если бы город Лейпциг был переименован в город Геббельс.

Сначала в зале был шок, потом буря аплодисментов.

В живом эфире вопрос:

— Что вы думаете о книге Солженицына «200 лет вместе»?

— Я еще не читал эту книгу, — ответил я. — Но в названии автор-христианин мог бы прибавить один нолик.

Меня часто спрашивают:

— Почему бы тебе самому не сыграть роль Холстомера?

Я отвечаю:

— В таком случае это будет не Холстомер, а Холстомер!

Глубоко верующий народ. Только не в Христа, а в барабашку.

Империя — это коммунальная квартира с постоянным подселением, а потом — пожаром.

— Зачем получать образование, когда можно и так.

— Что?

— Сидеть в тюрьме.

Меценатом называется не тот, кто дает деньги, а тот, у кого ты их просишь, а он не дает.

Кто мне ответит за то, что у моих детей разные мамы?!

Прежде чем начать рассказывать анекдот, постарайся вспомнить его концовку.

Каждый день что-то новенькое. А по ночам — одно и то же, одно и то же...

Если у вас что-то украли, значит, у вас еще что-то есть.

«За все, что мы печатаем, редакция ответственности не несет».

Режиссеру хочется создать что-то эпохальное, а зрителю вечерок с девочкой провести.

В стаде не бывает стыдно. В стаде бывает стадно.

Каждый виновен, поэтому всех можно оправдать.

У кого много денег, тому все бесплатно.

Уймись. И ты спасешь этот мир.

Если бы Пушкин печатал на компьютере, у него не было бы долгов.

Иногда женщина в пальто нам интереснее, чем женщина в халатике.

Выглянуло солнышко, в горах запели птички, и на зеленую травку навстречу нам выбежал трехлетний мальчик по имени Иосиф Джугашвили...

Шальные деньги сбивают со счета.

— Сусанночка! Говорят, ты беременна? И у тебя будет тройня?

— И что?.. По количеству семечек любой арбуз беременнее меня!

Кому не слышны громы небесные, тот слушает «попсу».

Собрались трое нищих. Один говорит:

— Когда я был султаном Брунея...

Другой говорит:

— Врешь, никогда ты не был султаном Брунея.

А третий промолчал. Потому что он и был султан Брунея.

У обручального кольца нет начала, нет конца.

*Р*азрешено все, что не запрещено. Но при этом запрещено все, что разрешено.

У моего приятеля умерла мать. А он в тот же день пошел на футбол.

— Знаешь, — сказал он мне серьезно, — маму уже не вернуть, а «Спартак» сегодня очень нужна моя поддержка.

*Т*еоретически мы бессмертны. Жаль, практика — говно.

*Н*ашелся честный человек, который взял кнут и отхлестал главный в городе памятник.

*К*иллеры тоже создают недвижимость.

*П*равда непотребна, но только она и требуется.

В то время взрывы смеха рассматривались как террористические акты.

— Что самое смешное на свете? — спросили философа.

— Самое смешное на свете, — ответил философ, — это вид куда-то спешащего человека.

Хороший прикол. Для насекомых.

К чему революции?.. Лучше почешите им там, где у них чешется...

Ростом он был мал, лицом сер, умом слаб, а сексом могуч. Однако женщины его почему-то любили.

В Интернет не входят. В Интернете исчезают.

Засилие идиотов в нашей интеллектуальной элите.

Народ без интеллигенции — чернь. Но у этой черни есть своя интеллигенция.

Надпись в общественном туалете: «Мне повезло. Бачок работал. Сева». И число.

Разве можно не любить народ, который занят отгадыванием сканвордов и кроссвордов больше, чем вопросами бытия?

Это невоспитанность — резать медузу тупым ножом.

Террористы взорвали театр во время спектакля. Заголовок в газете гласил: «Хорошая мина при плохой игре».

Вокруг света на цыпочках.

Из показаний: «Во время удушения я думал, что выдавливаю из него раба».

А в быту боги такие же, как мы.

Приехали четверо на джипе. Уехали шестеро на «Скорой помощи». Что же там все-таки произошло?

Каждый чукча имеет право на любовь к винограду.

— **М**ужчина, если вы уже начали со мной это делать, то хотя бы сделайте это не так быстро!

Пожелаем нашему новому президенту хороших анекдотов о нем!

Задняя часть слона в художественном отношении интересна не меньше, чем передняя.

Мы все Паваротти, когда поем под душем.

Всем утонувшим присвоить почетное звание моряка.

У Наполеона оторвался хлястик. И в эту минуту он уже был не Наполеон.

У американцев просто: «Патриот тот, кто исправно платит налоги». У нас тот, кто говорит, что он патриот, а другие — не патриоты.

У России большое будущее, которое давным-давно наступило.

Функции громоотвода мы отдали молнии.

Мелодии в этой песне нет, а если из нее выкинуть слова, то получится ничего. То есть хорошая современная песня.

Ах, господа, к вам идет Армагеддон, а вы «Поле чудес» смотрите!

Старинному подсвечнику требуется молодая, неоплывшая свеча для совместного горения.

Наша с вами серость имеет тысячу оттенков.

При грехопадении сильно ударился об женский пол.

Только мы поверили в лучшее будущее, как погас свет и прорвались канализационные трубы.

Да не оскудеет рука дающего. По морде.

Свободы нет, равенство — глупость, а братство будет сразу после атомной войны.

— Зачем я столько выпил вчера?.. Ведь и сегодня нет ответа на этот вопрос...

Иду по улице: «Хот дог», «Хот дог», «Хот дог»... Как с цепи сорвались!

Наше общество есть общество с ограниченной ответственностью. То есть воруют все, но не всех сажают.

Климат Земли меняется в лучшую сторону. На этой стороне будем замерзать, а на той загорасть.

За завтраком думай об обеде, а там и до ужина недалеко.

— Девушка, потанцуем?

— А что вы еще можете?!

Остались рожки да ножки. А куда другие костяшки дели?!

— Пожалуйста, распишитесь в собственном бессилии.

И он поставил крестик.

Каждому нашему милиционеру требуется охрана.

Почему, если мы видим что-то хорошее, нам всегда хочется плакать?

Дайте каждому американский паспорт, и тогда можно отменить все наши паспорта.

— Поздно, доктор. Я уже умер.

Наш пляж работает до и после потопа.

В лощеном журнале блестящие опечатки.

Феминистки решили праздновать 8 Марта 23 февраля.

Без конституции жить можно. Но в Англии.

Движению казаков требуется режиссер оперетты.

На нашей живодерне, между прочим, все с высшим образованием!

С волчицами жить — по-волчьи выть.

Из чего состоит этот писатель-гуманист? В сущности, три составляющие: тщеславие, ненависть и бескорыстная любовь к деньгам.

На Всемирном конкурсе красоты первое место заняла баба в парандже.

Водку всю выпили, закуску не оставили... Спрашивается, зачем я тут на четвертой минуте банкета?

— Сначала врачи мне сказали: «рак». Потом: «рака нет»... Ну, что это за врачи, которые так обманывают?!

Все хотят развлечений. Поэтому давайте из удавки сделаем прыгалку!

Климат Земли меняется. Прошлой осенью мы страдали от заморозков. Сейчас — от отморозков.

Надо быть добрым. Надо быть честным...
А кому это надо?!

Эволюция: очень тупой, тупой, средний, умный, очень умный, интеллектуал, очень тупой интеллектуал...

Похороны «авторитета» вылились в грандиозный праздник единства «воров в законе» и правоохранительных органов. Обнимки, поцелуи, задушевные разговоры, тосты и в заключение — тьфу, тьфу, тьфу, не к столу сказано, — в заключение — вручение конвертов... от нашего стола вашему столу!

— **Н**ести свой крест?! Лучше я возьму носильщика!

Как хорошо, что Крылов умер от обжорства, а не от недоедания!

— **Я** люблю вас, Ольга!

— А я расцениваю ваши слова как сексуальное домогательство.

Лень-матушка. Я бы даже сказал, мать-героиня.

А давайте поедem за город в День города!

Слипшиеся страницы истории не читаются из-за тех, кто в эту историю влип.

Стоя на месте, мы еще и тормозим.

Новая трактовка: Джульетта обесчестила Ромео на балконе, после чего он совершил серию громких убийств. Затем она завлекла его на кладбище, где после долгих интриг хотела трахнуть его прямо на могиле. Из-за ее мнимого суицида он под колесами вступил в близость с ее мертвым телом, но не смог кончить, после чего покончил с собой, а заодно с Шекспиром.

Бог дал, бог взял... А кто ему это разрешил?

— Депрессия у меня, как у Мэрилин Монро, а вот все остальное у меня гораздо лучше. То есть я еще жива.

— Хорошо принимаю нокаут. Всегда встаю после счета «9».

Черта бедности — вот наш горизонт.

Тьму палкой не разгонишь. Но палкой можно нагнать тьму.

Что же все-таки происходит в холодных батареях нашего центрального отопления?!

— Что вы делаете?.. Прежде чем пропылесосить, надо же было все вычистить и подмести.

Терострат не зря поджигал храм Артемиды в Эфесе... Про него Гриша Горин пьесу написал!

Не надо наводить тень на плетень под названием «Кремлевская стена».

— Ой, девочки... Купила поясок, а он оказался мини-юбкой.

У нас вечность какая-то не такая, как у всех. У нас вечность — с перерывами.

В Афганистане ему оторвало голову, в Чечне — руки-ноги, а он все ходит и поет: «Комбат-батяня! Батяня-комбат!»

— Все мы хорошо знаем, что курить — вредно, а все равно пьем эту проклятую водку.

Мерпение и труд ВСЕХ перетрут.

— Мы подготовили подарки к вашему дню рождения. Но забыли их вчера в поезде.

У нас фашизм не пройдет. Фашизм у нас проедет на джипах.

— Мечтаю стать фотомodelью... Мама — «за». Папа — «за», классная руководительница — «за», но фигура не позволяет.

В Государственной думе кресла привинчены к полу. Это чтобы не ерзали.

— Если спички отсырели, значит, ты вчера ночью пьяный купался в ванной в брюках.

Цены растут, чтобы мы видели рост нашего благосостояния.

Настройтесь на худшее и будьте оптимистами!

Если «молния» не застегивается — к стыду. Если «молния» расстегивается — к писуару.

— Если шпалы ставить не поперек, а вдоль железной дороги, уверяю вас, эффект тоже будет потрясающий.

Уважаемые читатели нашей газеты! Ваши письма внимательно выбрасываются, редакция аккуратно не вступает в переписку. Рукописи не

читаются, не рецензируются и не возвращаются.
И вообще — пошли вы к черту! Надоели...

Ботвинник играл в шахматы, думая. Петросян — раздумывая. Таль — просто играл. А Фишер вообще не играл, а только выигрывал.

— Мы ни с кем не сводим счета. Мы сводим на нет.

— Дамочка, пожалуйста, сойдите с моей ноги... Вы уже третью остановку на ней едете!

Всякая стенограмма — лишь надводная часть айсберга.

— Я вас где-то видела.

— По телевизору.

— Чур! Чур! Чур!..

На Старом Арбате так весело, что сдохнуть хочется.

Губернатору Красножорского края требуется умный еврей при губернаторе.

Под надписью «Не подходи. Убьет!» другая надпись: «Подошел. Убило».

Все было бы в России хорошо, если бы нам удалось вовремя трудоустроить Обломова, арестовать киллера Раскольниково и продать «Вишневый сад» колхозу имени XX партсъезда.

Умирая с улыбкой, ты помогаешь работнику морга трудиться с хорошим настроением.

— Стою в воротах, дрожу и думаю: хоть бы мне пенальти назначили. Ведь за гол с пенальти никто не будет ругать.

Пощечина была такой звонкой, что из уха выскочила сера.

Пионерлагерь. Бак с водой. И железная кружка на цепи. Помните эту великую картинку социалистического реализма?..

«Все Рюриковичи на самом деле Рабиновичи». От одной этой мысли можно сделать обрезание.

Вот и еще один миг прошел... И эта баба с косой все ближе и ближе...

— Я уже согласилась позировать обнаженной на 8 разворотах журнала «Плейбой». Правда, мне этого пока никто не предлагал.

Зачем доказывать вину, когда можно взять и приговорить.

Взятки гладки. Это если по чиновникам проехаться катком.

Всемирно известный Театр кошек. Выступать надоело. Плачем. Лижем, воняем, не отзываемся. Но дело свое делаем, ибо — Артисты.

— **С**коро американцы покажут нам в кино этих динозавров.

— Зачем?.. Мало у нас своих ящеров?!

Раскрутить «звезду» можно, закрутить труднее.

— **З**ачем повышать зарплату, если она ниже прожиточного уровня?.. Будем думать...

При всем при том в самолете сейчас спокойнее, чем на Земле.

— **С**колько бы я еще сделал гениального, если бы меня и дальше запрещали!

— **Г**оспода актеры! Поклоны отменяются в связи с ужасом моей постановки.

После нашего наводнения приятно было слышать об их землетрясении.

Сегодня в «Списке Шиндлера» хочет оказаться весь Израиль.

Дайте каждому занять свою нишу. Чтобы легче было замуровать.

Противники нам мерещатся, а друзей мы нафантазировали.

Бессмертные не спрашивают: «Который час?» Им это по фигу.

Пьеса сверхкороткая. Закончилась до своего начала.

В искусственном мозгу недостаток серого вещества.

— **С** нами надо поостроже. Расстреливать нас надо, товарищи!

Нам не нужна управляемая демократия. Нам необходимо демократическое управление.

В будущем про нас скажут, что мы проклятое прошлое.

И по травке босиком...

Заключительная песенка без музыки

Отзовусь на имя Марик,
Хоть уже стал стариком.
Мне б в подарок синий шарик
И — по травке босиком!

Мне б от всех забиться в норку,
Слыть шутком и дураком,
Мне бы только хлеба корку
И — по травке босиком!

Не страшны нам волки серы,
Ни партком, ни репертком.
За премьерами премьеры,
И — по травке босиком!

На меня неотвратимо
Лезли беды косяком,
Мне бы только воздух Крыма
И — по травке босиком!

Буду тихий, буду кроткий,
Век смирением влеком.
Мне б с друзьями рюмку водки
И — по травке босиком!

Завещали мои предки:
Никогда не будь жуком.

Мне бы внуки, мне бы детки
И — по травке босиком!

В этой жизни, в этой баньке
Кровь бунтует кипятком.
Мне б любовь девчонки Таньки
И — по травке босиком!

Мне б Бен Ладена Усаму
Изловить и — в Белый дом.
Мне б живой увидеть маму.
И — по травке босиком!

Круглосуточно в работе,
Но мечта моя — тайком —
Спеть в дуэте с Паваротти!
И — по травке босиком!

Как себя проверить в деле?
На Бродвее был бы гром —
Я бы с Лайзою Миннелли...
И — по травке босиком!

Понимаю: беспардонно,
Но еще бы я вдвоем
Сделал что-нибудь с Мадонной.
И — по травке босиком!

С Гоголем пройтись бы Невским,
С Чеховым бы — за чайком,
Мне б с Толстым и Достоевским...
И — по травке босиком!

Люди! Строго между нами:
Не трясите кулаком.
Хорошо мне быть с друзьями
И — по траве босиком!

В одну точку методично
Бью я ржавым молотком,
Чтоб создать театр приличный
И — по травке босиком!

С книгой в лавке букиниста,
У камина с камельком
Мне б пожить еще лет триста.
И — по травке босиком!

Чтоб потом, что было силы,
С шумом, свистом, ветерком
Мне вскочить бы из могилы
И — по травке босиком!

Литературно-художественное издание

Марк Розовский

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том пятьдесят первый

Ответственный редактор *М. Яновская*

Художественный редактор *А. Мусин*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Т. Комарова*

Корректор *Л. Фильцер*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»**

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

**International Sales: For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru**

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении

обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо» E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 27.02.2007.

Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Букмэн».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 32,76 + вкл.

Тираж 3000 экз. Заказ 6445.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Шк. 1

" Образ Бабы-Яги - перед

Класс:

~~Первое Рисунок~~ I. Ветер. Улет

~~Второе Рисунок~~ II. За. таб.

представительницы
Черты

1. Попомни.

а) сила, мощь,

б) ~~еще раз~~ еще

в) ~~еще и еще~~

и 2.) вера в

2. Отрицая.

а) грусть

б) ~~еще раз~~ грусть

в) эгоизм - несправ.

и 2) несправ. 2) К

~~Третье Рисунок~~ III. Закл. Бабы.

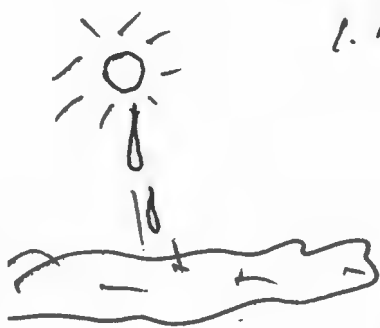
Шк. 10

"Образ Бабы-Яги - перевод"

План:

~~Первое Рисунок~~ I. Вступ. Встр.

~~Второе Рисунок~~ II. Заг. таб.
представительности
Черты

1. Попомис.

- а) сила, мощь,
- б) ~~еще раз сила~~
- в) ~~еще и еще ра~~

и 2.) вера в

2. Отрицая.

- а) трусость
- б) ~~еще раз трусость~~
- в) эгоизм - эсхизм
- и д) ~~эсхизм~~ 2) К

~~Третье Рисунок~~ III. Закл. Бабызм

22.

бабы крошечного
нашего времени

xxx

бабы в ТЕ ЕЩЕ раз.

Показ ~~того, что~~, бабы-Ям-яркой
Тайных сил.

бабы-Ям:

~~бабы~~ ~~просто~~ мудрости,
эти связь с народом
~~и~~ будущее.

тупость

^{3м}остаяная нога!

и-Ямизм в НАШИ дни. ~~и~~

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Марк Розовский

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ISBN 978-5-699-19240-3

9 785699 192403 >

Антология Сатиры и Юмора России XX века